КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

ЦЕНТРАРХИВ
1928

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЕРВЫЙ (ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ)

1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГИЗа
Москва, Пятницкая, 71.
Главлит № А-9548. П. 12.
Гиз 25881. Зак. 472. Тир. 1750.

Ставка и министерство иностранных дел.

Письма Кудашева к Сазонову, — отчасти и служащие их продолжением письма Базили к Нератову — являются одним из ценнейших источников для дипломатической истории войны 1914—1917 гг. Эта история военной дипломатии до сих пор опубликована, документально, в гораздо менее полном виде, чем история дипломатии предвоенной. Для последней дело идет в настоящее время о систематизации уже опубликованного материала да о выяснении деталей, важных, главным образом, с полемической точки зрения, поскольку давняя привычка искажать факты в этой области заставляет с величайшей тщательностью проверять каждую мелочь. Но существенно нового для выяснения картины происхождения войны от новых публикаций ожидать нельзя. Всякий непредубежденный и осведомленный в уже изданном материале человек вполне ясно себе представляет, кто, когда и на кого напал, по каким мотивам и как готовил нападение. Но немедленно после «роковой недели» 24—31 июля 1914 года над событиями опускается плотный занавес, приоткрываемый лишь частично публикациями, выходящими в СССР. Бывшие участники войны предпочитают об этом периоде молчать или делиться своей осведомленностью в никого не обязывающей форме личных воспоминаний. Все официальное до сего дня тщательно прячется — и в обнаружении спрятанного пионером опять быть приходится нам. В письмах представителей царского министерства иностранных дел при ставке верховного главнокомандующего мы имеем один из интереснейших результатов произведенных нами до сих пор раскопок.

Правда, собственно о военных делах письма не дают и не претендуют дать много, «здесь так все скрывают и так секретничают, что толком ничего не разузнаешь», читаем мы в одном из первых же писем Кудашева от 3 октября ст. ст. 1914 года. И эта жалоба на неосведомленность ставки (!) повторяется как припев в целом ряде следующих писем. В ставку, читаем мы в другом письме, «отдельные эпизодические факты попадают редко и всегда обтянутые вуалью секрета». «К этим сведениям следовало бы прибавить некоторые обобщения о нашем положении. Такие обобщения делать нетрудно, но надо принимать во внимание, что они делаются не военным и на основании, быть может, очень недостаточных данных. В самом деле, делятся известиями и впечатлениями здесь не очень охотно, и многое приходится дополнять догадками».

Кое-что, однакоже, нельзя было не рассмотреть даже и сквозь «вуаль». Под пером царского дипломата, пишущего полуинтимное письмо своему начальнику, особенно

ценно одно признание: «Война ведется таким жестоким образом, что не знаешь даже, что возможно и чего дозволять не имеет смысла». Война «за свободу и цивилизацию» возмущала своим варварством, как видим, отнюдь не одних «пораженцев» или хотя бы «интернационалистов», а и царских чиновников, когда они позволяли себе роскошь быть откровенными. Далее, нельзя было не разглядеть, даже и сквозь «вуаль», неимоверного хвастовства российских генералов. Уже, опять-таки, в одном из первых писем мы читаем по поводу октябрьских боев под Варшавой и Ивангородом: «Как и при прежних наших успехах, при первом известии о них, значение их преувеличивалось: генерал Данилов потребовал немедленного оповещения о них наших представителей во Франции и Англии. Между тем, теперь обнаруживается, что разгрома немцев не было. Они просто спешно стали отступать, как только заметили, что перед ними превосходные силы». Как бывало во все времена и во всех странах, хвастливости точно соответствовала величайшая бездарность.

Сначала окруженный «специалистами» дипломат в ставке чувствовал себя робко и нерешительно, и почтительно выслушивал «авторитетные» рассуждения собеседников в «беспросветных» золотых погонах. Но постепенно он становится «дерзновенным». После ноябрьских боев Кудашев пишет уже Сазонову: «В общем, надо сказать, что если нам и удастся вывернуться из настоящего положения, то только благодаря численности и стойкости наших войск, а не мудрости нашей стратегии». В декабре он смелеет окончательно. «Дело обстоит неважно. А причиною тому, — насколько мне дано судить, — отсутствие у нас военных талантов. Я убежден в том, что наши генералы — прекрасные знатоки дела, прекрасные, умные, добросовестные люди, но творческой искры у них нет. Они годятся в члены «гофкригсрата», осмеянного Суворовым, но не в Суворовы, а с таким противником, как немцы, только Суворов может победить...» «По моему смелому, но искреннему убеждению, нам бы следовало переменить высших начальников, у которых нервы измочалились от слишком упорной и продолжительной работы». Это писалось еще в то время, когда сомневаться «в победном конце» могли только самые злостные пораженцы. Несколько месяцев спустя, после Галицийского разгрома, после потери Варшавы, Бреста, Ковно, Гродно и т. д., оставалось только хладнокровно резюмировать: «Война за целый год не выдвинула ни одного Суворова. А так как большинство генералов берется из офицеров генерального штаба, то приходится вывести заключение, что академия, их порождающая, не на высоте своего призвания. Этот вывод подтверждается наблюдением над некоторыми офицерами генерального штаба, у которых преувеличенное самомнение и ничем не оправдываемая самоуверенность прикрывают редкое умственное убожество и полную безличность». (Письмо Кудашева от 3 августа 1915 г.).

Но главный интерес писем Кудашева, конечно, не в его военных впечатлениях: это — только любопытные маленькие иллюстрации к тому, как расценивалась война и ее руководители в кругу деловой публики, когда она оставалась одна и беседовала вдали от нескромных глаз одурачиваемой толпы. Главный интерес писем, повторяю, в тех ярких лучах, которые бросают эти письма на некоторые темные углы «военной дипломатии». В пред-истории русско-англо-французского соглашения о Константинополе и проливах, в марте 1915 года, немаловажную роль сыграл, как знают интересовавшиеся этим вопросом, слух об австро-сербском мире, — который, естественно, вел за

собою и сепаратный мир Австрии с Россией. Из переписки Кудашева с Сазоновым мы узнаем, что источником этого слуха было вполне реальное стремление Сербии выйти из войны в ноябре — декабре 1914 г. Из письма Кудашева от 30 октября ст. ст. видно, что русские военные круги в первую минуту были очень смущены этим известием и готовились пустить в ход все пружины, чтобы это злокозненное намерение тех, из-за кого, формально, лилась вся кровь, остановить. Что министерство иностранных дел может потом извлечь из этого обстоятельства для себя немаловажную прибыль, об этом военные не догадывались. Но эта дальнейшая стадия вопроса об австро-сербском мире в письмах уже не выступает, — и «новый факт», который прибавляет переписка Кудашева, заключается в том, что «австро-сербский мир», при помощи которого, между прочим, был выжат из Великобритании мартовский меморандум, не был просто уткой, как можно было подумать на основании до сих пор известных документов, а был вполне реальной вещью, в возникновении которой русское министерство иностранных дел было совершенно неповинно: оно только ловко воспользовалось чужим изобретением, когда это последнее попало в его руки.

Но далеко интереснее этого мелкого эпизода подкладка самой истории «борьбы за проливы», как она развертывается в издаваемых теперь письмах. Мы помним, что для наивной русской публики,— а к «наивным» принадлежал и будущий министр иностранных дел Февральского правительства, Милюков, — завладение Дарданеллами было вещью, само собой разумеющеюся в случае «победного конца». Чрезвычайно характерно, что в осведомленных военных кругах с захватом Россией Константинополя и проливов как с реальной вещью не считались с самого начала. В самом деле, операция высадки на берегах Босфора и боя с турецкой армией в совершенно непривычных, никогда не слыханных для армии царских времен условиях — с морем в тылу, опираясь исключительно на подвижную морскую базу, — эта операция требовала колоссального напряжения всех стратегических способностей весьма недюжинного военного руководства. Куда уж тут было мечтать об операциях такого масштаба, когда даже из нашего разгрома в Галиции российские стратеги извлекали то утешение, что теперь «стратегия может быть совсем упразднена, так как мы ничего предпринимать не можем» (слова генерал-квартирмейстера Данилова в письме Кудашева от 31 мая ст. ст. 1915 года). Совершенно естественно, что как только «проливная операция» вырисовалась перед царскими генералами в качестве реально надвигающегося на них стратегического факта, генералы запротестовали, и еще в январе 1915 года, за два месяца до конвенции, тот же самый Данилов в разговоре с Кудашевым «самым внушительным образом пояснил: завоевание Босфора потребует отдельной войны, а будет ли Россия способна вести эту отдельную войну и захочет ли — в этом он глубоко сомневается».

В феврале для Кудашева уже было совершенно ясно (за месяц до заключения конвенции было ясно!), что захват англичанами Дарданелл пройдет без всякого участия русских военных сил, морских и сухопутных. И что этот захват поведет вовсе не к передаче Царьграда в русские руки, а просто к тому, что Турция положит оружие перед союзниками, к их величайшему удовольствию, причем «какими бы жертвами для Турции этот мир ни был обусловлен, совершенно ясно, что пожертвовать своею столицею, содержащей многочисленные мусульманские святыни, турки под одним давлением флота ни-

когда не захотят и не смогут. Таким образом разрешения вопроса о проливах «в согласии с нашими интересами», как понимаем это разрешение все мы, дорожащие историческими заветами нашей родины, не последует. С этим неумолимым фактом надо не только считаться, но, по моему глубокому убеждению, надо с ним примириться, подготовляя к нему постепенно и наше общественное мнение».

Через несколько дней настроение ген. Данилова несколько изменилось, всего вероятнее, под влиянием давления сверху: Николай был не менее упрямым «дарданелльцем», нежели Милюков. К величайшему удивлению Кудашева, Данилов соглашался отправить один корпус в Босфор — что было с военной точки зрения явной бессмыслицей, ибо с одним корпусом взять турецкую столицу, перед которой осеклась в 1913 году двухсоттысячная болгарская армия, было очевидно невозможно. Таковы были настроения еще в феврале, задолго до галицийских боев. После разгрома в Галиции Кудашев писал: «При таком положении вещей на главном театре военных действий даже странно говорить о Константинополе, десанте и т. д.». С лета 1915 года убеждение, что в течение этой войны разрешить проблему Константинополя и проливов не удастся, становится в высших военных кругах догматом, этот догмат переходит по наследству от одного штабного поколения к другому. Ни Янушкевича, ни Данилова давно не было в ставке,— неофициальное самодержавие Николая Николаевича сменилось почти официальным самодержавием Распутина, а в сентябре 1915 года Кудашев писал Сазонову: «По поводу тяжелого, — чтобы не сказать безвыходного — положения англичан в Дарданеллах я спросил ген. Алексеева, что бы наиболее соответствовало нашим военным интересам: чтобы англичане ослабили французский фронт и высадили еще войска в проливах или же поддержали французов для активных действий на западном фронте? Генерал на это ответил приблизительно так: для нас ликвидация дарданелльской операции, конечно, самая важная задача, ибо разрешись она, можно будет заключить сепаратный мир с Турцией и перебросить кавказскую армию против Германии, а это может решить участь войны в нашу пользу, так как и немцы устали, и появление свежих сил может сразу все изменить». «Я выше подчеркнул несколько слов из сказанных мне ген. Алексеевым, так как они меня наводят на мысль о скептицизме его относительно возможности завладения Константинополем», продолжает Кудашев. «Я впрочем не предложил ему прямо этого вопроса, но думаю, что едва ли можно представить себе сепаратный мир с турками, по которому последние согласились бы уступить свою столицу кому бы то ни было».

Новое главнокомандование в этом вопросе, таким образом, ничем не отличалось от старого, кроме разве того, что Алексеев, державший себя и внешним образом по отношению к Николаю более самостоятельно, чем прежние начальники штаба, высказывал свои мысли более прямо и откровенно и не обнаруживал тех колебаний, какие замечались у ген. Данилова. В октябре, в связи с вступлением в войну, на стороне германского блока, Болгарии, Кудашев писал: «Положение, созданное решением Болгарии присоединиться к нашим врагам, считается ген. Алексеевым настолько серьезным, что он мне категорически заявил, что мы из него не выйдем, если не заключим мира с Турцией. На мое замечание, что такой мир, даже если бы его удалось заключить (к чему имеются почти непреодолимые технические трудности), обозначал бы крушение всех на-

ших надежд на разрешение больного константинопольского вопроса, ген. Алексеев ответил: «Что же делать? С необходимым приходится мириться!» Кудашев подчеркивает, что инициатива разговора на тему мира с Турцией принадлежала Алексееву, а не самому Кудашеву, — и что свои убеждения Алексеев высказывал «с большим жаром».

А 5 февраля следующего, 1916, года Кудашев, по прямому поручению Алексеева, пишет своему начальнику письмо, которое можно назвать лебединой песнью первого, по очереди, представителя Сазонова при ставке, так как довольно скоро после этого Кудашева сменяет в ставке Базили. Из этой лебединой песни стоит привести несколько цитат; тем более, что, Кудашев это постоянно подчеркивает, им высказываются мысли общие для него и для фактического главнокомандующего русскими армиями — ибо этим фактическим главнокомандующим, разумеется, был не Николай, а его начальник штаба. Вот что думали по константинопольскому вопросу Алексеев и прикомандированные к нему дипломаты. «Каковы бы ни были наши надежды и расчеты на использование вмешательства в войну Турции, чтобы вознаградить себя за ее счет при заключении мира, мы должны признать, что эти расчеты не оправдались, и едва ли могут оправдаться в течение этой войны. Чем дольше длится она, тем труднее для нас какие-либо новые, особые предприятия после ее окончания». Для человека, мало-мальски рассуждающего, и притом не профессора, как Милюков, а человека делового, в феврале 1916 года было более чем очевидно, что люди не думают о захвате чужих земель, когда «собственных» восемнадцать губерний заняты неприятелем. «Для нас несравненно важнее вернуть, например, Курляндию, нежели приобрести проливы», продолжает излагать Алексеева Кудашев. А так как освободить «свои», российские губернии, не дав хорошей сдачи немцам, было столь же очевидно невозможным, «то первым и главным делом должно быть сокрушение Германии. Задача эта настолько трудная, что для ее выполнения требуются все усилия и все жертвы. Одною из таких жертв должен быть отказ от некоторых наших надежд». В начале войны, мы знаем теперь из опубликованных документов (см. «Константинополь и проливы», «Царская Россия в мировой войне» и т. д.), не было ничего более досадного и неприятного для российского министерства иностранных дел, чем мир с Турцией, запиравший дорогу к вожделенным проливам: теперь через полтора года войны для русского военного начальства не было ничего более вожделенного, чем именно мир с Турцией, — то, что само давалось в руки в августе 1914 года. «Выход Турции из числа наших врагов перевернет все на Балканах в нашу сторону, даст нам соприкосновение с нашими союзниками, откроет нам южный путь в Европу. Словом, благоприятные последствия мира с Турцией неисчислимы. В конечном же итоге явится сокрушение силы Германии, т.-е. достижение единственного общего для всех союзников реального объекта войны. Конечно, и им и нам придется пожертвовать некоторыми прекрасными мечтами. Продолжая войну с Турцией, мы выгадываем только то, что обманываем себя надеждой на осуществление в близком будущем чарующей нас иллюзии. Прекращая же войну с Турцией, мы осуществление наших иллюзий откладываем на новый срок, зато достигаем победы над Германией, т.-е. того, к чему стремимся и мы и все наши союзники».

Для начальника Кудашева эти слова должны были звучать похоронным звоном: вся карьера Сазонова строилась на Константинополе, — снятие с очереди этой задачи

автоматически вело за собой его отставку. А так как, мы знаем это из других источников, против продолжения войны был и фактический самодержец этого момента, Распутин, то, косвенно, письма Кудашева сильно подкрепляют мысль о подготовке царским правительством уже с лета 1916 года сепаратного мира, не с одной Турцией, разумеется. Наступление ген. Брусилова на несколько месяцев поддержало военную надежду, сыграв ту же, примерно, роль, какую сыграло в 1855 году взятие Карса, тоже оттянувшее Парижский мир на несколько месяцев. Но эффект этого наступления быстро испарился, летом 1916 года Сазонов пал, и подготовка сепаратного мира пошла, по всей вероятности, ускоренным темпом. Вполне возможно, что дальнейшие раскопки в отложениях «военной дипломатии» дадут нам новый материал и по этому вопросу.

М. Покровский.

В основу настоящей публикации положены коллекции писем, получавшихся в мин. иностр. дел в течение всего периода империалистической войны 1914—1917 гг. из дипломатической канцелярии при верх. главнокомандующем и откладывавшихся в порядке их получения особыми группами в папках министра ин. дел, носивших заголовки «Très secret et personnel». Опубликованию подверглись письма, заключенные в указанные папки и хранящиеся в них в особых обложках со следующими заголовками: 1) Инв. № 223. «Письма из ставки», 1914 г., на 59 л.л. 2) Инв. № 228-а. «Письма из ставки», 1915 г., на 168 л.л. 3) Инв. № 248. «Письма из ставки», 1916 г., на 46 л.л. 4) Инв. № 249. «Письма из ставки», 1916 г., на 24 л.л. 5) Инв. № 250. «14 писем Базили, взятых из канцелярии», 1916 г. на 33 л. л. 6) Инв. № 251. «Письма из диплом. канцелярии при ставке», 1916 г. на 62 л.л. 7) Инв. № 255. «Ставка», 1917 г. на 56 л.л.

Отложившиеся в министерстве коллекции указанных писем отнюдь не могут быть признаны полными. Об этом можно судить уже потому, что некоторые из получавшихся писем в коллекцию не вошли, будучи приобщены к тем или иным тематическим папкам.

В настоящей публикации министерскую коллекцию удалось пополнить теми письмами, которые были обнаружены в результате дополнительно произведенного обследования ряда других папок. Из числа последних отметим следующие: 1) Инв. № 471. «Проект Босфорской экспедиции», 1917 г. 2) Инв. № 450. «Проливы», т. I (А), 1915 г. 3) Инв. № 504. «Выступление Румынии», 1916 г. 4) Инв. № 530. «Особое дело. Румыния. Передача железных дорог в наше ведение», 1917 г. 5) «Varia» азиатского департамента (II полит. отдела министерства).

Необходимо, впрочем, оговориться, что в настоящем ее виде публикуемая переписка заключает в себе хронологические пробелы, которые, надо надеяться, удастся заполнить по мере дальнейшего приведения в известность материалов б. мин. ин. дел.

Как правило, письма из ставки писались директором или вице-директором диплом. канцелярии на имя министра или тов. министра ин. дел. Большинство писем Кудашева написаны от руки; исключение составляют те немногие, которым автор хотел придать более официальный характер; последние начинаются обычно со слов «милостивый государь» и написаны на пишущей машинке. Письма Базили представлены преимущественно в машинописном виде, но снабжены его собственноручной подписью.

Кроме Кудашева и Базили, в числе авторов писем встречаются также имена Муравьева, Бэра, Кутепова, в различное время исполнявших обязанности вице-директоров дипканцелярии.

Случаи повторных публикаций, а также переводы иностранных текстов, сделанные в Архиве Внешней Политики, оговорены в подстрочных примечаниях.

Материалы подготовил к печати и снабдил примечаниями А. Л. Попов.

Редакция.

Письмо Базили [1]) 9 сентября (27 августа) 1914 г.

Ставка. 27 августа 1914 г.

Лично.

Глубокоуважаемый

Сергей Дмитриевич.

Все доходящие сюда сведения сходятся к признанию замечательной лойяльности нашего польского населения, идущей значительно дальше того, на что можно было в лучшем случае надеяться. Зарубежное польское население также относится вполне сочувственно к нашим войскам. Единственным исключением в этом отношении являются появившиеся было в числе австрийских войск польские сокольские отряды. Под влиянием ли отрицательного к ним отношения польского общества или вследствие объявления о непризнании нашими войсками за ними характера комбатантов сокольские отряды скоро исчезли.

Неудивительно поэтому, что, при таком настроении в польских кругах, некоторые влиятельные представители их довели до сведения начальника штаба верховного главнокомандующего, что, возлагая ныне все надежды свои на Россию и успех ее оружия, поляки желали бы принять участие в борьбе и откликнуться на призыв, заключающийся, по их представлению, в словах воззвания верховного главнокомандующего: Россия «верит, что не заржавел меч, разивший врага при Гринвальде». Поляки, рассчитывая на помощь своих соплеменников в Америке, готовы выставить, будто бы, до 500 000 человек и взяли бы на себя расходы по снабжению польских войск всем необходимым боевым и иным материалом.

Не располагая офицерским составом, они просили бы лишь назначить таковой и не имели бы возражений к тому, чтобы он был чисто русским. Единственно, чем они очень бы дорожили, было бы разрешение ввести в обмундирование польских отрядов какой-либо внешний признак их национальности.

Отдавая вполне должное лойяльным чувствам, проявляемым ныне польским обществом, верховный главнокомандующий и начальник его штаба не могут не отнестись к этому предложению с некоторым опасением. Более чем вероятно, что если теперь создана будет польская армия, то при определении нового устройства Польши тем самым будет предрешен вопрос о предоставлении ей права содержать независимую армию. Эта цель, повидимому, и входит в расчет инициаторов этого предложения.

Наконец, неизвестно еще, как повернутся события впоследствии, и, быть может, польские военные организации могут оказаться со временем даже вредными для нас.

Исходя из этих соображений, великий князь поручил генералу Янушкевичу [2]) ответить на вышеуказанные предложения в том смысле,

[1]) Базили состоял в должности старшего секретаря и помощника начальника 1-го полит. отдела и канцелярии м-ра ин. д. и исполняющего обязанности вице-директора дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем.

[2]) Начальник штаба верховного главнокомандующего.

что всякая помощь в борьбе, оказанная нам поляками, будет с благодарностью нами принята, но что образование отдельных польских отрядов после того, как мы отказались признать за австрийскими сокольскими организациями характер комбатантов, представляется неудобным и, несомненно, имело бы последствием непризнание за ними того же характера со стороны австрийских и германских войск. Если, поэтому, поляки желают принять участие в вооруженной борьбе, им предлагается вступить в качестве добровольцев в ряды наших войск, и при этом им будут оказаны все возможные облегчения. Они могут также принести нам пользу и иным способом, а именно, действуя за свой риск в тылу неприятеля, разрушая его сообщения и пр.

По получаемым здесь сведениям, поляки с большим нетерпением ждут более подробного разъяснения намерений правительства по отношению к их вожделениям. Они думали, что дальнейшие указания по этому вопросу даны будут во время недавнего пребывания государя императора в Москве. Надеясь получить новые заверения, группа польских деятелей просила о приеме у великого князя. Его императорское высочество отклонил это представление, ссылаясь на то, что возбуждаемые ими вопросы выходят за пределы его компетенции. Ныне эти представители польского общества намерены ходатайствовать о высочайшем приеме...

Обо всех вышеизложенных вопросах великий князь, в виду их общегосударственного значения, приказал мне довести до вашего сведения.

Он вместе с тем поручил мне доставить вам прилагаемую при сем обойму, содержащую пять разрывных пуль.

Такими пулями в широких размерах пользуются австрийские войска. Уже по внешнему виду этих пуль можно заключить, что они фабричного производства, а не самодельной работы, и что они свидетельствуют не об единичном случае пользования австрийцами разрывными снарядами, а о более общем явлении. Форма обоймы специального австрийского типа указывает на происхождение пуль.

Быть может возможно будет фотографию с этой обоймы с пулями использовать для воздействия на общественное мнение.

И. Базили.

Письмо Кудашева [1]) 14 (1) сентября 1914 г.

Ставка. 1 сентября 1914 г.

Многоуважаемый и дорогой барон.

Сегодня великий князь меня призвал и попросил проредактировать для него телеграмму на имя ген. Жоффра [2]) в смысле им тут же

[1]) Кудашев состоял в должности исполняющего обязанности директора дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем. Письмо адресовано на имя директора канцелярии министра ин. дел бар. Шиллинга.

[2]) Главнокомандующий союзными армиями на западном фронте.

изложенных указаний. Вместе с тем он выразил желание, чтобы сообщение его французскому главнокомандующему было передано через посредство нашего посольства в Париже, так как при этом и посол будет иметь случай высказать свои догадки и соображения по возбужденному вопросу первостепенной важности с военной точки зрения. Я исполнил эту работу, и она была одобрена начальником штаба великого князя. Сперва предполагалось отправить обе телеграммы отсюда, но потом ген. Янушкевич решил, что лучше их отправить из Петербурга от имени С. Д. Сазонова.

Вследствие этого прилагаю при сем оба выработанных мною, по соглашению с ген. Янушкевичем, текста и очень прошу вас доложить их Сергею Дмитриевичу, прося его разрешения отправить их за его подписью. Текст «сообщения» не подлежит стилистическим изменениям, так как он является результатом тщательной совместной нашей работы. Что касается текста второй (обращенной к А. П. Извольскому) телеграммы, то, очевидно, я не смею навязывать его, но полагаю, что он довольно ясно освещает «сообщение». Эту телеграмму, во всяком случае, как мне кажется, надо набрать самым секретным шифром.

Я был бы вам очень признателен, если бы вы мне протелеграфировали, что просьба великого князя исполнена.

Здесь живется недурно. Чувствую себя молодым юнкером, отбывающим военную повинность. Дела не так уж много, но интересное, а отношения с офицерами прекрасные.

Крепко жму вашу руку. Поклон милому Трубецкому.

Искренно ваш *Н. Кудашев* [1]).

Приложение «а» к письму Кудашева от 14 (1) сентября 1914 г.

П р о е к т т е к с т а т е л е г р а м м ы н а и м я р о с с и й с к о г о п о с л а в П а р и ж е [2]).

Верховный главнокомандующий просит, чтобы запрос его к генералу Жоффру, сообщаемый телеграммою №..., был передан по назначению через ваше посредство. Конфиденциально: запрос этот вызван опасением, как бы Франция, утомленная войной, не нашла больше в себе решимости продолжать наступление в то время, когда она будет иметь в руках достаточные гарантии возвращения ей утраченных ею в 1871 г. земель. Настоящая дипломатическая обстановка, конечно, в принципе исключает возможность принятия Франциею такого поло-

---

[1]) В конце письма приписка, сделанная рукой Базили: «Сердечный привет. Уезжаю завтра и к Иванову и в Галицию, а также на передовые позиции. Твой *Базили*».

[2]) Текст телеграммы, писанный рукою Кудашева, был послан в министерство иностранных дел в качестве проекта при письме от 14 (1) сентября; текст телеграммы, за исключением последней фразы, был оставлен в министерстве иностранных дел без изменений; из министерства телеграмма была отправлена 18 (4) сентября 1914 г. за № 2715.

жения; но она может быть к нему вынуждена состоянием своей армии к моменту, предусматриваемому великим князем, а также общественным мнением. Великий князь, придавая своему сообщению генералу Жоффру исключительно характер разговора между обоими главнокомандующими, т.-е. строго военный, просит вас, с своей стороны, в пределах возможного, выяснить положение, которое может принять Франция в предусматриваемом его высочеством случае. Priére adresser réponse Grand Quartier Général [1]).

Приложение «б» к письму Кудашева от 14 (1) сентября 1914 г.

Сообщение верховного главнокомандующего главнокомандующему французскими армиями генералу Жоффру [2]).

Последние события на обоих европейских [3]) театрах военных действий в связи с сведениями, получаемыми со всех сторон о пересылке германских войск с запада на восток, дают основание с достаточной степенью вероятности предположить нижеследующий стратегический план Германии: оттянуть свои армии до линии ее укреплений на Рейне, оставить в этих грозных [4]) укреплениях лишь необходимые войска для пассивного сопротивления дальнейшему напору англо-французов, все же силы перебросить на русскую границу, дабы совместно с австрийцами нанести решительный удар России. Верховному главнокомандующему, в видах заблаговременной выработки соответствующего стратегического плана, весьма важно ныне же осведомиться о взглядах французского главнокомандующего на возможность и вероятие подобного образа дел и на те стратегические задачи французской армии, которые в таком случае предусматриваются французским генеральным штабом для соответственного согласования с ними наших операций [5]).

---

[1]) «Просьба адресовать ответ в ставку верховного главнокомандующего». Последние слова в тексте зачеркнуты карандашом. Под текстом карандашом же приписано: «*Сазонов*».

[2]) Ответ генерала Жоффра был передан министерству иностранных дел телеграммою Извольского из Бордо от 8/IX 1914 г. за № 420. В своем ответе Жоффр сообщал, что, по его мнению, после 25 августа германцами были переброшены с западного фронта на восточный лишь незначительные силы и что германское командование не имеет намерений и лишено возможности производить дальнейшую их переброску. В заключение Жоффр указывал на то, что лучшим средством добиться решительных успехов на восточном фронте явились бы операции русских войск на левом берегу Вислы.

[3]) Слово: «европейских» вставлено карандашом.

[4]) Слово: «грозных» зачеркнуто карандашом.

[5]) В конце вместо слов: «согласования с ними наших операций» первоначально было: «согласования с нашими операциями». На полях документа имеется карандашная помета: «Изменения карандашом сделаны ген. Янушкевичем».

Письмо Кудашева 18 (5) сентября 1914 г.

Ставка. 5 сентября 1914 г.

Совершенно личное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Настроение здесь за последнее время, по моим наблюдениям, не очень повышенное. Блестящая победа наша на фронте Томашев — Люблин, как кажется, не была достаточно использована. По чьей вине и в чем именно была ошибка, я не знаю, и мне неловко слишком расспрашивать. Но я слышал, что сам ген. Иванов остался разочарованным последствием победы, которая, если бы ее искусно использовали, должна была привести к полному уничтожению или сдаче австрийской армии. Последняя, правда, разбита и, как уверяют, окончательно утратила свою наступательную способность, но все же существует, старается сконцентрироваться, опираясь пока на крепость Перемышль—Ярослав, а затем может опираться на дефиле Карпатов, сосредоточивая свои силы и собирая новые за линиею этих гор.

Тем не менее можно сказать, что на южном фронте мы, бесспорно, — победители, но победители, которым приходится добивать врага и еще долго его добивать. По этим причинам, увы, уже несправедлива фраза моей телеграммы, что отныне мы можем дать нашим армиям новые задачи (эта фраза, как я вам писал раньше, была продиктована мне самим ген. Даниловым!) [1]). Другими словами, мы едва ли еще имеем возможность использовать наши южные армии против германцев на нашем северном фронте. А там дела — неважны, а были одно время прямо-таки в критическом положении. Насколько я понимаю дело по отрывочным фразам и разговорам, со всею армиею Ренненкампфа чуть было не случилось то, что случилось с двумя корпусами (из 5) Самсонова [2]): Ренненкампф считал свой левый фланг защищенным остатками Самсоновской армии и другою армиею и действовал сообразно с этим. На самом деле эти 2 армии были настолько отдалены, что германцы начали обход Ренненкампфа беспрепятственно. Ренненкампф оказался на высоте положения и во-время и весьма искусно совершил операцию отступления, очистил Пруссию и теперь, кажется,

---

[1]) Телеграмма Кудашева от 30/VIII 1914 г. № 55 гласила: «По всему австрийскому фронту победа. Северная австрийская армия, подкрепленная германцами, отброшена на Сан. С 26 по 28 августа взято 94 орудия, 200 офицеров, 30 000 пленных, много пулеметов и материальной части; преследование продолжается. Таким образом галицийская битва, длившаяся 17 дней, в коей участвовало 2 миллиона, заканчивается полною победою нашего оружия. Мы имеем возможность ныне дать нашим армиям новые задачи. *Кудашев*».

[2]) Разгром II армии, находившейся под командованием ген. Самсонова, явившийся в результате завязавшихся 16/VIII под Сольдау боев, предшествовал ударам, нанесенным немцами армии Ренненкампфа. См. Палеолог «Царская Россия во время мировой войны, стр. 116—123 и сборник «Кто должник», стр. 218—220.

в Ковно. Германцы за ним полезли до Сувалок, но оттуда повернули на Августово. За все ошибки винят Жилинского [1]), который уже замещен, как вы, наверное, это знаете, ген. Рузским [2]). Таким образом на прусском фронте мы только-только избегли катастрофы, а все успехи Ренненкампфа, Губминнен [3]) и пр. — пошли на смарку!..

Под впечатлением всего этого и предвидя возможность даже наступления германцев на наши сообщения с Петроградом, ген. Янушкевич вчера мне конфиденциально сообщил о разговоре, который он имел с некиим Матушинским, мелким польским помещиком, прибывшим сюда третьего дня с рекомендациею от жандармского генерала кн. Микеладзе [4]). Этот Матушинский явился от имени группы поляков трех империй: России, Австрии и Германии. Предложение его заключалось в предоставлении им (т.-е. польскому населению без различия подданства) [права] выставить свое войско для борьбы с немцами. Он при этом просил лишь, чтобы даны были русские генералы и офицеры для командования этим войском, а также такое оружие, которого у них, поляков, нет (т.-е. пушки); он заявил, что такого войска он может легко набрать до 500 000 человек, имеющих будто бы все прочее необходимое, т.-е. одежду, ружья, патроны и т. д., и, — а это главное, — сгорающих от желания бить немцев. Матушинский заявил, что, взамен такой услуги, поляки не требуют ничего особенного (ни собственной армии в будущем, ни знамен и т. п.), а только обещания воссоединения всех трех частей Польши, дабы австрийские и прусские поляки пользовались тем же режимом, что и русские их соплеменники; особого своего войска в будущем они не будут требовать; просят, однако, чтобы собранные теперь войска были употребляемы исключительно на территории бывшего Царства Польского.

Ген. Янушкевич не пожелал связать себя никакими формальными обещаниями и предоставил себе дать знать г-ну Матушинскому по телеграфу, желает ли он продолжать этот разговор. Такую телеграмму он, действительно, послал перед самым моим приходом, — как я думаю, под впечатлением тревожных известий из армии Ренненкампфа, которая тогда еще не освободилась от охватывавших ее пруссаков. До сих пор переговоры генерала с Матушинским не возобновлялись, но вот каковы решения, принятые великим князем и его начальником штаба: как бы велико ни было желание у них не прибегать к польской помощи и все военные задачи выполнить самостоятельно, — они сознают, что это теперь не так легко, а кроме того, что — использование поляков

[1]) Ген. Жилинский — главнокомандующий сев.-зап. фронтом, смещенный после неудач в Восточной Пруссии.

[2]) Ген. Рузский—командующий III армией, сменил Жилинского на должности главнокомандующего сев.-зап. фронтом.

[3]) Местность, где происходили первоначально успешные бои, которые вела I армия под командованием ген. Ренненкампфа.

[4]) О том же см. в показаниях ген. Янушкевича «Русско-польские отношения в период мировой войны». Центрархив, 1926 г., стр. 137—141. Кн. Микеладзе состоял начальником Ивангородского жандармского управления.

может быть весьма большою подмогою для армии, даже если предположить, что наберется гораздо меньше, чем 500 000 человек. Поэтому решено принять предложение, но под условием, что формированию этой польской армии будет придан характер о п о л ч е н и я.

Таким образом, если из дальнейших разговоров ген. Янушкевича с Матушинским выяснится, что предложение поляков исходит из серьезного источника и представляет реальные гарантии военной помощи, то будет высочайшим манифестом объявлено ополчение губерний, входящих в состав Привислинского края. В ополчение поступит все мужское население (согласно, конечно, правилам), если же в состав его попадут поляки родом из Кракова или Познани, то на это наше начальство будет смотреть сквозь пальцы... Ополчению будут приданы русские генералы и офицеры, пушки. Остальное оружие (винтовки, шашки, револьверы) уже, оказывается, имеется, чуть ли не было заготовлено для борьбы с нами...

Я не возражал на все то, что мне говорил ген. Янушкевич, ограничившись замечанием, что важно убедиться в авторитетности Матушинского, в степени д е й с т в и т е л ь н о й помощи, которую можно ожидать от такого войска ополченцев, и что надо, чтобы, во всяком случае, войско было вполне легальным; генерал вполне со мною согласился и обещал держать меня в курсе дальнейших его совещаний с поляками.

Все вышеизложенное было мне передано самым конфиденциальным образом, а потому я был бы вам крайне признателен, если бы вы были так добры считать это, как материал, сообщенный для личного вашего сведения.

Этот разговор о польском предложении (каковое, быть может, и не призвано когда-либо осуществиться) свидетельствует о редкой впечатлительности наших высших военных властей.

Тревожное положение последних дней сказалось также в их заботах об отношении к нам Румынии [1]), в обращении к генералу Жоффру с просьбою выяснения положения Франции на случай отхода германских войск до Рейна, в вопросе о положении Турции [2]). Но пока по всем этим действительно важнейшим вопросам я мог высказывать здесь только самые осторожные суждения.

Телеграмма ваша о командировке кого-нибудь в Черновцы пришла слишком поздно, чтобы я мог предложить Базили эту командировку, так как он уже успел уехать на автомобиле в Галицию. Хотя неисклю-

---

[1]) В телегр. от 3/IX 1914 г. Кудашев сообщал об отношении главнокомандующего к русскому проекту о занятии румынскими войсками части Буковины — это допускалось лишь при условии широкой огласки того, что ввод румынских войск последовал по приглашению России: «это затруднит всегда возможный в будущем поворот Румынии на сторону Австрии».

[2]) См. телегр. Базили от 27/VIII 1914 г. об опасениях, существующих в ставке, по поводу возможных провокационных действий со стороны служащих в турецком флоте германских офицеров.

чалась возможность послать ему в догонку телеграмму с предложением отправиться в Черновцы, я воздержался от этого. Во-первых, потому, что думаю, что Базили привезет из Галиции очень интересные и полезные сведения, во-вторых, потому, что Муравьеву [1]) страстно хотелось ехать в Черновцы и что я считаю его вполне способным исполнить возложенную на него миссию.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 26 (13) сентября 1914 г.

Ставка. 13 сентября 1914 г.

Совершенно личное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Сегодня великий князь со штабом уехал в Холм, так что я только завтра буду иметь возможность исполнить ваше предписание о более своевременном извещении вас о крупных военных событиях. По поводу совпадения неудачи нашей в Восточной Пруссии и выступления Поклевского [2]) я думал, что здесь виновата отчасти несчастная случайность. С ген. Янушкевичем я о предполагавшемся шаге нашем говорил 2 сентября, он только что вернулся из Варшавы и говорил мне, что дела наши плохи, но что положение еще не вполне выяснено. Только 4-го (уже после нашего выступления в Бухаресте) он мне признался, что положение нашей I армии было критическое и что ей только-только удалось выбраться из Пруссии. Об этом я вам докладывал в письме, в котором я передавал о предположении генерала воспользоваться предложениями поляков под видом ополчения. Я склонен думать, что, когда по приказанию великого князя ген. Янушкевич мне высказал согласие на выступление в Бухаресте, он сам еще не знал точно размера нашего поражения. Я отлично понимаю, как такое совпадение неприятно, так как оно могло дать повод румынам думать, что мы ищем их помощи, и мне очень досадно, что я не был достаточно осведомлен о положении военных дел. Здесь не всегда легко быть в курсе этих дел, но я воспользуюсь вашею последнею телеграммою, чтобы настаивать на будущее время на своевременном осведомлении вас по возможности чрез мое посредство.

По приблизительному подсчету, Ренненкампф потерял 135 000 человек из общего числа 210 000. Потеряно также громадное количество припасов. Хорошо еще, что сама армия осталась. Дух ее — непоколебим, несмотря на поражение и потери! Только-что вернулся оттуда священник Шавельский [3]), который говорит, что некоторое утомление заметно у офицеров, а что солдаты вполне оправились и бодры! Во

---

[1]) Исполняющий обязанности старшего секретаря дипломатической канцелярии при ставке.

[2]) Русский посланник в Румынии.

[3]) Протопресвитер военного и морского духовенства.

всяком случае, потери армии Ренненкампфа быстро пополняются, и через 10 дней уже возможны активные действия ее.

Я очень рад, что удалось пристроить Washburn'a[1]) к корреспондентам, допущенным к объезду театра военных действий, — спасибо за это лично великому князю. Относительно Коротнева не было сделано затруднений, и он может ехать во Львов представителем Петроградского Агентства, когда желает.

Очень досадно, что дело с журналистами идет так туго: мы, чиновники, их заменять не можем, а, особенно, отсюда, из ставки верховного главнокомандующего, куда отдельные эпизодические факты попадают редко и всегда обтянуты вуалью секрета. Муравьев попытался однажды послать более цветистую телеграмму Агентству, — но это стоило массы труда (по добыванию материала) и, конечно, часто повторяться не может. Что касается принципиального запрета великого князя допускать корреспондентов в штабы в качестве постоянных гостей, то это распоряжение, по моему, очень мудрое: тут так впечатлительны и так мало скрывают свои чувства (хотя соблюдают большую осторожность о фактах), что корреспонденты могли бы выводить часто нежелательные заключения из своих наблюдений.

О поляках и их предложениях устроить ополчения за последнее время не слышно. Поступило еще одно такое же предложение от мало известного лица, но было признано неприемлемым, так как в письме этого лица говорилось об организации чисто польского войска, с знаменами и пр. Что же касается польского вопроса в более широком смысле, то о нем даже и не заговаривают: слишком уж он далек и слишком еще много трудных чисто военных задач нас отделяет от того времени, когда он подлежать будет разрешению.

Японские предложения [2]), как вы могли убедиться из моих телеграмм, принимаются с благодарностью. Относительно их добровольческого отряда ответ составлен осторожно: воспользоваться их услугами признано желательным, но не желают пропустить сперва все русские войска, а затем впустить японский отряд, а потому и запрошено количество добровольцев и прочие о них сведения, дабы заранее сорганизовать их проезд вперемежку с нашими.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 28 (15) сентября 1914 г.

Личное. *Ставка. 15 сентября 1914 г.*

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Я показал вчера вашу телеграмму генералу Янушкевичу, и результатом нашего разговора были мои конфиденциальные телеграммы

---

[1]) Американский корреспондент Вошберн (Уэшберн) был допущен на театр военных действий в качестве представителя английской печати.

[2]) В телегр. от 9/IX 1914 г. за № 2820 Сазонов сообщал о предложении гр. Окумы организовать для участия в военных действиях на зап. фронте вспомогатель-

от сегодняшнего числа касательно предстоящих военных операций. Начальник штаба сам проредактировал телеграмму № 2 [1]). Она могла бы быть составлена несколько точнее, определеннее, но генерал не пожелал входить в слишком большие подробности, без которых смысл мне казался затуманенным. Главное значение этих телеграмм то, чтобы вы были предупреждены о происходящих или предстоящих передвижениях части войск генерала Иванова («отступательного» характера), впечатление от которых на публику необходимо иметь в виду. Вместе с тем ген. Янушкевич желал, чтобы вы знали, что эти передвижения вполне планомерны и отнюдь не обозначают д е й с т в и т е л ь н о г о отступления. В виду того, что они тем не менее могут дать за границею повод подумать о каком-то неуспехе или, по меньшей мере, неурядице, я думаю, что был прав, посоветовав генералу не давать хода следующему его предложению: известить румын, что наши войска уже вступили на венгерскую почву (ген. Павлов перешел вчера через перевал Ужик, на Карпатах, и двигается по дороге на Унгваар), и снова пригласить их (румын) вступить в Трансильванию. Я очень надеюсь, что известие о походе Павлова дойдет до Румынии и произведет там эффект, но мне кажется, что, в виду ее первого отказа и независимо даже от возможного неблагоприятного впечатления, которое на румын произведут операции Иванова, не было бы тактично так скоро к ним опять обращаться с новым предложением. К тому же мне неизвестно, насколько силен отряд Павлова и удастся ли ему добраться до Трансильвании... Но штаб очень озабочен нейтралитетом Румынии и страстно желает втянуть ее в войну, и Янушкевич, после того как согласился со мною о бесполезности нового выступления, перед моим уходом сказал: «А вы все-таки попросите Сергея Дмитриевича подумать об этом и использовать поход ген. Павлова для того, чтобы воздействовать в желаемом нами смысле в Бухаресте». Просьбу эту я, конечно, передаю на ваше благоусмотрение.

Газеты приносят известия о большой деятельности, проявленной нашим духовенством в Галиции, обращение униатов, ожидаемый туда приезд Антония (бывшего Волынского) и т. д. Великий князь, повидимому, отдает себе отчет в опасности неосторожного обращения с униатами и вчера по телеграфу высказался решительно против вся-

---

ный японский добровольческий корпус. В телегр. от 9/IX 1914 г. № 2822 Сазонов сообщал о предложении японского военного министерства уступить России некоторое количество орудий и снарядов.

[1]) В коллекции исходящих телеграмм архива ставки верх. главноком. имеется отпуск телеграммы не датированной за № 2. В ней сообщается:

«В виду опасности обхода немцами нашего правого фланга, в случае дальнейшего быстрого наступления на Краков, решено это движение видоизменить. Сохраняя твердо за собою обладание Ярославом, Львовом и обезвредив значение Перемышля и ближайших горных проходов в Карпатах, часть армии ген. Иванова произведет маневр для исполнения обещанной генералу Жоффру перемены фронта. По окончании же ближайшей задачи, поставленной генералу Рузскому, будет предпринято наступление в обещанном нами направлении»...

ких насилий на религиозной почве. Надо надеяться, что его отношение к этому вопросу не изменится, но, кажется, в синоде уже разрабатываются всякие проекты к воссоединению в ускоренном темпе, что может вызвать неисчислимо вредные для нашего господства в Галиции последствия.

С только что прибывшим фельдъегерем пришло письмо Шиллинга с копиею вашего представления в Совет Министров. При первом же свидании с ген. Янушкевичем или великим князем я постараюсь позондировать их взгляды на вопрос о создании должности начальника гражданского управления. Здесь решающее значение будет иметь мнение начальника штаба, а оно, насколько я могу судить об его взглядах, не будет сочувственно вашему предположению. Он мне не раз говорил о необходимости сохранения полной централизации власти в одном лице и, конечно, будет косо смотреть на всякого сановника, приставленного к великому князю и не подчиненного ему.

Если возможно было бы найти человека со всеми качествами и административным опытом, требуемыми предполагаемою вами должностью, и готового, хотя бы формально, считать себя подчиненным молодому генерал-лейтенанту, то дело еще могло бы сделаться. Во всяком случае я все сделаю, чтобы точно выяснить взгляды на этот вопрос великого князя и его начальника штаба и чтобы мог доложить вам о том способе, каким возможно осуществление целей, преследуемых проектом вашим. А пока сюда прибыл молодой человек, князь Оболенский, служащий в государственной канцелярии. Он, именно, прислан сюда в качестве советника по вопросам гражданского управления. Я с ним не имел еще дела, виделся лишь за обедом и у генерала Янушкевича. Не могу сказать, чтобы он производил впечатление человека покроя князя Черкасского или Киселева, но таких, кажется, у нас совсем больше нет. Но, конечно, у него нет и не может быть необходимого административного опыта и служебного положения, чтобы импонировать двум генерал-губернаторам, а тем более верховному военному начальству.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 30 (17) сентября 1914 г.

Ставка. 17 сентября 1914 г.

Л и ч н о е.

Глубокоуважаемый

Сергей Дмитриевич.

Пользуюсь отъездом Базили, чтобы дополнить мое письмо от 15-го, которым я, между прочим, высказывал свои предположения относительно вероятного отношения ген. Янушкевича к вопросу об учреждении должности начальника гражданского управления. Вчера я навел с ним разговор на эту тему и убедился в том, что мои предположения оправдываются: генерал к вашему проекту относится несочувственно, но не столько по существу вопроса, сколько одной его стороны.

Если будущий начальник гражданского управления будет фактически находиться в самой Галиции или близ нее, то начальник штаба ничего не будет иметь против создания такой должности, даже с самыми широкими полномочиями. Но допустить его на ставку с правом непосредственного доклада он ни за что не согласится. Как он мне объяснил при первом нашем свидании, он считает, что, так как великий князь по самому своему положению — лицо неответственное, то при нем должно быть таковое лицо, и только одно лицо, с исключительным правом доклада великому князю и соответствующею должностью. Он согласен был бы, как он мне сказал, чтобы положение начальника гражданского управления было приравнено [к] положению генералов Иванова и Рузского, имеющих полномочия несравненно более широкие, нежели он сам, но сношения которых с верховным главнокомандующим проходят только через него, ген. Янушкевича. Все сказанное им, конечно, носит характер предварительных разговоров, но я не сомневаюсь в том, что ген. Янушкевич настоит на недопущении на ставку будущего начальника гражданского управления, подобно тому, как он добился удаления отсюда князя Васильчикова, пользовавшегося личною своею дружбою к великому князю, чтобы стараться путем непосредственных с ним сношений действовать, если и не наперекор, то помимо начальника штаба (по Красному Кресту).

Все это побуждает меня подробно доложить вам о своих отношениях к генералу Янушкевичу, дабы вы могли, если бы вы не одобрили их, поступить со мною соответственно.

Взгляд ген. Янушкевича на единство доклада и единичной ответственности ближайшего помощника вел. князя я считаю безусловно правильным, а потому, нисколько того не подчеркивая, я все же стал к нему в отношения подчиненного к начальнику, причем эти отношения носят характер большой простоты и откровенности со взаимным строгим соблюдением форм. По моему, так оно и должно быть и продолжаться. Стараться пробраться к вел. князю помимо начальника штаба я считаю недостойным и, в конце концов, бесполезным, так как великий князь безусловно доверяет Янушкевичу. Только сохраняя установившиеся отношения к последнему, я могу надеяться получить какое-нибудь влияние на ход того или другого дела. Если современем я стану ближе к великому князю, то тем лучше, но гоняться за этим я не буду. Вел. князь иногда заходит к ген. Янушкевичу, когда я у него сижу, и это дает случай общему обмену мыслей (при такой обстановке случилось разрешение вопроса о Washburn'е, против которого так определенно высказывался раньше ген. Янушкевич). Пришлось мне быть и призываемым вел. князем для обсуждения и дачи оценки полученной телеграммы, был случай, когда вел. князь меня вызвал на объяснение в присутствии начальника штаба. По собственной же инициативе я еще не искал случая что-либо докладывать вел. князю непосредственно, хотя не исключаю возможности прямого обращения к нему в крайнем случае.

19 сентября.

Базили пришлось отложить свой отъезд до сегодняшнего вечера. Из его устного доклада вы увидите, что здесь вопрос о верховном гражданском управлении получил новый оборот, впрочем, не противоречащий высказанным выше взглядам начальника штаба.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 6 октября (23 сентября) 1914 г.

Ставка. 23 сентября 1914 г.

Личное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Государь император прибыл в ставку верховного главнокомандующего в воскресенье, 21 сентября, к 5 часам вечера и в тот же вечер присутствовал в здешней военной церкви на молебствии. В церкви собрались все военные и гражданские чины штаба, выстроенные в два ряда. Государь обошел нас, но представлений, конечно, не было.

Вчера, 22-го, старшие чины штаба были приглашены в царский поезд, — некоторые к завтраку, другие к обеду. Я оказался в числе приглашенных к завтраку, на котором присутствовал и генерал Рузский, прибывший сюда для доклада его величеству. Генерал, повидимому, очень понравился государю, который поздравил его генерал-адъютантом, и за столом, через стол, много с ним разговаривал.

О дальнейших намерениях и планах государя здесь, по обычаю ставки, хранят глубокое молчание, так что я не могу вам ничего достоверного сказать по этому поводу. Из разговора с гр. Фредериксом я узнал следующее. Предполагалось, что государь либо сам посетит, либо к себе выпишет, по очереди, генералов Рузского и Иванова, после чего вернется в Петроград. Но оказывается, что верховный главнокомандующий удерживает государя здесь. Граф Фредерикс относится отрицательно к продолжительному пребыванию е. в. здесь, и, я думаю, он совершенно прав, так как, несмотря на Августовскую победу [1]), положение на театре военных действий еще далеко нельзя назвать окончательно благополучным, в случае же неудачи государю придется либо отступать вместе со штабом, либо вернуться в Петроград при условиях, могущих быть злонамеренно истолкованными как «покидание армии в тяжелое для нее время».

Я вполне присоединяюсь к надежде, откровенно выраженной министром двора, что возвращение государя в столицу состоится до выяснения результата готовящегося (если уже не начатого) генерального сражения между Кельцами и Вислою.

Приезд на ставку государя совпал с получением известия об Августовской победе. Эту победу, как мне кажется, несколько преуве-

---

[1]) Августовская победа явилась результатом боев, длившихся от 12 по 20 сентября в районе Сопоцкина, Друскеник и Осовца.

личили, чтобы сделать удовольствие его величеству. В самом деле, у нас было ровно вдвое больше войск, нежели у немцев, и можно было рассчитывать, что нам удастся также уничтожить те 3—4 корпуса, которые доходили до Немана у Друскеник, как немцы уничтожили большинство войск генералов Самсонова и Ренненкампфа. На самом же деле немцев только отбили, но не обезвредили, и сегодня уже имеются сведения, что бои на границе Сувалкской губернии и Германии возобновились и что в них принимает участие Кенигсбергский гарнизон, пришедший на выручку своим... Я только надеюсь, что умеренность нашего успеха под Августовым объясняется тем, что, по выяснении его, тотчас же началась перевозка войск, сражавшихся в Сувалках, на Варшаву для участия в несравненно более важном сражении, которое готовится на западном берегу Вислы, между Варшавою, Ивангородом и Сандомиром.

Военные дела вытесняют в настоящее время все прочие, и я с трудом мог за эти два дня исполнить некоторые приказания по текущим делам, полученные из министерства.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 16 (3) октября 1914 г.

Ставка. 3 октября 1914 г.

Личное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

После того, как первоначальное впечатление от запроса лорда Китченера [1]) стало сглаживаться, великий князь пришел к мысли о посылке как Китченеру, так и Жоффру, за подписью генерала Янушкевича, телеграммы, в которой в самых общих, хотя пространных, выражениях он изложил наше военное положение и предстоящие планы. Телеграмму эту зашифровали здесь в дипломатической канцелярии, и она отправлена прямо в Бордо и Лондон нашим послам, с просьбой передать их по назначению по возможности непосредственно [2]). Соб-

[1]) В телегр. от 28/IX 1914 г. за № 3207 Сазонов сообщал в ставку о телеграмме военного министра Великобритании лорда Китченера английскому послу в Петрограде по поводу недостаточного осведомления английского военного командования о ходе военных действий на русском фронте. Китченер указывал при этом на необходимость для него «быть точно осведомленным обо всем, даже о неблагоприятных событиях, чтобы с этим сообразовать свои решения»...

[2]) Ответная телеграмма ген. Янушкевича на телегр. № 3207 была послана в министерство Кудашевым 28/IX 1914 г. за № 96. В ней сообщалось об удивлении верх. главноком. цитированной фразой лорда Китченера, указывалось, что об основах русских стратегических операций сообщается ген. Жоффру, что верх. командование охотно будет посвящать ген. Вилльямса в то, что может послужить к освещению общей обстановки, но что от сообщения подробностей стратегических планов союзникам верх. командование обычно воздерживается. Упоминаемая в письме Кудашева телеграмма Янушкевича была отправлена из ставки 3/X 1914 г. за № 107 на имя русских послов в Париже и Лондоне для передачи Жоффру и Китченеру.

ственно говоря, сообщение это ничего особенного не раскрывает нашим союзникам. В нем упомянуто только то, что после наших побед над Австрией пришлось переменить весь наш план действий и группировку армий. Последние сосредоточены по среднему течению Вислы, и все сделано, чтобы численное превосходство осталось за нами. Для этой цели стянуты корпуса сибирские, туркестанские, даже кавказские, и пока все данные указывают на возможность, хотя и медленно, двигаться вперед, имея объектом наших действий прусскую территорию в направлении Позена. Появление германцев так глубоко внутри наших пределов объясняется трудностью сосредоточения наших войск при ужасном состоянии дорог и энергичным напором германцев. В заключение опять-таки рекомендуется нашим союзникам терпение.

Хотя здесь так все скрывают и так секретничают, что толком ничего не разузнаешь, я склонен думать, что у нас был какой-то успех, быть может, и не очень значительный, но бесспорный. Так как, если уста молчат, то над выражением своих лиц наши генералы не властны, а сегодня даже самые обыкновенно мрачные были веселы.

Не скрывают только, что под самой Варшавой (в 12 верстах!) немцы сперва заняли железнодорожную станцию, а потом были отброшены на 30 верст. Ко времени прихода немцев к Варшаве, как мне сказал ген. Янушкевич, мы только закончили свое сосредоточение!

Лишь бы теперь хватило у нас решимости итти вперед, а то просто непонятно, где же наша колоссальная армия и почему она так пассивна?!

Неприятное недоразумение произошло с вопросом об обмене консулов, задержанных наших в Германии и германских у нас. Когда я вам телеграфировал (22 сентября) о принципиальном согласии вел. князя на этот обмен, я и не подозревал о существовании Лерхенфельда, консула в Ковно, на выдачу которого вдруг теперь ген. штаб безусловно не согласен. Переговоры о консулах происходили здесь у меня, как раз во время пребывания здесь государя; это пребывание так поглотило внимание всех, что согласие главнокомандующего было испрошено особенно быстро, и забыто было об оговорке относительно Лерхенфельда. Не знаю, насколько удастся поправить дело так, как я телеграфировал А. А. Нератову; одна надежда на то, что сами германцы возбудили этот вопрос, так что они, может быть, проявят уступчивость теперь.

Относительно же Лерхенфельда ген. Янушкевич и Данилов в один голос говорят, что его присутствие в германской армии (направленной, напр., к Сувалкам — Ковно) равносильно целому корпусу лишнему,— настолько он, Лерхенфельд, ориентирован и осведомлен обо всех военных наших делах и расположениях в тех местах. Очень жаль, что из-за этого должны сидеть в одиночном заключении Островский, Броссе и Поляновский.

Н. Кудашев.

По поводу взаимного освобождения пленных (не пленных): неужели до сих пор не высвобождены задержанные в Вене псаломщик Якубовский и писец Столковский взамен австрийского вицеконсула в Петрограде Гофингера?

Письмо Кудашева 22 (9) октября 1914 г.

Ставка. 9 октября 1914 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Получив вашу телеграмму № 52 о предполагаемой командировке Пустошкина в распоряжение ген.-ад. Иванова, я навел здесь справку по сему делу. Оказывается, что Пустошкин давнишний знакомый ген. Иванова и, в качестве такового, написал генералу, предлагая свои услуги в качестве губернатора. С Пустошкиным я никогда не встречался, и он покинул армию задолго до моего назначения в Вену, так что о его деятельности судить не могу. Замечу только, что его письмо, текст коего мне был сегодня показан, не грешит преувеличенною скромностью. Но о нем можно, я думаю, легко справиться у Свербеева. Мне очень совестно, что ничего не могу про него сказать; но в Вене в посольстве я уже никого не застал, кто бы его помнил.

Настроение здесь за последние дни значительно оптимистичнее, нежели на прошлой неделе. Наш успех под Варшавой, под Ивангородом да, впрочем, и по всему фронту приободрил штаб. Но, как и при прежних наших успехах, при первом известии о них, значение их преувеличивалось: генерал Данилов потребовал немедленного оповещения о них наших представителей во Франции и Англии [1]). Между тем, теперь обнаруживается, что разгрома немцев не было. Они просто спешно стали отступать, как только заметили, что перед ними превосходные силы. Конечно, и за это мы должны быть благодарны и благодарить бога. Но о победе над германцами можно будет говорить только тогда, когда они поспешно будут отступать на собственной территории.

Что касается несомненно существующего у наших союзников недовольства нашею скрытностью, то оно понятно, но это секретничание все же имеет свое основание. Если французы дают такие подробные бюллетени о малейших своих боях и передвижениях, то это потому, что все эти подробности так же хорошо, как и им самим, известны их противникам и, главное, что общий план и положение вполне выяснены и окончательны. У нас же до самого последнего времени окончательно не было выяснено задание наших армий, так как операции могли получить наибольшее свое развитие в сторону Восточной Пруссии или, наоборот, в сторону Кракова—Бреслау. Нашествие

---

[1]) Сообщение об успехах русских войск было послано Кудашевым телеграммами от 8/X 1914 г. за № 122 на имя послов в Бордо и Лондоне и за № 123 — на имя посла в Константинополе и посланника в Софии.

немцев к Висле в районе Варшавы — Ивангород определило главный театр войны нашей с Германией (хотя это не значит, что не будут происходить еще серьезные бои где-нибудь около Вержболова и около Кракова). Но пока это положение не определилось окончательно и пока не произведены были все необходимые маневры войск, ни о каких подробностях говорить, а тем более оглашать, нельзя было.

В своей телеграмме великому князю Китченер снова возвращается к своей мысли, что германцы сперва пробьют французский центр, а затем, победив французов, обрушатся на нас [1]). По убеждению здешнего штаба, если для победы над французами германцы подвозят новые силы на свой западный фронт, то это делается не за счет войск, сосредоточенных против нас, а, вероятно, из имеющегося и все еще не истощенного в Германии людского запаса, собираемого в новые части, в новые формации. Вообще несомненно то, что такой непосредственной связи между действиями германцев на обоих фронтах нет.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 24 (11) октября 1914 г.

Ставка. 11 октября 1914 г.

Дорогой барон [2]).

Сегодня были здесь на ставке наши корреспонденты после совершенного ими объезда юго-западного фронта. Они теперь отправились в Варшаву, откуда им будет разрешено увидеть войска на более близком расстоянии от огня. Солдатенковым полк. Асакович, приставленный к журналистам, остался очень доволен: он прекрасно исполнял роль военного цензора, и без него Асакович оказался бы в большом затруднении, так как не владеет вовсе английским языком. Корреспондентами сопровождавшие их остались также довольны. Одним только mr. Pares [3]) как Асакович, так Солдатенков недовольны: он все лез вперед, старался выдвинуться и иметь лучшее положение, нежели другие его коллеги, под предлогом, что он послан не газетою, а самим английским правительством. Между тем к нему нельзя было прикладывать другой мерки, так как вся экспедиция составлена была по известной программе, которую для mr. Pares менять нельзя было.

Здесь, на ставке он, Pares, пристал ко мне с просьбою дать ему возможность, по окончании второй части объезда, из Варшавы отправить-

---

[1]) Об опасениях Китченера Сазонов сообщал в ставку телеграммой от 6 октября 1914 г. за № 3364, в которой он приводил текст соответствующей телеграммы, полученной от Бенкендорфа (за № 585).

[2]) Письмо адресовано, очевидно, на имя бар. Шиллинга.

[3]) Пэрс — английский корреспондент, представитель английской правительственной печати.

ся снова во Львов. Я ему повторил то, что в моем присутствии заявил начальник штаба всем корреспондентам, а, именно, что после окончания этого объезда потребуется опять совсем новая постановка этого дела, так как тогда обстоятельства изменятся, и дело о военных корреспондентах, может быть, получит другую организацию. Но так как он очень ко мне приставал (а он так грязен, что я искал поскорее «отлепиться» от него), то я ему обещал передать в министерство его желание получить разрешение вернуться во Львов в качестве ли корреспондента, в качестве ли прикомандированного к Красному Кресту. Я тоже согласился переслать по назначению два его письма — одно на имя Сергея Дмитриевича, другое — на имя Бьюкенена. В этих письмах он излагает свою просьбу. Я тщетно пытался от него узнать точно, чего он собственно желает и какую цель преследует. Сперва он мне сказал, что хочет изучить «дух русских войск в видах его применения к английским войскам при предстоящей их реорганизации». На это я ему заметил, что д у х присущ народу, и что мне непонятно, какое такое применение его наблюдения могут иметь к английским войскам. Тогда он мне сказал, что ему необходимо ближе познакомиться с русским солдатом, с русской армией и т. д. Я уже не настаивал на разъяснениях, так как для меня его миссия все же остается непонятной. По моему, единственное разъяснение следующее: англичане боятся, какбы мы не играли двойной игры и прилагали не все наши силы к получению победы [1]). На такую мысль их может наводить непонятная для них медлительность наших наступательных действий. Чтобы уяснить себе истинное положение они и послали такого человека, как г. Пэрс, который знает хорошо русский язык и, вообще, Россию и более способен, чем официальное лицо, вроде военного агента, исполнить такое поручение. (Начал он с того, что, описывая проезд через Вильну государя, охарактеризовал Вильну как не-русский город; корреспонденция эта не была пропущена). Вообще, на меня он произвел отрицательное впечатление, что меня тем более огорчило, что я когда-то очень восторгался его книгою «Russia in Revolution» [2]). Во всяком случае, исполняю свое обещание и прилагаю при сем оба его письма с покорнейшею просьбою велеть их доставить по назначению.

Зато я очень доволен mr. Waschbourn'ом. Я читал его корреспонденцию сегодня, которая, по моему, отлично написана и вполне целесообразна.

Н. Кудашев.

Не откажите мне сообщить, какой договор нами с Соед. Штатами подписан 18 сентября и ныне утвержден американским сенатом (телегр. Бахметева № 173 от 8 (21) октября).

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) «Россия в революции».

Письмо Кудашева 28 (15) октября 1914 г.

Ставка. 15 октября 1914 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Сегодня я получил бумагу от начальника штаба верховного главнокомандующего с предложением незамедлительно представить одного из чинов вверенной мне канцелярии к награде по случаю радостного для штаба события посещения ставки государем императором. Так как требовался немедленный ответ, то я его дал, не испросивши предварительно указаний ваших по сему предмету, будучи к тому же уверен, что с вашей стороны не может быть препятствий к поощрению и награждению, вполне к тому заслуженному, одного из ваших подчиненных. Выбор представленного мною чиновника был облегчен тем обстоятельством, что, за отсутствием Базили и Муравьева, я не имел возможности узнать, какие награды могли бы им быть пожалованы, когда они получили последние и т. п. В виду сего я просил ген. Янушкевича представить Валуева [1]) либо к следующему чину, либо к ордену св. Станислава III ст. Дело об этом награждении усложняется тем, что Валуев не прослужил еще полных 3-х лет. Но, быть может, окажется возможным все же ему дать что-нибудь в отступление от общих правил. Он это вполне заслужил своею аккуратностью и примерным рвением к работе. Надеюсь, что вы не осудите меня за такое единоличное решение этого вопроса.

Под впечатлением полученных за ночь известий с театра войны, настроение сегодня в штабе несколько лучше, чем оно было вчера, когда я передал ген. Янушкевичу вашу просьбу ориентировать вас об истинном положении вещей на фронте [2]).

Как мне объяснили, вчера грозила опасность прорыва нашей линии в районе, приблизительно, Ивангорода вследствие неравномерного наступления нашего правого крыла и центра: в то время, как крыло поддавалось, немцы в центре держались упорно, и у нас опасались, что они отрежут наш правый фланг от центра. К счастью, наш центр приналег на них так сильно, что немцы подались назад и стали спешно отступать на Радом. Здесь они, наверное, снова окажут сопротивление, но факт их отступления и неудачи их плана овладеть Варшавой и Ивангородом — налицо и, надо надеяться, возымеет соответствующее

---

[1]) Секретарь дипломатической канцелярии при ставке.

[2]) В своей телеграмме от 13/X 1914 г. за № 3479 Сазонов отмечал недостаточное осведомление его о положении дел на театре военных действий, в частности, в Буковине и Черновцах. Сазонов указывал, что это невыгодно отражается на сношениях его с иностранными государствами и в качестве примера приводил свою беседу с румынским посланником, перед которым он настаивал на необходимости применения к России более доброжелательного нейтралитета, не будучи осведомлен о том, что верх. командование решило временно покинуть Черновцы.

действие на настроение германской армии, не привыкшей к неудачам и считающей себя непогрешимой и непобедимой.

Всех наших военачальников поражает приподнятый дух в австрийских войсках. Они дерутся теперь так, как не дрались раньше. Радко-Дмитриев рассказывал ген. Петрово-Соловово, что у него австрийцы производили до 30 штыковых атак в день! К счастью, и их удалось оттеснить. Но пушки они уже сеют с меньшей расточительностью, чем они то делали в первую галицийскую кампанию.

О каком-либо стратегическом плане в настоящее время говорить не приходится. Задача ясна: отбросить неприятельскую армию. Это делается обычными приемами — стараниями обойти его, сбить с выгодных позиций и пр. Бои длятся долго, и дальнейшее направление, в случае нашего успеха, предрешено быть не может. Что касается военных действий в Буковине, то, как я вам телеграфировал вчера [1]) со слов Янушкевича, здесь о них узнают довольно поздно, так как сведения передаются по команде, т.-е. через 3—4 инстанции, на что требуется много времени.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 6 ноября (24 октября) 1914 г.

Ставка. 24 октября 1914 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Вчера великий князь отправил генералу Жоффру следующую телеграмму:

«Нашими войсками только что одержана полная победа, являющаяся продолжением нашего успеха на Висле. Австрийцы отступают по всему галицийскому фронту. Стратегический маневр, о котором я сообщал вам при начале его осуществления, таким образом, удачно выполнен и увенчан несомненно величайшим со времени начала войны успехом с нашей стороны. Я надеюсь на быстрое и полное осуществление нашей общей задачи, будучи убежден в том, что окончательная победа будет принадлежать знаменам союзников».

Текст этой телеграммы был сообщен черногорскому королю, послам французскому, английскому и японскому в Петрограде, лорду Китченеру и графу Бюисерэ для передачи королю Альберту.

Не знаю точно причины рассылки именно вчера этой телеграммы, так как со вчерашнего вечера не видал начальника штаба, вдвойне занятого вследствие приезда государя императора. В штабе же мне объяснили, что, со взятием Сандомира и переходом армией Р.-Дмитриева Сана, напор австрийцев окончательно сломлен, что на восточно-

[1]) В коллекции исходящих телеграмм архива ставки имеется отпуск телеграммы Кудашева от 14/X 1914 г. за № 134, в которой сообщалось об успешном ходе операций к западу от Вислы, а также об операциях в Буковине, которые расценивались как второстепенные и о которых сведения пришли с опозданием.

прусском фронте, а также к западу от Вислы германский натиск также разбит, и что, поэтому, по всему решительно фронту инициатива и наступление перешли в наши руки. Об этом, как говорят, последние достоверные сведения получены были только вчера.

Надо думать, что это объяснение верное, так как при теперешних условиях битв успехи, достигаемые на одном каком-нибудь пункте, не могут называться победами, каковыми являются только успехи по всему фронту, достигнутые стратегическим маневрированием целых армий. (В этом смысле ген. Жоффр назвал первою победою французов тот маневр, которым закончилось наступление германцев на Париж).

Ген. Янушкевич поручил мне передать вам, что государь приказал, по просьбе англичан, отправить казачий полк в Англию. Сперва дело шло о четырехсотенном полке, но потом решено отправить 6-сотенный полк чрез Архангельск! Оказывается, казачков наших провезут по всей Англии, чтобы поднять дух англичан и подбодрить дело набора добровольцев! По моему впечатлению, штаб не очень доволен этим распоряжением, так как нам самим каждая сотня казаков и, вообще, каждый кавалерист дорог и необходим.

Относительно начала военных действий в Черном море я вчера вам протелеграфировал все то, что здесь известно. Повидимому, не имеется определенных донесений адм. Эбергарда о том, где он был и что делал 15-го октября. Только по умолчанию им о своих действиях можно заключить, что он не видал и не встречал турецкой эскадры. Но этого, конечно, мало для категорического опровержения обвинения турок. Впрочем, самое важное их обвинение, будто «Прут» шел для минирования Босфора, вполне опровергается местом гибели «Прута», о коем свидетельствуют и Эбергард и лица, снятые с угольщика «Ида» [1].

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 12 ноября (30 октября) 1914 г.

Ставка. 30 октября 1914 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Телеграмма ваша № 3702 [2]), в которой вы указали на возможность заключения мира между Австриею и Сербиею вследствие недостатка

[1]) См. секр. телеграммы Кудашева от 23/X 1914 г. за №№ 157 и 158 (Архив Рев. и Внешней Политики).

[2]) Телеграмма Сазонова от 28/X 1914 г. за № 3702 гласила: «Срочно. Телеграфирую Бордо: положение Сербии ввиду недостатка артиллерийских снарядов настолько отчаянное, что верховная команда не надеется на возможность продлить сопротивление долее десяти дней. Штаб сербской армии поставил вопрос о предстоящей, быть может, необходимости заключения мира с Австрией ввиду этих обстоятельств. Сообщите это доверительно Делькассэ и просите его сделать

у последней орудийных снарядов, произвела в штабе очень сильное впечатление. Как начальник штаба, так и сам великий князь поручили мне, в дополнение к телеграмме ген. Янушкевича от сегодняшнего числа, передать вам, что в военном отношении прекращение Сербией войны для нас очень нежелательно, ибо дает австрийцам возможность направить против нас те силы, которые у них до сих пор были заняты на их южном фронте. Остановить Сербию, по мнению штаба, необходимо как подачей ей помощи военным материалом, так и дипломатическим давлением всех союзников. Что касается материальной помощи, то с нашей стороны сербам могут быть переданы, кроме тех 24-х пушек, о которых телеграфировал Янушкевич и которые уже готовы к сдаче в киевском арсенале, 9 500 винтовок (австрийских) с патронами. Относительно винтовок произошло какое-то недоразумение, которое теперь выяснено. Штаб недоумевает, почему сербский военный агент Лондкевич, которому поручено собирание военного снаряжения из трофей, доставшихся нам от австрийцев, не заявил тотчас же здешнему штабу о происшедшей заминке в сдаче винтовок...

Относительно дипломатического давления на Сербию великий князь считает его совсем необходимым. При этом он недоумевает, как это Пашич [1]), который уверяет, что, за неимением снарядов, Сербия должна итти на мировую с Австрией, заявляет, что, при малейшем поползновении болгар двинуться в Македонию, сербы с оружием в руках предоставят свою северную границу на произвол австрийцев и будут защищать Македонию от болгар [2]). Противоречие это бросается в глаза, и, если у сербов есть возможность вступить в борьбу с Болгарией, то она может продолжать борьбу и с Австрией. Если же она в таком жалком положении, то пусть слушается советов своих доброжелателей и отдает Болгарии всю ту часть Македонии, которую болгары сочтут достаточной ценою для выступления против турок.

Генерал Янушкевич прочел мне сегодня телеграмму, им отправленную генералу Рузскому, о том, как действовать с населением Восточной Пруссии при нашем проникновении в эту область. Всем мужчинам в рабочем возрасте будет приказано выселяться немедленно в глубь страны. Старики же, женщины и дети будут оставаться на местах под защитою наших войск. Этою мерою надеются обезопасить себя от подстрелов и пр. неприязненных действий franc-tireurs'ов, а, главное, произвести соответствующее впечатление (панику) на население впереди путей нашего наступления. Не знаю, удастся ли такой необычный образ действий, но, принимая во внимание густоту населения Пруссии,

---

все возможное для немедленной высылки снарядов, ибо успех Австрии мог бы иметь самый пагубный результат».

[1]) Министр ин. дел Сербии.

[2]) Об отрицательном отношении сербов к возможности каких-либо уступок Болгарии передавалось также в сообщении Шиллинга по прямому проводу от 27/X 1914 г. за № 80 и в телеграмме министра ин. дел в ставку от 29/X 1914 г. за № 3730.

эффект от появления таких банд беглецов может, действительно, быть значительный.

В инструкции Рузскому, кроме того, предусмотрены случаи обложения городов контрибуциями, — в наказание за неисполнение требований, взятие заложников и т. д. Война ведется таким жестоким образом, что не знаешь даже, что возможно и чего дозволять не имеет смысла. Возмутительно отношение к консулам, задерживаемым вопреки самым твердым образом установившимся обычаям. Меня особенно озабочивают наши консула в Турции, задержанные из-за каких-то двух прохвостов-турок! Я все решительно делаю, что могу, чтобы подвинуть это дело. К сожалению, первоначальное приказание о них пришло, когда я лежал больным от инфлюэнцы; а затем приезд государя так поглотил все время и внимание, что мне трудно было с достаточною скоростью побуждать его к посылке соответствующих телеграмм. Очень надеюсь, что завтрашний день принесет известие об удовлетворительном окончании этого дела.

О военном положении не имею ничего вам сообщить нового. Оно считается хорошим и — только. Всюду мы ведем наступление, и всюду противник отступает. Как мне кажется, теперь собираются приняться серьезно за Перемышль, который уже обложен. Планомерное и повсеместное отступление германцев предполагает какой-то определенный план. Но до сих пор его тайна не раскрыта. В числе возможных ее объяснений считается их попытка сконцентрировать большие силы в районе Торн-Позен и быстрое наступление на нас для пролома нашего непрерывного фронта. Но это только одна из возможностей, и к ней готовы, как и к другим. Пока мы, как говорят в штабе, имеем по всему фронту от Вержболова до Карпат численный перевес над германцами. Но этот перевес, благодаря сети германских железных дорог, может и[1]) быть нарушен в любом пункте, хотя это не безопасное предприятие для германцев.

Н. Кудашев.

Если бы удалось ценою территориальной жертвы Сербии создать болгаро-сербско-греческую коалицию против турок, то возможно было бы побудить Грецию, имеющую ту же артиллерию, что и Сербия, снабдить последнюю некоторым количеством снарядов за счет Франции и Англии, которые могли бы пополнить этот аванс через короткое время. Не знаю, осуществима ли эта мысль.

Письмо Кудашева 14 (1) ноября 1914 г.

Ставка. 1 ноября 1914 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Считаю долгом дополнить мой официальный ответ на ваше предписание об американских корреспондентах нижеследующим.

[1]) Так в подлиннике.

Я объяснил вчера Янушкевичу, где именно американские корреспонденты могут нам принести пользу, так как Америка — единственная значительная нейтральная держава, общественное мнение которой необходимо расположить в нашу пользу, так как общественное мнение других великих наций либо за, либо против нас, в зависимости от той стороны, в которой находится на войне самая нация. Янушкевич это, кажется, понимает. Но дело в том, что теперь мы переживаем период некоторой неопределенности относительно дальнейшего направления военных действий. Как я вам доносил в предыдущем моем письме, от германцев, располагающих весьма совершенною железнодорожною сетью, зависит выбор пункта, куда они стянут свои силы, чтобы нанести нам удар.

П о к а этот пункт не определился, но, возможно, что оправдается мое предположение, что усилие германцев будет направлено между Торном и Позеном; по крайней мере, они вернулись во Влацлавск, и, если они по тому направлению двинут значительные силы, то не исключена возможность их появления снова под Варшавой... Наши же главные силы, отходившие вслед за отступавшими германцами и австрийцами в юго-западном направлении, едва ли успеют при нашем бездорожьи подтянуться достаточно быстро к северо-западу Польши, чтобы парализовать нашествие германцев с Торна.

Все это создает атмосферу неопределенности, которая, очевидно, озабочивает штаб, а потому ему не до корреспондентов, пока не выяснятся значение и силы германского движения из Торна. Эти суждения я слышал от лиц штаба, но не от самого начальника штаба. Последний мне только сказал, что еще много придется пережить тревог и опасных минут, и намекнул, что именно теперь переживаются такие минуты.

Дело турецких консулов, кажется, налаживается. Вчера послано предписание ген. Эбелову [1]) в Одессу, чтобы поскорее произвели следствие над одесским турецким консулом, дабы из-за него не было задержки. При этом было сказано, что важно определить не степень его виновности, а степень опасности его освобождения для нашей обороны. Я твердо уповаю на благоразумие наших военных властей, которые, надеюсь, дадут благоприятный отзыв. По крайней мере, я думаю, что, благодаря тому, что именно так был поставлен вопрос севастопольскому коменданту о Джемиль-бее, последний признан не опасным и подлежащим освобождению на родину. Как только определится окончательное отношение наших военных к одесскому консулу, то я протелеграфирую вам; но ввиду принципиального согласия, быть может, итальянцы сочтут возможным уже начать взаимную эвакуацию консулов?

Н. Кудашев.

---

[1]) Командующий войсками Одесского военного округа.

Письмо Кудашева 23 (10) ноября 1914 г.

Ставка. 10 ноября 1914 г.

Личное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Дела наши на театре военных действий вчера как будто слегка улучшились.

В той путанице, которая произошла от неожиданного смелого наступления германцев из Торна, до сих пор, как кажется, не разобрались, как следует, сами военачальники, а тем менее могу высказывать я какие-либо суждения. Уже хорошо то, что размах наступления сломлен или, во всяком случае, приостановлен. Между Лодзью и Брезиной какая-то германская часть (корпус?) продвинулась [1] вперед и там оказалась окруженной нашими войсками. Успеют ли захватить или уничтожить ее — не знаю.

Последние дни здесь, в штабе, царит некоторое замешательство, так как даже, если и удастся вывернуться из создавшегося положения (а удасться должно при нашем превосходстве сил), все же вторжение германцев так близко к Варшаве было полною неожиданностью для нашего штаба и, надо думать, смешало их [1] карты. Все теперь зависит, как кажется, от того, успеем ли мы использовать превосходство наших сил на месте до прихода подкреплений из Германии? Наше наступление в Восточной Пруссии, вследствие наступления немцев, приостановлено, и войска Ренненкампфа отошли от Сольдау, а Млава уже занята германцами.

В общем, хотя положение теперь спасено, невольно испытываешь досаду, что критическая обстановка так быстро сменяет положение, признаваемое штабом блестящим.

В частности по поводу цифры 25 000 русских пленных, упоминаемой гр. Бенкендорфом в одной из его последних телеграмм, я старался разузнать, насколько она достоверна; мне говорили, что она преувеличена, но что возможно, что тысяч 10 наших попались в плен германцам при первом их стремительном нашествии из Торна.

В общем, надо сказать, что если нам и удастся вывернуться из настоящего положения, то только благодаря численности и стойкости наших войск, а не мудрости нашей стратегии. Но это, конечно, личное мое дерзновенное мнение.

Более о военном положении писать нечего; ждем развязки происходящего между Вартою и Вислою боя. Дай бог, чтобы развязка последовала ранее прихода из Германии новых войск, так как нам перебрасывать части не так легко.

Н. Кудашев.

---

[1] Так в подлиннике.

Письмо Кудашева 11 декабря (28 ноября) 1914 г.

Ставка. 28 ноября 1914 г.

Личное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Я вам уже давно не писал о нашем военном положении. Базили привез вам известия о том пониженном настроении, которое царило тогда на ставке и которое обусловливалось очень тревожными вестями, приходившими с фронта. С тех пор, как кажется, выяснилось, что катастрофа миновала, что атаки германцев не грозят больше прорывом, но становится очевидным и то, что наше наступление на Пруссию отложено на очень долго... На фронте Иллово — Гловно и далее по направлению к северо-западу от Петроково германцы и мы окопались, и война приняла характер позиционный, т.-е. затяжной. Лодзь мы эвакуировали не потому, что нас оттуда вышибли, а потому, что этот город не имеет стратегического значения, а удержание его искривляло линию нашего фронта... Из опасения, что весть об его отдаче германцам произведет сильное и неблагоприятное впечатление, в сообщении штаба о нем не было упомянуто, и внимание читателей обращено на движение пруссаков в сторону Млавы, где они, действительно, напирают, но пока еще не очень сильно. Штаб, повидимому, старается точно установить численность германцев, но с французами не могут столковаться о численности войск, перевезенных с западного фронта на наш. По здешним подсчетам, немцев имеется на нашей границе:

В Восточной Пруссии	$4 — 4$	корп.	1 кав. дивизия
На Млавском направлении .	$1 — 1$	»	2 » »
Между Вислой и Вартой . .	$12^1/_2—16$	»	4 » »
В Ченстохово-Крак. районе .	$3 — 3^1/_2$	»	
Итого. . .	$20^1/_2—24^1/_2$	корп.	7 кав. дивизий.

От Игнатьева из Бордо получена телеграмма, дополняющая сведения [1]), переданные мною ген. Янушкевичу и исходящие от французского посольства в Петрограде.

Телеграмма эта при сем прилагается [2]).

---

[1]) В коллекции входящих телеграмм архива диплом. канцелярии ставки имеется копия телеграммы Сазонова в ставку от 24/XI 1914 г. за № 4164. В ней передается текст телеграммы Делькассэ, сообщенный через французское посольство. Делькассэ указывал на то, что крупных переброски с французского фронта на русский германцы в течение последнего времени производить не могли, что французская армия сдерживает натиск германских сил, определяемых цифрою около 50 армейских корпусов, и что она готовится к тому, чтобы наступление германцев приостановить.

[2]) Телеграмма Игнатьева в коллекции писем Кудашева отсутствует. Она переслана Извольским в ставку 25/XI 1914 г. за № 661. В ней со слов Жоффра определяется степень возможных перебросок, производившихся германцами

К этим сведениям следовало бы прибавить некоторые обобщения о нашем положении. Такие обобщения делать нетрудно, но надо принимать во внимание, что они делаются не военным и на основании, быть может, очень недостаточных данных. В самом деле, делятся известиями и впечатлениями здесь не очень охотно, и многое приходится дополнять догадками. Тем не менее я думаю, что не слишком ошибусь, если выскажу следующие мои впечатления от всего того, что здесь слышишь и узнаешь:

1. Немцев на нашем фронте, может быть, много, но меньше, чем наших войск. 2. Приводят их с западного фронта, но и из центра Германии, где при все еще продолжающемся повышенном настроении (см. немецкие газеты), несомненно, успешно производятся новые формации. 3. Снаряжений и вооружений у германцев заготовлено, очевидно, на весь 5-миллионный резерв обученных людей, подлежащих зачислению, согласно сведениям любого календаря, в войска в военное время. Я это упоминаю, так как все, начиная с ген. Янушкевича, убеждены, что таких заготовлений не может быть, мне же все припоминается миллиард марок, экстренно выжатый из германского народа не так давно специально на военные надобности. 4. Германцы достигли крушения нашего плана наступления на их территорию благодаря превосходству их стратегов. Наши ссылаются на германскую железнодорожную сеть, близость базы и пр., как на причины успеха германцев; но почему же эти элементы не были учтены и нами? 5. Способ обороны Гинденбурга: «всадить глубокую занозу» поблизости Варшавы, т.-е. обороняться смелым наступлением, оказался неожиданностью для нас и является плодом созидательного его военного гения. 6. Отсюда общий вывод: еще отчаиваться в победе рано, но надо готовиться к длительной войне, так как мы не талантами можем победить, а лишь упорством. Длительная война, разорительная для нас, еще чувствительнее будет для немцев. Одна опасность для нас — это со стороны Франции. Выдержит ли она такое напряжение? А если она «лопнет», то все те 50 корпусов (или, по расчетам нашего штаба, 26 корпусов) направятся на нас и тогда придется нам уходить к Уралу!..

Что французы нас не бросят добровольно, в этом я убежден. Как бы ни кислы стали (от взаимного разочарования) со временем наши отношения, они отлично понимают, что только теперь, при исключительно выгодной для них политической обстановке, возможно сносное сведение счетов с Германией. Колоссальная сила последней теперь

с французского фронта на русский, ограничивавшихся всего лишь тремя пехотными дивизиями и ландверными частями, составлявшими гарнизон Бельгии. В заключительной части своей телеграммы Игнатьев писал: «Когда я вторично выразил предположение, что дальнейшая переброска германских сил на нашем фронте может остановить наше наступление, главнокомандующий сказал, что будет сделано все, чтобы этому воспрепятствовать и удержать на [пропуск] фронте главные силы противника, кои достигают в данную минуту в круглых цифрах 50 корпусов...»

очевидна и не подлежит сомнению; если она не будет сломлена теперь, то впоследствии это будет еще труднее, и всей Европе придется вовсем покорно повиноваться воле Германии (в политических, торговых и др. вопросах). Это, очевидно, нестерпимо.

Фельдъегерь только что привез в числе литографий две телеграммы Delcassé, из коих одна сводка, сделанная французским штабом о распределении германских сил. Я ее немедленно снес ген. Янушкевичу, который ее прочел с большим вниманием, но оставил ее у себя, ничего не сказав по ее содержанию.

В ней подробно объяснено, каким образом возможно нахождение 50 корпусов на западном и $20^{1}/_{2}$ на русском фронте. Штаб вторично изучит эту сводку, из которой выходит, что наши войска имеют дело, главным образом, с резервными войсками и 7 корпусами ландштурма.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 17 (4) декабря 1914 г.

Ставка. 4 декабря 1914 г.

Совершенно частное и конфиденциальное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Считаю долгом пояснить вчерашнюю мою телеграмму [1]) о нашем военном положении на Вислинском фронте. Дело обстоит неважно. А причиною тому, — насколько мне дано судить, — отсутствие у нас военных талантов. Я убежден в том, что наши генералы — прекрасные знатоки дела, прекрасные, умные, добросовестные люди, но творческой искры у них нет. Они годятся в члены «гофкригсрата», осмеянного Суворовым, но не в Суворовы, а с таким противником, как немцы, один только Суворов может победить. Ссылка на медлительность ружейных и патронных заводов недостаточна, чтобы объяснить тяжелое положение, в котором находится наша I армия (у Иллова). Но я ее привел в телеграмме, так как причиною нашего печального положения, по словам Янушкевича, — недостаток ружей и патронов. Уже дня три тому назад я как-то в разговоре с ген. Даниловым упомянул об уступке Испанией Сербии 80 000 ружей, на что он заметил: «Как жаль, что не нам!» Я тогда не обратил на такое замечание особенного внимания. Но вчера я был неприятно поражен, когда, сообщая ему же, Данилову, о предложении Delcassé призвать в Европу японские войска, я от него услышал «жадное» одобрение этой мысли. Такое настроение генерал-квартирмейстера меня прямо испугало, и я о своей тревоге передал начальнику штаба. Последний тоже очень

---

[1]) В коллекции исходящих архива дипломатической канцелярии ставки имеется отпуск телеграммы Кудашева без даты за № 226. В ней сообщается о тяжелом положении на Вислинском фронте и приводится мнение начальника штаба о том, что причиною этого положения является недостаток вооружения.

озабочен, но, как я уже сказал, главным образом материальною стороною, т.-е. нашим недостатком снаряжения [1]).

Насколько мне дано судить, положение плохо и по причине всей боевой обстановки. Немцы долбят наш правый фланг (у Иллова) и, вероятно, скоро возьмут Сухачев, что уже совсем близко от Варшавы. А тем временем у нас две армии, Эверта и Лечицкого, которые не имеют противника перед собой и не помогают ни двум армиям (I и II), сражающимся под Варшавой, ни двум армиям (Брусилова и Радко-Дмитриева), имеющим дело с австрийцами. Тут вина не в заводах, а в стратегии или тактике.

Конечно, я не высказывал этих мнений генералам, так как критика некомпетентного человека может только раздражать, а делу не поможет. К тому же она может быть совершенно ошибочной. Позволяю себе так смело о ней докладывать вам, так как стараюсь, по мере возможности и в пределах своего понимания и разумения, освещать вам наше военное положение.

При всем том должен отметить и одно утешительное обстоятельство: напор германцев происходит не по всему фронту их наступления, так что прорыв их у Сухачева еще не означает такой победы, после которой была бы неминуема сдача Варшавы. Но, конечно, потеря Варшавы и отход наш на правый берег Вислы, по данным настоящего момента, очень возможны. О наших потерях можно судить по тому, что у нас в одном из корпусов осталось всего 4 000 человек, а район для его операций остался таким же, каким был рассчитан на 40—50 000! Несомненно колоссальные потери у германцев не могут утешить нас, так как ими такою ценою покупается успех, нами же... отступление.

По моему смелому, но искреннему убеждению, нам бы следовало переменить высших начальников, у которых нервы измочалились от слишком упорной и продолжительной работы.

Прошу вас, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, простить мои смелые суждения и верить чувствам искреннего моего уважения и преданности.

Н. Кудашев.

Письмо Базили 27 (14) декабря 1914 г. [2]).

Ставка. 14 декабря 1914 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Настроение на ставке в значительной мере менее пессимистическое, чем я ожидал. Из продолжительных бесед с Даниловым, а также

[1]) В отпуске телеграммы за № 229 (также не датированной) сообщалось, что, ввиду недостатка вооружения и в связи с отказом французов взять исполнение заказа, верх. командование намерено через Ермолова сделать заказ в Англии. Вместе с тем указывалось на необходимость содействия со стороны русского посольства в Токио скорейшему приобретению предметов вооружения у японцев.

[2]) Текст настоящего письма был опубликован в сборнике «Константинополь и проливы», т. II, изд. Литиздата НКИД, 1926, стр. 116—118.

из разговоров с Янушкевичем и другими лицами я вынес впечатление, что военное положение оценивается здесь более благоприятным образом, чем в Петрограде.

Наш фронт идет по рекам Бзуре, Равке и Дунайцу. Штаб предполагает, что далее этой линии нам отойти не придется. Дух войск считается здесь удовлетворительным. Санитарное состояние армии хорошее. Новый контингент в 800 000 человек готов и покроет наши потери. Офицеров достаточно.

Против нас в недавних боях было 42 австрийских дивизии и $21^1/_2$ германских корпусов, т.-е. около 85 дивизий. Понесенные противником потери очень значительны. По имеющимся у нас данным, в германских ротах насчитывается не более 100 человек, несмотря на повторное их укомплектование, в некоторых же ротах осталось всего 30 человек.

Больным местом нашим является недостаток в артиллерийских снарядах и в ружьях. Недостаток этот, однако, не таков, чтобы ставить нашу армию в критическое положение. Он лишь заставляет нас перейти к обороне и временно отказаться от широкого наступления, для которого требуется неизмеримо большее количество боевых средств. По всей армии дано распоряжение всемерно беречь снаряды. Это, впрочем, не означает, чтобы мы отказывались в ближайшее время от частных наступательных операций. Немцы будут оставаться и теперь под угрозой наших контр-ударов. Обратная переброска ими сил на западный фронт, если бы она состоялась, не может поэтому принять сколько-нибудь значительных размеров.

Повидимому, трудно рассчитывать, чтобы мы собственными силами могли выработать достаточное количество снарядов и ружей, чтобы скоро вновь перейти в широкое наступление. Янушкевич и Данилов поэтому сочувственно отнеслись к мысли использовать обращение лорда Китченера [1]), чтобы в ответе ему указать на всю желательность, с точки зрения общего дела союзников, их помощи нам боевыми припасами. Выдвигается вопрос: не выгоднее ли Англии и

---

[1]) Обращение Китченера изложено в памятной записке великобританского посольства от 22(9) декабря 1914 г.

Записка эта гласила:

«До сведения лорда Китченера дошли слухи о том, что в ближайшие несколько месяцев предполагается переход русских войск в оборонительное положение. Так как это положение связано с стратегическими вопросами величайшей важности для союзников на Западе, то лорд Китченер заинтересован в том, чтобы получить личное и секретное извещение об общем плане русского генерального штаба. Так как немцы, вероятно, перебросят назад на западный фронт все силы, за исключением тех, которые необходимы для удержания позиций на Висле, то лорд Китченер желает знать, какое количество немецких войск, по мнению русского генерального штаба, может быть переброшено на Запад за время приостановки русского наступления, а равно, какие позиции намерены удерживать русские и каковы были потери немецких войск во время последнего сражения в Польше.

Лорду Китченеру необходимы эти сведения для выработки соответствующего плана.

Петроград. 22 (9) декабря 1914 г.».

Франции уделить нам часть своего производства или своих заказов и этим поддержать наше наступление, чем, работая только на себя, рассчитывать только на собственное движение вперед и примириться с остановкою нашего наступления. Начальник штаба уже говорил по этому предмету с Лагишем [1]) и с Вилльямсом [2]). На-днях он будет иметь свидание с каким-то канадским офицером, предлагающим свое посредство для военных поставок. Здесь считали бы очень полезным, чтобы вы со своей стороны воздействовали на французского и английского послов, указав на всю важность содействия нам в деле пополнения наших военных запасов. Как только таковых у нас будет достаточное количество, наша армия вновь сможет перейти в решительное наступление и задаться целью перенести войну на германскую территорию. В этом, по словам Ю. Н. Данилова, заключается в настоящее время коренной вопрос, от которого зависит вся разработка наших будущих планов действий.

Ответ на обращение Китченера, который вы получите в копии со следующим фельдъегерем, надеюсь, вас удовлетворит. Данилов вполне оценил значение поддержания между нами и нашими союзниками атмосферы доверия. Предложение воспользоваться этим обращением для выражения собственных наших пожеланий должно укрепить штаб в сознании пользы более тесных сношений с союзниками. Янушкевич, однако, не без основания заметил, что, если союзники наши требуют от нас сообщения наших военных предположений, то сами они не делятся с нами своими планами.

Согласно указаниям вашим и А. А. Нератова [3]) я подробно развил Янушкевичу и Данилову соображения о необходимости выяснения ныне же вопроса: можем ли мы рассчитывать самостоятельно осуществить операцию завладения проливами, когда к тому настанет время, или же для того необходимо содействие других государств, и, следовательно, требуется дипломатическая подготовка. Письмо ваше от 8 декабря, опередившее меня здесь на два дня, совершенно не было понято Янушкевичем и Даниловым [4]). Посланный вам ответ является простою отпискою. Как только состоится новое обращение

[1]) Начальник франц. военной миссии при ставке верх. главнокомандующего.

[2]) Начальник английской военной миссии при ставке верх. главнокомандующего.

[3]) Товарищ министра ин. дел.

[4]) В своем письме ген. Янушкевичу от 8/XII 1914 г. за № 863 Сазонов указывал, что ни победы на австрийском и германском фронтах, ни меры дипломатического воздействия не будут еще достаточны для разрешения восточного вопроса в желательном для России смысле, т.-е. для овладения проливами. Полагая, что для этого необходимо применение к Турции военной силы, Сазонов просил ставку сообщить свое заключение о возможных военных операциях безотносительно ко времени осуществления этих операций. В письме от 12/XII 1914 г. за № 1064 Янушкевич отвечал Сазонову, что «вопрос о выделении особых сил для овладения проливами не может быть поднят ранее достижения нами решительного успеха над нашими западными противниками».

ваше к начальнику штаба с более точным выражением выдвигаемого вами вопроса, вам будет сообщено заключение верховной команды по сему предмету. Пока могу лишь сказать, что без содействия Болгарии, а также, по всему вероятию, и Румынии нам не обойтись. Позволю себе в следующем письме подробнее изложить сущность моих бесед здесь по этому предмету.

И. Базили.

Приложение к письму Базили от 27 (14) декабря 1914 г.

Копия секретной телеграммы директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего послу в Лондоне. № 241 [1]).

Сообщается послу в Париже.

14 декабря 1914 г.

Для военного агента. Строго секретно.

«Осведомившись, будто русская верховная команда предполагает в течение ближайших месяцев ограничиться оборонительными задачами, лорд Китченер обратился к нам с просьбой сообщить ему о действительном положении на нашем фронте для согласования с ним стратегических планов союзников на западном фронте. Вследствие сего благоволите строго доверительно передать лорду Китченеру нижеследующее.

Стратегическое положение наше не может быть признано неудовлетворительным. Дух войск остается прекрасным. Санитарное состояние хорошее. Новый контингент в 800 000 человек готов и с избытком покроет потери. Нет также недостатка в офицерах. Если мы вынуждены были перейти к обороне, то исключительно из-за недостатка в артиллерийских снарядах и в ружьях. Недостаток этот не ставит нашу армию в критическое положение, но отсрочивает наши широкие наступательные операции. Это, однако, не означает, чтобы мы в ближайшее время лишены были возможности наносить немцам контр-удары и предпринимать частные наступательные операции.

Лорд Китченер желал бы знать, на каких оборонительных линиях мы предполагаем держаться. В настоящую минуту наш фронт определяется реками Бзура, Рава и Дунаец, и мы не имеем в виду отходить от этих позиций. Что же касается вопроса лорда Китченера о возможности обратной переброски германских сил на запад, то таковая представляется вообще проблематичной, так как немцы будут продолжать и в ближайший период оставаться под угрозою наших контр-ударов, от которых мы не отказываемся. Если, однако, немцы смогут снять войска с нашего фронта, то лишь в незначительном количестве и, во

---

[1]) Телеграмма эта в машинописной копии хранится при письме Базили от 14/XII 1914 г. Повидимому, она была получена в министерстве при выше помещенном письме.

всяком случае, не свыше того числа войск, которое они недавно подвезли против нас. Относительно потерь, нанесенных нами германской армии, также трудно назвать какую-либо определенную цифру. Потери эти, во всяком случае, огромны. О размере их можно судить по тому, что за последние полтора месяца состав германских рот, несмотря на их повторное укомплектование, во всех известных нам случаях не превышает 100 человек, опускаясь иногда до 30 человек. Как указано, наше наступление остановилось только вследствие недостатка в снарядах и в ружьях. Как только мы получим достаточное количество тех и других, мы немедленно перейдем в наступление в самых широких размерах. Если слабое развитие нашей промышленности и позволяет нам в достаточной мере восполнять трату припасов, чтобы не оказаться в критическом положении, то трудно рассчитывать, чтобы нам скоро удалось собственными силами изготовить потребное для развития широких наступательных операций количество снарядов и ружей, так как количество военного материала, необходимое во втором случае, неизмеримо превосходит нужное в первом случае.

Между тем, в интересах общего дела союзников, поддержание нашего решительного наступления не может не иметь первостепенного значения. Находясь по сравнению с нами в лучших условиях в отношении пополнения материальной части, союзники наши могли бы оказать нам в этой области весьма существенную помощь. Им надлежало бы обсудить вопрос: не выгоднее ли им самим уделить часть своего производства нуждам нашей армии и этим обеспечить развитие ее наступления, чем примириться с остановкою последнего, сохраняя для себя все свои производительные силы. Помощь союзников наших в этом направлении могла бы выразиться и в соответствующем в нашу пользу отказе от покупок или заказов в других странах. Благоволите обратить самое серьезное внимание лорда Китченера на этот вопрос, являющийся коренным при разработке наших будущих планов действий, и указать на всю пользу, которую могло бы принести общему делу благоприятное и скорое его решение.

(Для Парижа). Вышеизложенную телеграмму вам поручается строго доверительно сообщить генералу Жоффру. Янушкевич».

Кудашев.

Изложение сказанного верховным главнокомандующим во время беседы с ген. Вилльямсом в передаче Кудашева [1]).

Великим князем было сказано генералу Вилльямсу приблизительно следующее:

[1]) Настоящая запись, сделанная рукою Кудашева, хранится при приводимом ниже письме последнего от 26/XII; указаний на дату отправления ее не имеется. Повидимому, она была получена в министерстве в качестве приложения к письму Кудашева от 26/XII. Текст ее опубликован в качестве памятной записки Кудашева в сборнике «Константинополь и проливы», т. II, стр. 128—129.

С самого начала войны мы преследовали общую с союзниками цель,— иногда в ущерб собственным нашим интересам, — считая, что, чем интенсивнее мы это будем делать, тем полнее достигнем успеха в общем деле.

В настоящее время великий князь придерживается того же самого образа действия, что бы ни происходило на Кавказе: доказательством этого может служить тот факт, что сибирский корпус, только что подходящий к Варшаве, легко мог бы быть послан на Кавказ, но его туда не посылают, так как он нужен на западном фронте, чтобы не отходить от первоначальной программы.

Еще до начала войны с Турцией мы предвидели неуспех на кавказском театре военных действий. Тем не менее мы взяли с Кавказа большую часть войск для главной цели, общей с союзниками.

Итак, великий князь будет продолжать прежний образ действий и считать кавказский театр — второстепенным.

С другой стороны, с точки зрения о б щ и х интересов всех союзников, великий князь считает, что, если будет большой успех у турок на Кавказе, то моральные его последствия будут иметь большое значение: подъем духа одного из наших врагов подымет дух и остальных, а это отразится на общем деле. Эту моральную сторону следует иметь в виду нашим союзникам. Если они с этим согласны, то желательно их воздействие на Турцию в наиболее уязвимых и чувствительных ее местах. У Турции таких мест много, где воздействие на нее может широко компенсировать ее успехи на Кавказе, даже заставить ее забыть об ее успехах, обратив подъем духа в панику.

Итак, если мысль эту союзники сочтут правильною, то вел. князь вполне уверен, что они предпримут такие действия, которыми это будет достигнуто; вел. князь далек от мысли указать, что делать и как делать и каким образом достигнуть успеха.

Если союзники считают, что это не так, что в интересах общего дела безопасно оставить турок использовать свою победу на Кавказе, то пусть не предпринимают ничего.

Передавая мне об этих указаниях генералу Вилльямсу, великий князь прибавил, что, давая их для сообщения лорду Китченеру и, чрез маркиза Лагиша, генералу Жоффру, его императорское высочество исходил из следующего: м ы н и ч е г о у с о ю з н и к о в и н и о ч е м н е п р о с и м; х о т и м и х у с п о к о и т ь насчет наших дальнейших военных действий.

Ставка. Записано со слов великого князя 18 декабря 1914 г.

Кн. Н. Кудашев.

Изложение сказанного верховным главнокомандующим по поводу письма Сазонова [1]).

По поводу письма г-на министра иностранных дел г. начальнику штаба верховного главнокомандующего великий князь заметил:

---

[1]) Текст настоящей, сделанной Кудашевым, записи хранится не среди коллекции писем Кудашева, а в составленной в м-ве ин. д. папке «Проливы. 1915.

— Министр желает знать, что мы можем сделать для завладения проливами? Все зависит от обстановки. В настоящее время a priori, теоретически, ничего определенного сказать нельзя. Все будет зависеть от политической обстановки к тому времени, когда какие-либо акты будут возможны по отношению к проливам. При ясно определенном взаимоотношении балканских государств только возможно будет сказать: нужна ли нам военная помощь Англии и Франции (так как о них, главным образом, идет речь). Примеры: 1) Болгария и Греция — в войне с Турцией, а Румыния и Италия — с Австрией; мы тогда можем справиться с Турцией без помощи Франции и Англии. 2) Мы заключили сепаратный мир с Австрией, а балканские государства остаются нейтральными; тогда мы можем направить все силы на Германию, уделив достаточное количество войск для захвата самостоятельно проливов.

Одни мы захватить проливы не можем ни под каким видом.

Великий князь заявил, что он — не дипломат, а говорит как солдат: ему кажется, что не следует в политических объяснениях с нашими союзниками итти дальше, чем мы уже пошли, и довольствоваться пока тем, что уже получили от Англии и Франции, т.-е. известных их заявлений относительно соблюдения наших интересов при разрешении вопроса о проливах и о Константинополе. Дальнейшего он предполагал бы достигнуть путем сношений только на военной почве, притом исключительно главнокомандующими между собой. Великий князь желал бы знать, насколько такой способ объяснений,— вовсе, впрочем, не исключающий участия министерства иностранных дел, даже в некоторых случаях его инициативы, — представляется министру иностранных дел целесообразным и желательным.

Ставка. Записано со слов великого князя 18 декабря 1914 г.

Кн. Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 8 января 1915 г. (26 декабря 1914 г.).

Ставка. 26 декабря 1914 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Тотчас по возвращении моем на ставку генералы Данилов и Янушкевич обратили мое внимание на полученные от нашего военного

1/А», в тетради с заголовком: «Проливы. Предложения о способах завладения нашего проливами, 1915».

Текст этой записи был опубликован в сборнике «Константинополь и проливы», т. II, стр. 122. Упоминаемое письмо Сазонова от 16/IX 1914 г. за № 923 заключало в себе повторную просьбу сообщить общие стратегические соображения по вопросу об овладении проливами, дабы м-во ин. д. могло знать, следует ли ему вступать с другими государствами в переговоры о подготовке военных операций у проливов.

агента в Бухаресте сведения о целом ряде мер по подготовке к мобилизации румынской армии. Копия с одной из телеграмм Семенова была сообщена министерству из генер. штаба, но не с той, которою полк. Семенов дает свою оценку этих мер. Между тем именно эта оценка представляет интерес по мнению генерала Данилова. Семенов отмечает слишком большую откровенность румынского правительства при проведении этих мер: закон на случай мобилизации дебатируется в открытых заседаниях парламента, между тем как экстренности в нем нет, и он мог бы пройти уже после открытия кампании, как военная мера, при закрытых дверях. Правительство далее всячески содействует укреплению убеждения в стране, что начало кампании будет в половине или конце февраля. Семенову кажется подозрительной такая откровенность, так как обыкновенно самый важный военный секрет, время начала открытия военных действий, тщательно скрывается. Отсюда он выводит заключение, что Румыния не боится встревожить своими военными приготовлениями Австрию, которую, вероятно, снабдила успокоительными гарантиями, а о своих приготовлениях шумит только, чтобы обмануть общественное мнение, желающее военного ее выступления.

Семенов далее телеграфирует: «Румыния надеется получить от Австро-Германии в 2-месячный срок снарядов и патронов более, чем на 20 млн. франков, и притом в обмен на бензин по одинаковой стоимости. Если доносимые сведения справедливы, то можно быть еще более уверенным, что Австро-Германия никоим образом не относит мобилизационные меры Румынии на свой счет, ибо соглашается снабдить Румынию снарядами и патронами. Если бы Румыния действительно решила перейти Карпаты в феврале, то незачем было бы заказывать военные припасы в Австро-Германии, ибо она их вовсе не получила бы». Здешний штаб, находя соображения военного агента основательными, выводит заключение, что Румыния не выступит вовсе, а если выступит, то, в зависимости от общей обстановки, определится то направление, по которому произойдет выступление, т.-е. он допускает ее выступление и против нас (напр., вроде выступления Австрии в 1855 г.) [1]).

На все эти рассуждения я только мог ответить, что при существующем настроении в Румынии трудно допустить такой volte face [2]) ее; но, конечно, дружеский обмен бензина на снаряды как бы исключает вероятие военного столкновения, особенно в таком близком будущем, как февраль, между Румынией и Австрией. Я позволил себе подробно доложить вам все вышеизложенное на случай, если бы вы нашли нужным через барона Шиллинга мне сообщить какие-либо донесения

---

[1]) Очевидно, имеется в виду выступление Австрии во время войны 1854/55 г., когда Австрия потребовала от России очищения княжеств Молдавии и Валахии и вынудила русскую армию вернуться на левый берег Дуная.

[2]) Обращение лицом к неприятелю.

Поклевского, трактующие о том же предмете; в последних литографиях я таких не нашел, но думаю, что Семенов не мог не поделиться своими впечатлениями с посланником.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 15 (2) января 1915 г.

Ставка. 2 января 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

В дополнение к моей вчерашней телеграмме № 1 [1]) об артиллерийских заказах считаю долгом сообщить о разговоре, который я имел вчера по этому вопросу с ген. Янушкевичем.

Вопрос о заказах не относится к прямой компетенции здешнего штаба, хотя его очень и очень интересует. О комитете, который обходят наши агенты в Лондоне, я говорил с ген. Янушкевичем и раньше. К сожалению, я не могу ему точно указать, на чем именно основано требование англ. правительства, чтобы все наши заказы проходили через комитет. Янушкевич так смотрит на дело: если этот комитет установлен по закону и его обхождение является нарушением закона, то, конечно, всякое действие в его обходе он готов осудить и нарушителя закона дезавуировать. Но, если это не так, то он считает, что нам выгоднее в тех случаях, когда комитет нам помощи оказать не может, переплатить на стороне, но купить во-время и где нам угодно то, что нам нужно. На это я ему сказал, что, судя по тону донесений нашего посла, я полагаю, что именно какое-то нарушение либо закона, либо формального уговора нашего с Англией произошло. Но так как ни у него, ни у меня не было полного материала для выяснения вопроса, то на этом мы и остановились. Впрочем, относительно Макей (Mackie), он мне сказал, что его рекомендовали ген. Вилльямс и сам sir G. Buchanan [2]) и что с ним заключен договор (но он не знает, на какую сумму). Заказы должны быть исполнены в Канаде и Америке, и только небольшая какая-то часть ружей — в Англии. Вообще к Англии я заметил у ген. Янушкевича большое недоверие: он в создании комитета видит лишь желание англичан контролировать наши заказы, не принося нам действительной пользы. Вот что он при мне набросал на обороте телеграммы, которую я ему показывал:

«Полагаю, что, если з а к о н н о г о (официального) запрета на продажу и вывоз военных припасов с территории Великобритании нет, то мы имеем право заказывать, покупать и вывозить все, что угодно, хотя бы в ущерб интересам Англии. Но, если нам о ф и ц и-

---

[1]) Телеграмма Кудашева от 1/I 1915 г. за № 1 по поводу заказов, сделанных гл. артилл. управлением Аллисону и по поводу заказов, сделанных ген. Смысловским в Канаде и Америке.

[2]) Сэр Бьюкенен — посол Великобритании в Петрограде.

а л ь н о объявлено о нежелании или невозможности для английского правительства удовлетворить наши потребности из средств Великобритании, то мы д о л ж н ы прекратить все наши попытки покупать что-либо и при конечной расплате после войны предъявить этот отказ в числе расписок».

Лично я думаю, что о заказе, сделанном Mackie, не подумали сообщить в Лондон, тем более что он должен был исполняться не в Англии, а в Америке и Канаде. Не знаю, с другой стороны, обнимает ли лондонский комитет Канаду.

Во всяком случае, если только окажется, что был действительно какой-нибудь поступок de mauvaise foi, то штаб поддержит нашего посла: я в этом не сомневаюсь. Но надо иметь все данные, чтобы судить о недоразумении. В Лондон командируется ген. Тимченко-Рубак для наблюдения за нашими заказами. Бог даст, он наладит дело.

Сегодня я писал Гулькевичу в ответ на запрос Трубецкого о наших военных действиях, поскольку они близко касаются Сербии. Еще до получения этого запроса я академически рассуждал с ген. Даниловым о возможности ведения нашего наступления на Австро-Германию с нашего левого фланга, т.-е. чрез Трансильванию, Венгрию, Австрию на Берлин (т.-е. по линии наименьшего сопротивления). Ген. Данилов мне объяснил, что это худшее из направлений, особенно принимая во внимание значительное превосходство австро-германских путей сообщения. Если бы мы уделили значительные силы (а с малыми не стоит предпринимать большого дела) на наш левый фланг, то ослабили[бы] то место, где главный и самый сильный противник. Последний мог бы это использовать на месте или же, рассчитывая на невозможность нашего наступления с уменьшенными силами, часть своих сил перебросил бы навстречу нашим наступающим на нашем отдаленном левом фланге войск. А в деле переброски войск все преимущества на стороне австро-германцев...

Вообще Данилов считает, что надо сперва делать главное и трудное, после чего все остальное само сделается. В этом он, конечно, прав. Он прибавил, что о направлениях, по которым можно наступать, можно много спорить, так как их у нас много; были бы только средства (т.-е. военное снаряжение). За этим, главным образом, дело стало. Вероятно, к марту снаряжения подойдут, но к тому времени пополнятся запасы и у немцев. Во всяком случае, Данилов меня вполне убедил в том: 1) что лучше сперва справиться с самой трудною задачею и 2) что нельзя начинать наступление с недостаточными средствами и оказаться принужденным остановиться в наступлении на полпути.

На завислинском фронте у нас теперь «все спокойно». Производится ли у германцев перегруппировка и следует ли ожидать нового сюрприза вроде Кутнинского — или же они просто, как мы, собираются с силами, никто, конечно, здесь сказать не может. На турецком фронте дела идут хорошо. Если даже подойдут у турок подкрепления,

то уже поздно, и наши славные кавказские войска будут по частям разбивать противника.

Решаюсь еще удлинить настоящее слишком длинное письмо еще одним вопросом: об уступке нами Румынии 3 000 лошадей. Вчера вечером вел. князь призвал меня и продиктовал мне нижеследующее: «Хотя мы имеем достаточно лошадей, разрешать уступку такого количества невозможно. Вопрос меняется, если по военным соображениям будет это признано желательным, а это может случиться только, если Румыния бесповоротно и безусловно решится выступить с союзниками. Но надо будет мне знать, когда она выступит, с какими силами, где именно и какой ее план действий. Когда эти данные будут налицо, тогда и я выскажусь утвердительно о сроке, когда лошади будут уступлены и какие именно».

Вел. князь нарочно высказался очень категорично: отчасти он считает, что как бы мы богаты ни были лошадьми, все же расточать их зря неблагоразумно, отчасти он считает, что этим делом можно было бы воспользоваться, чтобы завязать разговор с румынами о военных их делах и приготовлениях и таким образом повлиять на ход политических разговоров...

Вел. князь очень редко передает мне свои приказания непосредственно, а потому я свой разговор с ним передал вам уже по телеграфу вчера, сегодня же только дополняю вчерашнее сообщение.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 19 (6) января 1915 г.

Ставка. 6 января 1915 г. № 272.

Секретно.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

Вчера верховный главнокомандующий позвал меня к себе и приказал мне донести вашему высокопревосходительству нижеследующее соображение по поводу возможного предстоящего выступления Румынии и Италии.

Выступление это вместе с державами тройственного согласия, конечно, очень желательно, и эта желательность настолько очевидна, что не требует доказательств. Между тем великий князь, вдумываясь в те различные условия, при которых это выступление могло бы состояться, и разбирая их исключительно с военной точки зрения, предвидит такую обстановку, при которой выступление Румынии и Италии может оказаться для нас даже невыгодным. На мысль о возможности создания такой обстановки наводят различные соображения, некоторые отдельные факты, даже выводы из области психологии. Его императорское высочество, между прочим, поражен тем, что в Румынии так откровенно и уже так давно говорят о предстоящем выступлении ее, даже указывают на то, что обыкновенно рассматривается как стро-

жайшая военная тайна, — на время этого выступления, причем тот же срок (февраль) указывается в доверительных излияниях румынских государственных людей и в газетных рассуждениях. Параллельно с этим заказы предметов военного снаряжения Румынией в Германии и Австрии и доставка их в Румынию продолжаются, бензин вывозится в эти государства, военные запасы пропускаются в Турцию и т. д. Агентурные же сведения указывают на то, что, на-ряду с этим, как в Италии, так и в Румынии, действительно, подготовляется мобилизация.

Оставляя в стороне едва ли вероятное прямое вероломство Италии и Румынии по отношению к державам согласия, великий князь невольно спрашивает себя: не указывают ли все изложенные факты на то, что Румыния и Италия действительно собираются выступить, притом именно против Австрии, но только тогда, когда они убедятся в том, что Австрия никакого сопротивления им не окажет? Это может легко случиться, если Австрия не пожелает оттянуть своих войск от главного фронта в сторону наступающих своих противников, — при условии, конечно, что последние не зайдут слишком далеко. Она легко примирится с временной утратой без боя части Трансильвании и местностей, населенных итальянцами, если, по одержании победы над главным врагом, она окажется в состоянии потом обратить все свои силы против румын и итальянцев и их прогнать из своих пределов. Великий князь даже допускает возможность подписания тайного соглашения между Австрией, с одной стороны, и Италией и Румынией — с другой, на основании которого Австрия как бы откупалась бы от них уступкой части территории, все равно при поражении обреченной быть отторженной от нее; или же договора, по которому Австрия, например, предоставила бы этим державам занять те или другие пункты или сплошные полосы своей территории как бы в залог той расплаты за их нейтралитет, которую она, быть может, им обещает в случае победы над Россией за счет последней (Румынии — в Бессарабии, Италии — на Балканах и турецком востоке).

Конечно, эти предположения могут не иметь фактической почвы под собой, но они не невозможны в том или ином виде. С чисто же военной точки зрения великий князь считает любую из комбинаций, при которой могла бы последовать оккупация, например, Трансильвании румынами, без сопротивления со стороны австрийцев, не только для нас не плюсом, а даже минусом, а потому желательной для Австрии. Другими словами и резюмируя все изложенное: выступление Румынии и Италии для нас выгодно, если оно оттянет от нашего фронта часть австро-венгерских войск, в противном же случае оно даже невыгодно, так как может стеснить нашу свободу действий. (Например: наше общее наступление с нашего левого фланга через Венгрию, если бы мы пожелали так повести войну.)

Его императорское высочество изволил выразить надежду, что ваше высокопревосходительство благоволите взвесить его соображе-

ния и не будете их терять из виду при наблюдении за образом действий Румынии и Италии. О способах возможного воздействия на эти державы, в смысле побуждения их к выступлению активному, великий князь не берется судить, — это относится до области дипломатии, — но полагает, что в таком воздействии заинтересованы и наши союзники с точки зрения их военных интересов. Вследствие сего со взглядами своими великий князь желал бы, чтобы и они были ознакомлены.

Кн. Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 21 (8) января 1915 г.

Ставка. 8 января 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Письмо от 6-го, посылаемое одновременно с сим по приказанию великого князя, особенных комментарий не требует. Опасения его высочества не лишены основания. В самом деле, я думаю, что если бы румыны и итальянцы заняли какие-нибудь пункты Австрии или Венгрии, то они бы сопротивления не встретили. При условии их умеренности Австрия своих войск от нашего фронта не оттянет, и нам легче не станет от того, что Румыния и Италия озаботились занятием тех мест, которые они себе потребуют при заключении мира в случае поражения Австро-Германии или которые они поспешат вернуть Австро-Германии, в случае победы последних, взамен компенсаций за наш счет. Конечно, самый факт оккупации непрошенными гостями ее территории способен вызвать в Австро-Венгрии такие чувства, что столкновение будет неминуемо, а раз прольется кровь, тогда шансы на сделку за наш счет между Итало-Румынией и Австро-Германией уменьшаются. Но вот надо, чтобы пролилась между ними кровь! А для этого, как мне кажется, единственный имеющийся в нашем распоряжении способ — это принятие в наш союз хотя бы одной Румынии, с тем, чтобы она приняла на себя известные обязательства, без которых мы бы ей не гарантировали никаких земельных приобретений.

Я позволяю себе совершенно откровенно высказывать эти мысли, в надежде, что вы не слишком строго отнесетесь к моему, быть может, невежеству. Я, конечно, твердо верю, что выступление Румынии, занятие венгерских земель д о л ж н ы вызвать такой взрыв негодования в Венгрии, что примирение между Венгрией и Румынией не скоро состоится. Но поручиться за поступки таких ловких и циничных людей, как румыны (и итальянцы), я не берусь и считаю, что, чем больше нам бы удалось их связать обязательствами, тем лучше.

Я передал ген. Янушкевичу вашу телеграмму относительно азербайджанского отряда [1]). Конечно, высочайшая резолюция все решает.

[1]) В сообщении Сазонова по прямому проводу в ставку от 5 января 1915 г. за № 85 передавалось содержание телеграммы, посланной им наместнику на Кав-

Ген. Янушкевич принял к сведению это решение молча, и я не знаю, что он, собственно, про него думает. Но ген. Данилов, которому я на словах передал содержание вашей телеграммы, был, видимо, ею смущен. Он мне и ранее говорил, что наша победа над турками не избавила нас от опасности нового нападения турок, и указал на возможность получения последними подкреплений и на опасность разбрасывать наши небольшие, сравнительно, и трудно пополнимые силы на Кавказе. Усиление кавказской армии стрелковою бригадою и казачьей дивизией превосходных первоочередных войск является серьезным для нее подкреплением. Оставление же отряда в Персии не только лишит ее этого подкрепления, но потребует выделения из нее частей для образования заслонов в видах обеспечения сообщений отряда с ее [1]) базою—Джульфою. К сожалению, я слишком плохо знаю наши персидские дела, чтобы дать ответ на вопрос ген. Данилова: зачем нам, собственно, нужно держать войска в Азербайджане? Лично мне казалось бы, что в сохранении порядка там наиболее заинтересованы сами персияне, которые в прежнее же время порядок соблюдали. Что же касается охраны наших интересов или наших подданных, то близость нашей границы и легкость карательных экспедиций (если это вообще нужно) являются достаточными гарантиями прав и интересов наших подданных. Впрочем, повторяю, я не очень в курсе персидских наших дел, а потому воздержался от дальнейшего собеседования с ген. Даниловым на эту тему.

Сегодня великий князь со штабом уехал в Седлец. Я спрашивал генералов: имеется ли в виду что-нибудь новое, сенсационное, вроде наступления. Ген. Данилов мне ответил: пока не будет достаточно военных припасов, чтобы довести наступление до конца, до тех пор наступления не будет, так как хуже всего начать его и остановиться на полдороге. Он несколько озабочен последствиями такого решения в отношении настроения как в войсках, желающих итти вперед, так и общественного мнения, которое нельзя посвятить в тайну недостаточности у нас военных запасов и в производительную слабость наших заводов. Он меня спросил: не слыхал ли я о неудовольствиях и охлаждении к войне в России? Я мог только передать ему свои петроградские впечатления, которые не оправдывают его опасений.

В заключение этого разговора, имевшего место дня 3—4 тому назад, ген. Данилов совершенно конфиденциально и со

казе. В ней указывалось на необходимость двинуть азербайджанский отряд к занятому турками Тавризу раньше прибытия туда принца Валиагда с отрядом жандармов, ибо, в противном случае, затруднительным явилось бы обратное движение русских войск к Тавризу и восстановление там русского политического влияния. В телеграмме Сазонова от 7/I 1915 г. говорилось снова о важности скорейшего возвращения русских войск в Тавриз в качестве освободителей Азербайджана от турок ввиду того, что промедление в этом вопросе грозило бы осложнениями как в Тегеране, так и в Лондоне.

[1]) Так в подлиннике.

вздохом сказал мне: «А я серьезно подумываю предпринять что-нибудь с Перемышлем. Для нас это совсем н е н у ж н о, но, пожалуй, придется принести в жертву людей, чтобы подбодрить остальных в ожидании той минуты, когда возможно будет движение вперед. Быть может, если состоится выступление Румынии и Италии, то можно будет и не тратить напрасно людей для взятия Перемышля, так как появление нового элемента достаточно оживит и окрылит наш дух». «В общем, — заметил он, — все утомлены войной: и мы, и наши союзники, и наши противники. А потому выступление новых сил будет теперь иметь огромное моральное значение, а потому очень желательно».

Из Германии приходят слухи о формировании новых семи корпусов. Данилов недоумевает, откуда германцы могут набрать столько офицеров, и приходит к заключению, что в с е должно быть сделано, чтобы победить такого грозного врага, каким является наш германский сосед...

Н. Кудашев.

То, что мне сказал ген. Данилов о Перемышле, я бы почтительнейше и усерднейше просил бы хранить в строжайшем секрете.

Письмо Кудашева 25 (12) января 1915 г.

Петроград. 12 января 1915 г. [1]).

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

Строго доверительное письмо вашего высокопревосходительства от 8 сего января за № 12/п. [2]) было мною получено 9-го и в тот же день доложено начальнику штаба верховного главнокомандующего, дабы генерал-от-инфантерии Янушкевич был подготовлен к разговору с генералом Вилльямсом, которому я одновременно передал полученное с тем же фельдъегерем весьма секретное письмо от великобританского посла касательно предположенных военных действий союзного флота против Дарданелл.

На другой же день я получил от начальника штаба, для перевода на французский язык, проект ответа великого князя на телеграмму лорда Китченера. Проект этот написан целиком, за исключением

[1]) Настоящее письмо написано Кудашевым в Петрограде, куда он прибыл 12 января. 15 января Кудашев был уже в ставке. Текст этого письма, равно как и приложенный при письме текст проекта ответа верх. главноком. ген. Китченеру были опубликованы в сборнике «Константинополь и проливы», т. II, стр. 132—136.

[2]) В своем письме Кудашеву от 8/I 1915 г. за № 12 Сазонов сообщал о предположениях Китченера предпринять военные действия союзного флота против проливов, в частности о предположениях англичан сделать в половине февраля попытку прорваться в Мраморное море. Сазонов полагал, что, если Россия в настоящее время не сможет при завладении проливами сыграть «подобающую ей роль», было бы целесообразнее настаивать перед союзниками на том, чтобы повременить с предположенными действиями против Дарданелл.

последней фразы, рукою его императорского высочества. Копию с перевода этого ответа имею честь представить при сем на благоусмотрение ваше. Этот ответ был в моем присутствии передан генералом Янушкевичем генералу Вилльямсу и вошедшим затем в вагон, где мы находились, великим князем дополнен и развит словесными разъяснениями. Разъяснения эти сводятся к следующему: мы рады были бы оказать союзному флоту содействие, но обещать его не можем — ни флотом, ни сухопутными войсками; с чисто военной точки зрения всякий удар, нанесенный Турции, для нас выгоден, так как не только облегчит наше военное положение на Кавказе, в настоящее время вполне, впрочем, благополучное, но и в Европе, так как поражение турок, несомненно, определит ориентировку балканских государств в желательную для нас сторону.

Генерал Вилльямс, который впоследствии прочел мне свое письмо сэру Джорджу Бьюкенену, в коем он излагает услышанное им от великого князя и препровождает упомянутый выше ответ, понял его императорское высочество так: верховный главнокомандующий находит для военной обстановки предположенное форсирование выгодным, но не может ему способствовать. Таким образом, — доносит генерал, — великобританскому адмиралтейству придется решить: может ли оно предпринять это дело теперь же, без всякого содействия России, или же отложить его до мая, когда русская эскадра будет в состоянии с своей стороны напасть на турок с севера. При этом генерал Вилльямс заметил мне: «По моему личному впечатлению и читая между строк телеграмму лорда Китченера, дело о форсировании Дарданелл нашим адмиралтейством уже решено. Но, быть может, заявления великого князя и заставят его изменить или отложить».

Перед отъездом в Петроград я зашел к генерал-квартирмейстеру, который посвящен в это дело и от которого я надеялся услышать дальнейшие развития мысли, изложенной в ответной записке великого князя.

Генерал-от-инфантерии Данилов, действительно, высказался подробнее и определеннее, нежели великий князь. Он начал с того, что наше положение на Кавказе, после блестящих побед под Саракамышем, Караурганом и других [1]), теперь прекрасно, но непрочно. Потери наши там громадны, и пополнить их неоткуда. Между тем имеются сведения, что турки уже подтягивают подкрепления к нашей границе: 12-я дивизия, предназначавшаяся для действий против англичан на Шат-Эль-Арабе, направлена ныне на север; 2-й и 5-й корпуса (Адрианопольский и Смирнский) будто тоже подготовляются к перевозке на наш фронт. При таких условиях месяца через полтора-два наша кавказская армия будет в том же критическом положении, в котором она находилась до наших побед. Надеяться на повторение совершен-

---

[1]) Имеются в виду относящиеся к началу января 1915 г. бои в Карском районе, закончившиеся разгромом 3-й турецкой армии.

ных нашими кавказскими войсками подвигов можно, но рассчитывать на это не следует, и катастрофу на Кавказе необходимо по возможности предупредить. Ввиду этого всякая серьезная диверсия, совершенная нашими союзниками и направленная против Турции, только может быть нами приветствуема. Он подтвердил мне невозможность, даже при условии успеха английского предприятия, в какой успех он лично, безусловно, не верит, посылки нами каких-либо войск для десантной операции на Босфоре.

Он усмехнулся, когда я сказал, что в ответе великого князя упоминается минимум для десанта в два корпуса: меньше, как о четырех корпусах, даже и говорить не стоит. Тем не менее он считает, что одна попытка англичан завладеть Дарданеллами уже принесет свою пользу. «А потому, — прибавил он, — скажите Сергею Дмитриевичу, чтобы он отнюдь не «расхолаживал» англичан. Пользу предприятие их принесет несомненно, удастся ли оно или нет». На это я ему напомнил слова вашего высокопревосходительства, переданные ему после моей первой поездки в Петроград, что только то вы считаете крепко приобретенным, что добыто нами самими, нашею кровью, нашими усилиями. Согласившись с этим, генерал Данилов прибавил, что мы и не думаем чужими руками жар загребать, что, впрочем, нам и не придется, так как англичане, если бы им и удалось овладеть проливами, уничтожить турецкий флот и навести страх на столицу Оттоманской империи, то и тогда не смогут овладеть этою столицею: никакой десант, который они могли бы высадить, не в состоянии был бы одолеть турецкую армию, которая не отдаст же без боя столицу. Если принять во внимание это обстоятельство, то, по мнению генерала Данилова, мы ничем не рискуем, поощряя англичан к осуществлению их предположения. Что касается до общего вопроса завладения нами Босфора, то это не может быть сделано нами «между прочим». Он самым внушительным образом пояснил: завоевание Босфора потребует отдельной войны, а будет ли Россия способна вести эту отдельную войну и захочет ли, в этом он глубоко сомневается.

Резюмируя все услышанное мною от высших руководителей нашими военными действиями на ставке, можно сказать: 1) завладение проливами союзным флотом считается трудно осуществимым, почти невозможным; 2) попытка такового завладения для нас полезна и, с военной точки зрения, даже очень желательна; 3) даже в случае неудачи она принесет нам пользу; 4) в случае удачи опасности не представляет, а пользу принесет еще бо́льшую; 5) содействие наше этому предприятию в настоящее время ничем выразиться не может, — в мае может помочь наш черноморский флот, усиленный новыми единицами; 6) десант сколько-нибудь значительный мы сможем послать, только когда определится несомненная и окончательная наша победа над германцами.

Кн. Н. Кудашев.

Проект ответа верх. главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича великобританскому военному министру лорду Китченеру [1]).

Обращение наше к союзникам, имевшее в виду операцию против Турции, имело своей целью отвлечение турецких сил с кавказского фронта в момент, когда по всему фронту кавказской армии началось сражение с превосходными силами противника. Эта битва могла привести к нашему поражению. Действительно, стремясь всеми нашими силами содействовать союзникам, мы решили ни в коем случае не ослаблять наших войск, оперирующих против германцев и австрийцев. Мы рассматривали также операцию союзников против Турции как мощное средство добиться важного морального эффекта.

Осуществляя это обращение, мы не давали никаких указаний и не делали никаких предложений относительно способа выполнения, так как мы не имели возможности непосредственно способствовать приведению в исполнение плана операции против Турции.

Наш флот, ввиду незаконченной постройки дредноутов, недостаточного количества быстроходных миноносцев и отсутствия подводных лодок усовершенствованного типа, является только равным по силе турецкому флоту, и то только в том случае, если все корабли собраны вместе. Отсутствие одной или двух боевых единиц неминуемо делает его более слабым, чем оттоманский флот. Конструкция наших кораблей такова, что они не могут иметь на борту угля больше, чем на 4 дня пути. Снабжение углем в море невозможно ввиду дурной погоды и волнения, господствующих на Черном море почти всю зиму. Наиболее близкая база, которую мы имели бы, находится в 24 часах пути от входа в Босфор. Таковы те причины, по которым мы не можем предоставить нашу помощь союзным флотам, как бы сильно ни было наше желание сделать это.

Сила батарей, защищающих Босфор, принимая в соображение число и калибр их орудий, по сравнению с орудиями нашего флота, дает мало надежды на наш успех.

Десантная операция русских войск, — что могло бы составить наиболее действительную помощь союзному флоту, после форсирования Дарданелл, — не может иметь места, так как она могла бы осуществиться только за счет сил, находящихся на главном театре войны, ослабляя их, по крайней мере, на два армейских корпуса.

Такова ясная и правдивая картина нашего положения. Мы спешим ее обрисовать для того, чтобы наши союзники приняли ее в соображение в момент выбора средства и определения характера операции против Турции, чтобы придать последней наибольшую силу при данных обстоятельствах.

Нельзя надеяться на разгром Турции успехами на кавказском театре войны. Даже взятие Эрзерума не повлекло за собой его.

---

[1]) Перевод с французского; в подлиннике дата отсутствует. Опубликован в кн. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 134—136.

Усиление нашей черноморской эскадры присоединением дредноута «Императрица Мария», подводных лодок усовершенствованного типа и миноносцев, несомненно, изменило бы положение вещей, сделав наш флот более способным предпринять активные операции. Но это может наступить только в мае месяце.

В заключение верховный главнокомандующий считает своим долгом заметить, что, по его мнению, та или другая военная операция, направленная против Турции, должна иметь важные последствия для общего дела. Действительно, она отразится на нашем главном противнике — Германии, она свяжет Турцию, делая ее неспособной к какому бы то ни было активному действию, и будет, несомненно, иметь решающее влияние на позицию государств Балканского полуострова.

Письмо Кудашева 4 февраля (22 января) 1915 г.

Ставка. 22 января 1915 г.

Глубокоуважаемый.

Сергей Дмитриевич.

Генерал Янушкевич просил меня предупредить вас о разговоре, который он имел на-днях с сербским военным агентом Лондкевичем, так как по существу своему разговор касался не военных, а политических предметов. Началось с военной темы: просьбы Сербии прислать русские войска на сербский театр военных действий. На эту просьбу последовал отказ; ввиду же настойчивости, с которой Лондкевич доказывал моральное значение присутствия русских, начальник штаба, с разрешения великого князя, обещал отправить в Сербию бригаду ополченцев (около 6 000 человек). На этом деловой военный разговор окончился, после чего ген. Янушкевич сказал, что желает еще кое-что прибавить, но не в качестве начальника штаба, а в качестве частного лица. Тут-то он приступил к политике, причем, как он мне сам сознался, немилосердно напал на сербское правительство за его упорство в уклонении от удовлетворений наших домогательств, имеющих целью сербо-болгарское примирение. «Вы, — говорил он, — нищие, просящие подаяния, а еще ставите условия, не хотите довериться России, от которой все получаете и у которой все выпрашиваете...» и т. д. в том же духе. Лондкевич был этими речами, по словам генерала, довольно смущен и спросил: должен ли он передать Спалайковичу все услышанное от начальника штаба. Последний ответил, что он считает, что это было бы полезно, но повторил, что все, им сказанное, исходит от частного лица, а отнюдь не от него, как начальника штаба.

Передав мне впоследствии эти подробности, генерал просил меня передать их вам на случай, если бы сербский посланик в разговоре с вами намекнул на сердитое отношение к Сербии нашего военного ведомства.

О военных действиях ничего не могу вам сообщить, что неизвестно из сообщений штаба. Интересны лишь следующие цифры о силе германцев, подсчитанные недавно в штабе. До сих пор принимали

участие в военных действиях: 26 полевых корпусов, $22^1/_2$ резервных, 7 экзацных, 60 ландверных бригад и 11 кавал. дивизий. Все это представляет из себя около 3 миллионов человек. К этому надо прибавить привлеченных к военным действиям ландштурмистов — до 350 000 чел., а также гарнизонные войска (свыше 1 млн.). Численность всей армии, таким образом, может быть определена в $4^1/_2$ млн. человек. Что касается числа общего запаса военно-обязанных, т.-е. того резервуара, из которого Германия может черпать людей для пополнения убылей, то он исчисляется 11 миллионами ($^1/_3$ мужского населения). Если исключить отсюда 1 млн. рабочих, не призываемых на войну, задержанных за границей и т. п., то окажется остаток в 10 млн., из коих $4^3/_4$ млн. обученных людей и $5^1/_4$ млн. совсем необученных. Таким образом в количественном отношении Германия обладает еще громадным запасом людей. Конечно, в качественном отношении вливаемые в строй войска хуже тех, которые из него выбывают. Но это справедливо и относительно войск других воюющих держав.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 8 февраля (26 января) 1915 г.

Ставка. 26 января 1915 г. № 299.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

Прибыв в ставку в пятницу 23 января, его императорское величество государь император отбыл отсюда вчера вечером 25-го.

Вчера, в воскресенье, в государевом поезде состоялся завтрак, на который я удостоился счастья быть приглашенным. Кроме высочайших особ, лиц, состоящих при его императорском величестве и постоянно приглашаемых к высочайшему столу, начальника штаба, генерал-квартирмейстера и протопресвитера военного и морского духовенства, на завтраке присутствовали также военные агенты французский, английский и бельгийский, варшавский генерал-губернатор князь Енгалычев, назначенный на должность директора канцелярии генерал-губернатора князь Оболенский и минский губернатор д. с. с. Гирс.

После завтрака государь император удостоил каждого из приглашенных милостивого разговора.

Подойдя ко мне, его величество сперва осведомился о том, часто ли я бываю в Петрограде, и изволил указать, сославшись при этом на отзыв вашего высокопревосходительства, на пользу непосредственных, устных моих вам докладов. Затем государь спросил меня о командировке камер-юнкера Муравьева [1]) в Буковину, причем в весьма милостивых выражениях отозвался о деятельности моего

---

[1]) В качестве дипломатического чиновника.

молодого сослуживца, о которой его величеству с похвалой докладывал верховный главнокомандующий. Со своей стороны, я мог только ответить выражением чувства глубокого удовлетворения и благодарности по поводу услышанных милостивых слов его величества. В заключение разговора государь император коснулся Румынии и ее отношения к войне, изволил поведать мне о том, что слышал от румынского посланника в Петрограде, а именно, что Румыния не выступает только потому, что ее военные приготовления не закончены, но что в феврале это выступление, вероятно, состоится. На это я позволил себе заметить, что, на мой скромный взгляд, не столько военная неподготовленность удерживает румынское правительство, сколько желание отложить до самой последней минуты участие Румынии в кровавом европейском столкновении и мудрое, — с точки зрения, конечно, румынской, — самообладание кабинета Братиано [1]). Его императорское величество всемилостивейше соблаговолил выслушать меня и отметить выгодное для нас обстоятельство хотя бы в том, что, под давлением создавшегося в Румынии настроения, едва ли следует опасаться выхода ее из нейтралитета заодно с врагами России.

Кн. Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 8 февраля (26 января) 1915 г.

Ставка. 26 января 1915 г.

Личное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

В дополнение к официальному моему отчету о разговоре, которого меня удостоил вчера государь император, считаю нужным пояснить следующее.

За последнее время я замечал, что ген. Янушкевич при всяком упоминании имени Поклевского так или иначе, обыкновенно в очень деликатных и осторожных выражениях, обнаруживал по отношению к нашему посланнику не то недружелюбие, не то какое-то недоверие. Теперь для меня стало ясным, что причиною такого отношения к Поклевскому может быть какая-нибудь несогласованность работы посланника с представителями военного и морского ведомств в Румынии. Мой родственник, М. М. Веселкин, посетивший ставку во время пребывания здесь государя, окончательно убедил меня в этом. Я, конечно, не знаю, какие могут быть основания для жалоб на Поклевского, но мне показалось, во всяком случае, несправедливым сваливать на него вину за невыступление Румынии. По этой причине я позволил себе, во время милостивой беседы со мною государя, высказать ту причину, которой и объясняется, по-моему, воздержание Братиано от столь важного для нас выступления Румынии: желание отложить

---

[1]) Министр ин. дел Румынии.

до последней минуты это выступление, т.-е. до той минуты, когда возможно достижение возможно большего результата с возможно меньшим усилием. Братиано действовал бы против интересов собственной родины, если бы втянул ее слишком рано в войну. Верить же в возможность переубедить его я не могу, так как на стороне Братиано (увы! для нас) — здравый смысл:

Я не знаю, как оценивает лично государь работу Поклевского, но думаю, что, если бы он был против него настроен, то не выслушал бы так терпеливо мою аргументацию. Во всяком случае, я думаю, что не слишком ошибся, находя оправдание кажущемуся неуспеху нашего дипломатического воздействия в Бухаресте, и был очень приятно поражен, прочитав в одной из телеграмм гр. Бенкендорфа, что и сэр Э. Грей считает, что «la situation des pays balkaniques dèpend plus de la situation militaire que de l'action diplomatique» [1]. Военное же положение таково, что конца войны не предвидится. Бои идут упорные, страшные, но, кроме взаимного истощения, результатов не дают. При таких условиях как завлечь нейтральные страны?.. От румын все было слышно, что их выступление произойдет в феврале. Это государю подтвердил Диаманди [2]. Февраль не за горами, и случай представляется — очищением нами южной Буковины, — определить румынам свое положение в настоящем конфликте [3].

Н. Кудашев.

(Продолжение следует.)

---

[1]) «Позиция балканских стран определяется в большей мере военным положением, чем дипломатическими выступлениями».

[2]) Румынский посланник в Петрограде.

[3]) Дипл. чиновник Муравьев в своей телеграмме Кудашеву от 22/I 1915 г. за № 71 указывал на желательность предложить румынам, в виду оставления русскими войсками южной Буковины, занять эти местности своими войсками. Муравьев говорил, что согласие Румынии свяжет ее с Россией, отказ же румынского правительства от этого предложения возбудит против него общественное мнение. Телеграммою от 25/I 1915 г. за № 46 Янушкевич сообщал Сазонову, что предложение Муравьева одобрено царем с оговоркой, «чтобы было условлено, что занятие того или иного пункта не предрешает его будущего присуждения России или Румынии».

Аграрная политика Врангеля.

«В экзамене на государственное бытие наше, — писала одна врангелевская газета, — земельный закон — это тот предмет, который мы должны выдержать — и хорошо выдержать, в первую очередь».

Действительно, аграрный вопрос был основой всей внутренней политики Врангеля.

Перед руководителями врангелевской политики стояли здесь, по существу говоря, задачи диаметрально противоположные и потому неразрешимые.

С одной стороны, надо было удовлетворить реставрационные претензии помещиков, с другой — умиротворить деревню, удовлетворить как-нибудь крестьян. Это было основное противоречие. Были противоречия и второстепенные: не между полярными классами, а внутри их самих. Единства классовых интересов не было ни в рядах помещиков, ни в рядах крестьян.

Вокруг аграрного вопроса еще во время правления Деникина в рядах представителей крупного землевладения завязалась длительная и упорная борьба.

Установились две основных группировки: крупные землевладельцы старой складки, «полуфеодального типа», своего рода российские лэнд-лорды, и помещики новой формации, помещики «полубуржуазные»; российская разновидность германского юнкерства. Первые были особенно типичны для центральных русских губерний, вторые — для юга России.

Наиболее реакционной была первая группировка. «Полуфеодальные» помещики ни за что не соглашались на парцелизацию земель. Они не желали уступить ни пяди земли даже за выкуп и стремились н е м е д л е н н о отобрать землю у «захватчиков». В общем их программа была проста: полная реставрация старого помещичьего землевладения.

Несколько либеральнее были помещики полубуржуазного типа. Значительная часть их земель постоянно сдавалась в аренду. Другая часть зачастую была под промышленными посевами (например, свекловица). Это определяло их отношение к аграрному вопросу. Они не прочь были за приличную цену ликвидировать часть своих владений. Даже принудительный выкуп, при «справедливой» цене, не только не наносил им никакого ущерба, но, наоборот, был выгоден, так как капитализировал доход с земли. А это было особенно заманчиво в условиях гражданской войны и неуверенности в завтрашнем дне. Эти помещики стремились восстановить утраченные права лишь по отношению к имениям плантационного типа. Остальные же владения, уже давно хозяйственно парцелированные системою аренды, их интересовали, в первую очередь, возможностью получить за них выкупные платежи. Немедленное восстановление утраченных прав собственности на землю, отобрание земли от захватчиков помещиками в данном случае было даже и нежелательно.

При Деникине аграрный вопрос не получил окончательного разрешения. Всеобъемлющего земельного закона издано не было. Но отдельные распоряжения и вся политика власти в деревне ясно показывали, что в спорах между враждующими группировками помещиков преимущество было на стороне стопроцентных реакционеров.

Деникинская армия, не дожидаясь законодательного разрешения вопроса, фактически полностью реставрировала старое землевладение.

Скандальное крушение деникинщины, многим обязанное беззастенчивой реакционной аграрной политике, ослабило позиции полуфеодального помещичьего крыла. На первый план выдвинулись полубуржуазные группировки. Врангель был их креатурой. При Деникине он находился в оппозиции, теперь он получил власть.

В аграрном вопросе был взят новый курс. Решено было пойти на выкуп земель. Это было во всех отношениях выгодно. Отказ от немедленного отобрания от «захватчиков» всех помещичьих земель и признание выкупа — эти принципы удовлетворяли притязаниям влиятельной теперь группы помещиков и, казалось, открывали кое-какие перспективы для удовлетворения потребностей известной части крестьянства.

Последнее обстоятельство было в высшей степени важным. Весь опыт предыдущих лет гражданской войны властно диктовал неизбежность создания какой-либо социальной базы в деревне. Это сознавали и ответственные руководители контрреволюции и зарубежные их хозяева.

Для союзников, и в первую очередь для Франции, поддержке которой Врангель был больше всего обязан, направление земельной политики имело особенно большое значение. Союзники, эти неустанные вдохновители многочисленных контрреволюционных выступлений против Советской страны, всегда очень неохотно давали живую силу для контрреволюционных предприятий. После же слишком памятного провала французской интервенции в том же Крыму и в соседней Одессе в 1919 г., вновь пытаться посылать свои войска в Россию было делом слишком рискованным. К тому же в 1920 г. в Западной Европе обстановка была такова, что попытка новой открытой интервенции грозила серьезнейшими революционными осложнениями. На свои собственные силы союзники теперь могли рассчитывать меньше всего.

На кого же можно было опереться в России? На одних «добровольцев»?

Утопичность такой идеи была в то время совершенно очевидной. Времена «первопоходничества», когда можно еще было туманить мозг «идейностью», безвозвратно миновали. Уцелевшие «первопоходники», «дроздовцы» и другие группы старого добровольческого ядра были и слишком малочисленны и главное абсолютно деморализованы грабежами и бесчинствами, укоренившимися в войсках Деникина. Даже по его собственному признанию, добровольчество ушло в область прошлого.

Основой нового военного предприятия могла быть только мобилизация. А для того, чтобы сделать ее возможной, надо было привлечь на свою сторону крестьянство.

С этой целью закон о земле 25 мая был отредактирован в форме, способной создать в и д и м о с т ь удовлетворения крестьянских вожделений получить землю. Самое заглавие закона заманчиво говорило о передаче земель «в собственность обрабатывающих землю хозяев». Первая статья «Правил» как бы освещала закономерность владения землею на правах революционного захвата: «всякое владение землею сельскохозяйственного пользования, независимо от того, на каком праве оно основано и в чьих руках оно находится, подлежит охране правительственной власти от всякого захвата и насилия. Все земельные угодия остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев».

Это была первая приманка.

Второй приманкой было обещание закона передать «трудящимся на земле хозяевам в собственность» частновладельческие имения и земли, казенные и государственного земельного банка. Закон указывал, а агитация это особенно подчеркивала, что земли передавались крестьянам в полную собственность.

«Крестьяне! — говорилось в воззвании. — Много раз вам обещали землю, но никто до сих пор вам ее не дал. Не дали ее вам и большевики-коммунисты. Они хотя и кричат, что отдают всю землю народу, но на самом деле, не признавая права частной собственности, предоставляют вам лишь временное пользование и стремятся всю вашу землю, не исключая и надельной, обратить в коммуны и совхозы»...

Посулы закона были рассчитаны исключительно на крестьянина-кулака. Это подчеркивалось и в официальных выступлениях власти, которая всегда пользовалась случаем отметить свою ориентировку на «солидного», «домовитого», «крепкого» крестьянина.

К сказанному надо прибавить, что передача земли «трудящимся» предполагалась отнюдь не бесплатно, а за выкуп в размере пятикратного среднего за последние 10 лет урожая. Этот огромный выкуп должен был вноситься равными частями в течение 25 лет. Размер ежегодного взноса, таким образом, являлся одной пятой урожая. Эта сама по себе крупная ставка реально была бы еще больше, так как исчисление велось не с засеянной в данном году земли и не со снятого урожая, а со всей переданной земли, включая и выгоны, и покосы, и земли, остающиеся под паром.

При таких условиях приобретение земли было возможным лишь для самой богатой части деревни. Только крупный кулак-крестьянин мог соблазниться аграрным законом. Да и его собственно прельщала не столько возможность расширить свои владения за счет помещичьей земли, сколько гарантии возврата своей собственной земли из рук «захватчиков». В этом отношении богатеи могли быть вполне спокойны. В законе предусмотрительно было оговорено, что передаче в руки трудящегося и закрепление за фактическими владельцами (т. е. захватчиками) подлежат частновладельческие земли, только превышающие особые нормы «трудового» землевладения, которые окончательно должны были быть установленными «высшей» правительственной властью. Этого сделать не успели. Однако не трудно представить, что могла по этому поводу сказать «высшая правительственная власть», если сами «волостные земельные советы» (так назывались введенные Врангелем органы местного самоуправления) проектировали нормы максимального трудового владения в размерах до 600 десятин для помещиков и до 150 десятин для крестьян. В этих пределах земли принудительному выкупу не подлежали [1]).

Итак, лишь кулацкие элементы деревни могли прельститься новым законом. Но этого было недостаточно. Нужно было, если не привлечь на свою сторону, то хотя бы

---

[1]) Это было не единственное исключение. Не подлежали принудительному выкупу, независимо от их размеров, земли надельные (даже в случае их перехода путем продажи, наследования или дарения из рук в руки), купленные при содействии Крестьянского банка, выделенные на хутора и отруба, церковные, монастырские и вакуфные, принадлежащие сельскохозяйственным опытным учебным и учебным учреждениям, усадебные, огородные, занятые искусственными насаждениями, наливными посевами и особо ценными культурами, и все земли, находящиеся под всевозможными промышленными заведениями и подсобными сооружениями (ст. 2 «Правил»). Кроме того, впредь до разрешения «общероссийской государственной властью», открытым оставался вопрос о праве на недра земель (примечание к ст. 13 «Правил»).

нейтрализовать и более широкую крестьянскую массу. Здесь помещичья контрреволюция ничего реального предпринять была не в силах, поэтому была усвоена тактика мистификации, обмана.

Вокруг земельного закона, изданного Врангелем, была поднята невероятная шумиха. Газеты буквально наполнились статьями, информационными сообщениями и беседами с разными «сановниками», о проектах закона, об его издании, о проведении в жизнь, об его значении, о «радостном» отношении к реформе населения и так далее без конца.

Крым и Таврия были наполнены великим множеством оттисков нового закона. В деревню направили целые отряды агитаторов, рекламирующих земельный закон. Читались публичные лекции. Писались торжественные приказы...

Местным властям, особенно причастным к земельному делу, давались строжайшие инструкции, по возможности, предупредительнее обращаться с крестьянским населением, ничем напрасно не раздражать крестьян, показывать, что с ними считаются. С этой целью предусмотрительно было решено всеми способами препятствовать непосредственному общению помещика с крестьянами. Для этого вся реформа была намечена так, чтобы эти соприкосновения были устранены. Крестьяне должны были вносить свои выкупные платежи не непосредственно помещику, а в казну. Государство же само брало на себя миссию возместить помещикам стоимость их бывших земель. Предусмотрительность власти шла еще дальше. Специальные распоряжения запрещали назначать помещиков на низовые должности, имеющие непосредственное общение с населением. Где это было можно, крупным помещикам даже препятствовали въезжать на жительство в свои бывшие усадьбы.

Наконец, было пущено в ход еще одно средство мистификации. Одновременно с земельной реформой намечалось осуществление и реформы крестьянского самоуправления. Были учреждены «волостные земельные советы», одно название которых «советы»— надеялись, покажется заманчивым крестьянскому уху.

Верила ли власть в прочность всех этих ухищрений и маневров? Вряд ли. Скорее всего руководители врангелевского «государства» рассуждали так, как писал в своем докладе по поводу проведения земельной реформы один из местных политических деятелей:

«Спасаясь от нападения стаи голодных волков, обезумевшие от страха путники выбрасывают им по кускам всякую живность в надежде успеть добраться до безопасных мест, пока звери будут терзать добычу и из-за нее грызть друг друга. Такой же временный, паллиативный характер имеют и все предлагаемые меры к решению аграрного вопроса — они имеют значение только отсрочки катастрофы или делаются в такой надежде, чтобы успеть закрепить власть и получить за это время достаточно сил для самозащиты».

Публикуемые ниже документы иллюстрируют пути реального осуществления врангелевской земельной политики.

В первую очередь приводятся доклады и справки, которые представлялись правительством Врангеля дипломатическим агентам союзных держав для информации своих правительств. Сюда же относится и письмо сенатора Глинки, главы управления земледелия и землеустройства, на имя б. русского посла в Париже В. А. Маклакова.

Во всех этих документах рисуется радужная картина осуществления земельной реформы.

Совсем в ином свете описывают положение дел донесения местных агентов власти, непосредственных осуществителей реформы. Безрадостные донесения. Обреченностью веет от этих сообщений. Обмануть крестьян не удалось. Крестьяне не верили новой белой власти. Гробовым молчанием или недовольным ропотом они отвечали на шумную рекламу закона. В «советы» шли из-под палки, неохотно. Больше того: не желали брать предлагаемой им земли. Принудительный выкуп земли у помещиков, казалось, готов был сделаться действительно принудительным. Только не для помещиков, а для крестьян.

Подлинники публикуемых материалов хранятся в Моск. Центр. Архиве Октябрьской Революции (фонд № 355, д. №№ 2, 3, 3а, 4, 5, 1733).

Ал. Гуковский.

I.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СОЮЗНИКОВ.

1.

Запросы в управление земледелия и землеустройства об информации для союзных представительств.

Секретно.

1. Генерал Перси желает в самом срочном порядке получить нижеследующие сведения для информации своего правительства:

Политические вопросы.

а) Приказы генерала Врангеля относительно земельного вопроса и управления в занятой территории.

б) Насколько эти приказы проведены в жизнь *).

Начальнику управления земледелия и землеустройства.

Прошу не отказать в распоряжении о присылке в отделение для сношений с союзными представителями сведений, касающихся проведения в жизнь земельного закона генерала Врангеля, т.-е. о работе посредников на местах, отношении крестьянства, организации выкупа земли, ссыпки хлеба и т. д.

Просимые сведения нужны для осведомления иностранцев. В смысле секретности они будут проходить самую строгую цензуру в отделении для сношений с союзными представителями.

На такую организацию осведомления помощником главнокомандующего, А. В. Кривошеиным, выражено согласие, с просьбой начальникам управлений и ведомств давать просимые сведения.

И. о. начальника отделения полковник [подпись].

Секретарь [подпись].

15 (28) июля 1920 г. № 1933/г.

г. Севастополь.

---

*) Далее приписка: «Справку с приложениями получил чиновник *С. Митковский*, 12. VI. 1920 г.».

В. спешно.

Управлению иностранных дел необходимо получить срочно хотя бы самые общие указания на фактические результаты, достигнутые в деле земельной реформы. (Число избранных земельных советов; количество десятин уже разверстанной земли и пр.)

Эти сведения предназначаются для адмирала Мак-Кулли, который должен передать их американскому правительству.

Севастополь.
24 августа (6 сентября) 1920 г.

2.

Справка.

Главнейшие приказы главнокомандующего генерала Врангеля, касающиеся разрешения земельного вопроса, следующие:

1) Приказ от 8 апреля 1920 г. [1])
2) Приказ от 20 мая 1920 г. (за № 3226) [2]) и
3) Приказ о земле от 25 мая 1920 г. [3]).

К последнему приказу приложены утвержденные главнокомандующим того же 25 мая Правила и Положение, устанавливающие новый земельный правопорядок.

В силу ст. I упомянутых Правил всякое фактическое владение землями сельскохозяйственного пользования, какое окажется в каждой местности ко времени введения в действие приказа, подлежит охране правительственной власти от захвата и насилия, и все пахотные, сенокосные и пастбищные угодия, независимо от того, состоят ли они в пользовании землевладельцев на арендном праве или были захвачены ими, или поступили к ним в силу распоряжений Временного Правительства, либо Советской власти — «остаются во владении обрабатывающих или пользующихся ими хозяев».

Дальнейшие статьи закона указывают лишь на некоторые изъятия из этого положения и устанавливают постепенное и планомерное исследование прав каждого хозяина для возможного увеличения или уменьшения его землепользования, и, наконец, закрепление за каждым хлебопашцем причитающегося ему количества земли.

При таких условиях уже самое объявление приказа о земле на местах является началом фактической передачи земли хозяевам — землевладельцам.

Для принятия первых мер по проведению в жизнь приказа о земле и, прежде всего, для разъяснения приказа населению и организации волостных земельных советов, являющихся первой и в сущности главнейшей инстанцией по земельному делу, а равно для устранения и разрешения различных недоразумений и вопросов, могущих возникнуть особенно в прифронтовой полосе на освобождаемых от большевиков землях, при каждом корпусе армии учреждена гражданская

часть, с представителями гражданских ведомств, в том числе ведомства земледелия и землеустройства.

Представители эти, назначенные еще 21 мая, тогда же выехали на места и приступили к исполнению возложенных на них обязанностей.

Вместе с тем приняты срочные меры к скорейшему открытию губернских и уездных земельных учреждений. Штаты этих учреждений уже утверждены, и необходимые на их содержание средства отпущены. Остается лишь произвести назначения на должности посредников по земельным делам, для замещения которых имеется значительно превышающее потребность данного времени число кандидатов, обладающих солидным служебным стажем и хорошо знакомых с землеустроительной техникой. Подобран также необходимый кадр землемеров. В самом ближайшем времени уездные посредники совместно с землемерами и другими своими сотрудниками выедут на места и приступят к исполнению возлагаемых на них приказом о земле обязанностей.

3.

Справка.

Пространство земель, на которых действуют уже теперь власть генерала Врангеля и его новый закон о земле, составляет около 6 миллионов десятин, или 60 000 квадратных верст, т.-е. примерно третью часть английского королевства.

На этом пространстве, расширение которого ожидается с каждым днем, живет свыше 3 000 000 жителей. Имеются 8 уездов, из которых только южные уезды Крыма являются горными и лесными. Все же прочие — степные, сплошь сельскохозяйственные, дающие более 150 000 000 пудов зерна при среднем урожае хлеба в год.

Все это составляет одну губернию России, в которой считается свыше 400 миллионов десятин только по эту сторону Урала.

В Европейской России эти 400 миллионов распределяются на три части: 155 миллионов, в числе которых государственные леса севера и северо-востока, принадлежат казне. Сюда же включены и земли уделов (8 миллионов), церкви (наделы 40 000 приходов — 1,8 миллиона), городов и общественных учреждений (около 2 миллионов). Вся же пахотная казенная земля — в пользовании крестьян на арендном праве, постоянно, по мере образования отдельных участков со времени Столыпина, обращаемая в продажу мелким собственникам.

138—140 миллионов десятин земли, отведенные в надел крестьянам-казакам в собственность, но без права их продажи. Все эти земли образуют разной величины общинные земли, но большая часть их давно разделена между мелкими хозяевами; кое-где держался еще обычай переделов по числу работников, по числу ртов (едоков), но большая часть уже давно не переделялась и отведена без права передела (весь юго-запад Украины), а во время Столыпина передел

запрещен повсеместно и предоставлено выделять каждому особо свой участок.

Наконец, остальные земли — около 100 миллионов — составляют достояние частных собственников, помещиков, прежних старинных владельцев дворян, а также купцов, мещан, крестьян. Сюда же включены и земли самых мелких собственников, купивших участки на собственные средства или с помощью Крестьянского банка.

Если из этих земель исключить леса и непригодные для пахоты земли, то частновладельческих земель окажется около 60 миллионов десятин, из которых половина принадлежит владельцам мелким и средним, ведущим свое хозяйство, а остальные — крупным, либо сдающим земли крестьянам в аренду, либо имеющим свои культурные и промышленные хозяйства. В среднем на одного владельца приходится около 400 десятин.

В Азиатской России вся земля считается государственной и состоит во владении казны, кочевого инородческого населения и крестьян (старожилов) и переселенцев. Обширные земли кабинета государя (40 миллионов десятин) в Томской губернии, например, — на всем пространстве, пригодном для пахоты (свыше 30 миллионов), давно заселены крестьянами, платящими только казенные сборы государству, считающими себя собственниками этих земель, — и только недра земли и около 7—10 миллионов десятин лесов и горных алтайских владений оставались до революции у кабинета. То же и в Нерченском кабинетском округе Амурской области, районе новой Амурской дороги, представляющем великую ценность по минеральному богатству и золоту.

На землях, подвластных генералу Врангелю и подлежащих сейчас действию нового закона, распределение владения иное.

Южный берег Крыма, кроме горных пастбищ и лесов, почти сплошь казенных, не имеет хлебопахотных земель. Здесь культура садов, виноградников и табаку. Владельцы — казна и мелкие собственники татары. Закон не будет здесь иметь применения. Степные же уезды Крыма и Северной Таврии, заселенные сравнительно поздно и потому неплотно, имеют множество крупных частновладельческих хозяйств, почти сплошь сдававших землю в аренду, причем много крестьян ведут хозяйство только на арендованной земле, не имея возможности ни улучшать ее, вкладывая туда свои сбережения, ни прочно поставить свое хозяйство, не имея уверенности в завтрашнем дне.

Для всего этого крестьянства закон Врангеля создает новую эру. И так как крупные хозяйства не развили здесь высокой культуры, здесь нет ни сахарных заводов, ни винокурения, и хозяйства крупные отличаются от мелких только разве интенсивностью уборки огромных посевов, при помощи машин и сложных молотилок, да еще обширностью стад скота и овец, то надо думать, что и крестьяне, расширив свое хозяйство и сделавшись собственниками, не уронят этой куль-

туры, а скорее увеличат производительность богатой почвы, не требующей, по счастью, ни удобрения, ни особо тщательной обработки.

Урожаи в 20 зерен здесь нередки на вспаханных только один раз весною легкими плужками полях. Культуры черного пара здесь почти не знают, хотя и платятся за это в годы засух почти полным неурожаем. Наилучше ведут хозяйство немецкие колонисты (часто это вовсе и не немцы, а потомки голландских выходцев Петровского времени), имеющие среднего размера единоличные участки, предохраняемые от измельчания выселением в Азиатскую Россию и другие местности.

Распределение земли в степных уездах Крыма таково: обширный Бердянский уезд, при 715 000 десятин крестьянской общественной земли, имеет менее 50 тысяч частновладельческой, и притом ни одного крупного владения. Напротив, Днепровский и Мелитопольский включают в своих пределах довольно много земель крупных владений. В обоих этих уездах при 1 200 000 крестьянской надельной земли имеется около 800 000 десятин частновладельческой. Во всех прочих уездах частновладельческие земли значительно превышают крестьянские надельные, что объясняется малою заселенностью этих пространств.

Закон о земле Врангеля предрешает дробление крупных владений на участки, размер которых устанавливается сообразно местным условиям самим населением: земельными советами по каждой волости (одна двенадцатая — одна двадцать пятая часть уезда).

В избрании этих учреждений участвуют с равным правом одного голоса все домохозяева, имеющие какую-нибудь земельную собственность. Ввиду преобладающей численности крестьян-землевладельцев вся власть избрания принадлежит крестьянству. Это широкое избирательное право не есть, однако, всеобщая, равная, тайная и прямая подача голосов, установленная правительством Керенского и приведшая к распадению всей общественности и государственности. Это то начало избирательного права, на котором было построено дарованное в 1861 году царем Александром II крестьянское самоуправление в сельских волостных общинах освобожденного от помещичьей власти народа и которое прочно установилось в крестьянской среде при ведении всех хозяйственных дел. Женщины участвуют только тогда, когда они являются домохозяйками. Участвуют в выборах также священники, учителя и врачи.

То же начало выборов было и в земстве Российского государства, но там оно было ограничено крупным имущественным цензом, двустепенностью выборов для мелких собственников и т. п. Все это законом Врангеля отброшено.

Порядок выборов земельного совета временный, на-днях же вводится и для всех земских дел одно общее начало — учреждение в волостях земских собраний и управ (бюро).

Права земельных советов, по закону Врангеля, чрезвычайно широки. Они устанавливают земельный порядок, наиболее соответствую-

щий характерным потребностями и правовым понятиям местного крестьянского населения, — лучше сказать, хозяйственной его части, не пролетарской, не имевшей оседлости, и беспокойной, развращенной революционными вожделениями бедноты.

Какие категории земледельцев подлежат земельному устройству на обрабатываемых землях крупных владельцев-рантьеров? Каковы размеры участков для каждого? Какие земли должны быть отведены в запас для возвращающихся с войны солдат? Кому передавать участки, за которые не поступит назначенная выкупная плата в виде хлебного сбора $^1/_5$ урожая? Что сделать с землями, оставленными их владельцами, чтобы они были немедленно обработаны и засеяны, и т. п.?

Широкий простор действий земельных советов стеснен некоторыми категорическими требованиями закона.

Они обязаны охранять сложившиеся сейчас отношения к земле обрабатывающих ее хозяев и обеспечить каждому посевщику и пахарю использование его труда, не допуская никакого устранения, смещения с земли кого-нибудь на ней сидящего иначе как после решения земельного вопроса в своей волости. Это одно непременное условие сохранения земельного мира в деревне и способ предупреждения перерыва сельскохозяйственной жизни на местах.

Советы не могут касаться в своих предположениях о передаче земель новым собственникам, прежде всего, никакой надельной общественной земли, распоряжение которой подчиняется прежним законам, гарантирующим ее неприкосновенность, нарушенную революционными выступлениями совдепов и комбедов. Советы должны даже восстановить сохранность мелких владельцев хуторян, отрубников, купивших землю с Крестьянским банком, вернуть права всем этим мелким земельным деревенским буржуа. Затем советы не должны касаться известных категорий частновладельческих имений: усадеб, садов, плантаций и т. п. и того количества полевой земли, предел которого особым порядком должен быть гарантирован каждому владельцу имения, подвергаемого раздроблению.

Нельзя также трогать леса́ и разбивать на участки имения промышленного и культурного характера, сохраненные советскими большевистскими управлениями в их руках в качестве советских имений. От них можно отчуждать сейчас только арендуемые земли.

Далее, существенное ограничение прав земельных советов установлено в двух отношениях. Как бы ни желательно было увеличить число мелких собственников путем дробления крупного владения, ни одно владение собственника или арендатора, если оно не превышает нормы мелких участков, продававшихся банком, а это для Крыма и Таврии составляет около 25—30 десятин на хозяйство, — ни одно такое хозяйство дробиться не может. Возможно, стало быть, что арендаторы участка в 5 десятин сделаются собственниками в 30 и более десятин, если таковы будут решения совета и запас земель окажется

для сего достаточен, но отрезать что-нибудь у владельца, имеющего менее 30 десятин, если он не вовсе лишен прав на землепользование как дезертир армии или по другим причинам, этого совет сделать не может.

Еще важнее ограничение в том, что земли каждой волости должны служить землеустройству только хозяев, ведущих уже хозяйство в этой волости. Если запас земель так велик, что, за удовлетворением местных потребностей, останутся свободные участки, они должны служить для устройства солдат или для государственных надобностей, но впредь до сего незачем их и отбирать у владельцев, так как за каждую десятину должен итти немедленно в казну платеж с нового собственника, и земли должны быть им обрабатываемы, а новые владельцы более известной нормы, очевидно, обработать не в состоянии и оплатить выкупом не смогут.

Советы не имеют права распределять земли иначе как в частную наследственную собственность, — это важнейшее отличие закона генерала Врангеля от всяких иных земельных законов иных правительств, — и обязаны требовать за землю выкуп в пользу государства в виде хлебного сбора. Из этого сбора государство вознаградит бывших собственников.

4.

Сведения об осуществлении земельного закона генерала Врангеля 25 мая 1920 года к 15 сентября.

Одна из самых существенных особенностей земельного закона генерала Врангеля состоит в том, что самое осуществление закона и разрешение всех важнейших возникающих при этом вопросов передано самому населению в лице волостных и уездных земельных советов, состоящих из выборных лиц, главным образом из крестьян-земледельцев. При таких условиях на обязанности правительства лежало широкое ознакомление населения с содержанием закона и содействие скорейшему созыву земельных советов.

Ознакомление населения с законом.

В первом отношении сделано следующее:

1) Земельный закон со всеми к нему дополнительными приказами главнокомандующего издан в достаточном количестве экземпляров (было два официальных издания, не считая частных и опубликования в газетах) и широко распространен как среди населения, так и в войсковых частях. Кроме того значительное количество экземпляров переправлено разными способами и разбросано летчиками за линией фронта для ознакомления красноармейцев и прифронтового населения.

2) Выпущено два официальных издания популярного изложения закона и несколько воззваний агитационного характера.

3) Назначенные во все уезды уездные по земельным делам посредники и их помощники землемеры, снабженные всем необходимым литературным материалом, по нескольку раз объехали волости и сельские общества и разъясняли закон о земле на волостных и сельских сходах и в частных беседах с крестьянами.

4) В некоторых уездах уездными посредниками были созваны съезды волостных старшин и сельских старост для ознакомления с законом о земле и порядком выборов.

5) В газете «Крестьянский Путь» помещается обширный, систематически сообщаемый управлением земледелия редакционный материал по разъяснению земельного закона, причем ведомство, со своей стороны, оказывает всяческое содействие распространению этой полезной газеты в крестьянских массах.

6) На фронте при начальнике гражданской части штаба главнокомандующего организована партия агитаторов, которая, разъезжая по фронту, ознакомляет с законом путем собеседования, раздачи литературы войсковые части и жителей прифронтовой полосы, проникая иногда за фронт (один из агитаторов был арестован большевиками, но благополучно возвратился, пострадав лишь от ограбления).

7) С целью подготовки кадра работников по проведению в жизнь аграрной реформы, группа профессоров высшего юридического института открыла краткосрочные курсы крестьянского права и хозяйства. При всемерной поддержке управления земледелия, курсантам подробно разъяснен земельный закон в связи с историей крестьянского законодательства в России и современным положением, и выпущено до 40 человек вполне подготовленных слушателей. В настоящее время открылась вторая сессия курсов, на которую уже записалось до 80 человек.

В результате все население достаточно ознакомлено с содержанием земельного закона, за исключением разве самых захолустных поселков, но и эти поселки с открытием действий волостных земельных советов не могут уже не знать о земельном законе.

Выборы волостных и уездных земельных советов.

К подготовке выборов и содействию скорейшей организации волостных земельных советов уездные посредники приступили немедленно по прибытии на места, т.-е. с начала июля месяца.

Все предвыборные действия были произведены при ближайшем участии уездных посредников и их помощников, благодаря чему, несмотря на страдное время и крайне обременительные воинские повинности (подводная, окопная и др.), уже в конце июля было образовано несколько волостных советов, а во второй половине августа волостные земельные советы функционировали во всех волостях, за исклю-

чением лишь тех, где выборы не могли состояться вследствие военных действий.

Некоторая задержка выборов в Днепровском, Мелитопольском и Бердянском уездах произошла в связи с последним натиском большевиков.

В настоящее время выбрано и функционирует 83 волостных земельных совета, как видно из прилагаемой таблицы:

Уезды	Количество волостей, где произведены выборы	Количество избранных волостных земельных советов
Симферопольский	7	7
Евпаторийский	7	7
Феодосийский	8	7
Перекопский	9	9
Мелитопольский	35	24
Днепровский	20	19
Бердянский	48	12
Ялтинский	6	1
	140	86

В Мелитопольском, Бердянском и Днепровском уездах волости, в которых волостные земельные советы еще не избраны, находились в районе военных действий, в Феодосийском уезде выборы 4-х волостных земельных советов задержались в связи с отбыванием воинских повинностей, а в 5-ти волостях Ялтинского уезда не предполагается образовывать волостных земельных советов.

Одновременно с избранием членов волостных земельных советов были также избраны и члены уездных земельных советов, которые образованы во всех уездах, кроме Ялтинского, где вследствие преобладания мелкого землевладения земельный закон почти не находит себе применения. Только в одной Байдарской волости образован земельный совет, присоединенный в Симферопольскому уезду.

Деятельность волостных земельных советов и первые их постановления.

Волостные земельные советы немедленно после избрания приступили к работе по: 1) обследованию земельного фонда волости, подлежащего передаче земледельцам, 2) выяснению земельной нужды населения, 3) установлению норм крестьянского и помещичьего землевладения, 4) собиранию сведений о средней урожайности для определения выкупной стоимости земли, 5) выяснению прав каждого данного лица на получение того или иного участка земли, 6) обеспечению интересов воинов, сражающихся за восстановление русской государственности, и др. Работы эти производились при ближайшем содействии чинов ведомства земледелия. В настоящее время обследование земельного фонда почти везде закончено, большинством во-

лостных земельных советов уже составлены предположения о нормах крестьянского и помещичьего землевладения, которые и представлены в уездные советы.

До сего времени получены сведения о нормах крестьянского и помещичьего землевладения, выработанных волостными советами уездов Симферопольского, Евпаторийского и Перекопского.

Отдельными волостными земельными советами намечены следующие нормы крестьянского и помещичьего землевладения [4]):

Уезды	Максимум крестьянского землевладения (в десятинах)	Максимум помещичьего землевладения (в десятинах)
Перекопский	35, 65, 75, 100 и 150	150, 200, 300 и 400
Симферопольский	10, 35, 45, 65, 75	100 с правом увеличения до 600
Евпаторийский	40, 60, 100	100

Разнообразие норм объясняется тем, что при выработке их волостные земельные советы принимали во внимание качество почвы и многосемейность для крестьянского землевладения и культурность имения для землевладельцев.

Вместе с тем намечены планы выполнения на местах земельных работ по распределению участков между трудящимися и порядок производства этих работ по отдельным имениям.

Фактически на некоторых имениях к этим работам приступлено, а в имении «Атманай» Фелибера-Шатилова Мелитопольского уезда Ефремовской волости эти работы уже заканчиваются.

В этом имении числится около 9 000 десятин, из коих 1 500 десятин, находящихся под соляными промыслами, переданы для эксплоатации владельцу, 500 десятин оставлены в запасе для наделения воинов, а остальные укрепляются за 143 земледельцами. Рассмотрение этого дела в Мелитопольском уездном земельном совете состоится между 18—22 сентября, после чего новым собственникам будут выданы владенные акты по прилагаемой при сем форме *).

Покупная стоимость отчуждаемой из имения земли может быть определена только по установлении средней урожайности. Эта сложная работа не могла быть выполнена ко времени сбора урожая. Поэтому приказом главнокомандующего от 26 июля № 3367 на текущий год установлен сбор хлеба и арендных платежей с арендаторов и скопщиков в размере $^1/_5$ действительного урожая. Сбор этот в пределах Таврического полуострова в большинстве случаев уже внесен непосредственно владельцам, в северных уездах поступит после обмолота хлеба в казну.

Все эти сборы, как поступившие непосредственно владельцам, так и в казну, будут зачтены в счет выкупных платежей за укрепленную в собственность земледельцев землю.

---

*) Форма владенного акта в деле отсутствует.

Казенные земли.

Еще до избрания волостных земельных советов управлением земледелия было сделано распоряжение о срочной подготовке всей площади казенных земель (оброчные статьи) для закрепления их в собственность земледельческого населения. С этой целью участковым заведывающим казенным земельным фондом поручено: 1) завершить все основные расчеты с лицами, приобретавшими эти земли до издания земельного закона, 2) составить списки постоянных арендаторов земель, разбитых на участки единоличного владения, и 3) выяснить количество земель, пригодных для передачи земледельческому населению, но на участки еще не разбитых.

В спешном порядке производится приостановленная во время революции выдача крепостных документов на мелкие участки казенной земли, проданной ранее в количестве 62 000 десятин 3 000 хозяевам, а 133 000 десятин казенных земель подлежат укреплению при участии земельных советов.

5.

Письмо начальника управления земледелия и землеустройства Глинки В. А. Маклакову 16 (29) сентября 1920 г.

Милостивый государь
Василий Алексеевич!

Прилагаю при этом всевозможные данные для освещения вопроса о проведении в жизнь земельного закона.

Пользуюсь случаем еще раз заявить вам о моем личном отношении к этому закону, в виду нелепой сплетни относительно моего к нему недостаточного сочувствия.

Будучи призван генералом Врангелем к разработке земельного вопроса и председательствуя в двух комиссиях из назначенных генералом лиц, я представил ему мнения этих комиссий, в которых не состоялось единомысленного заключения ни по одному из положений, касающихся установления нового земельного порядка, причем и мое предположение о немедленной передаче крестьянам всех арендуемых ими земель частновладельческих, и то встретило в обеих комиссиях ряд возражений.

Генерал Врангель, в половине мая, рассмотрев все эти разноречивые мнения, не только признал необходимым, согласно моему докладу, передать весь арендный земельный фонд крестьянам, но решил итти и дальше, указав мне те основания, на которых и построена теперь проводимая широкая земельная реформа.

С полным убеждением в необходимости этого шага я составил проект земельного закона 25 мая, присоединив к нему и проект введения крестьянского волостного земства, и этот проект, почти без всяких изменений и поправок, получил, по одобрении его советом главнокомандующего, утверждение генерала Врангеля, и лишь вве-

дение волостного земства, замененного земельными советами в виде временного учреждения, по совету принявшего в это время пост помощника главкома, А. В. Кривошеина, было отложено, чтобы получить окончательную разработку и утверждение позднее, 15 июля.

Из этого, я надеюсь, вы увидите, что басня о холодном отношении моем к закону, в создании которого мне довелось принимать такое горячее и близкое участие, есть выдумка, легко схваченная двумя группами враждебно настроенных по отношению меня и самого закона партий — крайних представителей двух взглядов на собственность: слева и справа.

Лично я всю свою службу, в течение 30 лет, посвятил крестьянскому делу и убежденно работал по земельному устройству крестьян и в Европейской России и в Сибири и, будучи убежденным противником социализма и коммунизма и монархистом, глубоко верю в необходимость широких социальных реформ, одной из которых является новый земельный закон, и в творческий дух и хозяйственный разум крестьянства — основы нашего государственного строя в прошлом и, несомненно, в будущем.

Земельный закон генерала Врангеля имеет две основы:

1) идею частной земельной собственности, но собственности мелкой, связанной с близостью личности хозяина к его земле, и

2) свободы и права земледельческого населения (по преимуществу мелких хозяев) устраивать земельный порядок, согласный с местными правовыми воззрениями на собственность и местными экономическими условиями.

Правительственная власть *не указывает и не распоряжается* в земельном деле местными органами, а только помогает и содействует им в этом деле, предупреждая только, если это будет нужно, гибельное вмешательство в него противугосударственных *элементов* (четырехвостной толпы) и идей всеобщего поравнения даже мелкой собственности, разрушения мелких трудовых хозяйств, или производительно-потребительных хозяйственных единиц, культурно-промышленных центров и *минимальных* интересов бывших крупных владельцев, ограждаемых законом.

Передачу же земель от одних собственников к другим закон имеет в виду осуществить не в форме только попустительства захватам или какого-нибудь временного предоставления участков обрабатывающим их хозяевам, а в виде прочно укрепляемых на праве собственности и за определенное вознаграждение владений, что требует, очевидно, и измерений, и обследований, и выяснения прав, и разрешения споров, и составления письменных актов.

Таким образом ни новые земельные крестьянские учреждения, образование которых в законном порядке, само собою, требует времени, ни тем менее правительственная власть возглавляемого мною управления или командируемые ею чиновники не могут провести закон в жизнь без значительной подготовительной работы.

Фантастические планы собрать землемеров и нотариусов и возами везти их вслед за русской армией для землеустройства, до чего договариваются люди, ничего не понимающие в земельном деле и праве, — из числа всяких политических авантюристов-агитаторов, иногда принимающих личину сторонников генерала Врангеля, — останутся всегда планами.

Таким образом самая энергичная работа ведомства земледелия и землеустройства по введению в жизнь приказа о земле должна была ограничиться на первое время нижеследующими заданиями, при современных условиях требующими весьма и весьма больших усилий.

Широкое распространение в населении закона и доступных малограмотному классу разъяснений даруемых законом прав.

Сделано для этого многое. Закон и разъяснения отпечатаны в виде плакатов (что, при недостатке бумаги и отсутствии правильных почтовых сообщений, не легко), тысячами распространены в селениях, особенно в прифронтовой полосе, проникая и за фронт, хотя там и действует красный приказ «расстреливать всякого, у кого найдется печатный экземпляр врангелевского закона».

Кроме этого ведомство организовало словесные разъяснения и собеседования о законе. Люди, принадлежащие к составу будущих работников в качестве помощников посредников, с образовательным и служебным по крестьянскому делу цензом, сторонники идей закона, объехали волости, завязав личные сношения на местах, и имели публичные беседы. Сгруппирована целая серия лекторов, а для подготовки их устроены курсы, на которых я лично и мои сотрудники, а также приват-доценты университета, в 6 недель подготовили около 40 лиц, сведущих в этом деле и способных занять в земельных советах должности секретарей — при первом запросе на интеллигентный труд со стороны этих учреждений. Сейчас открылась и вторая серия таких же курсов, на которые поступило уже 75 слушателей.

Ведомство вступило в тесное содружество с крестьянским союзом, задачи и деятельность которого вам будут ясны из прилагаемой декларации союза и издаваемой им газеты, которая получает изо дня в день все более широкое распространение [5]).

За этим первым шагом — публикация и пропаганда нового закона всеми путями, пригодными для побуждения в крестьянском населении самостоятельной инициативы в осуществлении всех ему принадлежащих прав — следует назначение во все уезды посредников, помощников их и землемеров. Это сделано повсеместно, причем все они инструктированы управлением в одном направлении, чтобы не мешать выражению воли народной, содействовать и служить осуществлению чаяний крестьянства в отношении расширения хозяйства исправных хозяев, заведению собственных хозяйств на арендуемой земле, словом, определенно вести дело к устроению нового земельного порядка, но не путем приказа и власти, а путем

помощи новым хозяевам дела своею опытностью и техническими знаниями.

Далее идут заботы о повсеместном образовании советов.

Этому должны предшествовать выборы десятидворников — сложнейшее дело в условиях военной обстановки, требующее времени. И это уже выполнено теперь повсюду, кроме волостей, переходивших летом из рук в руки при военных операциях.

По выборе волостных советов, их, и при том непременно их, самостоятельного обсуждения и решения требует целый ряд вопросов, которые, однако, не могут получить решения без представления советам данных о землях, об урожайности и составе арендаторов всех частновладельческих имений, ранее не состоявших на учете в волостных управлениях.

Этим-то и занялись повсеместно внимательно и очень серьезно и вдумчиво советы. Вопросы: о количестве земли, подлежащей укреплению за отдельными хозяевами (норма максимального фермерского хозяйства), о количестве земли, подлежащей оставлению за теми, у кого оставляется одна усадьба и отбираются тысячи десятин, об устройстве отсутствующих воинов и отводе для этого особого фонда, наконец, о распределении между сидящими на чужой земле или постоянно обрабатывающими ее хозяевами частновладельческих имений, — все это в настоящее время уже почти везде намечено советами, но требовало везде немало времени и труда, тогда как летние месяцы отвлекали людей на хозяйственные работы, а военные операции часто в прифронтовой полосе заставляли прерывать всякие собрания и занятия и лишь в последние месяцы позволили повсеместно образовать сходы и выборы (цифровые данные в справке).

Особенно же важным препятствием к быстрому укреплению земель за работающими на них крестьянами является весьма естественная осторожность населения в принятии на себя, связанной по закону с укреплением земли, обязанности немедленно ее обработать. Настоящие условия таковы, что хозяева, имея огромные запасы зерна прежнего урожая, иногда даже еще не обмолоченного, при крайнем истощении инвентаря и рабочего скота, не могут часто обработать и коренной своей надельной земли, в этой местности в среднем представляющей довольно крупные наделы, около 10 десятин на хозяйство, причем хуторяне-отрубники имеют почти все не менее 20—30 десятин. В виду этого, убедившись в прочности обещаний закона Врангеля, а в этом укрепляют их наглядные примеры начатых уже разделов крупных имений, крестьяне не имеют оснований спешить с укреплением участков, фактически уже находящихся в их пользовании, и дело советов идет не с тою лихорадочной спешностью, которой желательно было бы достигнуть, если бы напряжение и темп работы зависел от самих советов.

Примите уверение в особом моем уважении *Глинка.*

16 (29) сентября 1920 г. № 5198.

II.

ДОНЕСЕНИЯ С МЕСТ.

1.

Доклад начальнику политической части штаба главнокомандующего начальника Керченского отделения полит. части 26 июня (9 июля) 1920 г. № 28.

Секретно.

Доклад о положении на месте с 17 по 24 июня 1920 г.

А. В деревне.

Земельный закон 25 мая и все связанное с ним — вот что стоит в центре интересов всего населения Керченского района, особенно сельского. Умиротворяющий и несущий полное удовлетворение в своих принципах, он все еще вызывает сомнение недостаточной ясностью и кажущейся медленностью в его проведении. Местное население — особенно русское — не изжило еще окончательно большевизма. Изверившееся и недоверчивое, оно и к проведению земельного закона относится с той характерной для переживаемого времени осторожностью в отношениях к правительству, которой так легко воспользоваться его врагам. И есть указания на то, что в среде самого населения имеются элементы, пользующиеся указанным настроением. Пока нельзя еще говорить о фактах, подлежащих установлению соответствующими органами (хотя и можно подозревать какие-то получения большевистской литературы), но обращают на себя внимание отдельные выражения, недоверчивые улыбки, с которыми выслушиваются разъяснения о мероприятиях правительства, и постоянная фраза: «нам все равно — Врангель или большевики, лишь бы был порядок».

По пути к установлению этого порядка одним из камней преткновения является вопрос «скопщины». Этого вопроса почти не касается «Приказ о земле», и только в основных принципах его разрешает официальное разъяснение сенатора Глинки от 13 сего июня. В Керченском районе этот вопрос в следующем положении.

Прошлой осенью, перед началом озимой запашки местные крупные «хлеборобы», в собрании под председательством начальника гарнизона генерала Ходаковского, установили норму арендной платы натурой. Эта норма равнялась $1/4$ с молотьбой средствами арендатора и $1/3$ с молотьбой за счет землевладельца. Большинство помещиков приняло это постановление в основание своих договоров, большею частью словесных. Но многим оно показалось не имеющим обязательной силы, и в отдельных случаях скопщику приходилось соглашаться на половину урожая. Арендные правила 21 сентября 1919 г., изданные с большим опозданием, не внесли необходимого порядка в путаницу арендных отношений. До крестьянского населения они не дошли, а куда

дошли — без надлежащих разъяснений. Помещикам же невыгодно было их распространять. В результате — для многих они совершенно неизвестны и почти нигде не соблюдаются. Хотя они и не противоречат нормам закона 25 мая, но неопределенное отношение к ним нового правительства не позволяет базироваться на них в вопросах условных арендных договоров, когда установление нормы оплаты натурой было отложено до времени сбора урожая. При этом нужно иметь в виду, что почти всюду урожай ниже среднего, а часто и совсем плохой.

Разъяснение губернского посредника, переданное ......*) 16 сего июня, в котором указывается на полную и немедленную отмену арендных взносов в пользу владельцев земли, внесло еще больший сумбур в умы мелких арендаторов, которых уже трудно уговорить в необходимости соблюдения частных арендных договоров, тогда как им кажется, что их более счастливые соседи могут спокойно внести одну пятую урожая государству, в надежде на то, что она будет зачтена в счет первого взноса за подлежащую отчуждению в их пользу землю. В лучшем случае крестьяне-арендаторы боятся, что в текущем году им придется платить два раза: арендную плату помещику и выкупной взнос государству. Но часто приходится слышать и прямой отказ от уплаты арендного взноса помещикам. Предлагается даже такая мера — организация ссыпных пунктов с условными взносами натурой, впредь до установления точных размеров участков и нормы средней урожайности.

Эта земля признается городом «надельной».

Самостоятельным — и тоже осложняющим — фактором в вопросах землепользования в Керченском районе является крупное городское землевладение (свыше 17 тысяч десятин). После неоднократных напоминаний городская управа представила данные по этому вопросу, которые по обработке явятся темой самостоятельного доклада.

В виду изложенного определяется необходимость: безотлагательно начать подготовительные работы по проведению в жизнь земельного закона на местах и в срочном порядке официальным путем разъяснить все сомнения, возникающие из толкований приказа 25 мая, причем желательно, чтобы до начала работ эти разъяснения шли непосредственно от правительства или от управления земледелия и землеустройства, а не через губернского посредника, подорвавшего несколько свой авторитет разъяснением, идущим вразрез с официальным сообщением.

Образование волостных земельных советов в районе несколько затруднено удаленностью центральных уездных учреждений и обширностью волостей, которых во всем Керченском районе две, с правлениями в Петровском и в Сараймине, причем в Керчи нет, конечно, никаких органов земского самоуправления. Городское же самоупра-

*) В подлиннике неразборчиво.

вление является заинтересованной стороной как крупный землевладелец.

Кроме указанных соображений, спешность проведения закона о земле (начала работ по его проведению) вызывается и тем, что приказ № 3243 остался в районе почти неисполненным. Отдельные воинские части иногда оказывали некоторую помощь по сбору урожая, но ни угля, ни железа, ни орудий население не видело. Острая нужда, может быть, несколько ослабла, но организация подвижных кузниц и мастерских, с запасными частями для земледельческих орудий, могла бы еще ответить насущным потребностям, подкрепив веру в мероприятия правительства. Нельзя ли было бы привлечь к этому делу земский союз?

Скверно у крестьян обстоит дело и с маслобойнями, которые требуют оплату натурой по 8 фунтов масла за обработку 1 пуда льна, дающего всего 12 фунтов масла, так что крестьянам остается всего 4 фунта с пуда. Необходима в этом вопросе известная регулировка.

Б. В городе.

Городская общественная жизнь в полном затишьи. Можно только отметить образование специального предприятия для капитализирования имений Олив «Камыш-Бурун», насчитывающих до 6 000 десятин, из которых пахотных и сенокосных не менее 5 000 десятин. Олив оценивают свои имения до 240 миллионов, на каковую сумму и... *).

2.

Рапорт начальнику управления земледелия и землеустройства уполномоченного при донском корпусе 13 (26) июня 1920 г.

28 сего мая, согласно словесного распоряжения начальника гражданской части, я выехал из г. Севастополя с его управлением к штабу донского корпуса и 3 июня прибыл в г. Мелитополь, где временно расположилось управление гражданской части.

По распоряжению военных властей, в район действий гражданской части при донском корпусе входит территория от г. Геническа на восток от полотна железной дороги (Севастополь — Александровск) до г. Мелитополя, проходя северней его и охватывая волости западной части Бердянского уезда.

Крестьянство этих волостей, благодаря крупным наделам, зажиточно, и только незначительная часть их нуждается в прирезке земли.

Частновладельческих и казенных земель много, но распределены они по волостям неравномерно: есть волость (Давыдовская), совершенно не имеющая частновладельческих и казенных земель, и, наоборот, Юзкуйская, Акимовская и Ново-Григорьевская волости имеют очень большое количество частновладельческой земли.

*) Продолжение доклада в архиве не сохранилось.

Посевная площадь этого года, сравнительно с прошлыми годами, понизилась до 50% нормального засева. Объясняется это, во-первых, значительным уменьшением живого инвентаря и, во-вторых, неуверенностью хозяина в реализации им своего урожая.

Урожай по всей местности ниже среднего, в особенности яровых хлебов. Объясняется это плохой и поздней обработкой, отсутствием живого инвентаря, угнанного красными на Перекопский фронт, малым количеством дождей и вообще инертным отношением крестьян к посеву благодаря частой смене власти и обесцениванию денежных знаков.

7, 8, 9 и 10 июня, совместно с начальником гражданской части при донском корпусе, я объехал все волости от г. Мелитополя до г. Геническа, для ознакомления населения с приказом главнокомандующего о земле от 25 мая сего 1920 года и немедленной организации по составлению списков выборщиков на волостные земельные сходы. В каждую волость были вызваны сельские старосты, писаря, представители причта, училищ и частно-владения и желающие ознакомиться с законом крестьяне. Всем должностным лицам был вручен закон о земле и даны подробные разъяснения по всем вопросам, затрагиваемым этим законом.

Из разговоров с крестьянами я вынес впечатление, что после целого ряда обещаний со стороны разных властей, бывших в этом районе со дня революции, крестьяне утратили всякую веру в эти обещания и их волнуют больше непосредственно затрагивающие в данный момент интересы: аннулирование советских денег, мобилизация, частично неправильная реквизиция лошадей и скота, подводная повинность и т. д., так что казалось, что самый важный для них вопрос о земле отошел на второй план.

Думаю, что с удалением фронта это отношение изменится.

Боюсь, что при немедленных выборах в волостной земельный совет попадет не положительный элемент деревни, а скорее отрицательный, что объясняется: во-первых, близостью фронта, во-вторых, неуверенностью в его твердость, что удержит положительные элементы деревни от активных выступлений на выборах и, в-третьих, полным отсутствием интеллигентного элемента в деревне, а потому полагал бы более целесообразным отложить выборы хотя бы до введения постоянной административной власти в уезде.

На вышеуказанной территории находятся 1-й и 9-й участки государственных земельных имуществ, Акимовская машино-испытательная станция, плодовый питомник при станции Ново-Алексеевка и Алтагирская лесная дача.

К охране инвентаря, имеющегося там, мною приняты меры.

В пределах указанного района имеется советское хозяйство — Атманай, в которое, на основании ст. 7 Правил [6]), командирован для взятия его на учет заведывающий 2 участком государственных земельных имуществ агроном Григорович и возбуждено ходатайство перед вашим превосходительством о командировании соответствующего лица.

Прошу ваше превосходительство дать мне следующие указания:

1) подлежат ли оплате казне сданные на год в аренду казенные участки, по которым были заключены условия, и подлежит ли взысканию плата с тех крестьян, которые самовольно запахали сданные и оплаченные другими участки,

2) можно ли допускать постройку единоличным арендаторам, арендующим по нескольку лет эти участки и частью уже построившимся.

На-днях выезжаю в район Бердянского уезда, по возвращении оттуда дополнительно доложу.

Уполномоченный [подпись].

13 июня 1920 г.
№ 69.
г. Мелитополь.

3.

Рапорт начальнику управления земледелия и землеустройства уполномоченного при I армейском корпусе 29 июня (12 июля) 1920 г. № 35.

Знакомясь с Днепровским уездом по отношению состояния полей и уборки урожая, я пришел к довольно печальному выводу.

Громадная площадь как крестьянских, так и помещичьих полей, озимых и яровых, вовсе не засеяна. По сравнению с нормальным временем крестьянских полей засеяно озимым хлебом приблизительно $^1/_3$, яровым хлебом—$^1/_4$ часть, из бывших помещичьих и того меньше: в имении А. С. Скадовского «Балтазаровка» вместо обычных 1 500 десятин имеется озимой пшеницы 2 десятины, вместо 1 200 десятин ярового посева 153 десятины, в «Аскания-Нова» Ф. Э. Фальц-Фейна при обычных 1 800 десятин озимого и 1 300 десятин ярового хлеба ничего не засеяно, в первом имении скопщине отдано около 750 десятин, во втором — около 700 десятин, на $^1/_3$ помещиком в имении бр. Стась (свыше 1 000 десятин) ничего не засеяно и т. д.

Главные причины: осенняя и весенняя засухи, непосильная подводная повинность как для советской, так и для русской армий, реквизиция лошадей и отсутствие кузнечного угля для ремонта лемехов и сельскохозяйственных орудий. При этом, благодаря засухе и плохой обработке, урожай вышел ниже среднего. В данной местности средним урожаем считается 50 пудов с десятины озимой пшеницы и ржи и 40—45 пудов ячменя и яровой пшеницы, а ожидается в сем, 1920, году с десятины не более 40 пудов озимого хлеба и 24—30 пудов ярового. Есть и участки ячменя, которые крестьяне вовсе не снимают в виду совершенно плохого их состояния.

Уборка урожая задерживается отсутствием живого инвентаря. Большое число лошадей и подвод угнано еще большевиками при их отступлении, много лошадей занято в подводной повинности в русской армии и взято по мобилизации.

Подготовка полей к озимому посеву почти нигде не сделана — опять в виду отсутствия живого инвентаря и неисправности мертвого инвентаря.

Запасы хлеба прошлых годов у крестьян, как видно, имеются, в помещичьих экономиях же — не везде. Так, в «Аскания-Нова» зерновых продуктов для скота, животных и птиц зоопарка вряд ли хватит до 1 января 1921 г.

Выросшей на незасеянных полях травой не пришлось воспользоваться по тем же вышеизложенным причинам.

Уполномоченный [подпись].

4.

Выпись из рапорта начальника гражданской части при штабе главнокомандующего от 30 июля (12 августа) 1920 года № 36 *).

Закон о земле.

При самой энергичной работе, которую считаю долгом засвидетельствовать, сначала чинов администрации, а затем прибывших с значительным опозданием уездных посредников, закон о земле разъяснен повсюду; я считаю совершенно голословными постоянные обвинения гражданской власти военными частями в неосведомлении населения и о каком-то «пассивно-преступном» отношении к своим обязанностям. Тому, кто много работал с крестьянами, хорошо известна их психология, которая выражается в ответах начальству: «мы люди темные», «да нам ничего неизвестно» и т. п.

Я совершенно категорически заявляю, что закон им известен, но они относятся к нему, в большинстве, совершенно индиферентно, т.-е., с одной стороны, они не уверены в нашем окончательном успехе, с другой же стороны, они в настоящее время еле справляются и с собственной землей, в виду малого количества живого и мертвого инвентаря. Выборы в земельные советы еще не состоялись по многим волостям не из-за бездействия власти, а из-за того, что постоянно назначаемые на какое-нибудь число избирательные сходы, за неявкой избирателей, приходилось откладывать. Причины абсентеизма, кроме вышеуказанных, еще и те, что население в настоящее время занято уборкой и молотьбой и, кроме того, исполняет подводную повинность. В тех волостях, где выборы состоялись, главным образом прошел весьма «серый» элемент, так как более яркие лица, в виду неясности общего положения, боятся выставить свою кандидатуру.

5.

Доклад таврического губернского посредника по земельным делам начальнику управления земледелия и землеустройства 31 августа (13 сентября) 1920 г.

Приближение времени осенних посевов ставит на очередь вопрос о принятии срочных мер к передаче земли трудящимся на ней хозяевам,

*) Заголовок подлинника.

дабы посевная площадь, — весьма незначительная, вообще, — не оказалась еще более преуменьшенной. В этом последнем отношении у меня имеются вполне реальные опасения, сущность которых сводится к тому, что землевладельцы, считающие со времени издания земельного закона в значительной мере отпавшим свое право хозяйственного использования земли, вовсе не будут заинтересованы в раздаче своих земель в аренду и даже в обработке земли собственными силами. Правильность изложенного положения вытекает из того, что если уже в текущем году взнос скопщины допускался и в казну, а не исключительно владельцу, то в будущем году это, несомненно, окажется общим правилом, и владельцы должны будут ожидать расчета с казной, ожидать, быть может, неопределенно долго.

Засим, возможность в каждый данный момент распределения частновладельческой земли едва ли может рассматриваться как причина, благоприятствующая вложению в землю личного труда и капитала. Таким образом следует прийти к выводу, что землевладельцы не имеют оснований к проявлению забот об увеличении посевной площади или даже поддержанию ее на уровне прошлого года. Остается, следовательно, или распределение частновладельческой земли через земельные учреждения в порядке ст. ст. 12 [7]) и 13 [8]) Правил 25 мая 1920 г., или же, при безуспешности этого, сдача земель в аренду в порядке ст. 18 [9]) тех же Правил.

На осуществимости этих способов обеспечения нормальных озимых посевов надлежит остановиться с возможной подробностью, тем более, что опыт работ по укреплению земли в Атманае дает возможность корректировать выводы с чисто практической точки зрения.

Распределение земли в собственность в порядке ст. ст. 12 и 13 Правил 25 мая 1920 г. должно быть признано процессом, чрезвычайно длительным и, кроме того, осложняющимся целым рядом привходящих обстоятельств, зависящих от разнообразных причин (близости фронта, отношения населения к факту получения земли в собственность, размера надельного землевладения, разнокачественности передаваемых земель, требующей расценки и зачетов и пр.). Наиболее простыми действиями волостных земельных советов, предшествующими распределению земли, надлежит считать: 1) составление списка арендаторов и лиц, желающих получить землю, и 2) установление в порядке п. 2 ст. 14 [10]) и п. п. 1 и 2 ст. 15 [11]) Правил 25 мая 1920 г., кто действительно может и должен землю получить. Затем определение высшего размера землевладения, подлежащего закреплению за будущими собственниками, уже представляет серьезные затруднения, так как названное определение целесообразно может быть проведено лишь в случае предварительного выяснения: 1) количества лиц, за коими может быть закреплена земля, и 2) размера земельного фонда, подлежащего распределению. А эта работа только начата волостными советами и далеко не во всех уездах губернии. Конечно, можно допустить установление высшего размера землевладения трудящихся хозяев и без

обследования, требуемого ст. 11 [12]) Правил 25 мая 1920 г., однако, установление такое будет, несомненно, далеко от правильности, и волостные земельные советы могут уклониться от вынесения соответствующих постановлений. Между прочим в этом лежит одна из причин, могущих вовсе приостановить намерения правительства производить распределение земли, предпринимаемое в целях агитационно-политических по отдельным имениям, так как, если со стороны подлежащего волостного совета и не последует возражений к установлению для таких отдельных случаев нормы укрепления, то не участвующее в производящемся распределении население может считать неправильным подобные отдельные распределения без учета нужды в земле всей волости.

Далее, нормальному укреплению земли в собственность должно предшествовать определение размера платежа, т.-е. выяснение средней урожайности, и в этом отношении нельзя, например, быть уверенным, что Атманайское дело закончится выдачей документов, в которых платеж не определен, и естественно ожидать, что лица, за коими земля закрепляется, потребуют точного указания размера платежа и вовсе откажутся от укрепления при неопределенности принятой в проекте документа формулы.

Наконец, если бы указанные сложные и обязательно длительные операции и удалось срочно выполнить или теми или иными средствами упростить, необходимо было бы перейти к распределению земли, т.-е. к действиям чисто землеустроительного характера — составлению целесообразного проекта, устройству дорожной сети, выяснению условий водоснабжения и пр., причем, поскольку эти вопросы безразличны для арендаторов поступающей в распределение земли, постольку они становятся сложными и спорными в предположении укрепления земли в собственность. В этом случае будущие собственники со всей энергией заявляют требования не только по вопросам, вышенамеченным, но и по поводу оценки земли и зачета количества земли за ее качества. Так, это имеет место и в Атманае, где, во избежание замедления в работах, много усилий было потрачено на преодоление указанных затруднений и упрощение землеустроительной схемы, и если что-либо в этом отношении достигнуто, то лишь вследствие сравнительной однокачественности земли Атманая, поступающей в распределение. Во всяком случае, при всех упрощениях землеустроительные действия потребуют весьма больших кадров техников, и, в частности, в Атманае работает партия в шесть человек, не считая посредника и его помощника, непрерывно находящихся на месте работ или в пределах волости. Однако, если и землеустроительные исполнения не считать сложными и требующими значительного времени и иметь в виду возможность укрепления земли не отдельными участками, а общими массивами, то остается самый важный вопрос, от того или иного разрешения которого зависит вообще весь успех земельного дела. Я говорю о желании или нежелании населения получить землю в собственность, и в этом отношении объективные данные удостоверяют, что до сих пор

не проявлялось особого стремления к закреплению земли. Причин этого чрезвычайно важного явления много, и среди них имеются и общие для всей губернии и частные, зависящие от местных условий.

Главнейшей причиной более чем сдержанного отношения населения к возможности осуществить свою вековечную мечту о земле является неуверенность в прочности положения, увеличивающаяся по мере приближения к фронту, где до наступления большего или меньшего спокойствия население, в лучшем случае, совершенно индиферентно относится к вопросу о земле, решительно уклоняется от какого-либо непосредственного участия в попытках применения закона и ограничивается молчаливым, без возражения и обсуждения, выслушиванием даваемых ему разъяснений. Именно поэтому представляется совершенно неосуществимой практически мысль о передаче земли крестьянам в полосе, ближайшей к фронту, и если бы я лично не участвовал в организации работ по Атманаю, я не верил бы сообщениям о той перемене, которая происходит с крестьянами, едва до них донесется звук выстрелов или только слухи об отходе, эвакуации. Немедленно прекращается предоставление рабочих, подвод, исчезает только что проявляемый интерес к делу, и нет средств, кои позволили бы при этих условиях продолжать начатое дело. Боязнь расправы со стороны могущих прийти большевиков парализует, в рассматриваемом случае, волю и ум крестьян и заставляет их видеть, особенно в усиленной спешке, с которой приходится работать, какой-то «подвох», если не прямую провокацию, и относиться ко всем предложениям с осторожностью, граничащей с невозможностью работать.

Все изложенное здесь с поразительной точностью пришлось наблюдать лично мне. Достаточно было услышать Ефремовцам канонаду, убедиться в отходе войск, и их отличное, по словам находившихся там землеустроительных чинов, отношение к предполагаемому укреплению земли изменилось настолько, что я слышал только жалобы на реквизицию лошадей, подводную повинность и заявления, что земля им не нужна, так как и со своей они не могут управиться. То же самое и в Атманае. Как только донеслись туда отзвуки военной грозы, сразу прекратилась сдача скопщины, и у безземельных арендаторов с Волчьего хутора появились сомнения, опасения, затруднения. Поэтому-то, только при условии, что в районе Атманая вновь наступит полное успокоение, и возможно будет рассчитывать на благополучное окончание работ.

Второй из причин, влияющих на степень проявления крестьянами интереса к укреплению земли, следует считать весьма распространенное мнение о том, что установленный законом платеж за землю очень высок и что при существовании такого платежа представляется экономически безвыгодным приобретать землю. В этом отношении приходилось слышать не только мнения отдельных крестьян или групп их, но этот вопрос обсуждается уже волостными земельными советами. Так, Булганакский совет, едва ли не единственный в губернии по

работоспособности и правильному пониманию задач, разрешаемых земельным законом, уже постановил ходатайствовать о понижении размера выкупа и приводит следующую формулировку этого постановления: «Принимая во внимание, — пишет совет, — среднюю урожайность по Булганакской волости 30 пудов и считая высшую норму на хозяйство в 65 десятин, из коих: 5 десятин постоянного выпаса, 20 десятин озимого, 20 десятин ярового и 20 десятин черного пару, получится пшеницы 600 пудов, из коих нужно внести в казну 390 пудов, употребить на посев в 20 десятин — 200 пудов. Таким образом остается в пользу хозяина наиболее необходимого ему хлеба всего 10 пудов и яровой хлеб». Как бы в подтверждение экономической безвыгодности укрепления земли на этих условиях, в Булганакской волости обнаружилось, что на предложение заявить о желании укрепить землю желающих почти не оказывается, и арендаторы высказываются в том смысле, что им выгоднее арендовать землю на прежних условиях, а не укреплять в собственность. Очевидно в связи с крайним ослаблением хозяйственной мощи населения, работающего на земле, и разрухой последних лет, чем объясняется, между прочим, низкий размер урожайности последних лет, придется подвергнуть вопрос о размере выкупа пересмотру, в целях приведения его в соответствие с условиями, при коих озимый хлеб шел бы не только на уплату казне, но и на посев. Во всяком случае, я имею основание считать, что и другие земельные советы выскажутся за понижение платежей и что, впредь до этого понижения или точного их определения и утверждения, едва ли возможно рассчитывать на развитие работ по укреплению земли.

Затем также общей причиной, побуждающей крестьян воздерживаться от предъявления требований об укреплении земли, является чрезвычайное, в результате гражданской войны, уменьшение живого инвентаря крестьянских хозяйств и крайняя изношенность и невозможность ремонта сельскохозяйственных орудий. Частые реквизиции лошадей, иногда производящиеся без соображения с потребностями хозяйства, приводили к оставлению в хозяйстве одной-двух, иногда больных или увечных, лошадей, затем все усиливающаяся и становящаяся непосильной подводная повинность отрывает и этих лошадей от хозяйственных работ, и общие, в особенности в прифронтовых местностях, заявления крестьян говорят о невозможности обработать даже свою землю. В правильности этих заявлений и соответствии их действительному положению вещей я многократно удостоверялся лично. Сверх сего, экономическая мощь крестьянских хозяйств ослаблена вследствие отсутствия взятых по мобилизации или скрывающихся от призыва работников и частых отвлечений оставшихся на окопные работы. Все указанные явления особенно остро чувствуются на фронте и вблизи него, и поэтому, в частности, в дополнение к вышеизложенному, работы по укреплению земли в прифронтовой полосе встретят неодолимые затруднения в отсутствии рабочих подвод, и никакие приказы, кем бы они ни выдавались, помочь не могут, так как

обслуживание военных нужд будет всегда делом первоочередным. Можно, конечно, для работ по укреплению земли за крестьянами брать из них и от них людей и подводы по принудительному наряду, но таковой способ, очевидно, только дискредитирует земельное дело.

Возможно было бы перечень причин общего характера, влияющих на степень желания крестьян укрепить за собой землю, продолжить и далее и сверх сего остановиться и на причинах, имеющих местное значение, но я полагаю, что и изложенного выше достаточно для усвоения правильного взгляда на крайнюю трудность, если не полную невозможность срочного укрепления земли за крестьянами как по сложности самого процесса, так и по отношению к этому укреплению самих крестьян и сложившимся условиям жизни, в особенности в прифронтовой полосе. На этом последнем я и считаю необходимым особенно настаивать, опасаясь, с одной стороны, что, вместо целей укрепления в сознании крестьян факта о действительной передаче им земель, будет иметь место умаление авторитета закона, и предусматривая, с другой стороны, возможность упреков и нареканий на работу подведомственных мне чинов, бессильных при всей энергии и работоспособности что-либо изменить в стихийно складывающейся обстановке. И при работах в Атманае я видел лично и это бессилие и эту стихию, с которой нельзя бороться. Но, очевидно, это не учитывалось, и я, совместно с работавшими там чинами, подвергся упрекам и обвинениям, столь тяжким и незаслуженным, что не могу вновь этих обстоятельств не подчеркнуть.

Лишь в местностях, далеких от фронта, с его неустойчивостью и возможностью быстрых перемен, лишь в обстановке, исключающей необходимость оставлять, в виду событий на фронте, работу незаконченной и бороться с безразличием населения и даже его враждебностью, работы по укреплению земли обещают некоторый успех, если не по количеству и не по скорости, то по качеству и, действительно, достигнут целей успокоения крестьян. В этом отношении мною будут приняты все меры, чтобы, в зависимости от наличных технических сил, работы по укреплению земли главным образом в пределах Крыма были широко поставлены, но не по ведомственному выбору, а сообразуясь с мнениями по этому поводу подлежащих волостных советов, внимание коих будет обращено на крайнюю необходимость приступа к таким работам.

Конечно, если бы волостные советы северной Таврии выразили пожелание приступить к работам по укреплению земли, мною будет оказано всемерное содействие к успешнейшему их производству. Я не могу лишь согласиться с искусственным, без предварительного учета отношения населения, ускорением работ по укреплению земли, дабы не давать поводов к разного рада обвинениям. Однако, согласно приведенным выше соображениям, едва ли можно надеяться, что укрепление земли в порядке ст. ст. 12 и 13 Правил 25 мая 1920 г. даст до наступления времени озимых посевов сколько-нибудь ощутительные

результаты, и посему я считаю соответственным также обратить внимание волостных советов путем личных бесед с ними уездных посредников на обязанность советов, в порядке ст. 18 Правил 25 мая 1920 г., иметь ответственное попечение о производстве на землях волости своевременной и надлежащей обработки засева и сбора урожая.

Лишь в порядке этой статьи, сдавая земли, остающиеся неиспользованными за безуспешностью укрепления, в аренду, возможно рассчитывать на то, что посевная площадь уменьшена не будет. Всякое же, не основанное на истинных желаниях населения, искусственное ускорение работ по немедленному укреплению земли, может повести к очень нежелательным последствиям — умалению авторитета ведомства, стоявшего до сего времени на точке зрения невмешательства в деятельность земельных советов, и созданию вокруг применения закона о земле атмосферы какого-то принуждения, что, конечно, вовсе исключается и духом и смыслом закона и что следует, по моим наблюдениям, считать весьма опасным для успеха дела земельного устроения вообще.

Резюмируя изложенное, имею честь представить на благовоззрение вашего превосходительства следующие положения, коими я считал бы соответственным руководствоваться в предстоящей деятельности.

1) В отношении применения земельного закона Таврическая губерния, впредь до продвижения фронта на север и за Днепр, должна быть разделена на два района: прифронтовый, где по условиям боевой обстановки возможна только агитационно-организационная деятельность, и остальную часть губернии (Крым и южные части северных уездов), где земельный закон может быть применяем во всех стадиях, включительно до укрепления земли и выдачи документов. Само собой разумеется, что и в первом районе укреплению земли будет оказано всякое содействие, но особенно в этом районе необходимо иметь ясно и сознательно выраженные требования волостных советов и принятие ими на себя обязанностей обеспечить работы рабочими и подводами. Популяризации необходимости срочного приступа к укреплению земли мною придавалось — и ныне, в особенности, придается — важное значение, и уездные посредники об этом мною уведомляются, и

2) в связи с наступлением времени озимых посевов, исключительное внимание волостных советов будет обращено на ст. 18 Правил 25 мая 1920 г. и на необходимость обеспечить возможно большую посевную площадь.

Губернский посредник *Шлейфер.*

31 августа (13 сентября) 1920 г. № 730.
г. Симферополь.

6.

Доклад таврического губернского посредника по земельным делам начальнику управления земледелия и землеустройства 4 (17) октября 1920 г.

Командированный в северную Таврию с 23 сентября по 3 октября помощник мой, инженер Рудин, представил сведения о положении зе-

мельного дела и деятельности чинов ведомства в Днепровском, Мелитопольском и Бердянском уездах. Означенным сведениям, во избежание повторений, однако, необходимо предпослать характеристику общего настроения крестьян, их отношения к земельному закону и условий, в которых вообще протекает работа чинов ведомства. Все эти факты не могут быть не приняты в соображение при оценке достигнутых уже результатов и установлении новых точек зрения на направление работы в будущем, причем надлежит отметить, что характеристики почерпнуты не столько от официальных лиц, сколько из непосредственных наблюдений и бесед инженера Рудина с крестьянами.

Не взирая на значительное продвижение вперед северо-восточной части нашего фронта и боевое затишье на Днепре, свидетельствующее об отсутствии у красных сил для активной борьбы, настроение крестьян остается выжидательным и крайне сдержанным в отношении к русской армии и ее задачам. Вера в возможность возвращения красных и недоверие к прочности устанавливаемого теперь порядка очень еще велики и могут быть побеждены только после возможно далекого отхода большевиков за Днепр, откуда они до последнего времени врываются в Днепровский и, частью, Мелитопольский уезды, вносят чрезвычайный хаос в жизнь деревни, терроризуют крестьян и окончательно нарушают всякую возможность государственной работы. Еще совсем на-днях имел место глубокий рейд красных из Каховки вглубь Днепровского уезда на 50—60 верст, оставивший после себя и смерть и разрушение. А в дни пребывания инженера Рудина в этом уезде большевики начали уже правильное наступление, опять-таки из района Каховки, и на дорогах появились толпы беженцев и крестьян, уходящих со своим скарбом и отгоняющих скот. Естественно, что подобные эпизоды дают основание крестьянам считать русскую армию бессильной обеспечить уезду полное спокойствие и быть сугубо осторожными в проявлении своих симпатий.

Равным образом и на северо-восточном участке фронта чередующееся взятие и оставление значительных пунктов (Мариуполя, Бердянска, Юзовки, Синельниково), сведения о чем быстрее телеграфа передаются из уст в уста, тоже способствует подрыву веры в прочность положения и, главным образом, решительно противоречат усиленно рекламируемому газетами и устной агитацией бессилию большевиков, их распылению, нежеланию воевать и пр. В элементарном уме, чуждом понимания сложных политических, стратегических и иных расчетов, не уживается отход наших войск и даже их неподвижность со столь ярко живописуемым не в меру усердными осведомителями развалом у красных. Поэтому ни словами, ни обещаниями нельзя изменить настроения крестьян и обратить их в силу активную, — они поверят только факту непрерывного, достаточно быстрого и, главное, прочного продвижения фронта вперед.

И с другой стороны, со стороны лежащих на крестьянах тяжелых повинностей, нельзя рассчитывать на приобретение их устойчивых

симпатий. Живется крестьянам в этом отношении не легче, пожалуй, чем при красных. Те же тяготы приходится нести им и людьми, и скотом, и продовольствием, и тяжесть всех этих повинностей не имеет тенденции уменьшаться. Сложность положения заключается в том, что, если в некоторых случаях применяются те же приемы, как и при большевиках, например реквизиция, то крестьяне говорят, что то же самое было и при красных, а если в чем-нибудь достигается улучшение, облегчение, то приходится слышать, что ведь эта власть все время говорит, что при ней будет лучше, чем при большевиках. Таким образом русская власть находится в состоянии какого-то испытания, непрерываемого сравнения с большевиками, и тут, конечно, имея в виду общую разруху, в большинстве случаев сравнения оказываются не в ее пользу. «Попрежнему нам тяжело, попрежнему никто не думает о том, что наше хозяйство разрушается», — вот как можно резюмировать беседы с крестьянами по этому вопросу.

Среди разнообразнейших повинностей, лежащих на крестьянах, самой страшной по своим последствиям является попрежнему подводная повинность. Вопрос об этой повинности стоял в центре крестьянской жизни, ею все определяется, и из нее все исходит. Если даже на время не рассматривать всех уклонений от существующих об этой повинности правил, то сама по себе подводная повинность, при полном обезлошадении крестьян, совершенно для них непосильна и подавляет все организационные попытки наладить жизнь и хозяйство в тылу. Требования на подводы растут с каждым днем, и наше продвижение не только не уменьшило этих требований, но увеличило их и удлинило срок пребывания отдельных крестьян в нарядах, причем две-три недели сплошного отсутствия хозяина и лошадей — обычное явление. Отсутствие должной организации в этом деле, нежелание, а, может быть, и невозможность соблюдать установленные по этому поводу правила, произвол отдельных чинов, — все это лишь осложняет обстановку, озлобляет крестьян и заставляет их итти даже на уничтожение телег, угон лошадей в степь, продажу их, лишь бы избавиться от подводной повинности. На предложение жаловаться в случае произвола и беззакония приходится слышать полные безнадежности ответы, что попытка жалоб цели не достигает, оканчиваясь или бранью, или угрозами, или безрезультатными обещаниями расследований.

В отдельных случаях положение с подводной повинностью действительно обстоит совершенно неблагополучно. Инженер Рудин, совершивший на лошадях довольно большой маршрут по Днепровскому и Мелитопольскому уездам, наблюдал, например, что комендант этапа № 50 (при ст. Рыково) держит дежурные подводы и подводчиков под крепким караулом, почти никуда не отпуская их. Комендант этапа в селе Петровке, Мелитопольского уезда, обслуживаемого тремя волостями (Петровской, Павловской и Рождественской), дает наряды только из села Петровки, совершенно не требуя подвод из других сел и деревень. То же самое в отношении Юзкуйской волости делает комен-

дант этапа № 50, совершенно освободивший от поставки подвод волость Геническую. Комендант этапа, живущий в селе Большом Болграде, лично передавал инженеру Рудину, что количество подвод, требуемых от отдельных селений, вовсе не согласуется с возможностью исполнить это и что есть хозяева, находящиеся в непрерывном наряде с июня месяца. Крестьяне и члены Юзкуйского волостного земельного совета удостоверяют, что огромный недосев всецело объясняется подводной повинностью. В село Михайловку, Мелитопольского уезда, приказано было сверх всяких нарядов доставить 1 000 подвод для перевозки понтонов на Днепр и так как, по условиям перевозки, с понтонами должна пойти сразу вся тысяча подвод, то наиболее аккуратные должны были днями ожидать, пока подтянутся все остальные подводы. В некоторых селах перестали уже ожидать подводчиков — так далеко и давно их угнали. В те же и в другие села подводчики возвращаются без лошадей, без телег и, конечно, без надежды получить что-либо за утрату, так как существующие по этому поводу правила обставляют уплату формальностями, делающими невозможным получение денег даже по казенной оценке, которая, к тому же, в 5—6 раз ниже рыночной. Перечень таких фактов можно было бы продолжить до бесконечности, но, очевидно, это будет так же бесплодно, как безрезультатными оказываются и все заявления и предупреждения о той опасности, которая грозит при таком положении и фронту и тылу, — первому потому, что озлобляет крестьян, гонит их в ряды наших врагов, заставляет русскую армию не отличать от большевиков, второму потому, что губит хозяйство, в корень подрезает все попытки устроения жизни и убеждает крестьян, что и наши обещания покоя и мирного труда — только слова и только повод для увеличения тягот. Однако независимо от этой бесплодности я не исполнил бы своей обязанности, если бы, в дополнение к моим и помощника моего личным и письменным докладам, вновь не заявил, что в вопросе о подводной повинности нельзя считать, что это военное дело и мы не можем ничего сделать. Если, в частности, ведомство земледелия желает иметь реальные результаты своей работы, оно должно настаивать на облегчении подводной повинности, на внесении в это дело законности и хоть какого-нибудь порядка.

Другие повинности, падающие на крестьян (мобилизация, реквизиции, постои и пр.), тоже тяжелы, тоже увеличивают разруху и упадок хозяйств, но, по сравнению с подводной повинностью, они все же легче и не вызывают у крестьян того озлобления, глухого ропота и порою открытого протеста, как это имеет место в отношении подводной повинности. Поэтому, не останавливаясь на этом вопросе, следует перейти к отношению крестьян к земельному закону.

Отношение это также очень сдержанное, а порою и безразличное, и причины указанных сдержанности и безразличия кроются все в тех же общих условиях, о которых говорилось выше. Не рискуя впасть в ошибку, можно сказать, что в земельном законе крестьянство видит шаг чисто политический и еще не верит в прокламированное законом

уничтожение помещичьего землевладения. Словесные убеждения здесь бесполезны, а возможность убеждения опытом — укреплением земли — разбивается при столкновении с окончательно подорванным крестьянским хозяйством, отсутствием инвентаря, неуверенностью в завтрашнем дне и пр. Получается положение, едва ли входившее в намерение законодателя, когда приходится убеждать и всячески уговаривать крестьян получить давно жданную ими землю и встречать или решительный отказ, или уклонение под тем или иным предлогом, или, наконец, предъявление неисполнимых требований. Ясно, что в отношении крестьянства к земельному закону, а также, между прочим, и к волостному земству, доминирующую роль играют общие условия, и, пока они не изменятся, возможна только спорадическая бессистемная работа, лишенная хозяйственно-экономической углубленности и преследующая цель, главным образом, демонстрирования. По существу вопроса следует сказать, что в иных случаях видно, сколь безнадежно путаются волостные земельные советы даже в простейших вопросах, сколь неискренна их работа, отбываемая как повинность, быть может, даже неприятная, и сколь, по существу, громоздок этот аппарат, с одной стороны, поставленный в центре закона, а с другой — часто могущий проявить деятельность только под влиянием непрерывного подталкивания, напоминаний и замаскированного навязывания тех или иных решений. Надо надеяться, что в последующем, может быть, из волостных советов и выработаются жизнеспособные учреждения. Пока же, за некоторыми, конечно, исключениями, это случайное собрание людей, не проникшихся идеей работы, часто не понимающих и рассматривающих свои обязанности с точки зрения тех же повинностей. Собираются советы с трудом, под влиянием усиленных настояний, часто видят всю бесполезность работы в настоящее время, а предоставленные самим себе, или даже при содействии чинов ведомства, ведут работу скачками, без системы, без увлечения. В этом отношении крымские советы оказались гораздо удачнее. Очевидно и здесь влияет близость фронта, издерганность, недоверие и неопределенность положения.

При изъясненных условиях, конечно, невозможно чинам ведомства ставить в вину отсутствие определенного плана в работе или ничтожность достигнутых результатов. Не будучи в праве требовать от советов, уездные посредники могут лишь уговаривать, убеждать, а рассчитывать только на это невозможно. К тому же каких результатов можно ожидать, если вследствие подводной повинности чины ведомства за день при благоприятных обстоятельствах могут проехать 20—30 верст, днями ожидая возможности ехать дальше, а, приехав, убеждаются, что большинство членов совета «в подводах» и когда вернутся — неизвестно? Потрачены, значит, 5—6 дней совершенно бесполезно, и с таким же успехом можно ехать дальше.

Конечно, издали всегда кажется, что все делается медленно, но при ближайшем непосредственном ознакомлении приходится признать,

что есть еще люди, которые, совершенно пренебрегая материальной стороной вопроса, все же пытаются что-то делать, нести в буквальном смысле сизифову работу, и надо видеть, как болезненно воспринимаются такими людьми всякие окрики и угрозы, как подрывает это у них последнюю веру и последние силы. Тяжелы, очень тяжелы условия жизни чинов ведомства в деревнях, в особенности с наступлением осени, когда уже в 6 часов вечера наступает темнота, и люди, не чуждые желания почитать, а, может быть, хотевшие и поработать, должны сидеть без света, в крестьянской хате, где часто их только терпят и где приходится унижаться за каждый кусок хлеба. Не анекдот, а факт, что в с. Ново-Троицком, теперешнем административном центре Днепровского уезда, фунт хлеба стоит 1 000 рублей. В том же селе, да и вообще во всех селах, где пришлось быть инженеру Рудину, ежедневное продовольствие одного лица, далеко не обильное, конечно, без чаю и без намека на разнообразие, стоит 2 000—2 500 руб. Значит, не только семейный, но и одинокий чиновник должен жить впроголодь и, не взирая на наступившие резкие холода, продавать последнюю одежду. Тем не менее, в частности, наши чины не отчаиваются, поддерживают свои силы светлой верой в будущее, и необходимо только эту веру в них не убивать, а возможно поддерживать, считаясь с их общечеловеческим достоинством и с не у всех еще угасшей гордостью. Иначе и эти люди обратятся в озлобленные существа, и тогда нельзя будет рассчитывать на какую-либо работу. Швыряться же людьми, менять одних на других, в наших условиях — дело безнадежное и не сулящее ничего, кроме окончательного застоя в работе.

С наступлением холодов и периода дождей надвигается новая беда — почти полное отсутствие у большинства чинов сколько-нибудь подходящей к условиям осенней и зимней работы, требующей частых разъездов, одежды. В особенности тяжело положение землемеров, работающих по укреплению земли и вынужденных целыми днями быть в поле, в лучших случаях, в негреющих английских шинелях. Если внешние обстоятельства не воспрепятствуют и окажется возможным поставить несколько работ по укреплению земли, то существенных затруднений необходимо ожидать в связи с необеспеченностью землемерного персонала теплой одеждой. Следует обязательно принять в этом отношении меры и немедленно исходатайствовать хотя бы на двадцать человек следующие вещи: 1) кожаную безрукавку, 2) непромокаемую накидку, 3) комплект теплого белья. Без выдачи этих предметов, несомненно, будут иметь место массовые отказы землемеров от производства полевых работ осенью и зимой.

Имея в виду, что объем и результаты ведомственной работы почти целиком зависят от деятельности волостных советов, надо срочно обеспечить названным советам возможность не отвлекаться от своей работы, в частности отбыванием членами советов подводной повинности. В настоящее время в северной Таврии на членов волостных советов распространяется ст. 197 общ. полож. крест. о личном освобо-

ждении от несения подводной повинности. Однако это не разрешает вопроса, так как лошади и телеги членов советов продолжают брать в наряды, и, конечно, никакой хозяин не согласится, при существующих порядках, отпустить лошадей без себя. Вопрос может быть, аналогично распоряжению об освобождении членов волостных советов от военной службы, разрешен соответствующим приказом главнокомандующего, и я ходатайствую об испрошении указанного приказа.

Переходя теперь к характеристике земельного дела в уездах северной Таврии и останавливаясь прежде всего на уезде Днепровском, надлежит указать, что уездный посредник, живущий в юго-восточном углу уезда — с. Ново-Троицком, где расквартированы все административные учреждения, почти не имеет связи с большинством волостей, особливо западных. К числу этих волостей относятся Больше-Маячковская, Больше-Копанская, Бехтерская, Чалбасская, Красянская и Каланчакская. Что делается в земельных советах этих волостей и делается ли что-либо, неизвестно, объезд же этих волостей потребует, при наличии изложенных выше условий, очень много времени и едва ли будет успешен. Правда, в указанном районе имеют постоянное пребывание помощники посредника — Старов (с. Б. Маячка) и Богданов (Скадовск), но все же указанное положение нельзя считать нормальным. Уездный посредник собирается в ближайшее время предпринять объезд указанного района и направить там работу, несомненно, в настоящее время, — учитывая значительную инертность советов, — почти не идущую. Засим, со всеми приднепровскими волостями (Покровской, Збурьевской, Алешковской, Каховской, Казачье-Лагерской, Каирской, Князь-Григорьевской, Марьинской и Благовещенской) уже вовсе нет никакой связи, и неизвестно даже, имеются ли в этих волостях земельные советы, а, во всяком случае, если и имеются, то они неработоспособны, ибо все эти волости находятся в сфере боевых действий.

Таким образом впредь до установления прочной связи с западными волостями в Днепровском уезде жизнеспособны в отношении возможности применения земельного закона только волости Ново-Троицкая, Рождественская, Громовская, Чаплынская и Перво-Константиновская. В этих волостях земельные советы, конечно, при непременном подталкивании их чинами ведомства, собираются раз в 2—3 недели и обсуждают некоторые вопросы, правда, без общей связи и какой-либо системы. Нельзя, конечно, не отметить, что на деятельности этих советов отражается крайне неравномерное распределение частновладельческой земли по отдельным волостям. Есть волости, где этой земли вовсе нет (Больше-Маячковская, Чалбасская, Рождественская), в других (Ново-Троицкая, Больше-Копанская)—ее ничтожное количество, наконец, в отдельных волостях (Громовская) сосредоточено до ста тысяч десятин помещичьей земли. Подобная неравномерность создает крайнюю сложность в едва налаживающейся работе советов. Там, где земли нет, советы заявляют, что им, вообще,

нечего делать, ибо в возможность получения земли из других волостей никто не верит, в других волостях, где земли много, идут разговоры о разделе ее «по душам», независимо от количества.

Тем не менее, и при означенных условиях, некоторые советы вынесли постановление о крестьянской и помещичьей норме, определили условия, которым должны удовлетворять наделяемые, и даже проектировали постановление об укреплении земли. Вашему превосходительству уже известно постановление Чаплынского совета об укреплении части земли из имения Агаркова. Ново-Троицкий совет, в присутствии инженера Рудина, принципиально постановил укрепить за постоянными 18 арендаторами из имения Гинзбурга около 600 десятин, командировав двух своих членов на место для опроса арендаторов о действительном количестве земли, которую они желали бы укрепить за собой. 27 сентября Громовский совет должен был укрепить за 60 арендаторами из имения Фальц-Фейна (Гизино) до 2 000 десятин. Наконец, вполне наметились укрепления за постоянными арендаторами из имения Шейнер (Бурнашевка) до 2 500 десятин за 85 лицами и из имения Машкалова (Васильевка) 320 десятин за 15 лицами.

Тут же необходимо отметить, что во всех случаях речь идет только о постоянных, частью уже построившихся, арендаторах, так как годичные арендаторы (скопщики) рассеялись, побросали в связи с упадком хозяйства аренду, и их не представляется возможным не только выяснить для укрепления за ними земли, но и собрать для уплаты казне скопщины. Поэтому в значительной мере безнадежным следует считать, по крайней мере, в этом году, парцеллирование имений с большим арендным фондом, в том числе и Преображенки и Черной Долины. В этих и других крупных имениях аренда, главным образом, имела место на началах скопщины, и в виду изложенного укрепить названные земли за арендаторами не окажется возможным.

Помимо сего, по сведениям посредника постоянные арендаторы имений, в коих намечено укрепление, не выражают желания получить землю в единоличную собственность, а считают соответственным закрепить за собою в общую собственность определенный массив. Причины этого отчасти лежат в желании на новое дело итти не в одиночку, а «миром», отчасти в трудности обеспечить работы землемеров рабочими и подводами; инженер Рудин склонен считать, что если бы и устранить последнее препятствие ассигнованием средств на производство работ, то провести единоличное укрепление все же было бы крайне трудно, в особенности в условиях спешности. Учитывая все это, уездному посреднику и было указано на необходимость сосредоточить свое внимание на намеченных к отчуждению имениях, не предъявляя крестьянам категорических требований об единоличном укреплении. Однако по приезде в Мелитополь, инженер Рудин имел беседу с и. д. начграча *) К. Л. Эмнихом, который в соответствии с полученными им от вашего

---

*) Начальник гражданской части.

превосходительства указаниями, и, сделав уже надлежащий доклад главнокомандующему, настаивал обязательно на единоличном укреплении земли из крупного имения (Преображенка, Черная Долина) и, в частности, считает несущественными затруднения об обеспечении работ рабочими и подводами, соглашаясь временно отпустить на эти работы средства из имеющихся в его распоряжении кредитов, лишь бы ваше превосходительство уведомили его о необходимости такого отпуска, с указанием потребной суммы. Настояния К. Л. Эмниха были вполне определительны, базировались на одобренных уже главнокомандующим предположениях, а по сему было признано необходимым вызвать Днепровского посредника в Мелитополь для получения соответствующих предварительных инструкций из начграча, в частности и вследствие телеграммы вашего превосходительства за № 463, посредником не полученной.

Чем закончатся эти переговоры, пока неизвестно, но я обязываюсь подчеркнуть, что влияние всех изложенных выше условий может воспрепятствовать предполагаемым работам, которые, во всяком случае, и вследствие этих условий и в виду Атманайского опыта (о чем докладывается дальше) будут весьма длительными и по причине наступивших холодов не закончатся в текущем году. Изъясненное совершенно необходимо принять в соображение при решении вопроса о приступе к работам по укреплению земли в Днепровском уезде, согласно желания главнокомандующего в имениях с крупным арендным фондом, дабы не начинать таких работ без надежды их окончить. Положение с посевами в Днепровском уезде так же, как, впрочем, везде, весьма угрожающее. Посевов будет мало, и пустыми останутся не только частновладельческие, но и крестьянские земли. Причины этого подробно объяснены выше, устранение их — вне наших усилий, и лишь очень немногое можно по этому поводу сделать... *).

Что касается поступления скопщины в казну, то по Днепровскому уезду, и бывшему и остающемуся в значительной своей части недоступным для регулярного воздействия гражданской власти, ожидать этого поступления невозможно. Скопщики, как это уже указывалось, расселились, списков их нет ни в экономиях, ни в волостных правлениях, и, опасаясь, в частности, взыскания скопщины, они скрывают факт аренды, а потому не интересуются и вопросами укрепления земли. Рассчитывать на сколько-нибудь значительное поступление хлеба, повторяю, нельзя: взносы могут быть только единичными, случайными.

Вышеприведенные сведения в отношении Днепровского уезда дают основание считать земельную работу только начинающейся и не сулящей сколько-нибудь заметных результатов, по крайней мере, в текущем году. К тому же ближайшая почтово-телеграфная контора

---

*) Многоточие здесь и ниже в данном документе означает пропуск зачеркнутого в тексте подлинника. Выпущенные места сплошь относятся к личным характеристикам отдельных сотрудников Шлейфера.

расположена при станции Рыково в 40 верстах от Ново-Троицкого, и отправка и получение почты происходит крайне нерегулярно. Выше уже указывалось, что телеграмма вашего превосходительства за № 463, определяющая условия работы посредника, им вовсе не получена, не получен им и ряд моих предложений и сообщений.

Вообще Днепровский уезд, на три четверти недоступный для работ, перегруженный войсками, находящийся под постоянной угрозой красных, представляет исключительные трудности в смысле достижения каких-либо положительных результатов, ожидать которых необходимо с большим терпением.

Обращаясь к Мелитопольскому уезду, надо прежде всего сказать, что внимание посредника за последние полтора месяца было отвлечено в сторону Атманая, и поэтому работа в уезде значительно затихла... Вообще же с волостными советами дело обстоит так. В двух волостях (Серогозской и Покровской) советов вовсе нет, будто бы по причине сосредоточения в этих волостях больших войсковых масс; в двух волостях (Мало-Лепатихской и Рогачикской) выборы опротестованы, и переизбрание произойдет уже по введении волостного земства; в Рубановской волости посредник не был совершенно, и работа совета неизвестна; в Днепровских волостях (Больше-Лепатихской, Ушкалской, Больше-Знаменской, Каменской, Водянской, Днепровской и Балковской), вследствие близости их к фронту и частого перехода из рук в руки, земельные советы, если и есть, то бездействуют; в недавно занятых волостях (в Васильевской, Янчекракской, Царицыно-Кутской и Веселянской) земельные советы будут выбраны по введении волостного земства, и, таким образом, лишь в 18—19 остальных волостях работа так или иначе налажена, причем и в этом уезде отмечается крайняя пестрота в работе, ее разбросанность, отсутствие системы и руководства. И в этом уезде, к сожалению, господствует не оправданный жизнью принцип о самодовлеющей роли советов, понимающих эту роль довольно своеобразно или, вернее, вовсе ее не понимающих и по условиям времени считающих более удобным не проявлять никакой активности и интереса к делу...

Волостные советы этого уезда, за исключением неработоспособных и несуществующих, в некоторых случаях с содействием землемеров занимаются, главным образом, обследованием частновладельческих земель. Весьма значительный фонд этих земель в пределах уезда (240 000 десятин) делает эту работу довольно сложной, в особенности по вопросу об арендаторах, и в этом вопросе при столкновении с жизнью сказалась вся схематичность закона и крайняя элементарность содержащегося в законе понятия аренды. Как, например, поступить с арендатором, построившимся в имении, где он арендует и отлично обрабатывает трудами своей семьи землю в количестве, явно превышающем возможную будущую норму укрепления, и имеющего, сверх сего, значительное количество надельной земли, которую он или сдает в аренду или вовсе забросил? Если не укрепить за ним

арендуемой земли, погибнет хозяйство. Нельзя и предложить продать свою надельную землю, так как эта земля вообще не является объектом закона. Как, в другом случае, быть с арендатором, державшим землю в трех-четырех местах, часто в разных волостях, а то и уездах, и везде по небольшому количеству десятин? По закону такой арендатор имеет право требовать в пределах нормы укрепления за ним своей фактической аренды, но, с другой стороны, такое укрепление явно абсурдно с точки зрения хозяйственной и создает путаницу в нескольких волостных советах. Затем, безусловно ли вообще право арендаторов, удовлетворяющих всем условиям для укрепления их фактической аренды, почти всегда в шашечном порядке, а то и без всякого порядка разбросанной по имениям, или возможно в этих случаях, даже без согласия арендаторов, производить землеустройство, предварительно обезличив подлежащую отчуждению землю? Это, между прочим, один из основных вопросов при укреплении земли, разрешенный, в частности, в Атманае в направлении землеустройства площади, частью никогда не сдававшейся в аренду, причем, конечно, и бывшие арендаторы получат не ту землю, которую они раньше пахали. Едва ли не следует полагать, однако, что только при согласии всех наделяемых возможно такое решение вопроса, и, во всяком случае, не подлежит сомнению право каждого арендатора требовать укрепления за собой фактической аренды, что, конечно, может весьма осложнить любое дело.

Я не буду продолжать перечня возможных в отношении аренды затруднений; я имел лишь целью показать, что жизнь сложнее схемы закона. В соединении с вопросами аренды, выяснение всего количества земли, уже принадлежащей будущему собственнику, делает подготовительные к укреплению работы по собиранию сведений и составлению списков весьма длительными и ответственными, и это обстоятельство необходимо учесть как в Атманайских работах, так и в случае будущих работ, в особенности с неопределенным составом арендаторов-скопщиков.

Помещичьи и крестьянские нормы в Мелитопольском уезде еще нигде не установились. Посредник считает правильным приступить к ним по обследовании фонда и уяснении общей картины земельного обеспечения каждой волости...

С посевом в Мелитопольском уезде очень плохо: обессиленное крестьянство не может поднять не только частновладельческой, но и своей земли. В частности, в Юзкуйской волости, при двадцати тысячах десятин помещичьей земли, в волостной совет поступили просьбы о разрешении запахать (под озимку) только 600 десятин, т.-е. значительно менее $^{1}/_{10}$ нормального посева. Так как частные владельцы северной Таврии отсутствуют, то, значит, земля останется пустой. Примерно такая же картина будет и на крестьянских землях. Юзкуйский земельный совет, на заседании которого присутствовал инженер Рудин, удостоверял, что все принятые им меры к обеспечению посевной площади результатов не дали. Причины тому — в подводной повинности, ре-

квизиции лошадей, причем отмечены случаи выпряжки лошадей из плугов проходящими воинскими частями. Поэтому вблизи трактов и больших дорог крестьяне вовсе не пашут. Скопщина этого года также не поступает, и все требования по этому поводу остаются безрезультатными, — скопщиков нельзя установить, членам земельных советов некогда этим заняться, волостные старшины с утра до ночи заняты подводами, мобилизациями, реквизициями. Вообще одну пятую урожая этого года, подлежавшую сдаче в казну, следует считать в большей части пропавшей, и скопщики, не прельщаясь мыслью о зачете этого взноса в счет платежа за землю, считают более соответствующим своим интересам обращение этого взноса в свою пользу.

В таких общих чертах идет земельная работа по Мелитопольскому уезду. Результаты не особенно велики, но, принимая во внимание условия времени, все же эту работу нельзя считать бесполезной, — во многих волостях худо ли, хорошо ли, думают о земле, что-то хотят сделать и, может быть, сделают, в особенности после успешного окончания работ в Атманае, каковые работы имели, несомненно, и пропагандирующее значение, и не только в пределах Мелитопольского уезда. Например, крестьяне Екатеринославской губернии, приезжавшие за солью к Уклугскому лиману и в Атманай, не хотели верить, что здесь уже передается «панская земля» крестьянам, пока не увидели в поле землемеров, прокладывавших борозды по границам укрепляемых участков.

Фактическая сторона Атманайского дела, в дополнение к телеграмме вашему превосходительству, посланной инженером Рудиным из Мелитополя за № 454, представляется в следующем виде. После неудачного начала работ, когда под влиянием военных событий настроение крестьян резко изменилось, а находившиеся там чины вынуждены были уехать, дело и по возвращении землемеров не ладилось. Неясно было положение на фронте, и волостной земельный совет если и работал, то под неослабным давлением посредника и его помощника, а на укрепление записывались лишь смельчаки, «отчаянные головы», как называли их крестьяне. Потребность в земле таких смельчаков не покрывала и обычной аренды (2 500 десятин), и начинать работы по отводу в натуре не было смысла, тем более, что выяснение собственного земельного обеспечения заявивших об укреплении требовало времени. Однако уже 2 сентября, по настоянию посредника, Ефремовский земельный совет утвердил списки ходатайствующих об укреплении, причем, едва ли не на другой день начались требования об изменении списков, их дополнении и различных исправлениях. К этому времени отодвинулся и фронт, и сразу увеличились требования на землю, что вело к дальнейшим изменениям списков. Была начертана площадь обычной аренды. Заполнен весь фонд, установленный при первой поездке в Атманай инженера Рудина, а требования росли, менялась цель работ, — устроить только арендаторов, — и крестьяне, ободренные податливостью посредника, понявши, что не только им,

а и ведомству нужна эта работа, потребовали раздела всего имения, и при этом «по душам». Огромных усилий стоило старшему землемеру Александрову уговорить их отказаться от этого требования и остановиться на площади в 6 000 десятин, каковая площадь была разрешена посредником к отчуждению, включая сюда и Новый Хутор, что сделано также под влиянием требований крестьян. В результате длительных переговоров, частых опасений, что дело вовсе прекратится, только к половине сентября списки будущих собственников вылились в определенную форму, потребовавшую, впрочем, новых изменений при исключении дезертиров; и землемеры смогли приступить к составлению проекта отвода участков, так как закрепление фактической аренды было невозможно и вследствие отказа крестьян, заявивших о желании поселиться в имении, и вследствие значительного превышения окончательно отчуждаемой площади над площадью обычной аренды. Получилось весьма сложное, с 5 поселками и общими выпасами, землеустройство для 394 хозяев на площади свыше 5 000 десятин. Необходимость учета разбросанной в разных местах неудобной земли очень усложняла проектирование, и без того затрудняемое неправильными фигурами общей площади каждого поселка, и дробным (в десятинах и квадр. саженях) количеством отводимой земли. И, тем не менее, за чрезвычайно короткий срок, в 15—20 дней, партия землемеров — Чеботарева, Подберезского, Пущеровского, Фесенко, частично Диканского и помощника землемера Сулковского, под руководством старшего землемера Буйвида и общим наблюдением старшего землемера Александрова, исполняющего с отличным успехом обязанности землеустроителя по этому делу, — составила превосходный землеустроительный проект с удачной сетью дорог, правильным в смысле обеспечения водой и удобства возведения построек распланированием поселков и соответствующим направлению обычных ветров и топографическому характеру местности расположением пахотных участков. Проект этот, в большей части составленный и частью проложенный в натуру, будет вполне закончен к 12 октября, после чего и может состояться заседание уездного земельного совета для утверждения его. А по утверждении будут пропаханы борозды там, где это окажется нужным, и подготовлены к выдаче документы, написание которых придется вести в Симферополе, так как ни в Мелитополе, ни тем более в деревне, для этого нет подходящих условий. Во всяком случае теперь можно вполне уверенно сказать, что дело будет закончено вполне благополучно, и я обязываюсь вновь отметить выдающиеся заслуги перечисленных выше землемеров. В частности, особо отличившихся землемеров, Чеботарева и Фесенко, я назначаю старшими землемерами и считал бы с своей стороны справедливым поощрить остальных землемеров и, в особенности Александрова и Буйвида, или денежными наградами или отдачей в приказе им благодарностей. О роли уездного посредника в этом деле в отношении оказания содействия работающим техниками я могу отозваться также с большой похвалой.

В связи с тем, что за государственным имением Атманай в результате отчуждения осталось вместе с усадьбой до 1 500 десятин, я предполагаю возбудить в Таврическом управлении земледелия и землеустройства вопрос о целесообразности в дальнейшем ведения хозяйства и, во всяком случае, о значительном уменьшении персонала служащих, многим из которых нечего будет делать...

Губернский посредник *Шлейфер*.

Октября 4 (17) дня 1920 г. № 268.

III *).

1.

Телеграмма начальника управления снабжения уполномоченному по продовольствию Россихину 13 (26) июня 1920 г.

Копия — Джанкой. Уполпроду Дубровскому.

Прошу при замещении уполномоченных ни в коем случае не назначать на эти должности помещиков. 13 июня. № 3940.

За начупрснаб ген. шт. полковник [подпись].

2.

Телеграмма.

Из Симферополя. 38 31/Б. 77. 24. 20.

Наши сотрудники, земские работники отмечают враждебное отношение к земельному закону со стороны помещиков. Землевладелец Шнейдер, Булганакской волости, распустил слух, что закона не было. Лектор Политота, разъяснивший его крестьянам, за это арестован. Другой помещик выражал крестьянам селения Аджи-Ибрам сомнение в прочности правительства. Таких случаев много. 24 июня. № 856. Начполитотделкор I *Неандер* **).

3.

Телеграмма начальника керченского политотдела полковника Темникова начальнику отдела печати 9 (22) июля 1920 г.

Копия — начальнику гражданского управления.

От коменданта первого Александровского полка в селении Катерлез получены сведения, что землевладелец Яков Петренко самовольно и насильственно отобрал третью часть урожая у арендующих

---

*) Печатаемые в этом отделе документы извлечены из разных дел того же фонда; они сообщают несколько любопытных черт той обстановки, в которой проводилась врангелевская аграрная реформа. Из того же фонда извлечен перехват советского радио о необходимости разъяснения крестьянам и рабочим реакционной сущности врангелевского закона о земле.

**) Резолюция Врангеля: «А. В. Кривошеину. Необходимо расследовать и принять меры».

его землю крестьян: Александра Площенко, Федора Михайлова и Владимира Шинкаренко, что волнует население и создает неприязненное отношение к местным властям. Изложенное сообщено начальнику гарнизона. Керчь. 9 июля. № 186.

Генерального штаба полковник *Темников.*

4.

Отношение начальника управления земледелия и землеустройства на имя начальника гражданского управления С. Д. Тверского 17 (30) июля 1920 г.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

От начальника отдела печати вверенного вашему превосходительству управления поступила на мое имя копия телеграммы начальника керченского политотдела полковника Темникова, в которой последний сообщает о насильственном отобрании землевладельцем Петренко одной трети урожая от крестьян-арендаторов его земли.

Не имея оснований сомневаться в точности изложения происшедшего инцидента, я полагаю, что таковой, далеко выходя за рамки обычных гражданских недоразумений и подрывая авторитет нового земельного закона, должен служить предметом особого административного расследования и, быть может, потребует применения чрезвычайных мер воздействия.

Сообщая о таковом моем взгляде на это дело, прошу не отказать известить меня о последующем.

17 (30) июля 1920 г. № 3180.

5.

Выдержка из перехваченного советского радио.

«Барон Врангель воспользовался тем, что все силы свои мы бросили на Польшу, с помощью Антанты вооружил свое войско и вывел из Крыма. Барон Врангель — это самый белогвардейский, самый помещичий из всех белогвардейских генералов. Правой рукой и заместителем Врангеля в деле управления является бывший царский министр Кривошеин. Врангель хочет восстановления власти помещиков, буржуазии и генералов. Он уже опубликовал закон, по которому земля, взятая крестьянами после Октябрьской революции, возвращается помещикам. Только часть ее будет уступлена крестьянам.

Немедленно должно быть сделано разъяснение крестьянам и рабочим смысла врангелевского приказа. Когда крестьяне и рабочие поймут, то вы получите новые десятки тысяч добровольцев, которые совместно с коммунистами зажгут всю армию огнем героических порывов, и крымская опасность ликвидируется быстро и окончательно».

С подлинным верно. Исп. об. ст. делопроизводителя корнет *Масленников.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Приказ от 8/IV (ст. ст.) говорит о разработке мероприятий по земельному вопросу на следующих основаниях:

а) Вся годная для обработки земля должна быть полностью и надлежащим образом использована.

б) Землей должно владеть на правах прочно-укрепленной частной собственности возможно большее число лиц, могущих вкладывать в нее свой труд.

в) Посредником между крупным землевладением и новыми собственниками должно быть государство.

[2]) В приказе № 3226 от 20/V (ст. ст.) говорилось:

«Мною подписан закон о волостном земстве и восстанавливаются земские учреждения в занимаемых армией областях.

Земля казенная и частновладельческая сельскохозяйственного пользования распоряжением самих волостных земств будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам. Призываю к защите родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернутся к нам. Народу земля и воля в устроении государства! Земле — волею народа поставленный хозяин. Да благословит нас бог!

Генерал Врангель».

[3]) Приказ 25 мая (ст. ст.) вводил в действие «в местностях, занимаемых войсками главного командования», датированные тем же числом «Правила о передаче распоряжением правительства казенных государственного земельного банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев». На основании этих «Правил» со столь многообещающим заглавием и проводилась вся земельная реформа Врангеля. В развитие «Правил» был издан ряд приказов и циркуляров. Главнейшие из них:

17 июня 1920 г. Распоряжение управления земледелия и землеустройства о сборе урожая. (Арендаторы обязуются уплачивать собственникам земли за урожай текущего года согласно письменных или словесных договоров.)

26 июня 1920 г. № 3367. Приказ о сконщине. (Отменяет предыдущие распоряжения сенатора Глинки.)

27 июня 1920 г. Указ правительствующего сената «о точном и неуклонном исполнении всеми Правил от 25 мая».

10 июля 1920 г. Распоряжение начальников управлений гражданского и земледелия и землеустройства о сборе и хранении ссыпки.

15 июля 1920 г. № 94. Приказ о введении волостных земств.

21 августа 1920 г. № 123. Приказ о лишении прав на землю дезертиров.

22 августа 1920 г. Циркуляр управления юстиции о порядке передачи права собственности на земли (продажа земли).

22 сентября 1920 г. Приказание главнокомандующего об освобождении от призыва в войска председателей и членов волостных земельных советов.

20 сентября 1920 г. № 150. Приказ об уездном земстве.

3 октября 1920 г. № 162. Приказ об усадьбах и колодцах.

3 октября 1920 г. № 163. Приказ о пригородных землях.

[4]) Решения волостных земельных советов по этому поводу не являлись окончательными. Ст. 14 Правил возлагала на волостные советы лишь «представление через уездные земельные советы на утверждение высшей правительственной власти предположений о предельном размере владения сельскохозяйственными угодиями, менее которого не может быть оставлено у всякого земельного собственника при отчуждении его земель, а в случае захвата подлежит возврату...»

[5]) Речь идет о газете «Крестьянский Путь». Фактически она являлась органом управления земледелия и землеустройства. Все статьи, помещавшиеся в этой газете, направлялись в нее из управления.

[6]) Ст. 7 Правил 25 мая гласила: «Советские хозяйства, устроенные в пределах волости, а также имения, в которых ведется культурное или промышленное хозяйство, имеющее государственное или краевое значение, переходят всецело в распоряжение правительства и могут быть им передаваемы для заведывания либо особым казенным управлениям, либо волостным земельным советам, с обязательством сохранения в них инвентаря, правильного хозяйства и всех хозяйственных обзаведений. Отчуждение из этих имений угодий сельскохозяйственного пользования трудящимся земледельцам, сверх обычно сдававшихся последним в аренду, производится с учетом необходимости сохранения находящихся в таких имениях сельскохозяйственных промышленных предприятий и заводов».

[7]) Ст. 12. «... Волостные зем. советы составляют и представляют на утверждение уездных зем. советов свои предположения о распределении земель каждого имения между обрабатывающими их хозяевами для укрепления за ними этих участков».

[8]) Ст. 13. «По утверждении упомянутых в предшедшей (12) статье проектов укрепления уездным земельным советом, постановления последнего служат бесспорными актами владения землею новых собственников до замены этих документов, по уплате государству полной стоимости отчужденных земель, основанными на упомянутых актах крепостными данными».

[9]) Ст. 18. «Сверх указанных выше обязанностей (ст. 11—16) на волостные земельные советы возлагается: 1) ответственное попечение о производстве на землях волости своевременной и надлежащей обработки, засева и сбора урожая, для чего волостные земельные советы могут принимать все соответствующие меры и в необходимых случаях брать в свое распоряжение и заведывание необрабатываемые участки и сдавать их в аренду и 2) руководство и наблюдение за деятельностью по указанным в п. 1 делам должностных лиц сельского управления».

[10]) Ст. 14. «На волостные земельные советы возлагается определение условий, которым должны удовлетворять хозяева для укрепления за ними обрабатываемых ими земель (подданство, несудимость, личный труд на земле, технические познания в земледелии, арендование земли, проживание в имении и т. п.)».

[11]) Ст. 15. «При определении условий и размера укрепления действительного землепользования за обрабатывающими землю хозяевами волостные земельные советы обязаны руководствоваться нижеследующими требованиями: 1) преимущественное право на укрепление за ними обрабатываемых участков предоставляется хозяевам, имеющим на них усадебную оседлость и хозяйственное обзаведение и обычно снимавшим эти земли в аренду за деньги или из части урожая, а между этими хозяевами — прежде всего воинам, участвовавшим в борьбе за государственность, или их семьям; 2) земли каждой волости должны служить в первую очередь обеспечением устройства на них постоянных жителей волости из числа хозяев-земледельцев и лишь за удовлетворением их могут быть обращаемы на устройство пришлого земледельческого населения».

[12]) Ст. 11. «Волостные земельные советы, немедленно по их открытии, производят по каждому казенному и частновладельческому имению обследования для выяснения: 1) какие угодья, в каком размере, на каком основании и в чьем именно пользовании состоят, причем составляются опись имения и перечень обрабатывающих в нем землю хозяев и прежних владельцев; 2) сколько у кого из обрабатывающих землю хозяев имеется сверх сего надельной или купленной земли; 3) сколько и каких угодий в имении остается без обработки или без хозяев; 4) сколько и каких угодий может быть немедленно закреплено за новыми владельцами по добровольным соглашениям о покупке их у законных собственников; 5) какие земли состоят в пользовании постоянных их арендаторов, имеющих на них оседлость и хозяйственное обзаведение, и 6) какие и в каком количестве угодья подлежат возврату или сохранению за собственниками на основании ст. 2 настоящих Правил как неподлежащие отчуждению».

Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову.

(1905—1915 гг.)

Письма к Николаю II гр. И. И. Воронцова-Дашкова, относящиеся к тому времени, когда он в течение десяти лет состоял наместником Кавказа, представляют интерес как для характеристики внутренней, «окраинной» политики царизма, так и для оценки его внешней политики в период подготовки к мировой войне.

Гр. И. И. Воронцов-Дашков — один из «личных друзей» отца Николая, Александра III, видный участник «священной дружины», долгое время (вплоть до 1897 г.) состоявший министром двора, — был назначен кавказским наместником в феврале 1905 г. Это было в самый разгар так остро протекавшей на Кавказе революции, и первой задачей, которая при таких условиях стала перед Воронцовым, было — достичь «умиротворения» Кавказа. Тактика, избранная для этого Воронцовым, была двоякой. С одной стороны, он показывал перед лицом так называемой «общественности» как будто некоторый «либерализм» — старался внешне держать курс на манифест 17 октября, и, сообразно с этим, в первом письме своем к Николаю, от 7 ноября 1905 г., указывал, что «необходимым условием успокоения» является «строгое соблюдение» манифеста 17 октября; «вся наша надежда, — писал при этом Воронцов, — на Государственную Думу и на представителей центра».

Но одновременно с такими «либеральными» словами гр. Воронцов не задумывался действовать теми же кровавыми методами, которыми добивались «усмирения» и все другие николаевские сатрапы. Это особенно ярко проявилось в действиях карательных экспедиций назначенного Воронцовым кутаисским генерал-губернатором ген. Алиханова, который три раза проходил по Гурии, Мингрелии, Имеретии (области, входившие в состав Кутаисской губернии), казня, насилуя, грабя, предавая огню и мечу целые округа и уезды.

Добившись таким путем «успокоения» и окончательно оправившись от временной растерянности, гр. Воронцов, в 1905 г. возлагавший «все надежды» на Думу, стал потом поддерживать Николая в борьбе с этой последней: «Вы, — пишет Воронцов царю в январе 1909 г., — слишком высоко стоите, чтобы быть на буксире у Думы».

Так окончательно выветрился тот «либерализм», благодаря которому гр. Воронцов пользовался довольно благоприятной репутацией у нашей «общественности».

После того как революционное движение на Кавказе было раздавлено, внимание Воронцова-Дашкова должно было сосредоточиться на другом крупном вопросе, но уже из области политики внешней — на вопросе о войне с Турцией.

Гр. Воронцов в своих письмах к Николаю с тревогой указывает на энергичную подготовку к войне Турции, стремящейся напасть на Россию. Не надо, однако, забывать, что само царское правительство чуть не сразу же после турецкой войны 1877—1878 гг. замышляло планы нового военного с ней столкновения, причем сначала это предполагалось осуществить путем морской экспедиции к Босфору, к которой готовилось русское правительство в течение всего царствования Александра III и позднее вплоть до японской войны. После же этой войны правительство, продолжая готовиться к нападению на Турцию, именно на Кавказе сосредоточило центр для намечавшихся наступательных операций [1]).

В начале 1908 г., к которому относятся письма Воронцова, указывающие на угрожающие военные приготовления Турции, русско-турецкие отношения, действительно, обострились чрезвычайно. Вопрос о возможности войны чуть не ежедневно дебатировался тогда и в заседаниях Совета и в генеральном штабе. И, как видно из мемуаров ген. Поливанова, тогдашний начальник генерального штаба ген. Палицын «не только без ведома правительства, но даже и военного министра» получил от Николая разрешение при известном количестве собранных турками на границе войск произвести мобилизацию некоторых корпусов в Европейской России, а при еще большем сосредоточении турок — объявить войну [2]).

Воронцову-Дашкову, как и упомянутому Поливанову, было ясно, что, начиная войну с Турцией, придется иметь дело не только с ней, но, что неизмеримо важнее, и с Германией. Правда, эту мысль Воронцов высказывает осторожно в виде предположений (см. письма от 5 января и 24 февраля 1908 г.), — тем не менее он указывает и непосредственные причины заинтересованности в этой войне Германии.

«Германия, — пишет Воронцов Николаю 24 февраля 1908 г., — задетая в своих интересах нашим соглашением с Англией (18—31 августа 1907 г. *В. С.*), может желать, с помощью Турции, восстановить и упрочить свое положение в Персии в связи с ее Малоазиатской железной дорогой и помочь Австрии получить концессию на Митровицкую дорогу, еще более важную для Германии, чем для Австрии».

Однако Воронцов находил, что нужно всеми мерами стараться избежать «бесполезной и, по внутреннему состоянию империи, в высшей степени опасной войны».

В связи с этим Воронцов советовал «лишить Турцию поддержки Германии» и для этого согласиться на удовлетворение интересов последней по двум упомянутым вопросам относительно Багдадской и Митровицкой железных дорог. «Д о п о р ы д о в р е м е н и, — говорил в связи с этим Воронцов, — приходится мириться со многим».

Однако, как известно, царское правительство тогда себя способным к войне не считало, и незадолго до этого письма Воронцова, 28 января 1908 г., совет государственной обороны признал, что «вследствие крайнего расстройства материальной части в армии и неблагоприятного внутреннего состояния, необходимо ныне избегать принятия таких агрессивных действий, которые могут вызвать политические осложнения» [3]).

Но вынужденно, «до поры до времени», сдавленные тенденции русского империализма, типичным представителем которого был Воронцов-Дашков, не замедлили и несмо-

---

[1]) А. М. Зайончковский. «Подготовка России к империалистической войне». Гиз, 1926 г., стр. 49.

[2]) А. А. Поливанов. «Мемуары», стр. 38—39.

[3]) «Три совещания», статья М. Н. Покровского в «Вестнике Наркоминдела», 1919 г.

тря на воздержание от войны отразиться в различных областях политики кавказского наместника. Такова, прежде всего, область политики национальной.

В своей национальной политике Воронцов-Дашков, как и другие «окраинные» правители, руководился принципом: «divide et impera» (разделяй и властвуй). Так, руководясь именно этим принципом и стремясь углубить вражду между главнейшими национальностями Кавказа, Воронцов заявил себя «армянофилом» и стал давать армянам ряд привилегий и преимуществ по сравнению с татарами в одних областях и с грузинами — в других. Отчасти эта тенденция объяснялась задачей борьбы с революционным движением, но, кроме того, «армянофильство» наместника имело еще и другой, гораздо более далекий, рассчет, раскрытие которого подводит нас вплотную к большой «внешней» политике Воронцова.

«Необходимо, — пишет он Николаю 10 октября 1912 г., — открытое выступление в защиту турецких армян, особенно в данное время, чтобы не отталкивать от себя, а вперед подготовить себе сочувствующее население в тех местностях, которые при современном положении вещей легко могут оказаться в сфере наших военных операций».

Обратим также внимание на любопытное совпадение. Защита турецких армян проектируется кавказским наместником как раз в то время, когда и в Австрии и в Германии империалистические круги также начинают проникаться необычайной симпатией к армянскому народу. Причины интереса к этому вопросу немцев найти нетрудно: именно в это время Германия вела постройку второго участка Багдадской дороги (от Тавра до хребта Аман, или Алма-Даго); дорога эта проходила как раз через те области, которые в значительной степени населены армянами. Заинтересованные в последних, немцы не только им «симпатизировали», но и вели среди армянского населения широкую пропаганду, всячески муссируя, что именно великая Германия имеет достаточно силы, чтобы обеспечить армянскому народу самую широкую автономию.

Отсюда видно, что «армянофильство» Воронцова-Дашкова объясняется тем, что он, как и немцы, вполне учитывал значение «армянского вопроса» в связи с будущей войной; он заигрывал с «русскими» армянами для того, чтобы ловчее подойти к их соплеменникам в Турции. Таким образом и во внутренней национальной политике наместника явно обнаруживаются империалистические устремления.

Но еще более чем национальная политика Воронцова, интересно в этом смысле его отношение к вопросу о задачах русского железнодорожного строительства. В этом вопросе, где сплетаются главнейшие узлы империалистической политики, сам Воронцов, как видно из письма его к Николаю от 7 февраля 1911 г., считал себя, в некоторой степени, специалистом: оказывается, Воронцов был причастен к существовавшему еще при Александре III проекту великого Индо-европейского железнодорожного пути и «близко изучал» этот вопрос «со стороны его коммерческой выгоды».

Как мы видим, в 1908 г. Воронцов-Дашков советовал пойти на уступки Германии в вопросе о Багдадской дороге. Тогда этот совет не был принят во внимание; однако через два года русская дипломатия, убедившись, что ей все равно сооружению Багдадской дороги не помешать, решила изменить свое отношение к этому вопросу, — тем более потому, что в промышленных и крупных финансовых кругах России стало преобладать мнение, что, вместо того, чтобы мешать Германии строить эту дорогу, выгоднее будет самим также принять участие в ее сооружении и эксплоатации. В результате в октябре 1910 г. во время потсдамского «свидания» Николая с Вильгельмом состоялось согла-

шение, по которому Россия не только отказывалась в будущем от всякого противодействия Багдадской дороге, но и брала на себя обязательство соединить германскую линию переносной веткой Ханигин — Тегеран с будущим Индо-европейским путем. В связи с постройкой намеченной ветви, почуяв крупную добычу, сильно оживились круги крупных металлургистов-промышленников и возник даже особый консорциум для создания транс-персидского железнодорожного пути.

Однако среди других групп нашей промышленности (не-металлургистов) против этого проекта встретились большие возражения; в частности почти все московское купечество отнеслось к проекту о постройке Индо-европейской и в частности транс-персидской дороги не только холодно, но даже прямо враждебно. С таким отрицательным отношением влиятельных промышленно-торговых групп пришлось считаться и Совету Министров, когда на его обсуждение поступил этот вопрос.

Когда о возникших в связи с проектом разногласиях дошло до сведения гр. Воронцова-Дашкова, то он счел долгом в особом письме к Николаю, от 7 февраля 1911 г., целым рядом соображений поддержать необходимость создания Индийского пути, которому, — по словам Воронцова, — «необходимо оказать могущественное покровительство со стороны России, исключительно в ее же интересах».

Эта энергичная поддержка Воронцовым-Дашковым проекта транс-персидского пути совершенно определенно показывает, какие именно круги представительствует он в своей защите. Это — группа представителей самого хищного великодержавного империализма, связанного с «тяжелой», металлургической промышленностью. И хотя Воронцов-Дашков и уверяет, что он, поддерживая этот план, вместе с тем совершенно исключает «какие бы то ни было агрессивные, в смысле территориальных приобретений за счет Персии, помыслы», само собой понятно, что эти слова являются лишь дешевой драпировкой обнаруживающихся даже и в письме Воронцова-Дашкова хищнических империалистских целей.

Та же империалистская подкладка скрывается и в настойчиво выдвигавшемся Воронцовым проекте постройки так называемой Перевальной дороги (через Кавказский хребет). Желательность постройки этой дороги была признана правительством уже очень давно, но дело это, как сообщает Воронцов, не осуществлялось «лишь за недостатком средств» (письмо от 26 января 1911 г.). Однако в октябре 1910 г. вопрос об этом возник в Совете Министров, причем последний предпочел вместо сооружения Перевальной дороги построить, в первую очередь, Черноморскую прибрежную железную дорогу. Воронцов-Дашков, в упомянутом письме к Николаю, целым рядом аргументов оспаривает это решение, настаивая на необходимости сооружения именно Перевальной дороги. О ней же он пользуется случаем напомнить и в следующем письме, от 7 февраля 1911 г., в связи с вопросом о постройке великого Индо-европейского пути, причем подчеркивается значение Перевальной дороги как «связующего звена в общей мировой магистрали».

Высказанные Воронцовым-Дашковым соображения были разделены Николаем, и позднее, в марте 1912 г., вопрос этот был пересмотрен Советом Министров.

Надо заметить, что этому вопросу придавалось в связи с подготовлявшейся войной большое значение, — и когда, в ноябре 1913 г., Сазонов в особой, поданной Николаю, записке обсуждал возможность занятия проливов и Константинополя, то, в числе предположительных к этому мероприятий, он намечал и постройку все той же Перевальной дороги.

Таким образом можно видеть, что в печатаемых здесь письмах Воронцова-Дашкова, как и вообще во всей его деятельности на Кавказе, достаточно ярко обнаруживаются черты, весьма типичные для империалистской политики последнего периода русской монархии.

Подлинники публикуемых писем хранятся в Архиве Октябрьской Революции, отдел падения старого режима инв. № 1849, оп. 2, № 19.

В. Семенников.

1.

Ваше императорское величество.

Горячее время мы прожили на Кавказе.

Бомбы и стрельба на улицах Тифлиса, то же и в Баку, беспорядки в Грозном, в Екатеринодаре, в Армавире, продолжающаяся спорадически резня в Елисаветпольской и Эриванской губерниях и грозящая восстанием Кутаисская; вот главное, с чем пришлось считаться.

В данную минуту наступила акальмия; долго ли она продолжится, трудно сказать, но можно с уверенностью думать, что ежели в России благоразумная партия возьмет верх над революциею, то и Кавказ успокоится. Необходимое условие для этого успокоения — это строгое соблюдение начал, провозглашенных манифестом вашего величества от 17 октября. Всякий намек на нарушение этих принципов возбуждает умы, делает людей склонными к новым проявлениям насилия в форме стачек, уличных беспорядков и политических убийств. Вся наша надежда на Государственную Думу и на представителей центра.

Несколько дней я был в большой тревоге. Всякие сообщения с Кутаисской губернией были прекращены; окольными путями доходили слухи, самые тревожные — об открытом восстании, о сотне убитых пластунов, о полном непризнавании властей.

Я решился усилить наличное в губернии количество войск и двинул туда, под начальством Алиханова, особый отряд, который мог бы самостоятельно действовать и подавить грозящее, — а по мнению многих уже происходящее, — восстание.

Не сомневаюсь, что отчасти благодаря движению войск, а главным образом вследствие появления манифеста, гурийцы, стоящие во главе политического движения в крае, решились более не бойкотировать властей, представить новобранцев и стать в легальные отношения к администрации и к суду [1]). Отряд Алиханова я вывожу, железнодорожное сообщение восстановилось, и Кутаисская губерния приходит в нормальное состояние, но ежели в России начнется репрессивная реакция и будут приняты меры, не соответствующие словам манифеста, то нет сомнения, что это отзовется крупными беспорядками и на Кавказе.

Не менее кутаисских дел меня беспокоит Апшеронский полк. Старый и слабый командир полка, отсутствие лучших офицеров, пере-

веденных или откомандированных на Дальний Восток, присутствие нежелательного элемента среди прапорщиков запаса, призыв буйного кубанского элемента запасных в плохо содержанные кадры, — вот причины тех безотрадных явлений, — чуть не дошедших до открытого бунта, — которые имели место в этом выдающемся по своим боевым традициям полку. В данную минуту там тише, но я потребовал отставки полкового командира и думаю вывести из Владикавказа два батальона, заменив их одним Ширванского и одним Дагестанского полков.

В Баку теперь спокойно, но жду с нетерпением утверждения градоначальства.

В Дагестане полное спокойствие, в Карсе и Черноморской губернии спокойно, Батум, вероятно, пойдет в кильватер Гурии.

Вот, ваше величество, вкратце картина положения Кавказа в данную минуту. Не сомневаюсь, что современем все уляжется, но при непременном условии установления правительства в Петербурге на основаниях обнародованного вами 17 октября манифеста.

Вашему императорскому величеству душою преданный

И. Воронцов.

Тифлис. 7 ноября 1905 г.

2.

Ваше императорское величество.

Еще раз приношу сердечную благодарность за ваше письмо, доставленное мне фельдъегерем. В такое трудное время более чем когда-либо дорого подбадривающее слово вашего величества. Нелегко тут приходится, и без нравственной поддержки вашей положение было бы невыносимо.

Пишу под тяжелым впечатлением убийства Грязного [2]). Лишился я честного, умного и энергичного помощника, которого будет трудно заменить; смерть его произвела на тифлисский гарнизон сильное впечатление; натянутые нервы офицерства дают себя знать, и с этим лихорадочным состоянием приходится считаться. Одно можно сказать утвердительно, что революционная пропаганда на войска не действует, опасны лишь выходки в обратном направлении, т.-е. самовольные расправы с населением.

Относительно Крым-Гирея ваше величество совершенно правы. Месяц тому назад я ему объявил, что буду ходатайствовать о назначении другого лица на должность помощника по гражданской части. Крым-Гирей идеалист и едва ли способен к созидательному труду, но он, несомненно, выдающийся человек по честности, разнообразности знаний и основательному знакомству со многими отраслями народного хозяйства. По прилагаемому перечню занимаемых им должностей ваше величество усмотрите, что, получив высшее военное образование, он занимал ответственные места по министерствам юстиции и финансов и несколько трехлетий был предводителем дворянства. Я был бы крайне благодарен вашему величеству и считал бы справед-

ливым, ежели вы бы удостоили Крым-Гирея званием сенатора; по высокому нравственному уровню султана и по прошлой его службе считаю его достойным и совершенно подготовленным для занятия этой должности.

На его место я прошу согласия вашего величества на назначение тайного советника Мицкевича; он состоит теперь членом совета наместника, был членом суда, елисаветпольским вице-губернатором и начальником канцелярии князя Дундукова и Шереметьева. Он пользуется уважением в крае и знает его превосходно. Его назначение я бы считал особенно для себя важным в том отношении, что он знаком со всеми делами и со всеми фазисами, через которые они проходили.

В данную минуту т. с. Мицкевич командирован мною в Кутаисскую губернию для производства дознания над бывшим губернатором Старосельским [3]).

Вашему императорскому величеству душою преданный

И. Воронцов.

Тифлис. 23 января 1906 г.

3.

Ваше императорское величество.

Полученная от вашего величества телеграмма с повелением вернуть 33 дивизию в Киев, без замены ее из России другими частями войск, ставит меня в безвыходное положение.

Вывести из Кутаисской губернии и Батумской области 16 батальонов и артиллерийскую бригаду, не имея фактической возможности заменить их войсками Кавказского округа, будет иметь неизбежным последствием усиление революционного движения до размеров, которые трудно предвидеть; вероятно, для водворения вновь спокойствия потребуется вдвое больше сил, чем требуется теперь для его сохранения и упрочения.

Закавказская железная дорога, — эта жизненная артерия всего края, — прорезывающая от Тифлиса до Батума местность, составляющую самый очаг революции, требует бдительной военной охраны; ежели, современем, представится возможность снять с дороги несколько батальонов, то все же ими не пополнится убыль от увода 33 дивизии.

Все генерал-губернаторы настойчиво требуют усиления войск в их районах. Исполнить их требования я не в состоянии. За последнее время еще прибавились просьбы о присылке войск со стороны ставропольского губернатора; в Ставрополь я послал батальон, шесть сотен и батарею из Терской и Кубанской областей. Больше атаманы отказываются посылать.

Надо принять во внимание, что на линии Владикавказской железной дороги находятся такие революционные очаги, как Новороссийск, Екатеринодар, Армавир, Невинномысская, Пятигорск, Владикавказ и Грозный.

По агентурным сведениям, полученным из Кутаиса, Батума, Поти, Сухума и других мест, надо ожидать в конце этого или в начале будущего месяца взрыва революционного движения, а теперь идет деятельная к нему подготовка.

В Елисаветпольской губернии, при малочисленности войск, дело обострилось; подкрепить генерала Голощапова необходимо. Я посылаю туда два саперных батальона; попутно эта командировка отвлечет сапер от политики и даст им возможность службой загладить прежние грехи.

Оголить нашу южную границу и перевести войска из Карской области в Батумскую и в Кутаисскую губернию я считаю невозможным, не столько из опасения могущих возникнуть осложнений с Турцией, как для сохранения в Карсе и Эривани должного порядка, ограждения границы от прорыва курдов и армянских шаек и оставления в штаб-квартирах от одного до двух батальонов для строевых занятий.

В пределах возможности я принимаю все меры к тому, чтобы войска не дробились на мелкие части, и всем войскам, поочередно, дается время на обучение и стрельбу, но в крае, в котором городская полиция еле существует, а местами, благодаря нищенскому содержанию, не существует вовсе, нельзя не прибегать к помощи войска как для охраны казенных учреждений, так и некоторых частных, имеющих важное общественное значение.

Для пресечения беспорядков нельзя, как на то указывает военный министр, посылать всегда цельные части — роту или сотню. Для того, чтобы так действовать, мы недостаточно богаты войсками, да при такой системе большинство случаев нарушения порядка оставалось бы безнаказанным.

В штабе округа получена для доклада мне и для руководства резолюция военного министра, положенная на телеграмме тульского предводителя дворянства Еропкина, просящего о разрешении казакам действовать для прекращения беспорядков более мелкими частями. Резолюция следующая: «Ни за что! Эти действия — дело полиции; пускай усиливают ее, а не портят войска». Взгляд этот вполне правильный, но спрашивается, как быть там, где полиции нет или ее недостаточно? Усиливать и создавать полицию можно только законодательным порядком; годами на поступившие с Кавказа представления по этому вопросу ответа нет; сумм в моем распоряжении для временного хотя бы усиления и улучшения полиции никаких не имеется, на ходатайство мое уделить часть разрешенного на этот предмет кредита в 12 миллионов на нужды Кавказа от министра Дурново последовал отказ; нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что в центральной России редко полиции приходится действовать против вооруженных масс, на Кавказе же постоянно; кавказские бунтари и разбойники вооружены скорострельным оружием новейших систем, а наши стражники берданками, городская же полиция плохими револьверами.

Одно из двух — или надо дать разбоям и грабежам, за неимением достаточной полиции, безнаказанно развиться или надо преследовать их при содействии войск, так как другого действительного средства в моем распоряжении не имеется. Надо также иметь в виду, что на Кавказе, при страшно пересеченной гористой местности и отсутствии дорог, чтобы иметь возможность поспеть во-время к угрожаемому пункту, приходится занимать большее число мест, а за малочисленностью войск держать в этих местах более слабые гарнизоны.

Кончая это письмо, позволяю себе еще раз всеподданнейше доложить вашему величеству, что только при сохранении имеющегося в моем распоряжении числа войсковых единиц могу я надеяться на сохранение хотя бы известного порядка; при уводе же 33 дивизии, без предварительной замены ее другой, я за сохранение порядка в крае не ручаюсь и прошу ваше величество с меня эту ответственность снять.

Что гг. офицеры и старослужащие нижние чины стремятся обратно к своим насиженным гнездам в Киевском округе, вполне понятно, но на военной службе едва ли можно с такими желаниями считаться. Что же касается до солдат, то, думается мне, им безразлично, где служить, и едва ли они охотно лишатся 15 копеек суточных.

Вашему императорскому величеству душою преданный

И. Воронцов.

Тифлис. 16 августа 1906 г.

4.

Ваше императорское величество.

Приемлю на себя смелость представить на благовоззрение вашего императорского величества события, происходящие вблизи кавказской окраины, в Персии и Турции, и в связи с этим боевую готовность войск Кавказского военного округа.

Я глубоко сознаю, что при современном состоянии России вообще и в частности Кавказа особенно нежелательны какие-либо внешние осложнения, но в то же время такие события, как все более усиливающееся революционное движение в Персии, захват Турцией персидской территории и, главное, необычные военные приготовления турок невольно вызывают опасение не быть застигнутыми врасплох неожиданными событиями, особенно со стороны Турции.

Военное усиление Турции в пограничной с Кавказом полосе, начатое весною прошлого года, все более возрастает и стало проявляться особенно энергично в конце прошлого года.

В сентябре месяце была призвана под знамена часть Сивасской дивизии, причем отмобилизованные батальоны поступили на усиление Эрзерумского гарнизона, а в декабре последовал приказ о призыве под знамена Эрзерумской и Ванской редифных бригад и части гамидийских полков. В то же время идет усиленное пополнение лошадьми полевой артиллерии, а также снабжение Эрзерума артиллерийскими снарядами и патронами, подвозимыми в эту крепость почти ежедневно.

Недавно в войска 6 турецкого корпуса доставлено 36 скорострельных орудий и 19 тысяч ружей Маузера большого калибра. Наконец, 1 января наш агент телеграфирует из Эрзерума, что на-днях получен приказ о призыве 4 января редифных батальонов Самсунской, Эрзерумской, Сивасской и Ванской бригад, которые еще не призваны, а прочим четырем редифным бригадам корпуса быть готовыми к призыву. Говорят, что в 6 корпусе получен приказ о призыве редифа; цель призыва объясняется ожидаемой войной с Россией [4]).

Эти военные приготовления ни по времени года, ни по характеру, ни по объему не могут быть признаны обычными для Турции, и невольно возникает вопрос, против кого они направлены.

Ничтожество Персии и ее вооруженных сил совершенно исключает возможность предположения, чтобы такие широкие мероприятия могли быть направлены против нее.

Нет сомнения, что военные приготовления турок, особенно энергично проявляемые в ближайшем к нам 4 корпусе, преследуют одну цель — подготовиться и силою отстоять занятую персидскую область в том случае, если бы Россия потребовала очищения захваченной территории, а может быть, пользуясь нашей неподготовленностью, и обратно вернуть области, завоеванные нами в кампанию 1877—1878 гг.

Может быть, эти загадочные для меня приготовления турок не опасны для России, но я не посвящен, хотя бы даже в общих чертах, в современную политическую обстановку и понимаю события так, как они представляются мне здесь, на месте.

В таком виде они внушают серьезные опасения, тем более, что в то время, как турки принимают энергичные меры для своего усиления, с нашей стороны, повидимому, ничего не делается в этом направлении, и в боевой подготовке войск округа имеют место недостатки, которые существовали десятки лет тому назад, и, в случае наступательного движения со стороны Турции, мы окажемся на кавказском театре войны еще менее подготовленными, чем были на Дальнем Востоке.

Мои опасения за возможность столкновения с Турцией тем более серьезны, что недавнее направление нашего отряда в Джульфу, на персидскую границу, является уже как бы началом вмешательства в персидские дела и, судя по журналу совещания министров, в случае еще бóльшего усиления революционного движения в Персии, возможно ожидать движения русских войск в это государство.

Не могу не высказаться самым категорическим образом против такого вмешательства, ведущего, несомненно, ко всем возможным осложнениям, весьма нежелательным в данном положении России, а в частности — кавказской окраины.

Смуты и неурядицы в Персии для Кавказа особого значения иметь не могут, и все внимание наше должно быть обращено на более значащего нашего азиатского соседа, который за последнее время что-то задумал и, думается мне, не без подстрекательства Германии.

Но при существующих приготовлениях Турции я не могу быть уверенным, что одновременно с движением наших отрядов в Персию не последует каких-либо осложнений со стороны турецкой границы.

Ввиду такой сложной и неопределенной для меня обстановки, от выяснения которой зависит степень удачного выполнения намерений правительства, я осмеливаюсь ходатайствовать перед вашим императорским величеством приказать ориентировать меня, насколько в настоящих и будущих моих распоряжениях относительно персидских дел и подготовки кавказских войск я должен считаться с деятельностью турецкого правительства, направленной на усиление Турции в пограничных с Кавказом местностях.

Вместе с этим считаю своей обязанностью всеподданнейше донести вашему императорскому величеству о наиболее крупных недостатках в отношении боевой готовности кавказских войск на случай осложнений с Турцией.

Противник будет иметь огромное преимущество в силах, даже в том случае, если кавказская армия успеет отмобилизоваться, тем более, что значительную часть наших войск придется оставить в тылу для поддержания порядка и спокойствия среди населения, особенно мусульманского, для охраны железных дорог, караульной службы и т. п. Нельзя рассчитывать на скорое усиление войск округа с объявлением войны: недостаточная провозная способность железных дорог, при огромном числе запасных, подлежащих перевозке не только из пределов округа, но и из внутренней России, и массе грузов, не позволит воспользоваться этими дорогами даже для перевозки значительного числа войсковых частей округа в пограничную полосу. Во всяком случае полтора-два месяца по объявлении мобилизации кавказские войска будут предоставлены исключительно собственным силам.

Поэтому, если предвидится малейшая возможность вооруженного столкновения с Турцией, настоятельно необходимо теперь же усилить войска округа, тем более, что находящаяся здесь 33 пехотная дивизия с артиллерией укомплектовывается запасными из Киевского округа и для мобилизации ее в округе не имеется никаких соображений.

Почти наполовину кавказские войска будут состоять из резервных войск, которыми, несмотря на их малую сплоченность и недостаточную обученность, придется пользоваться наравне с полевыми.

Войска округа будут ощущать недостаток в артиллерии: некоторые стрелковые части и все пластунские не имеют вовсе своей артиллерии, резервная пехота обеспечена меньшим числом батарей, чем полевая; также обращает на себя внимание несоответствие количества конной артиллерии с кавалерией и конными казачьими полками.

Вследствие горного характера театра военных действий колесный обоз не может всюду следовать за войсками, а вьючного обоза нет.

Крепости округа не в состоянии выполнить своего назначения ни по численности гарнизона, ни по состоянию артиллерии и инженерной подготовки.

Полевая и гаубичная артиллерия округа находится в состоянии перевооружения, а горную артиллерию, наиболее необходимую на Кавказе, предполагают перевооружить только в 1909 году.

В местных парках и в складах огромные недостатки скорострельных пушечных снарядов.

Пехота и кавалерия имеют 300—400 патронов на винтовку, между тем опыт последней войны указал на необходимость иметь не менее тысячи патронов на винтовку.

В округе, несмотря на неоднократные ходатайства, полное отсутствие запасных частей и принадлежностей к огнестрельному ручному оружию.

В крепостях недостает некоторых калибров крепостных орудий и снарядов новейших конструкций.

Вообще в отношении артиллерии и запасов артиллерийского довольствия войска округа находятся в наиболее тяжелом положении.

Нет никаких запасов телеграфного и телефонного имущества и прожекторов для снабжения войск; мало запасов материалов для искусственных препятствий и мало войскового шанцевого инструмента.

Организация санитарной части армии встретит большие затруднения вследствие недостатка врачей, фармацевтов и медицинского имущества.

Интендантство не имеет мобилизационного запаса ячменя; ощущается недостаток в сухарях для пополнения подвижных войсковых запасов. Имеющиеся запасы зерна не обеспечены мукомольными средствами.

Эти существенные недочеты в боевой готовности невозможно пополнить на месте. Как я уже доложил, нельзя рассчитывать и на своевременное их пополнение при мобилизации, и, во всяком случае, таковое пополнение отразится в ущерб быстроте сосредоточения армии на границу и усилению ее войсками из других частей империи.

Поэтому настоятельно необходимо теперь же немедля усилить Кавказ войсками из внутренней России, ускорить перевооружение артиллерии, особенно горной, пополнить всевозможные запасы и привести крепости в большую обороноспособность.

Только при этом условии нам не будут опасны приготовления Турции, и при неизбежной необходимости кавказские войска с честью поддержат достоинство России и свои старые боевые традиции.

Вашего императорского величества верноподданный

гр. Воронцов-Дашков.

Тифлис. 5 января 1908 г.

5.

Ваше императорское величество.

Крайне тяжелое положение, в котором находится в настоящее время Кубанская область, где грабежи, насилия и самосуды сделались обыденным явлением, побудило меня войти с ходатайством к военному министру о безотлагательной замене начальника области генерал-лейтенанта Михайлова другим лицом, так как главною причиною всего происходящего в области, по моему мнению, является недостаточно умелое управление таковою названным генералом.

Для замещения генерала Михайлова выбор мой остановился на занимающем ныне должность военного губернатора Карской области генерал-лейтенанте Бабыче.

Будучи природным казаком кубанским и прослужив в должности старшего помощника начальника Кубанской области 7 лет, генерал Бабыч не только основательно знаком с условиями жизни и нуждами казачьего и неказачьего населения области, но, благодаря своему такту и отличным административным способностям, снискал всеобщую любовь и уважение как казаков, так и иногородних, среди которых имя его пользуется заслуженною популярностью.

Кроме того, генерал Бабыч — человек решительный, энергичный и способный; он это доказал в тяжелое время смут 1905 года, когда, появляясь везде, где только угрожала опасность, твердыми и решительными мерами предотвращал беспорядки и восстановлял законную власть.

Между тем высшая аттестационная комиссия, на рассмотрение которой поступило мое ходатайство о генерал-лейтенанте Бабыче, дважды отказала в испрашиваемом мною назначении по единственной причине, что генерал Бабыч — казак Кубанской области.

Но, ваше величество, именно на этом и основывается мое представление. Нельзя поручать управление областью в такое горячее время лицу, с нею незнакомому и ей неизвестному. Нет времени знакомиться с управляемым краем, с его особенностями, с характером разнородных его жителей, — надо действовать, а для этого надо знать. Весь вопрос в том, верно ли определяю личность Бабыча как человека вполне честного, не знающего кумовства; ежели я в этом не ошибаюсь, то его происхождение является громадным преимуществом.

Должность начальника Кубанской области есть, главным образом, должность административная; поэтому, казалось бы, для высшей аттестационной комиссии, ведающей, главным образом, строевыми назначениями, слишком затруднительно рекомендовать подходящее лицо для занятия означенной должности. С другой стороны, я могу отвечать за спокойствие края только в том случае, если не буду лишен возможности выбирать на столь ответственные должности, как должность областного начальника, лично мне известных администраторов, на которых я мог бы вполне опираться в таком сложном деле, как управление Кавказским краем.

К вам, государь, обращаюсь за помощью, повелите назначить Бабыча наказным атаманом на Кубани. Более подготовленного на эту должность лица я не знаю, да едва ли и имеется, а Бабычу верят казаки, и я ему верю.

Вашему величеству душою преданный

И. Воронцов.

Тифлис. 23 января 1908 г.

6.

Ваше императорское величество.

Разрешите мне, государь, со всею откровенностью раскрыть перед вами мои мышления о настоящем положении, насколько оно касается Кавказа.

Несмотря на заверения Турции в дружбе к России, мобилизация ее войск продолжается и не может быть истолкована иначе как приготовлением к войне с нами; но едва ли Турция решилась бы на войну без уверенности в реальной поддержке другой сильной державы.

Такая поддержка может явиться только со стороны Германии или Японии.

Германия, задетая в своих интересах нашим соглашением с Англией, может желать, с помощью Турции, восстановить и упрочить свое положение в Персии в связи с ее Малоазиатской железной дорогой и помочь Австрии получить концессию на Митровицкую дорогу, еще более важную для Германии, чем для Австрии.

Другой цели для подстрекания Турции к полной совершаемой ею мобилизации я не вижу.

Гарантия Германии дала Турции возможность совершить заем, дающий султану нужные для войны средства.

Думаю, что для того, чтобы лишить Турцию поддержки Германии, надо России согласиться на удовлетворение интересов этой державы по двум вышесказанным вопросам.

Наше влияние на ближний к Кавказу Восток — на Персию и Малую Азию — пошатнулось от японской войны, но мы его вернем, и с большим ростом, когда Россия окрепнет; что же касается до Митровицкой железной дороги, то она не затрагивает реальных наших интересов и является лишь вопросом самолюбия. До поры до времени приходится мириться со многим.

Надо иметь в виду, что ежели и удалось бы оградиться от вмешательства Германии, то возможно, что Турция, к тому времени окончательно мобилизованная и стоящая перед нашей границей во всеоружии, потратив уже большие миллионы и осведомленная о состоянии кавказской армии, все же рискнет броситься на нас в надежде вернуть потерянные ею владения, а, может быть, рассчитывая на общее, во имя панисламизма, восстание, и присоединить все Закавказье к Оттоманской империи. При возбуждении умов, имеющем место во время общей мобилизации, и при некотором несомненно существующем фанатизме,

нельзя и на эту психологическую сторону вопроса не обратить внимания. Распустить армию, мобилизация которой обошлась в сотню миллионов, не получив за это сто́ящего вознаграждения, слишком тяжело: да едва ли возможно в истории человечества указать на такой пример. Единственное, что могло бы удержать Турцию от войны, это, во-первых, чувство одиночества, а во-вторых, уверенность в готовности противника. Думаю, что ни первого, ни второго у Турции нет; напротив, уверенность в поддержке существует, а малочисленность и неподготовленность кавказской армии ей хорошо известны.

Отнять у Турции надежду на активный союз — дело нашей дипломатии, я же считаю своим долгом обратиться к вашему величеству, прося вас повелеть обставить кавказскую армию так, чтобы она смогла проливать свою кровь не без пользы для царя и родины.

Вполне сознаю все затруднения, в особенности финансовые, вызываемые пополнением запасов, сооружением временных укреплений и вооружением Карса, а также некоторым усилением кавказских боевых сил, но не вижу другого более действительного средства для сохранения мира, а, следовательно, и государственной казны.

Я прошу придвинуть к театру военных действий одну дивизию из Европейской России. Удобно было бы ее поставить в Кубанскую область, где она не мозолила бы глаза Турции, а дала бы возможность частям 21 дивизии, разбросанным в Ставрополе, Екатеринодаре и по линии железной дороги, собраться в штаб-квартиры и подготовиться. Кроме того, имея в виду, что турки нас сильно опередили, что весь 4-й корпус мобилизуется, а часть его уже сосредотачивается, было бы весьма желательно довести 20 дивизию до усиленного мирного состава, чтобы совместно с 39 служить заслоном во время нашей мобилизации. Усиление это могло бы не вызывать ни мобилизации, ни особых расходов, кроме перевозки людей, которые могли бы быть назначены по жребию из частей войск соседних округов.

Не находясь в курсе нашей общей политики и не зная, какие в данное время могут быть опасения со стороны Японии, я все же убежден, что она, при первой малейшей возможности, воспользуется всяким затруднительным положением России. Были сведения о том, что Япония входит в союз с Турциею и добивается угольных станций на Черном море. В данную минуту ходят слухи о присутствии в турецкой армии японских офицеров и известно, что перешедший в ислам японец разъезжает по Малой Азии, проповедуя в мечетях казават.

Имея в виду наше шаткое положение на Дальнем Востоке, необходимо принять самые действительные меры, во избежание вооруженного столкновения с турками, и лучше затратить несколько миллионов на сохранение мира, чем миллиард на бесполезную и, по внутреннему состоянию империи, в высшей степени опасную войну.

Сейчас получена мною телеграмма от военного министра следующего содержания: «Просимое телеграммами (денежные средства на пополнение запасов и на приведение Карса в возможное, для удержа-

ния его, состояние) предполагается временно отложить до выяснения средств». Но, ваше величество, времени остается всего два месяца и, ежели не приступить тотчас к необходимой подготовке, то мы будем захвачены врасплох, и кавказская армия будет поставлена в самое тяжкое положение, при котором воспрянет и все дурное среди местного населения. Всего потребуется теперь от 5 до 6 миллионов. Это деньги,— предполагая, что войны не будет, — не потерянные, накопленные ими запасы израсходуются в мирное время, а Карс и железная дорога будут обеспечены надолго.

Надо тоже подумать и об общественном мнении, оно, несомненно,— и совершенно правильно, — будет порицать всякую военную авантюру, но не менее критически злобно оно будет относится к непринятию своевременных мер обеспечения мира военною готовностью. Необходимо изыскать средства, — и в самом непродолжительном времени. Нельзя откладывать решения такого жизненного для России вопроса на отдаленный срок, при наступлении которого все положение настолько может измениться к худшему, что не потребуются шесть миллионов на сохранение мира, а миллиард на войну.

Вашему императорскому величеству душою преданный

И. Воронцов.

Тифлис. 24 февраля 1908 г.

7.

Ваше императорское величество.

Глубоко благодарен вашему величеству за переданное мне бароном Нольде письмо.

Прошел первый пыл негодования на клеветы, возводимые на кавказскую администрацию в Государственной Думе, и я не могу не согласиться с правильностью взгляда вашего. Вы слишком высоко стоите, чтобы итти на буксире у Думы.

Что касается до меня, то вам, государь, известно, что в вас я верю, но только в вас одного. Не будь во мне этой веры, я бы ни секунды не оставался бы на Кавказе. Верьте и мне, государь, что вы от меня ничего не услышите, кроме правды. Здесь мое положение твердое, но тяжело чувствовать во всех делах постоянное подкапывание центрального управления против наместничества. Нехорош наместник, так надо его сменить, но в интересах России и неразрывно с нею связанного Кавказа наместничество должно быть сохранено.

Работа по замещению 33 дивизии, занимающей всю Кутаисскую и всю Черноморскую губернии, новыми дивизиями, формируемыми из 65 и 66 бригад, усиленно ведется в штабе округа и в скором времени будет представлена в Петербург.

Желаю вам, государь, и дорогой семье вашей всякого благополучия.

Душою вам преданный

И. Воронцов.

Тифлис. 6 января 1909 г.

8.

Ваше императорское величество.

При рассмотрении 6 октября минувшего года в Совете Министров вопроса об усилении нашего стратегического положения на Кавказе принципиально признана была необходимость скорейшего сооружения Черноморской прибрежной железной дороги.

Такое решение обусловливалось тем соображением, что Черноморская дорога может быть сооружена лет в пять, тогда как Перевальная через главный Кавказский хребет — не ранее 10—12 лет.

Между тем соображения первостепенной важности, упущенные, повидимому, при первоначальной постановке и рассмотрении вопроса в министерствах и в Совете Министров, должны, казалось бы, привести к отказу от постройки Черноморской дороги в пользу сооружения Перевальной.

Соображения эти считаю долгом доложить вашему императорскому величеству:

1) Важное стратегическое значение Перевальной дороги никем не оспаривается. Черноморская же дорога в этом отношении признается лишь как возможный и только допустимый компромисс.

Наш флот не в состоянии обеспечить сообщение по Черноморской дороге, последнее признал и морской министр, а при таких условиях, чтобы обеспечить для себя сообщение по Черноморской дороге во время войны мы должны будем выделить на охрану ее значительные силы.

Если это возможно при единоборстве нашем с Турцией, то недопустимо при наиболее вероятном случае — при войне нашей с коалицией, когда войска Кавказа и без того будут ослаблены выделением значительной своей части на западную границу. Наконец, если бы даже для охраны этой дороги и для обеспечения ее от разрушения десантом противника и могли бы быть выделены достаточные силы, то это отнюдь не обеспечивает ее от разрушения артиллерией флота противника, при сложности же тех сооружений, какие по местным условиям неизбежны на дороге (виадуки и возвышенные мосты через горные реки), разрушение ее даже артиллерией противника может прекратить сообщение по ней на долгое время. При таких условиях стратегическое значение Черноморской дороги сводится к нулю.

Далее, положение, занятое турками в настоящее время в Персии, в случае войны нашей с Турцией будет угрожающим для наших сообщений с остальной Россией по железной дороге Тифлис—Баладжары—Беслан. Это является новым фактором, с которым ранее не приходилось считаться.

Это создало такое положение дела, при котором Кавказ, имевший хотя и недостаточно удобное круговое, но сравнительно обеспеченное от покушений противника, железнодорожное сообщение с остальной Россией, может его лишиться. Выход из этого положения один — со-

оружение Перевальной дороги, соединяющей кратчайшим путем центр Кавказа — Тифлис с Владикавказской железной дорогой.

Возможно, что соображения эти были упущены из вида при первоначальном рассмотрении вопроса в Совете Министров.

Кроме того при сооружении Перевальной дороги мы будем иметь вдоль нее отличное готовое сообщение по Военно-Грузинской дороге — обстоятельство громадной важности в военном отношении, тогда как по берегу Черного моря надежное сообщение по шоссе мы имеем лишь к северу от Сухума.

2) Перевальная дорога, будучи значительно короче Черноморской и пролегая по местности, совершенно ее обеспечивающей от покушений противника, с редким и притом надежным населением, будет также обеспечена от покушений к разрушению ее местными жителями и потребует в военное время для своей охраны ничтожное число войск, между тем как Черноморская дорога потребует усиленной охраны ее даже и в этом отношении.

3) Относительно политического значения Перевальной дороги для Кавказа, казалось бы, не может быть двух мнений. Этой и только этой дорогой может быть достигнуто скорое и полное объединение Кавказа с остальной Россией. Политическое значение Черноморской дороги в этом отношении весьма ограниченное и чисто местное.

4) Представляя из себя кратчайший путь между Закавказьем и Европейской Россией, Перевальная дорога будет способствовать в большей мере привлечению к России жизненных сил не только Закавказья, но и сопредельных с нами Турции и Персии. Экономическое ее значение в этом отношении громадно. Сократив расстояние между Европейской Россией и Тифлисом на 900 верст, т.-е. на полторы сутки пробега для пассажирских поездов и на трое суток для товарных, она тем самым приблизит Закавказье к таким промышленным центрам, как Москва, а это обстоятельство, в свою очередь, в будущем, при развитии железнодорожного строительства в Турции и Персии, облегчит возможность конкуренции в этих странах наших товаров с иностранными.

В то же время экономическое значение Черноморской железной дороги, главным образом, будет чисто местное, но и это местное значение весьма ограниченное. Пролегая по узкой береговой полосе, ограниченной с одной стороны Черным морем, не имеющим южнее строющегося порта Туапсе сколько-нибудь удобных бухт, кроме, отчасти Сухума, а с другой стороны, недоступными горными массивами Кавказского хребта, лишенного сколько-нибудь удобных поперечных путей, связывающих прибрежную полосу с остальным краем, железная дорога в этом направлении будет изолирована от большей части территории Кавказа и, захватывая ее меньшую часть, послужит только интересам последней. Но население прибрежной полосы крайне редко, и производительность ее ничтожна, рассчитывать при таких условиях на местные грузы нельзя.

Черноморское побережье привлекло на себя за последнее время внимание, как превосходное по климату и по природе место, как русская Ривьера, это вызвало спешную закупку участков земель по побережью для устройства здесь дач и создало ряд курортов. Как курортная, Черноморская дорога будет играть большую роль, но, само собою разумеется, обстоятельство это не должно иметь серьезного значения при сооружении дорог государственной важности.

5) При расчетах времени, потребного на сооружение Перевальной дороги, в основе учитывается время, потребное на сооружение главного тоннеля (около 20 верст). Время это учитывалось в 10—12 лет. Между тем техника сооружения тоннелей за последнее время достигла такой высокой успешности, что, по подсчетам начальника управления по сооружению железных дорог инженера Вурцеля, срок сооружения Перевальной дороги мог бы быть сокращен до 6—7 лет. Вопрос этот в министерстве путей сообщения не рассматривался и в Совете Министров не докладывался, между тем, полагаю, он подлежит самому серьезному рассмотрению, так как может самым естественным путем склонить мнения в пользу постройки Перевальной дороги.

6) В настоящее время выясняется, что стоимость сооружения Черноморской дороги, принимая во внимание необходимость при постройке этой дороги усиления пропускной способности участка Закавказских железных дорог от Самтреди до Тифлиса, будет не только не ниже стоимости Перевальной, но даже превзойдет таковую.

Вышеприведенные соображения в пользу постройки Перевальной через Кавказский хребет железной дороги настолько существенны, что могли бы привести к убеждению в необходимости отказаться от каких бы то ни было компромиссов в этом отношении, отказаться от заманчивой сравнительной скорости постройки Черноморской дороги — единственного сколько-нибудь серьезного довода, приводимого в ее пользу. Лучше иметь даже через 10 лет Перевальную дорогу, удовлетворяющую всем требованиям и всем нуждам Кавказа в стратегическом, политическом и экономическом отношениях, чем иметь хотя бы через 5 лет Черноморскую дорогу, не удовлетворяющую совершенно требованиям стратегическим и политическим и имеющую ничтожное значение экономическое.

Докладываю о сем ввиду совершенно неожиданного поворота, какой получило в настоящее время дело сооружения Перевальной чрез Кавказский хребет железной дороги, дело, которое уже почти сорок лет имело совершенно определенное направление и не осуществлялось лишь за недостатком средств, вышеизложенное на благовоззрение вашего императорского величества [5]).

Верноподданный

гр. Воронцов-Дашков.

Тифлис. 26 января 1911 г.

9.

Ваше императорское величество.

Разрешите мне, государь, занять ваше внимание несколькими словами в пользу великого индийского пути, к первоначальному проекту которого в 1884 году я был некоторым образом причастен [6]).

В бозе почивший родитель вашего величества очень сочувствовал этому предприятию, которое слагалось из нефтепровода от Баку через всю Персию до порта на Индийском океане — Чахбара и железной дороги по тому же направлению. Однако в то время проекту этому не было дано дальнейшего движения ввиду выражавшихся министерством иностранных дел опасений разрыва с Англиею, заявившей протест.

Ныне, при изменившихся политических комбинациях, со стороны английского правительства, более не страшащегося наших якобы наступательных на Индию планов, можно ожидать только сочувствие проекту транзитного через Персию рельсового пути, идущего на соединение с индийскими железными дорогами.

В настоящее время этот старый проект снова всплывает, хотя и в несколько измененном виде, и, поскольку я имею верные сведения, Совет Министров обсуждает предложения возникшего для осуществления индийского пути консорциума, причем встречаются возражения со стороны московского купечества. Поэтому я, как лицо, когда-то близко изучавшее вопрос со стороны его коммерческой выгоды, а ныне в качестве наместника вашего императорского величества на Кавказе, признавая его высокое государственное значение, решаюсь выступить в защиту этого предприятия, которому необходимо оказать могущественное покровительство со стороны России, исключительно в ее же интересах.

Финансовый успех предприятия обеспечивается тем, что на индийский путь легко привлекаются все наиболее ценные грузы и пассажиры, так как при самых невыгодных условиях перевозки время нынешнего морского сообщения от Лондона до индийских портов сокращается на две недели. Государственное значение его выражается в вовлечении русских дорог в участие в мировом транзите и в создании в Передней Азии господствующего положения России во всех отношениях, причем почти совершенно ослабляется опасность Багдадской дороги.

Для всей русской и в частности кавказской торговли открывается широкое поле, причем московские мануфактурные товары, несмотря на привлечение в Северную Персию западно-европейских конкурентов, будут иметь естественное тарифное преимущество (не говоря уже о возможности искусственно выгодной постановки железнодорожных тарифов), в особенности благодаря возможности пользоваться для перевозки их водным путем Волга — Каспийское море, этот последний путь ставит московские мануфактурные товары в исключительно благоприятное положение в отношении конкуренции их с иностранными товарами.

Приведенные соображения я считаю своим верноподданническим долгом повергнуть на ваше, государь, высочайшее благовоззрение с оговоркою, что, высказываясь в пользу поддержки изъясненного предприятия со стороны России, я безусловно исключаю возможность привлечения к нему наших государственных ресурсов, в каком бы то ни было виде, а равно исключаю также какие бы то ни было агрессивные, в смысле территориальных приобретений за счет Персии, помыслы.

Предполагаемое сооружение великого индийского пути, долженствующего создать мировое значение для русских железных дорог, вместе с сим дает мне возможность снова доложить вашему императорскому величеству о значении сооружения Перевальной через Кавказский хребет железной дороги и в этом отношении — как связующего звена в общей мировой магистрали. Если взять за исходную точку станцию Беслан, близ которой, по всей вероятности, Перевальная дорога примкнет к Владикавказской, и сравнить длину путей от Беслана через Петровск и Баладжары на Астару и от Беслана через Тифлис на Астару, считая при этом длину Перевальной дороги около 200 верст, а длину железнодорожных путей от Баладжар и Тифлиса по возможно кратчайшим вероятным направлениям прокладки их, то последнее направление даст сокращение великого индийского пути около 130 верст. В действительности же разница эта будет еще больше. Такое сокращение длины пути для дороги магистральной, с огромным количеством перевозимых по ней грузов, вне сомнения, будет иметь большое значение.

Вашего императорского величества верноподданный

гр. Воронцов-Дашков.

Тифлис. 7 февраля 1911 г.

10.

Ваше императорское величество.

Вчера у председателя Совета Министров состоялось заседание по вопросу усиления количества войск на Кавказе.

Хотя достигнутые результаты не определились в просимых мною размерах, но все же совещание пришло к заключению увеличить состав войск на один вновь формируемый корпус и усилить число рядов в трех уже существующих корпусах.

Благодаря полному сочувствию усилению кавказской армии со стороны министра финансов и убеждению его в неотложности этой меры, военный министр согласился с его доводами на увеличение числа кавказских боевых единиц.

Позвольте мне, государь, воспользоваться случаем, чтобы выразить вам, насколько я осчастливлен признаками вашего ко мне доверия, исполнением и утверждением многих моих просьб и докладов. При таких условиях работается легко, несмотря на годы и недуги.

Но, ваше величество, года и недуги растут, и пора думать о заместителе — о таком, который думал бы о величии России и любовно относился бы к вашим верноподданным жителям Кавказа.

Душою преданный

И. Воронцов.

Петербург. 9 октября 1912 г.

11.

Ваше императорское величество.

Католикос всех армян, под влиянием просьб своей паствы, состоящей как из турецких, так и русских подданных, предполагал выехать в С.-Петербург, чтобы лично обратиться с всеподданнейшим ходатайством к вашему величеству о защите турецких армян от курдских нападений. Я взял на себя смелость отклонить эту поездку католикоса и предложил ему повергнуть его ходатайство на высочайшее вашего величества благовоззрение. Пользуясь любезным согласием председателя Совета Министров, ознакомленного мною с ходатайством католикоса, я почитаю долгом всеподданнейше предложить на монаршее внимание вашего величества и некоторые свои личные соображения по поводу помянутого ходатайства.

Вашему величеству известно, что во всей истории наших отношений к Турции по Кавказу вплоть до русско-турецкой войны 1877—1878 гг., кончившейся присоединением к нашей территории нынешних Батумской и Карской областей, русская политика непрестанно с Петра Великого базировалась на доброжелательном отношении к армянам, которые и отплачивали за это нам во время военных действий активной помощью нашим войскам. С присоединением к нашим владениям так называемой Армянской области, в которой находился Эчмиадзин, эта колыбель армяно-грегорианства, император Николай Павлович употребил немало усилий для создания из Эчмиадзинского патриарха попечителя турецких и персидских армян, справедливо полагая тем самым достичь полезного России влияния среди христианского населения Малой Азии, через которую пролегал путь нашего исконного поступательного движения к южным морям. Покровительствуя армянам, мы приобретали верных союзников, всегда оказывавших нам большие услуги. Если эта политика и не всегда нам удавалась, ввиду противодействия Турции, желавшей сосредоточить духовное влияние над своими армянами у Константинопольского патриарха, то, во всяком случае, она проводилась последовательно и неуклонно почти полтора столетия. Последний раз она ярко выразилась в Сан-Стефанском договоре, статьею 16-ю которого Порта обязывалась, под угрозой оставления русских войск в Армении, без замедления осуществить улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить последним безопасность от соседей-курдов. Это обязательство Порты было подтверждено затем статьею 61-й Берлинского договора, но уже без всякой угрозы русским оружием, како-

вая угроза была выпущена, по соглашению великих держав, против желания России.

Только в 90-х годах прошлого века эта исконная политика России по отношению армян резко изменилась во время Сосунской резни, когда армяне получили от князя Лобанова-Ростовского категорический отказ в заступничестве перед Турцией. Вашему величеству хорошо известно, к каким печальным результатам привело это изменение нашей политики, создав, в связи с неудачными мерами, принимаемыми по отношению армянской церкви внутри России, антирусское настроение среди вообще всех армян, а в том числе и русских подданных, вовлеченных тем самым во враждебное русскому правительству революционное движение. Назначив меня наместником кавказским в целях умиротворения пылавшей революционным пожаром окраины, вашему величеству благоугодно было, по моим представлениям, отменить все создавшие ропот среди русских армян меры. Это высокое монаршее доверие ко мне вашего величества, вопреки мнению многих государственных деятелей, осуждавших мою политику относительно армян, одно давало мне силы к ее неуклонному проведению, но зато теперь я счастлив всеподданнейше доложить вам, государь, что ваше величество ныне не только имеете верноподданных в лице русских армян, но и привлекаете к себе взоры турецких, глубоко сознающих, что только от России и ее верховного вождя они могут получить действительную защиту жизни, чести и имущества от непрекращающихся зверств курдов.

Я полагаю, государь, что теперь настало время вернуться к исконной русской политике покровительства турецким армянам и настоятельно необходимо изыскать лишь те формы, в которые оно должно в данный момент вылиться. По моему крайнему разумению, нам предстояло бы сделать категорические заявление Порте, с ссылкой на Берлинский трактат, об обеспечении армянам безопасности от курдов. Нельзя, по-моему, упускать инициативу заступничества за армян из наших рук, а, между тем, в газетах уже появилось, быть может, ложное, сведение об обращении некоторых армянских политиканов к графу Берхтольду с просьбою о вмешательстве Австрии. Если бы мы не взяли на себя этого почина и он возник от другой великой державы, этим был бы нанесен непоправимый ущерб престижу России среди малоазийских христиан, а наше молчание на мольбы армянского народа в данный момент было бы, пожалуй, сочтено им за указание оставить навсегда надежды на его доселе единственного венценосного покровителя — русского царя и искать защиты в будущем вне России. Необходимо такое открытое выступление в защиту турецких армян, особенно в данное время, чтобы не отталкивать от себя, а вперед подготовить себе сочувствующее население в тех местностях, которые, при современном положении вещей, волей-неволей легко могут оказаться в сфере наших военных операций.

Делая это категорическое выступление, в то же время мы должны, по-моему, особенно подчеркнуть, что оно отнюдь не вызывается стре-

млением к территориальным приобретениям от Турции, чтобы не смущать умов не только турок, но и армян, жаждущих их присоединения к России. Действительно, приобретение так называемой Турецкой Армении, населенной по преимуществу дикими курдами, в данное время могло бы быть только вредным для нас, создавая огромные заботы по управлению страной с пестрым, враждующим между собою, фанатичным населением.

В заключение не могу скрыть от вашего величества, что проектируемое мною дипломатическое заступничество за турецких армян преисполнило бы сердца их русских единоплеменников чувствами верноподданнической любви и преданности к их монарху, под эгидой которого они искренно желали бы благоденствия всему армянскому народу.

Вашего императорского величества верноподданный

гр. Воронцов-Дашков.

С.-Петербург. 10 октября 1912 г.

12.

Ваше императорское величество.

Получил я вчера письмо от Саблера, который, по повелению вашего величества, просит моего отзыва по вопросу о назначении на открывшуюся, кончиною экзарха Иннокентия, иверскую кафедру.

Вопрос этот настолько важен, — удачное назначение нового экзарха так сильно отзовется на моей деятельности, облегчая или затрудняя ее, — что я решился побеспокоить вас этим письмом.

Обер-прокурор святейшего синода, посоветовавшись, как он говорит, с митрополитом Владимиром, выставляет следующих кандидатов: архиепископов Николая варшавского, Антония волынского, Арсения новгородского, Евлогия холмского и Серафима кишиневского.

Разрешите последовательно высказаться по каждому из них в том порядке, в котором их ставит т.-с. Саблер.

Николай варшавский, несомненно, один из самых выдающихся иерархов нашей церкви, бывший ректор тифлисской семинарии, в которой он оставил лучшую о себе память, конечно, весьма желателен и, по мнению моему, стоит выше других кандидатов, но я очень сомневаюсь в его согласии. Он член Государственного Совета и едва ли променяет Варшаву на Тифлис.

Антоний волынский, бьющий на сан патриарха, ярый карьерист; вашему величеству не могут быть неизвестными непорядки, имеющие место в его епархии. Весьма нежелательный кандидат.

Арсений новгородский мне неизвестен.

Евлогий холмский, по отзывам, человек хороший, но в Думе принадлежит к партии националистов и ему будет весьма трудно, ежели он даже этого пожелает, добиться доверия грузинского духовенства и народа.

Серафим кишиневский мне известен давно, был плохим и малодисциплинированным епископом сухумским и причиною в Кишиневе печальной истории монаха Иннокентия. Карьерист до мозга костей. Очень нежелательный.

Кроме названных Саблером кандидатов, может быть, будут просить и ходатайствовать у вашего величества за Кирилла тамбовского, бывшего когда-то законоучителем в Елисаветполе, где нервно болел после смерти жены. Человек, несомненно, хороший, но совершенно бесхарактерный, предоставляющий полную свободу действия своей тамбовской консистории, в которой, по местным заявлениям, царит усиленно взяточничество. Не администратор.

Владимир, в миру Путята, бывший преображенец. Путаник и ярый карьерист.

При отказе Николая варшавского, позволяю себе ходатайствовать у вашего величества за Алексея тобольского, которого любили и уважали покойные экзархи Никон [7]) и Иннокентий; он, несомненно, пойдет по их стопам. Человек он умный, спокойный и ни к какой политической партии не принадлежит. Он епископ, но и Иннокентий был назначен экзархом, будучи епископом.

Архиепископ Питирим владикавказский — высоконравственный, очень заботлив о своей пастве, любим и уважаем как осетинами, так и казаками.

Много говорят и с похвалой отзываются о епископе Трифоне дмитровском, но, к сожалению, он викарный [8]).

Надеюсь в начале октября представиться вашему величеству.

Душою вам преданный

И. Воронцов.

Новотомниково. 16 сентября 1913 г.

13.

Ваше императорское величество.

К крайнему моему удивлению, по возвращении моем из Ливадии, мне стало известным, что назначение генерала Мышлаевского на место генерала Шатилова толкуется как совершившийся факт [9]).

Ввиду этого обращаюсь к вашему величеству с покорнейшим ходатайством назначить ген. Шатилова, согласно высказанной вашей воли, к 1 января членом Государственного Совета, а ген. Мышлаевского моим помощником.

Скорые эти назначения положили бы конец всяким толкам и пересудам, имеющим место теперь и ставящим заинтересованных лиц в неопределенное и иногда в неловкое положение.

Другой вопрос, по которому я позволяю себе беспокоить ваше величество, подробно выяснен в прилагаемом докладе [10]).

Военный Совет, нарушая высочайшее вашего величества повеление, утвердивши казачью раду 1910 года, желает передать единственный

оставшийся земельный запас (приазовские плавни), принадлежащий всему кубанскому войску, 70-ти нагорным станицам взамен предполагаемых к отчуждению от них 130 тысяч десятин под зубровый заповедник.

Такое решение Военного Совета не может остаться без протеста кубанских казаков.

Ввиду важности этого вопроса, задевающего права собственности громадного большинства войска кубанского, и опасаясь представления этого дела при другом освещении, я позволяю себе утруждать ваше величество прилагаемым докладом.

Прикрытое научной целью (изучение фауны и флоры Кавказа) изъятие 300 тысяч десятин (130 тысяч от казаков и 170 тысяч от главного управления земледелия) из общего людского пользования затеяно Сергеем Михайловичем для охраны зубра, но охранять зубров можно и другими способами, более дешевыми и не нарушающими ни людские ни общественные интересы.

Вашему величеству душою преданный

И. Воронцов.

5 декабря 1913 г.

14.

Ваше императорское величество.

С новым ходатайством позволяю себе обратиться к вашему величеству.

Для проведения кавказских дел в Петербурге учреждена особая должность заместителя наместника в высших государственных установлениях, которую свыше трех лет с успехом исполняет член Государственного Совета, сенатор, тайный советник Никольский.

Мне бы очень хотелось отметить весьма деятельную и полезную по делам Кавказа службу Никольского представлением его, через председателя Государственного Совета, к награде, но, к сожалению, отношения между ними обострились обращением моим прямо к вашему величеству по назначению Шатилова членом Государственного Совета, письмом моим к Акимову [11]) относительно предположений о Ватаци и, главным образом, по делу, в котором ни я ни Никольский никакого участия не принимали, — это прошение жены моей о пожизненном пользовании майоратными доходами вдовою Вани [12]).

Единственно возможная при этих условиях награда, которая может исходить исключительно от монаршей милости вашего величества, без участия в ней непосредственного начальства Никольского, это — пожалование его званием статс-секретаря вашего величества. Награда эта в то же время вполне соответствует обычным обязанностям Никольского — входить к вашему величеству со всеподданнейшим докладом и объявлять затем последовавшие высочайшие повеления. Должностные лица с подобного рода обязанностями часто, даже обычно, жаловались в статс-секретари.

Сознавая, насколько почетно такое высокое отличие, исходящее прямо из рук вашего величества, прошу простить мне мое к вам обращение, — но, если вашему величеству угодно будет милостиво отнестись к моему ходатайству, то я очень бы просил о приурочении этой награды к 1 января нового года — сроку наград членам Государственного Совета.

Душою вам преданный

И. Воронцов.

16 декабря 1913 г.

15.

Ваше величество.

В разговоре с вашим величеством я совершенно упустил вопрос о намечении нового экзарха.

Разрешите поименовать тех, которых я бы считал более для Кавказа подходящими.

Первым, как и на прошлогоднем моем списке, я позволяю себе поставить Арсения новгородского, мне лично неизвестного, но пользующегося общим уважением.

Вторым — известного Кавказу по его деятельности во Владикавказе, ныне самарского Питирима. Он заслужил общее уважение и симпатию как русского населения, так и осетин.

Третий — епископ сухумский Сергей, умный, тактичный и очень образованный, его покойный экзарх Алексей намечал как временного себе заместителя во время отсутствия для лечения в Эссентуках.

Очень боюсь назначения — частью синода выдвигаемого — Владимира Путяты, большого путаника и карьериста.

Душою преданный

И. Воронцов.

Алупка. 27 мая 1914 г.

16.

Ваше величество.

С чувством глубокой благодарности прочел я переданное мне Дмитрием Шереметевым письмо дорогого моего государя [13]), оно дает мне право со спокойной совестью прожить остаток дней моих. Не могу при этом не повторить много раз мною сказанное, что без поддержки и доверия ко мне вашего величества я бы не смог быть вам полезным.

Полученная 10-го телеграмма вашего величества вызвала во мне следующие размышления, которые я, с разрешенной мне вами откровенностью, позволяю себе высказать.

Ваше величество желаете стать во главе армии. При этом, для дальнейших событий по управлению обширным Российским государством, необходимо, чтобы армия, под вашим начальством, была бы победоносной. Неуспех отразился бы пагубно на дальнейшем царствовании вашем. Я лично убежден в окончательном успехе, но не уверен в скором повороте к лучшему. Много напортило существующее коман-

дование, и скорое исправление ошибок трудно ожидать. Необходимо избрание вами достойного начальника штаба на смену настоящего. Голоса с западного фронта, доходящие до Кавказа, называют ген. Алексеева. Голос армии, вероятно, не ошибается.

Назначение великого князя Николая Николаевича наместником вашим на Кавказе я считаю весьма желательным. Великому князю легче управлять Кавказом, чем простому смертному, такое уже свойство Востока. Я уверен, что великий князь скоро полюбит Кавказ и его жителей, и жители его полюбят за его доброту и отзывчивость, но пожелает ли он занять это место. Разжалование из попов в дьяконы, сильно затрагивая его самолюбие, не может не быть для него крайне тяжелым, он будет просить ваше величество об увольнении от занимаемого высокого поста по болезни, без нового назначения, или о разрешении ему отдыха на более или менее продолжительный срок.

Ежели великий князь согласится тотчас занять новую должность, то я бы просил разрешения вашего не ожидать его в Тифлисе, а встретить у границ Кавказа в Ростове-на-Дону.

Еще раз прошу дорогого мне государя принять выражение глубокой благодарности за все высказанное в письме. Письмо это будет свято храниться в нашем семейном архиве.

Душою преданный

И. Воронцов.

[Август 1915 г.]

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) В Гурии, к которой, главным образом, относятся предшествующие строки, революционное движение сказалось с особой силой, и уже с декабря 1904 г. гурийцы совершенно бойкотировали русскую власть и отказались давать новобранцев. Для водворения там «порядка» Воронцовым-Дашковым были неоднократно посылаемы карательные экспедиции во главе с ген. Алихановым, назначенным военным губернатором Кутаисской губернии. В приказе наместника о назначении Алиханова (от 5 января 1906 г.) ему было предписано действовать, «не останавливаясь ни перед какими суровыми мерами». Алиханов, после ряда произведенных на него неудачных покушений, был убит бомбой 3 июля 1907 г. в Александровске.

[2]) Грязной (или Грязнов), Фед. Фед., ген.-лейт., был начальником штаба кавказского военного округа. 16 января 1906 г. был смертельно ранен в г. Тифлисе бомбой, брошенной рабочим железнодорожных мастерских Джояншвили.

[3]) Старосельский, губернатор Кутаисской губ., замененный, в качестве военного губернатора, ген. Алихановым. Старосельский, пользовавшийся в крае некоторым доверием, в течение нескольких месяцев управления губернией всячески спасал положение наместника, но как только власть почувствовала себя несколько окрепшей, был не только немедленно смещен, но и предан суду. Его интересные воспоминания об этом периоде см. в «Былом», 1907 г., июль, сентябрь — ноябрь.

[4]) Это письмо Воронцова-Дашкова было доставлено помощником его ген. Шатиловым, командированным для личного осведомления военного министра о

положении кавказской армии. Письмо В.-Д. обсуждалось в Совете Министров (см. «Мемуары» ген. Поливанова, стр. 38—42).

[5]) Решение Совета Министров 6 октября 1910 г. о сооружении Черноморской прибрежной железной дороги, против которого возражает здесь Воронцов-Дашков, потом снова пересматривалось, — видимо, ввиду тех соображений, которые были выставлены Воронцовым, на сторону которых склонился Николай. Этот вопрос пересматривался Советом Министров уже в 1912 г., 12 марта, причем большинство, в согласии со ставшим известным взглядом Николая, находило теперь, что сооружение на счет казны береговой дороги воспрепятствует сооружению в близком будущем Перевальной, особенно необходимой в интересах государственной обороны.

[6]) «Идея великого железнодорожного пути, — говорит М. П. Павлович, — который соединил бы Европу с Индией, так же стара, как сама история железнодорожного строительства вообще» («Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего». Госиздат, 1925 г., стр. 118 и след.). В цитированной работе М. П. Павлович дает и историческую справку о различных проектах индо-европейского пути, причем, как видно из приводимых здесь данных, первым проектом такого рода, к которому было прикосновенно русское правительство, был проект еще 1873—1876 гг., принадлежавший знаменитому французскому инженеру Лессепсу. Но этот проект потерпел неудачу и, ввиду выяснившейся невозможности строить железную дорогу через Афганистан, предприниматели стали добиваться получения концессии на проведение рельсовых путей в Персии и через Персию. В частности в 1889 г. за это дело взялись и русские (Хомяков, Третьяков, Корф и Палашковский), которые, с разрешения Александра III, выхлопотали у персидского правительства концессию на постройку железной дороги от города Решта к бухте Чахбар на Индийском океане. «Проект этот, — говорит Павлович, — встретил горячую поддержку в наших официальных кругах», но, в конце концов, не был одобрен правительством ввиду энергичных возражений министерства иностранных дел, опасавшегося противодействия этому плану Англии (см. Павлович, цитиров. книга, стр. 121—126).

Повидимому, Воронцов-Дашков, говоря о своей причастности к проекту индо-европейского пути, имеет в виду именно последний отмеченный здесь проект.

[7]) Никон, экзарх Грузии с 1906 г., бойкотировался всем грузинским духовенством за свою яростную борьбу против автокефалии грузинской церкви. Был убит брошенной в него бомбой 28 мая 1908 г.

[8]) Оценка Воронцовым-Дашковым высших представителей русского духовенства, как видим, весьма характерна: только два-три лица заслужили положительные отзывы, остальные, названные им, епископы или «карьеристы» или «путаники» и т. п. Однако и положительные отзывы В.-Д. не отвечали действительности: по крайней мере так расхваливаемый В.-Д. архиепископ Питирим, который по рекомендации наместника и был назначен в 1914 г. экзархом Грузии, оказался первостепенным проходимцем; это тот самый Питирим, который, сделавшись позднее митрополитом петроградским, стал одним из главнейших соратников Распутина.

О кандидате в экзархи В.-Д. пишет и в другом письме к Николаю — от 27 мая 1914 г.

[9]) Ген. Мышлаевский, о назначении которого помощником наместника по военной части здесь говорится, состоял в начале министерства Сухомлинова начальником генерального штаба, затем — командиром кавказского корпуса; в 1914 г. был назначен помощником наместника.

Ген. Шатилов состоял в той же должности с 1906 г.

[10]) Упоминаемого в письме доклада при письмах В.-Д. не сохранилось.

[11]) Акимов — председатель Государственного Совета.

[12]) «Ваня» — сын Воронцова-Дашкова, Иван Илларионович.

[13]) Письмо Николая, на которое отвечает Воронцов-Дашков, нам неизвестно; что касается упоминаемой здесь телеграммы Николая, от 10 августа 1915 г., то она была следующего содержания:

«Генерал-адъютанту гр. Воронцову-Дашкову. Шифром. Боржом.

Послал вам Дмитрия Шереметева с письмом. Считаю нужным предупредить вас, что я решил взять руководство действиями наших армий на себя. Поэтому в. к. Николай Николаевич будет освобожден от командования армиями с назначением на ваше место. Уверен, что вы поймете серьезность причин, которые заставляют меня прибегнуть к столь важной перемене.

Николай».

Упоминаемый здесь Шереметев — флигель-адъютант.

Как эта телеграмма, так и настоящее письмо Воронцова-Дашкова уже были напечатаны — см. В. П. Семенников «Политика Романовых накануне революции», Ленгиз, 1926 г., стр. 80—81, 86—87; здесь письмо перепечатывается для полноты комплекта писем В.-Д.

О смене В.-Д. было официально опубликовано 23 августа 1915 г.

Дневник А. А. Бобринского.

(1910—1911 гг.)

Автор печатаемого ниже дневника Алексей Александрович Бобринский (граф), старший из трех сыновей Александра Алексеевича Бобринского и его жены Софьи Андреевны (урожд. гр. Шуваловой), родился 19 мая 1852 г.

Его отец — член Государственного Совета и обер-гофмейстер, занимавшийся генеалогией, автор справочной книги «Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи», умер в 1903 г. Свое огромное земельное богатство, заключавшееся в более чем 57 000 десятинах земли в разных губерниях России, сахарные заводы и дома в Петербурге и Харькове Бобринский оставил своим сыновьям — Алексею, Андрею и Георгию.

Алексей Бобринский, получив первоначальное образование дома, выдержал затем экзамены по гимназическому курсу наук при 2-й С.-Петербургской гимназии, а в 1870 г. поступил на юридический факультет С.-Петербургского университета, откуда вышел через два года, не окончив курса.

В 1873 г. Бобринский поступил в канцелярию Комитета Министров, и с этих пор началась его государственная и общественная деятельность.

1 февраля 1886 г. Бобринский был назначен председателем Археологической комиссии, которым оставался до 1917 г., т.-е. в продолжении 31 года. В 1892 г. началась его служба по ведомству учреждений императрицы Марии в звании почетного опекуна С.-Петербургского присутствия Опекунского Совета.

Когда была учреждена Государственная Дума, Бобринский пытался попасть в члены новой законодательной палаты, причем на выборах первого ее созыва, не примыкая ни к какой из существовавших партий, желал баллотироваться лично, как Алексей Александрович Бобринский («диким»). Однако он достиг своей цели лишь при третьем созыве Думы, когда был выбран, в качестве «правого», представителем от съезда землевладельцев Киевской губернии. В Думе он состоял одним из руководителей фракции правых; выступал чаще по вопросам, связанным с археологией и с народным просвещением, но иногда также и по бюджетным и общеполитическим.

Принимая деятельное участие в руководстве фракцией правых, на частных политических собраниях у себя дома или у других лиц, Бобринский пытался сблизить крайних правых с националистами и даже с октябристами.

В 1912 г. Бобринский был назначен членом Государственного Совета и сложил с себя обязанности члена Думы. В Государственном Совете он также принадлежал к фракции правых. С 25 марта 1916 г. Бобринский занимал должность товарища ми-

нистра внутренних дел, а с 21 июля того же года — пост министра земледелия, на котором оставался до 14 ноября, когда был назначен обер-гофмейстером. Следует упомянуть также, что Бобринский принимал деятельное участие в совете съезда объединенных дворянских обществ.

После Февральской революции Бобринский эмигрировал за границу, где умер в 1927 г., в Ницце.

В течение долгих лет службы в Археологической комиссии Бобринский предпринял ряд поездок и археологических раскопок на юге России (в Киевской губернии, на Кавказе, в Керчи, в Области войска Донского и др.). О результатах этих поездок сообщается как в большом труде самого Ал. Ал. Бобринского — «О курганах близ м. Смелы, Киевской губ.» (I—1886, II—1894, III—1901 гг.), так и в повременных изданиях Археологической комиссии («Отчетах» и «Известиях»). Кроме того Бобринский опубликовал ряд своих трудов по доисторической, классической и русской археологии как в русских, так и в иностранных специальных журналах и отдельно — «Херсонес Таврический» (1905 г.) — трехлетний «labor», как он его называл.

Бобринский был также не чужд литературы, сам сочиняя рассказы, пьесы и стихи. К 1913 г. он написал (под псевдонимом «А. А. Самойлов») большую историческую драму в стихах под названием «Филарет Никитич», и, приурочив ее к 300-летию царствования дома Романовых, очень желал поставить ее на сцене б. Александринского театра.

В архиве его, рядом с тетрадями ученических работ, с тетрадями, наполненными детскими и юношескими произведениями в прозе и стихах, рядом с несколькими десятками маленьких карманных записных книжек, содержащих мелкие записи счетов, адресов, визитов и т. п., находится около 60 небольших дневников в тетрадях типа ученических, обыкновенно, in 8⁰, в 16—20 листов. Не всегда это дневники в точном смысле слова, т.-е. записи о событиях изо дня в день, иногда это — подведенные под общую форму дневника воспоминания. Переписывая некоторые из своих дневников, удаляя из них сведения о семейной жизни и оставляя сообщения из общественной и политической жизни, Бобринский как будто имел в виду придать общий интерес своим запискам и сделать их известными посторонним лицам.

Хронологически тетради-дневники-воспоминания Бобринского распределяются неровно; наибольшее количество ($^4/_5$) дневников относится ко времени его детства и молодости, именно к 1860—1880-м годам (около 48 тетрадей). По содержанию — большинство записей относится к личной и семейной жизни и только 12 тетрадей касаются событий общественного и политического характера. Из них целиком здесь приводятся, как наиболее интересные, дневники за 1910—1911 гг. В дневниках личного характера много страниц отведено записям изо дня в день мельчайших подробностей о жизни детей, их здоровьи, занятиях и т. п. (Ал. Ал. Бобринский был женат на дочери статс-секретаря А. А. Половцева и имел сына и четырех дочерей.)

Из дневников, имеющих более общий интерес, выступает образ их автора как человека, считающего себя патриотом, свободно критикующего все партии, не исключая и той, к которой он принадлежал, и называвшего фракции ее в Думе и Совете «маломозглыми»; жестоко бранящего императрицу Марию Федоровну, великих князей, особенно «своего друга», как он называл, вел. кн. Владимира Александровича; но в то же время определенно враждебно настроенного по отношению ко всем революционным организациям.

Имея заветное желание стать министром народного просвещения (что видно из дневников), следя за замещениями этой должности, Бобринский в своем дневнике от 19 февраля 1904 г. пишет: «Умер вчера генерал-адъютант Ванновский, бывший министр военный и народного просвещения, человек весьма честный, но в общем посредственность». 1 марта Бобринский, предполагая, что министром народного просвещения будет назначен Кристи, пишет: «Кристи, московский губернатор, ex-гусар, винодел, хороший собутыльник, друг Сергея Александровича, консерватор... Достаточно ли для поста?» В другие дни: «Ищут. Ой! кого нам назначат? А в этом министерстве так напутали, что сам... Стишинский сломает ногу». — «Лукьянов, профессор, товарищ министра. Очень чиновник». — «Шварц — хороший человек». — «Называют моего beau-frére'a Александра Оболенского. Ленивая туша, но человек порядочный». — 18 апреля: «Не думаю, чтобы он [назначен был Глазов] выдержал долго, надо более родовитого человека». — 27 июля: «Кристи — человек умный, отказался несколько месяцев тому назад от поста министра народного просвещения за неподготовленностью. А это великая заслуга. Сознавать, что не годишься на пост министра, к этому способны в России немногие».

Говоря о Николае II, Бобринский подчеркивает его слабоволие, нерешительность и замкнутость. В дневнике от 5 марта 1895 г. читаем: «Государь остается ничем. Сфинкс. Личность, которая ни в чем себя не проявляет. Рассказывают, что более чем один раз он прерывал доклад министра с просьбой подождать его немного, пока он пойдет советоваться с «матушкой». — 21 марта 1895 г.: — «Государь продолжает играть в прятки. Никто его не видит». Проходит 9 лет, и в дневнике от 28 мая 1904 г. записано: «Государь все сидит себе невидимкой». — 20 марта 1905 г.: — «Спит государь. Спит на вулкане». — 23 марта 1905 г.: «Государь все также без воли; спит». — 10 апреля того же года: «Государь в Царском, абсолютно заперт». Между тем 1 мая 1905 г. указано на то, что «государь не слушает министров и желает царствовать „сам“. Встречаются и такие приписки при этом: «Общий вопль против нерешительности государя»; «общее бессилие перед нерешительностью государя»; «в Царском Селе дамы жалуются на нерешительность государя и громко желают конституции».

Об императрице Александре Федоровне у Бобринского сложилось, повидимому, особое мнение, в ее пользу, и в начале царствования Николая II он принял ее сторону при неладах ее с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Из имеющихся в архиве дневников не видно, как часто виделся и говорил Бобринский с Александрой Федоровной, но, судя по особенному случаю, рассказанному в дневнике за 1905 г., можно думать, что императрица относилась к Бобринскому с бо́льшим доверием, чем к другим. Между прочим Бобринский 18 октября 1904 г. записывает в своем дневнике: «Говорят, что императрица Александра Федоровна стоит за конституцию», а 27 ноября того же года: «Повторяют с разных сторон, что молодая императрица принимает активное участие в политике и стоит теперь во главе конституционной партии». 25 января 1905 г. сообщается: «Государыне императрице Александре Федоровне угодно говорить со мной о современном положении дел России, для чего ее величество вызывает меня в Царское Село в пятницу». 28 января 1905 г. Бобринский записал: «Представлялся государыне императрице Александре Федоровне в Царском Селе. Имел откровеннейший разговор об общем строе страны. Вылил всю душу. Сказал все, что только смог. Убеждал в неотложной необходимости созыва представителей, указывал на надвигающуюся революцию... Императрица... говорила, что государь решился объявить о предстоящем созыве. Убеждал не медлить. Убеждал обратить самое серьезное внимание

на министерство народного просвещения, где следует все помести метлой. Господи, дай бог, чтобы этот разговор повел к добру». В дневнике от 2 февраля 1905 г. читаем: «Я скроил сегодня проект манифеста и вручил его Бази Гендрикову. Посмотрим, что будет. Государю писали и Васильчиков, Борис, и сын Льва Толстого, и Ермолов». Наконец, 5 февраля 1905 г. записано: «Проект манифеста, в смысле призыва представителей, составленный мною, был передан императрице Александре Федоровне, апробован, показан нашему слабовольному царю. Что из этого выйдет, неведомо».

К имп. Марии Федоровне до ее столкновений с Александрой Федоровной Бобринский относился довольно снисходительно, но затем, с 1894 г., с появлением новой императрицы и при более близком деловом знакомстве с Марией Федоровной как попечительницей Российского Общества Красного Креста и учреждений ведомства имп. Марии он стал в резко отрицательное к ней отношение, браня ее при всяком удобном случае. 24 марта 1895 г. Бобринский пишет: «Мария Федоровна, которая была любима и симпатична всем, становится антипатичной, благодаря своему явному намерению вмешиваться в правление, и она будет ненавистной». Через 9 лет, 27 марта 1904 г., при описании выхода при дворе, Бобринский отмечает: «Старая Мария Федоровна с обычной утиной улыбкой, молодящаяся, несмотря на годы. Ах, кабы она, вместо того, чтобы вмешиваться в государственные дела, позанялась своими ведомствами — императрицы Марии и Красного Креста! А то имя вдовствующей императрицы во главе дела — теперь синоним хаоса». 9 марта 1905 г. Бобринский пишет: «Представлялся я сегодня, в качестве утвержденного избранного наблюдательным комитетом Красного Креста председателя этого комитета, императрице Марии Федоровны. Вот vieux jeu! Сухой и официальный прием. Глупые разговоры о здоровьи разных членов семьи и только. В такие страшные минуты— ни слова о деле. Ой! чем это кончится! Их всех перерубят!» 24 апреля 1905 г. записано: «Вообще весь этот институт Красного Креста под крылом его августейшей покровительницы при бюрократическом низкопоклонном правлении — слабое дело»... «Ой, дура Марья Федоровна и ее советчики! Себе на голову весь этот скандал».

Характерны затем следующие записи Бобринского, относящиеся к 1904—1905 гг.

8 декабря 1904 г. он записывает: «В понедельник был Совет Министров, под председательством государя, кончившийся с репрессивным оттенком, а сегодня было другое, очень длинное, совещание, с участием великих князей Михаила, Владимира, Алексея и Сергея, т.-е. «les oncles», как их называет вел. кн. Николай Михайлович. На этом совещании решена полу-конституция, созыв представителей страны, участие выборных в Государственном Совете и целый цикл либеральных реформ. Государь был восторжен; вел. кн. Сергей дружил с Мирским; Витте, Победоносцев, Воронцов, — все это слилось в один общий голос. Словом, историческая минута, и о всем этом будет манифест в субботу 11-го!» 9 декабря 1904 г.: «До субботы ждать недолго! Между тем сегодня опубликован резкий царский выговор черниговскому предводителю Муханову за телеграмму на имя государя с вольномыслящими постановлениями земства». Суббота 11 декабря 1904 г: «Большое разочарование. Никакого манифеста нет». 14 декабря: «Сегодня в «Правительственном Вестнике» два документа: жидкий, вычурный, старательный указ Сенату и короткое энергическое правительственное сообщение. Первое на тему реформ. Второе: «quos ego» [1]). Все реформы поручены Комитету Министров, иначе — его председателю, Витте, которого в городе уже называют «Serge Premier». — 16 декабря:

---

[1]) «Я вас».

Мирский рассказывал своему beau-frér'у, что он представил, было, государю манифест с призывом выборных, что Витте затем говорил государю против выборного начала, что государь дал Витте переделать его манифест, и Мирский окончательно ознакомился с его текстом, лишь прочитав «Правительственный Вестник»! Incroyable!»

18 декабря 1904 г.: «В С.-Петербургском губернском земском собрании сегодня в частном совещании гласных (т.-е. без газет и публики) обсуждался вопрос: что делать, говорить ли, или молчать? Арсеньев и я поддерживали мнение о необходимости возбудить ходатайство о привлечении земских представителей к обработке в государственных установлениях вопросов о земской организации, но собрание решило оставить этот вопрос открытым». 3 февраля 1905 г.: «Политический вечер у Алексея Оболенского — товарища министра финансов: Ермолов (министр), Кочубей (уделы), Зиновьев (губернатор), Гудович (предводитель) и я. Читали записки Сергея Трубецкого, московского профессора, Оболенского и Ермолова. Все три — в смысле немедленного созыва представителей земли. Ермолова — сильная; читана государю. Сегодня состоялось в Царском Селе совещание министров, на коем, однако, не пришли к окончательному решению в смысле представительства. Витте — против. Есть течение опубликовать манифест не в смысле призыва, но с потою «цицъ». Вот было бы безумие!»

8 февраля 1905 г. Бобринский пишет: «Ужасающие рассказы о вчерашней студенческой сходке, где изорвали портрет государя, ругались над ним; требовали конституции и «частичного террора». На сходке были приват-доценты, женщины-курсистки, корреспонденты иностранных газет, переодетые ученики других заведений и до 3 тыс. студентов. Решено бастовать впредь до конституции»... «Полиция и жандармерия открыто заявляют о своем бессилии, и все идет быстрыми шагами к чорту, при абсолютном бессилии и апатии правительства».

11 февраля 1905 г.: «На Совете Министров у государя обсуждался проект рескрипта. Против представительства говорили Лобко, Витте. Против стоит и Владимир Александрович. Сам государь инстинктивно против». — 20 марта 1905 г.: «Княгиня Имеретинская (née Mordvinoff) предлагает: пойти, заставить подписать конституцию (excusez du peu) и — баста. Вспоминают Милютина, вышедшего из кабинета Александра II, когда он подписал указ 1861 года, и говорившего чуть ли не во всеуслышание: «подписал, дурак!»

23 марта 1905 г.: «Государь все также без воли; спит. Булыгин все также не годится, а Глазов еще более никуда не годится, чем прежде. Ермолова куда-то прочат, а Фредерикс играет политическую роль с отвратительными нулями à la Мосолов и Путятин. Витте безмолвствует, как приплюснутая жаба. Государь и его императрицы сидят в строжайшем заперти в Царском Селе. Великие князья — в состоянии абсолютной терроризации...»

Раздаются требования созыва представителей; начинаются забастовки; происходят бунты запасных и регулярных войск; слышатся угрозы террора; раздается «общий вопль против нерешительности государя»; «Марии Федоровне готовят бомбу»; «все иностранные газеты до-нельзя вымараны цензурой»; «флот Рожественского ползет»; «Порт-Артур сдан»; «Куропаткин разбит»; настает 9 января 1905 г. — «полная революция»; «колпак Мирский» заменяется Булыгиным — «нулем», «человеком, которого убьют», и «из всего внутреннего хаоса выплывает карельская, хитрая, вероломная и умная фигура Витте», жена которого говорит матери Бобринского, что «ее муж говорил государю, что скорее даст себе отсечь руку, чем подпишет конституцию».

31 января 1905 г. в дневнике записано: «Годовщина яхт-клуба. Теперь $2^3/_4$ ч. ночи, я вернулся из клуба. Там ужинали: великие князья Николай и Петр Николаевичи, Николай и Сергей Михайловичи... Страшно испуганные наступлением революции, великие князья теперь отбросили всякую спесь и сближаются со смертными... В министерских сферах также перепугались и ищут исхода».

Затем идут записи: «Внутри России плохо. Начались аграрные беспорядки. Жгут заводы; грабят экономии». «Министерства пасуют; государь пасует; полиция пасует. Все говорят о предстоящих резнях». «Злой анекдот повествует, что Победоносцев ездит в Царское Село в гробу, под видом покойника, боясь бомбы».

13 марта 1905 г. Бобринский записывает в своем дневнике: «Правительство все спит и полное бездействие», а в конце различных сообщений, внесенных в дневник за 15 марта того же года, читаем: «Я получил Александра Невского, отчего России не легче!»

Приводимые ниже дневники за 1910—1911 гг. являются единственными, после 1905 г., записями Бобринского о событиях общественной жизни, так как других дневников его такого характера, повидимому, не сохранилось.

Подлинники печатаемых дневников А. А. Бобринского хранятся в Ленинградском Центральном Историческом Архиве.

М. Мурзанова.

1910 ГОД.

20 сентября 1910 г. С.-Петербург.

Много толков об уходе министра иностранных дел Извольского [1]). В былые времена Извольский считался русским человеком. Посреди сонма немецких фамилий наших дипломатов приятно было встречаться с Извольским, умным, дельным, русским. Он сделал быструю карьеру. Но перед революционными (1905. 1906) годами он спасовал. Подобно многим, он поверил в революцию и перешел в лагерь кадетов, совершенно чуждых ему по природе. Здесь он обнаружил отсутствие дальновидности или большое невнимание. Тогда как П. А. Столыпин и другие своевременно перешли вправо, раскусив бессилие революционного движения, Извольский остался в лагере кадетов. События его опередили. Все вокруг поправело, и Извольскому пришлось уступить перед натиском и оставить портфель.

21 сентября.

В Киеве происходили выборы члена Государственного Совета. На этот раз — на три года. Из слишком 500 избирателей явилось 200. Русские избиратели решились не участвовать в выборах, признавая свое бессилие перед поляками. Избран 146-ю польскими голосами — поляк. Мой брат Андрей, состояв-

---

[1]) Набранное в разрядку подчеркнуто в дневнике самим А. А. Бобринским.

ший членом Гос. Совета за прошлый год, не избирался. Я для него [1]) очень рад. Трудно русскому человеку быть польским ставленником от Киева! Избрание поляка на три года обидно и бессмысленно. Это результат многих причин. Здесь виноваты и нерешительность Столыпина и полукадетская блажь или октябристская размазня всех наших киевских магнатов — Балашева, Санди Долгорукова, брата Андрея с его присными. Все — люди, которые в свое время поверили (как Извольский) в революцию, а теперь отступать некуда. Наконец, виновата и ограниченность и упрямость нашей маломозглой правой фракции и в Думе и в Совете, много способствовавшей весною провалу закона о земском положении в юго-западном крае.

22 сентября.

В Петербурге «неделя авиации». Обитатели Дворцовой набережной стоят лицом к небу в надежде увидать сорвавшегося с круга аэроплана [1]). Вчера совершен отважный полет до Кронштадта. Летали и Гучков и П. А. Столыпин. «Правое» чутье инстинктивно чувствует, что здесь что-то неладно. Игра на популярность. Заигрывание с армией, так как все летающие военные. Пока меровинг в Германии [1]) «граф» Столыпин (... еще не родила», но, «по моему расчету, должна родить») показывает, что он в курсе всех волнующих отечественную смекалку (и армию) вопросов. «А за ними он», наш младотурка Гучков. Как тут знать? В Португалии революция, и король сбежал. Вспыхни она (еще разочек) у нас. При этом Столыпин гораздо надежнее и вернее Гучкова. Последнего пронюхали. Аршин нет-нет да и торчит из-за фалды.

24 сентября.

В городской комиссии по введению канализации. Дело, которое будет стоить свыше 10 миллионов рублей. Председатель комиссии, бывший городской голова и крупный меховщик, Павел Иванович Лелянов, loquitur [2]): «Вы думаете их интересует городское хозяйство и благоустройство? Никогда. Тут миллионы, и можно взять крупную взятку. Все подкуплено. Все русские инженеры подкуплены. В Лондоне все русские инженеры известны и котируются: сколько каждый берет. От городских либералов являлся ко мне в Париж генерал Иванов. Не мог я ему пообещать взятки, он и уехал недовольный. Председатель ревизионной комиссии Дандре прямо определил, что с дела водопроводов и канализации он возьмет не менее 40 тысяч. Все берут, все крадут. Все подкуплено разными заводами и заведениями, желающими взять подряд». И в Государственной Думе подкуп, и там надежда на подряд, если правительство возьмет дело петербургской канализации в свои руки, а затем и взятка. Утешительная картина!

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Говорит.

25 сентября.

Газеты сообщают как о факте об уходе министра народного просвещения Шварца и о замене его — одни говорят рижским попечителем Прутченко, другие — директором катковского лицея, малоизвестная фамилия на К [1]). Александр Николаевич Шварц — прекрасный человек, правый, стойких принципов, но, как всякий профессор, не годящийся для поста министра. Рутина, профессорская тяжесть, неподвижность, привычка к безжизненной атмосфере министерства народного просвещения, все это парализовало добрые намерения Шварца и обратило время, проведенное им на министерском посту, в ничто. Той же беспомощной рутиной пропитались и помощники Шварца: милейший Георгиевский и отупляющий Анцыферов; говорят, и они уходят. Прутченко, доктор государственного права, умный, образованный человек, страдает экземой, приводящей его в беспрестанное нервное раздражение. Он до невозможности обидчив и все старается кого-то перехитрить, кого-нибудь перекусить. Если Прутченко будет назначен министром, то в самое короткое время произойдет в злополучном министерстве невыразимый кавардак. Другого, московского, кандидата я не знаю. Либеральствующие профессора и даже не либеральные служители науки его не хвалят, но это ничего не доказывает.

27 сентября.

Финляндский сейм распущен. Происходит нечто весьма неопределенное. Шведоманы рвут и мечут и грозят революцией. Русские газеты смотрят на Финляндию презрительно, свысока. Формально — вносится на рассмотрение Госуд. Думы и Госуд. Совета закон об уравнении русских, обитающих в Финляндии, с аборигенами и о замене для финляндцев воинской повинности натуральной — денежной. Вносится законопроект без заключения по нему финляндцев, благо сейм отказался обсуждать эти законы. Здесь-то и стоит вопросительный знак — что дальше? Законы, конечно, пройдут через наши государственные учреждения, а Финляндия что скажет? Кто говорит: взбунтуется; кто говорит: покорится. В сущности обе стороны играют ва-банк, advinne que pourra, без очень ясного убеждения о том, что именно произойдет. Vivrons-verrons, как говорил когда-то по-чухонски «Гражданин».

28 сентября.

Толпы народа присутствовали по всему городу при похоронах несчастного авиатора Мациевича, офицера-моряка, на-днях убившегося на-смерть при полете аэроплана. Опасная игра, в которой все эти храбрецы гибнут или калечатся один за другим. Интересно было спокойствие толпы. Несколько лет тому назад

---

[1]) Кассо (выноска автора).

здесь был бы повод для волнений, горючий материал в лице множества студентов и курсисток был на-лицо. Но tempora mutantur, и топот лошадей жандармов и конной полиции не вызывал раздражения. Как признак успокоения масс — знаменательно.

29 сентября.

Поразительная тишь — в человецах благоволение. Рекомендовал бы способ умиротворения России: пусть власти отправятся «мандровать», как говорят у нас. Кто в Гамбург, кто в Сибирь.

1 октября.

Огромное мировое значение имеет происходящая в настоящее время общая забастовка в Париже. Бастуют служащие на железных дорогах, трамваях, метрополитенах электрических. Отсюда ужасы, чуть не голод и бедствие в Париже. Министерство вызывает войска и стремится подавить стачку путем арестов и силы. Пикантно то, что во главе министерства действует Briant, социалист! Стачечники требуют каких-то мало понятных политических уступок, и социалист-министр сетует на то, что эта стачка организована исключительно из-за революционных целей. Пусть будущий историк разберется в этой галиматье. Здравомыслящему современнику не по плечу.

2 октября.

Виделся я с членом Государственной Думы Павлом Николаевичем Крупенским и... остался неудовлетворен. Павел Николаевич — это термометр думского большинства: националистов, тем самым — показатель правительственного направления и настроения. Верный и покорный слуга Столыпина, Крупенский ясно показывает, как правительство (читай: Столыпин) смотрит на вещи, а смотрят они вяло, по-прошлогоднему, нерешительно, ни то, ни се. Говорят: государь есть. Ах, кабы бог дал, что так! Говорит Крупенский, будто Столыпин не всесилен. Кто советует государю? Будто бы никто, будто бы государь сам назначает, решает. Не верится этому. Так все у нас нерешительно, недосказано, недострелено [1]).

5 октября.

Очень интересна и знаменательна в истории русско-польских отношений речь польского магната, произнесенная и напечатанная при последних выборах члена Государственной Думы в Вильне. Граф Корвин-Малевский стоит на той почве, что поляки помещики в западном крае (а тем паче в юго-западном) должны быть представителями идеи абсолютной верности монарху. Не следует полякам итти об руку с революционерами и социалистами. Только тогда могут поляки отстоять самостоятельность своего языка, религии и

---

[1]) Так в подлиннике.

культуры, когда русские увидят в них носителей консервативных, монархических идей. Поляки в Царстве Польском одно, поляки в русской Литве — другое. Повторяю, преинтересное явление.

7 октября.

Большое гражданское мужество проявил вчера гласный городской думы Дмитрий Алексеевич Казицын. Умер в Москве Муромцев, бывший председатель первой Государственной Думы, кадет, подписавший пресловутое Выборгское воззвание, но со всем тем хороший председатель и важный в свое время господин. Левые газеты до тошноты расточают пошлые ламентации. Кое-где делаются попытки использовать эту смерть для демонстративных целей. С такой же целью предложено вчера в городской думе одним из наших левых почтить память Муромцева, от имени города С.-Петербурга, вставанием. Тут-то Казицын вскакивает с места. Не взирая на брань и ругань, настаивает на своей точке зрения, что имеется в виду не простое соболезнование, а политическая манифестация, добивается закрытой баллотировки, и предложение левых проваливается. Левая пресса сегодня неистовствует от злости.

11 октября.

Уверяет Петр Павлович Дурново будто Столыпин уже не так крепко сидит, будто колеблется и малозначащий министр торговли Тимашев. Столыпин, по мнению Дурново, гораздо либеральнее и меня и его, Дурново, но джентльмен. Принимая во внимание, что Петр Павлович за свой либерализм лишен права присутствовать в Государственном Совете, где числится, однако, членом, — Столыпину отведено им место порядочно налево. Между тем, ввиду ли своего колеблющегося положения или вследствие тактического поправения, но Петр Аркадьевич выкидывает ряд очень правых проделок. Говорит на Волге о самодержавнейшем государе, а вчера присутствует на празднике клуба студентов-академистов, scilicet, правых, и пьет здоровье учащейся России в правом направлении, в унисон с Пуришкевичем и Гололобовым. Признаки знаменательные! нечего сказать!

14 октября.

Завтра открывается сессия Государственной Думы, и политический мир волнуется: что будет. Все из-за того же шута выборгского, покойного Муромцева. Левые и кадеты требуют почтения его памяти, в официи первого председателя Государственной Думы, вставанием, правое крыло видит в Муромцеве подписчика Выборгского воззвания, ergo — изменника, и не хочет вставать. Как и что выйдет из этой кашицы, неизвестно. А собрать, обсу-

дить, условиться, переговорить — недосуг и лень и Столыпину, и Гучкову, и Волконскому, и tutti quanti.

18 октября.

Сегодня 74 члена Государственной Думы подносили образ Владимиру Волконскому в благодарность за его гражданское мужество 15 октября. Столыпину эта демонстрация не нравится, потому что Петр Аркадьевич проводит в председатели Думы Гучкова, а Волконский может явиться серьезным конкурентом. А что Столыпину это не нравится, видно по поведению Крупенского, который отвиливает на второй план. Выборы председателя Думы начинают уже принимать тот специфический кисло-сладкий октябрьский привкус, который дал нам сперва горе-председателя Хомякова, а потом Гучкова. Очевидно, Гучков и останется на кресле, а с ним останется и поколебленное значение нашей злополучной палаты.

25 октября.

Снова водворяется тишь и гладь. Говорил в Государственной Думе министр народного просвещения и показал себя довольно ничтожным министром с совершенно правыми, вероятно, отчасти оппортунистическими, убеждениями. В Потсдаме состоялось свидание монархов — нашего и германского. Прошло это свидание бледно, без тостов. Будем надеяться, что Сазонов, наш новый министр иностранных дел, сумел воспользоваться этой встречей для укрепления кой-каких ослабевших международных винтиков. Что еще? Столыпин молчит, а за ним дремлет и вся Гренада! Дремлет даже и Пуришкевич.

30 октября.

Вчера Государственная Дума под руководством националистов избрала вновь в свои председатели купца Гучкова. Игра П. А. Столыпина понятна. Этот властелин всюду сажает людей посредственных и ему послушных. Таковы — Сазонов у дел иностранных, Кассо в просвещении и Гучков в Думе. Но российское дворянство, которое представлено в Думе во фракции националистов, дало себе еще раз наглядное testimonium paupertatis! [1]) Все это на подкладке мелочных личных интересов, карьеристических побуждений и ... увы... лакейства. «Лежать то перед тем, то перед этим на брюхе» — все еще в наших нравах и свычае.

7 ноября.

Событие дня — смерть писателя, графа Льва Николаевича Толстого. Испугавшись бога, которого — s'il n'existait pas, il faudrait l'inventer, — старик (83 года) внезапно

---

[1]) Доказательство оскудения.

сбежал из своей «Ясной Поляны» и направился к пустыням и монастырям, где отшельники надеялись вернуть его в лоно православия. Всякие усердные ревнители нигилистического Толстого помешали ему доехать до пустыни. По дороге он захворал, и на какой-то станции, на постели начальника станции, умер. Как отлученный от церкви — духовенство не может его хоронить, а как проповедовавший анархию, Толстой — друг всякой швали. Предвидятся нескончаемые «инциденты», которые начнутся со скандальчика завтра в Государственной Думе, где будет предложено прервать заседание по случаю траура. Вернулся в свою страну и столицу самодержавнейший монарх. Но об этом и не говорят, увы!

11 ноября.

Смерть Толстого вызвала — в наши годы эта нелепость никого не поражает — студенческие беспорядки здесь, в Петербурге. Сегодня эти беспорядки достигли апогея. Желали на Невском проспекте петь «гражданскую панихиду»! Выкидывали черные и красные флаги с надписями «долой смертную казнь!». Огромное количество полиции пешей и конной удачно успокаивали эти демонстрации. Казаки действовали нагайками. Сабли были наголо. Бессмысленнее этой эпопеи ничего не может быть, но она доказывает, насколько правы Пуришкевич и его присные, когда бьют тревогу по поводу развала нашей высшей школы.

17 ноября.

Распутица политическая. Министр Кассо явственно никуда не годится. Государь попрежнему проживает невидимкой в Царском Селе. Государственная Дума с полнейшею неспособностью бестолково жует законопроект о всеобщем образовании. Полное падение престижа Думы и разговор о возвращении Гучкова в лидеры октябристов и о новом избрании председателя. Фарс Ясной Поляны и Льва Толстого заканчивается в мелких семейных и денежных дрязгах. Манифестации молодежи приняли какой-то противный, ничем не вдохновленный характер.

И будет с меня на сегодня!

19 ноября.

Нехорошее чувство на душе. Государь, насколько можно судить, не сдался на уверения Гучкова, который, повидимому, вернулся из Царского Села ни с чем. Наоборот, Волконского обласкали, но Волконский по мозгам ничего не значит и что его обласкали ничего не доказывает. Государственная Дума продолжает куралесить и провалила председательствование предводителей в училищных советах и допускает расстриг в учителя. Что за поганое заведение!

Был в общем (первом) собрании Сената. Какая устарелая машина! Вчера на рауте у городского головы Глазунова П. А. Столыпин играл

совершенно роль временщиков XVIII века, Меньшиковых или Потемкиных, играл, пожалуй, поневоле, раболепная толпа фраков так и приседала перед ним.

24 ноября.

Его величество, под влиянием императора Вильгельма, соизволил вернуться в Россию с довольно правым настроением. Это дало себя немедленно чувствовать. Столыпин дает раут, где принимает уже не в либеральных сюртуках, как прежде, а во фраках. Однако звезды надеть решились немногие. Если будем итти тем же темпом, то в будущем году восстановятся и звезды. On revient toujours...

Петр Аркадьевич держит фило-дворянскую речь на ужине Совета по местному хозяйству и говорит мне, что моя брошюрка о социалистических эксцессах в Думе доложена им государю и составляет предмет забот правительства. Хвалился Гучков, что допытывался у государя о впечатлении Потсдамского свидания. Государь будто бы отвечал, что мир обеспечен на 5 лет. Но «нахальство» Гучкова, как говорят у правых, едва ли пришлось по вкусу императору Николаю II. Его в бозе почивающий отец отвечал бы иначе.

25 ноября.

Обедал я у Столыпина с массою губернских предводителей. Сдается мне, что в предводители избираются очень благонамеренные, но очень глупые люди. Есть, конечно, исключения, но в общем... Я так долго сам был предводителем дворянства, что вышеприведенная аксиома наводит меня на нелестные по своему адресу соображения.

Был я затем на соединенном заседании правых Государственного Совета и Государственной Думы. Члены Государственного Совета Пихно и Стишинский докладывали о введении земства на западе и в юго-западных губерниях, а наши думские правые энергически отстаивали свой панический ужас перед всяким земством вообще. Ой, и здесь не густо!

26 ноября.

Сегодня был большой выход в Зимнем дворце по случаю Георгиевского праздника. Это — событие, потому что уже давно выходов не было. Было очень многолюдно, но беспорядочно и нудно. Беспорядочно до того, что мне пришлось возвратиться домой в чужом пальто и шапочке. В. М. Волконский, товарищ председателя Государственной Думы, говорит: потому такое впечатление, что самые выходы — анахронизм. Диакон громогласно провозглашает многолетие «самодержавнейшему»... а где самодержавие? Говорят о победоносном воинстве, и Япония у всех, как бельмо...

Давно не видал государя, он мне казался опухшим, глаза маленькие, как бы болят. Кто-то сказывал, что он пьет много и на-днях всю ночь просидел до утра с морскими офицерами. Но взгляд умный. Говоря о революции и о перевороте, подготовляемом Гучковым, Вязигин говорит: удастся, ибо царь, чего доброго, прикажет войскам не стрелять! Императрицы не было на выходе. Ее психическая болезнь — факт, а Гучков был во фраке!

1 декабря.

П р е д с т а в л я л с я г о с у д а р ю председатель бюджетной думской комиссии А л е к с е е н к о... и пошла писать политика. Опасаются. Алексеенко умен и хитер, за ним есть карьеристические заслуги. Это бывший попечитель округа. Он легко может повлиять на государя. Алексеенко давно метит в министры. Он кандидат на место шатающегося, будто бы, Коковцова, а не то — в министры торговли. Это дело Гучкова, а, может быть, и самого Столыпина в его единоборстве с Гучковым. Устроили это представление Волконский и Крупенский. Говорят: чего вы, националисты, радуетесь? Они отвечают: Алексеенко поправеет. Им говорят: обоюдоостро. Кто еще на кого повлияет, как бы государь не полевел. Словом, правые волнуются и, повидимому, не без оснований.

3 декабря.

Тихо в «сферах». Только с т у д е н т ы в о л н у ю т с я и борются с полицией, без видимых побуждений в политическом круговороте. Это — предвестники заготовляемой революции. Полиция относится к этим проявлениям с большой учтивостью, а министр Кассо продолжает никуда не годиться. В «Русском Собрании» вчера обругали друг друга Марков и Дубровин, два столпа «крайне» правого направления. Ссорятся правые, а революция делает свое. Призрак подоходного налога близок, и дворянство готовится бороться вновь с «иллюминациями» усадеб при дегенератном попустительстве правительства.

5 декабря.

То, что происходит теперь, не ясно. Повидимому, з а ч и н а е т с я з а р я 2-й р е в о л ю ц и и. Как и в первый раз, так и теперь, революционные воротила начинают пляску с молодежи. Во всех высших учебных заведениях просходят неурядицы и траурные забастовки по поводу смерти убийцы министра Плеве. Неугомонный Пуришкевич произносит с кафедры Государственной Думы громовую речь против попустительства и бездействия министра Кассо. Мой брат Георгий, генерал, на которого сильно влияют левые тенденции моего брата Андрея и ему подобных нерешительных «европейцев», уверяет, что общественное мнение опять поворачивает влево. Это значит: яхт-клуб и эти боязливые великие князья. Как бы эта великокняжеская челядь не влияла выше!

9 декабря.

В Одессе студенты стреляли в полицию, и полиция отвечала залпом. Начинается? Есть раненые и убитые. Здесь волнения молодежи улегаются.

Завтра собирают нас, кой-кого из членов Думы, к морскому министру для доклада о состоянии нашего флота. Комедия! Ах, царь Пантелей! Ах, император Александр III! Ах, твердая царская рука!.. А министр Кассо все министерствует. Городские слухи на место министра финансов Коковцова называют председателя думской бюджетной комиссии Алексеенко. Говорят, что болен министр императорского двора, барон Фредерикс.

Декабря 11.

Был вчера вечер у морского министра Воеводского, со Столыпиным и многими министрами, и нас, членов Государственной Думы правых фракций, человек 25. Докладчики, морские офицеры и профессора, излагали нам ход дела постройки броненосцев. Строятся два — «Севастополь» и «Александр III». Коковцов, министр финансов, не чает их спуска до 1914 года. Заметно было счастливое сияющее настроение Столыпина и Гучкова, пришибленное Коковцова. Кассо по наружному виду — «торговец губками», как принято о нем говорить. Выясняется, что Гучков жаловался государю на Государственный Совет и просил пополнить Совет октябристами, по назначению. Одержал ли Гучков победу, покажет наступающее 1 января. В Государственной Думе дан лозунг: всячески нападать на Совет, якобы тормозящий либеральные начинания Думы.

Декабря 13.

Торжествует Столыпин и торжествует Гучков. Чему они радуются, покажет будущее. В сферах тихо. Министры решились кой-кого из бунтарей студентов поисключить. В Государственной Думе происходит нелепая толкотня воды по нелепым законопроектам, и грустно и тошно сидеть в этом... парламенте.

Декабря 15.

Если душка Столыпин поворачивает влево, то не мешает ему и его министерству по временам испытывать легкое «осаже». В Государственной Думе идут теперь прения по внесенному министерством проекту о принудительной канализации Петербурга, и достается же министерству на орехи за его виляние и либеральничанье! Несколько капель к этому горькому кубку прибавил сегодня и я. Меж тем городская дума, послушная внушениям свыше, проводит второпях дело о Дворцовом мосте. Говорят, предвидятся 9 придворных балов, без императрицы, которая больна.

Декабря 17.

Государственная Дума распущена на рождественские каникулы на месяц, до 17 января. Какое это скверное, утомительное и бесплодное учреждение!

Говорят, что за последнюю неделю в Царском Селе дует правый ветер. Лишь бы — говорят правые члены Государственного Совета — это настроение продлилось еще недельки на две. Оно повлияет на новогодние назначения в Государственный Совет. Однако Столыпин и его мефистофель, Гучков, смотрят торжественно. Вернее их победа, чем успех правых.

Декабря 18.

Пошаливают близорукие, в шорах, правые (крайние) в Государственном Совете. В сегодняшнем обсуждении вероисповедного вопроса они провалились, раскололись и дали легкую победу оппозиции совместно с центром. Несвоевременно. Как бы под влиянием Гучкова-Столыпина монарх не испек бы к Новому году ряд октябристов-националистов в Государственный Совет! Долго еще придется нашим правым изучать элементарные основания тактики.

Декабря 19.

В городе ходят слухи об огромном великокняжеском скандале. Предупрежденная полиция будто бы произвела обыск у Кшесинской, артистки балета, бывшей султанши государя, и теперь слева [1]) за великим князем Сергеем Михайловичем, каковой состоит во главе российской артиллерии. Обыск закончился осмотром подвала в доме Кшесинской, и здесь нашли-де разные секретные артиллерийские документы и склад подпольной революционной литературы. Последняя удивила инквизиторов, а об артиллерийских документах Кшесинская отозвалась, что великий князь дал оные ей на сохранение. Дело было ночью. В доказательство Кшесинская предложила разбудить вел. кн. Сергея Михайловича, почивавшего у нее. Разбуженный великий князь подтвердил показание Кшесинской, что она получила артиллерийские бумаги на сохранение от него. По другой версии, некий камергер, член Государственной Думы (??), утверждает, что в его руках находятся неопровержимые доказательства, что Кшесинская продавала государственные секреты за границу, однако этот камергер не желает чинить скандала, но для сего ставит условием, чтобы великий князь отказался от всех должностей и кинул артиллерию. Интересно: что будет дальше. Но скандал велик.

Еще великий князь. Военный министр Сухомлинов, с высочайшего разрешения, созвал в Петербурге начальников военных корпусов и частей, дабы практиковать их в «военной игре». Тема: нападение со

---

[1]) Так в подлиннике.

стороны Германии. Одним отрядом командовать должен был вел. кн. Николай Николаевич. Последнему, однако, указали, что здесь ловушка, чтобы доказать его неспособность. Великий князь отказался от игры и уехал на охоту в «Скерпавице» [1]. Государь приказал Сухомлинову прекратить игру. Сухомлинов сделал из сего портфельный вопрос, и игра вновь высочайше разрешена наполовину, с заменою великого князя генералом Геригроссом.

Все эти слухи, исходящие из императорского яхт-клуба, и посему не без огня.

22 декабря 1910 г.

Заигрывает Столыпин очень с националистами Национального клуба. Им дарована высочайшая субсидия в 15 000 рублей. В клубе собираются консервативные профессора университета и диктуют министру свои пожелания. Профессоров принимает и государь. Констатирую факты, пока без комментарий. Слухи ходят, что в Москве тлеет революция и что студенчество готовит всюду вспышку 20 января. Верно ли? Не знаю.

1911 ГОД.

Января 13 дня.

Замечательно тихая страда. «Спит земля в сияньи голубом»... Представительные учреждения приостановили свою деятельность и болтовню на время рождественских каникул. Государь был на двух торжественных выходах в Зимнем дворце и в Мариинском театре, где знаменитый Шаляпин с хором на коленях пели гимн при восторгах публики. Назначения в Государственный Совет ограничились возведением в это достоинство двух безвредных нулей: Шипова и губернатора Зиновьева.

Столыпин дал большой бал. Совет Министров воспретил студенческие сходки, и министр Кассо размазал этот запрет в жидком и длинном циркуляре. Студенчество готовит нечто протестующее, но первую дату для революции, 9 января, пропустило без скандала. Кой-кого сослали.

Город Петербург парирует удар министерства внутренних дел о его принудительной канализации и не знает, кого избрать в свои председатели. И вот покамест все... «торжественно и чудно, спит земля в сияньи голубом». Каково и когда будет пробуждение?

15 января.

Мне говорят: ошибаетесь вы в оценке императрицы Александры Федоровны. Она совсем не конституционалистка, а скорей сторонница самодержавия. Октябристский свидетель

---

[1]) Т.-е. Скерневицы, Варш. губ.

подслушал и, негодуя на вмешательство императрицы, рассказывает, что Александра Федоровна не раз на замечание государя: «Il faut consulter Stolypine» замечала: «N'es tu pas souverain? Quel besoin de demander d'autres avis?» Октябристский обожатель Петра Аркадьевича сердится. Говорят: не так императрица Александра Федоровна больна, как говорят. Столыпину выгодно раздувать ее неспособность и болезнь, благо неприятна ему. Правые теперь будут демонстративно выставлять императрицу, а то, в угоду, как оказывается, Столыпину, ее бойкотировали и замалчивали и заменяли Марией Федоровной. Говорят, что лезбийская связь ее с Вырубовой преувеличена. У наследника нечто в виде аппендицита на почве ошибочного доморощенного медицинского диагноза.

Промежуток с 15 января по 5 марта [1]).

События: студенческие беспорядки, съезд «объединенного дворянства», осложнение между Россией и Китаем, 200-летний юбилей Сената 2—3 марта. Юбилей 19 февраля прошел без малейших неурядиц и без тени обещанной «революции».

5 марта.

Государь начинает проявлять признаки жизни. Говорят, он нервен, не знает, на что решиться, говорят, он что-то переваривает, переживает. Говорят, его тревожат и семейные неприятности, здоровье императрицы и т. д. Говорят, государь может и срезать докладывающего. О вчерашнем поражении Столыпина в Государственном Совете по вопросу о куриях в новом земстве для юго-западного края рассказывают, что государь сперва поручил Акимову просить «правых» голосовать за столыпинский проект, но потом уполномочил Владимира Трепова освободить правых от этой обязанности, и закон провалился. Сегодня утром видели в этом предвестник падения Столыпина, а вечером скучный Гербель передавал П. П. Дурново, что на-днях произойдут большие события, и... Гербель торжествовал. Объясняют это уходом Акимова, в угоду Столыпину, замену Акимова Ермоловым и вообще направление государя влево. Увидим.

6 марта.

Вчера снова в университете была химическая обструкция.

Акимов будто бы тогда собрал членов Государственного Совета и передал им высочайшее повеление, в качестве статс-секретаря, голосовать за законопроект. Думают, что Акимов превысил власть и потому удаляется. Другие говорят, что уходит Витте, но за что — неизвестно. Гучков после последнего неудачного выхода в Думе поссорился с правыми.

---

[1]) Так в подлиннике.

7 марта.

Происходит сегодня великое «действо», как говорили в XVIII веке. С утра говорили, что Столыпин подаст в отставку. Говорили, что в 5 часов должно состояться заседание Совета Министров, где это произойдет. Вечером телефон усердно работает, и теперь, полночь, — выясняется, что Столыпин пал и что его замещает Коковцов. Все это утверждают с разных сторон «почти наверное». На место Коковцова прочат думского Алексеенко. На место министра внутренних дел — не знают, кого назвать... Но впечатление потрясающее. Это вроде падения екатерининских фаворитов: Потемкина или, раньше, Меньшикова. Легион оскорбленных триумфальным шествием столыпинской родни, Нейдгардов и tutti quanti злорадствуют... А вдруг неверно? — Во всяком случае, толчея и переворот огромные. А тут, одно к одному, ужасная весть об убийстве нашего посла в Пекине и приближение спектра войны с Китаем, так волновавшей умы за последнее время. Интересные дни.

8 марта.

Ну, и кто разберется в этой неразбирихе? Все в городе волнуется, сплетничает, рассказывает. Посланника в Пекине не убили, а Столыпин подал в отставку, и его отставка принята, а на его место Коковцов. Не Штюрмер и не Кривошеин, а Коковцов. С сохранением министерства финансов? Нет. Коковцов будет одновременно и «премьером» и министром внутренних дел, нет, — Макаров, нет, — Ширинский-Шихматов. Юго-западные националисты, Балашев fils en tête, кипят. Пал их кумир, их Столыпин. И еще государь думает, что его обманули с юго-западной депутацией. Все мы-де, националисты юго-западного края, выходим из Думы и Совета... Не выйдете, голубчики! А достоверного, в сущности, никто не знает.

10 марта.

Никогда, кажется, Петербург не переживал такого состояния неведения и нерешительности. Каждые 3 часа вести меняются. Вчера магазин Дацнаро выставил на Морской огромный портрет Коковцова, с надписью: «Председатель Совета Министров». Сегодня портрет убран, и к вечеру укрепилось известие, что Столыпин взял обратно свою отставку и остается «премьером». Одни говорят: государь плакал, просил Столыпина остаться... Другие говорят: государь спокоен. Одни уверяют: Коковцов назначен наверное, другие говорят: никаких шансов у Коковцова, ибо сегодня в Зимнем дворце государь его демонстративно обходил. Сомнительный лакей Столыпина, Гербель, предсказывает разрешение кризиса в пользу Столыпина через десять дней. Говорят, ему готовят милости, графский, давно им чаемый, титул. Столыпинцы пустили в ход все пружины. Националисты хорохорятся, киевские

люди чуть ли не грозят революцией. Начинается культ Столыпина. Если государь его и возвратит, то престиж Петра Аркадьевича и нейдгардской клики едва ли возвысится от того... Да и не простит Столыпину государь всю эту суету... Не поздоровится, с другой стороны, от Столыпина и Владимиру Трепову. Словом, кавардак продолжается.

11 марта.

«Кризис», как говорят газеты, продолжается. К ночи, однако, усилилась уверенность, что Столыпин остается. Столыпин рассказывал Лили Демидовой, что государь его просил остаться со слезами на глазах, но он остался непреклонен. К нему от государя приезжал сегодня утром великий князь Александр Михайлович. Знаменитый отныне Владимир Трепов говорил графине Шереметевой, что он не говорил государю, будто киево-подольская депутация была фальшивая, а только высказывал сомнение, что она верно выражала голос страны. Киевский губернатор Гирс должен был сегодня говорить с государем против Трепова. Говорят, будто бы Столыпин требует удаления Акимова, роспуска и преобразования Государственного Совета. Что Столыпин, если останется на посту, начнет мстить — это несомненно. О Коковцове теперь помалкивают. Государственный Совет провалил сегодня в полной редакции весь законопроект о юго-западном земстве, а Государственная Дума, под видом частной инициативы, сегодня же внесла этот законопроект вновь в Думу. Словом, заваренная каша все еще кипит.

12 марта.

Закончился кризис огромным, неслыханным триумфом Столыпина. Его враги члены Государственного Совета Дурново (П. Н.) и Трепов (В. Ф.) получили высочайший отпуск (без прошения) до 1 января! Неслыханная месть, напоминающая mutandum mutandis времена Бирона. Государственный Совет и Государственная Дума распущены на 3 дня, чтобы дать властелину возможность провести по 87-ой статье все те законы, которые ему заблагорассудится, — юго-западное земство во главе.

Столыпин — ничего. Это и государственный человек, и русский человек, и националист хорошей марки. Его недостаток, порок — это убийственное честолюбие. Но это недостаток, с которым можно примириться. Хуже среда его. Эти Гербели, Крыжановские, всякие прихвостни, от которых тошнило до апогея Петра Аркадьевича, а теперь плохо придется от этих мосек. Да и месть на Дурново и Трепова мелочна, да и роспуск законодательных учреждений — мера, навеянная личными гневными чувствами, которым не следовало бы отдаваться. Проскрипции и самовластие будут проявляться и завтра и в последующие дни. Посмотрим, что еще родится на свет!

14 марта.

Возмущению Петербурга нет границ. Люди всяких политических течений сходятся на том, что Столыпин дошел до геркулесовых столбов нахальства. Говорят, что ему дано право сослать до 25 членов Государственного Совета и что, вслед за Дурново и Треповым, очередь теперь за Витте. И то правда, что со времен Бирона мы не испытывали подобного самодурства. Применение 87-ой статьи незаконно, ее текст гласит о неотложных обстоятельствах, возникших во время перерыва законодательных учреждений, а не о законе, начатом обсуждением до роспуска палат. Тщетно октябристы просили Столыпина не прибегать к такой незаконной мере: сегодня закон о земстве в юго-западных губерниях опубликован именно по 87-ой статье! Гучков покинул пост председателя Думы. Завтра с утра— Дума возобновляется. Предъявлено несколько запросов о незаконных действиях председателя Совета Министров. Предвидится огромная каша. Вот так идиот Петр Аркадьевич! Имел такую исключительно удачную партию на руках и так глупо профершпилился!

17 марта.

Неразбериха продолжается во-всю. Государь, повидимому, весел и спокоен. Я был вчера у его величества с докладом о VII-м съезде объединенного дворянства. Прием был долгий и чрезвычайно милостивый. По народному образованию я мог во-всю (понравилось словечко) развернуть «ширь» моих взглядов. Слушал государь внимательно и участливо. «А не спрашивал ли: не собирается ли барин жениться?» Нет, не спрашивал и министерского поста... (куда? bon Dieu!) не предлагал. Столыпин пока что — тише воды. Так как запрос ему в Государственный Думе принят, то ожидается вскоре его ответ на запрос. Говорят, он в своей речи будет нападать на правых и на объединенное дворянство. Едва ли. Говорят: будет разоблачать правых в интригах против «конституционного» строя и разгромит нас. Обещают открытый разрыв Столыпина с правыми... Увидим, а пока что — положение Столыпина незавидное. Все и вся негодует и пышет гневом против его глупости и самодурства. Защитники Столыпина, националисты, с Балашевым-fils во главе, чувствуют себя неловко и конфузятся. Также перебежавший к националистам Шульгин. Заседание Государственной Думы 15-го числа продолжалось до часа ночи. Это был сплошной разгром Столыпина от всех фракций. Резко и очень сильно говорили Пуришкевич, Милюков, Уваров, Лерхе, Анреп и многие другие; я, отвечая Аджемову, преподнес Столыпину довольно удачное «ох, нехорошо, ваше высокопревосходительство». Не менее пыхтит Государственный Совет, готовя также запрос Столыпину. Было-уходивший председатель Совета, Акимов, обласкан царем и остается. Государь высказал доверие и П. Н. Дурново, но обратно в Совет его не призвал. Виделся я с этим магнатом. Негодует, рвет, мечет et il y a de quoi! Трепов (В. Ф.) держится смир-

ненько, и о нем что-то не слыхать. Сегодня поговаривают об уходе С. С. Гончарова, по причине негодования. В Киеве Савенко и К° стараются поднять взрыв в пользу Столыпина. Монах Иллиодор подымает знамя церковного бунта в Царицыне. Китайские дела улажены мирно.

18 марта.

Столыпин ездил сегодня в 4 часа в Царское Село. Говорят, что он вернется с «головой» Акимова в своем распоряжении. Акимов-де поссорился с Столыпиным, и последний требует его изгнания. Говорят также, что в среду (23-го) вечером Столыпин будет в Думе отвечать на запрос. Деньги министерства идут в ход широко. Подкуплены крестьяне — члены Думы, разыгрывающие защитников правительства, подкуплена редакция «Киевлянина», и наша гордость, Пихно, стал играть странную роль, подкуплена «Земщина» и Марковым и Владимировым. Столыпин рассчитывает на то, что все уладится и уляжется, но что он сыграл дурака и обремизился, это не подлежит сомнению.

19 марта.

Сегодня я и члены Археологической комиссии представляли государю в Царскосельском Александровском дворце добытые в течение года предметы старины. Государь был очень внимателен и любезен. Вначале сказал два слова об отсутствии императрицы. Ее мы ожидали, так как сказывали, что она совсем оправляется. Из окон дворца видели в парке наследника, а в коляске — дочерей государя. Красивые взрослые барышни. Государь был в малиновой стрелковой рубашке и казался очень доволен и весел. Многим интересовался и выказывал знание по многим отраслям нашей археологии. Вечером в городе передавали слух, основанный на «будто бы». Будто бы гр. Гендриков рассказывал в яхт-клубе, что Столыпин опять просил своей отставки в Царском Селе и что будто бы эта отставка теперь принята (сомнительно!?) Мотивом послужил будто бы запрос, поданный членами Государственного Совета. Любопытное и интересное время.

21 марта.

На вчерашнем огромном сенатском юбилейном обеде в ресторане «Медведь» правые члены Государственного Совета чувствовали себя нервно и неловко. Зверев, член Совета из робких (бывший чей-то гувернер), краснел и отмалчивался. Кобылинский, умный лидер правых (вместо П. Н. Дурново), ежился и егозил на курьих ножках. Все чувствуют, что danse macabre еще не кончен, и — жирондисты нового времени — каждый член Совета ежедневно ждет, что столыпинский остракизм коснется и его. Завтра — выборы председателя Государственной Думы, вместо Гучкова, выставляется кандидатура Алексеенки, нынешнего председателя бюд-

жетной комиссии. Он был бы недурен, хотя очень нервен и вспыльчив. Кандидатура вечного бедного Волконского снова отступает на второй план.

22 марта.

Тихо. Государственный Совет составил и предъявил Столыпину запрос, а Государственная Дума избрала председателем, незначительным большинством, правого октябриста Родзянко. Это — ни то, ни се. Престижа Думы не возвеличит.

28 марта.

Сегодня снова в городе заговорили, что «кризис» не миновал, что Столыпин будто бы опять шатается, что государь не прощает ему минувшего переполоха, а главное, того, что Столыпин будто бы свои три условия, чтобы не уходить, изложил письменно и вынудил государя письменно отметить свое согласие: 1) на 87-ю статью, 2) на остракизм Дурново и Трепова и 3) на право назначать членов Государственного Совета к 1 января. Дурново, который побаивался высылки за границу, теперь предвидит свое возвращение в Совет, но ставит условием прощение одновременно и Трепова. Говорят, что Столыпин сильно понадеялся на компанию националистов с Балашевым, Шульгиным и Пихно, обещавших ему сочувствие всей России, что не ожидал Столыпин отпора Государственного Совета и его горячих речей и бегства Гучкова в Монголию. Рассказывают, что Столыпин приказал всем губернаторам на будущих выборах проводить только националистов и уверил государя, что все, что правее Нейдгардта, — революционеры. Дабы сбить позицию правых, началось преследование полуоеретичного монаха Иллиодора в Царицыне... Но теперь будто бы вся эта интрига прорвалась, окрасить нас, правых, революционерами Столыпину не удалось и, будто бы, Столыпин временно едет в отпуск... Не верится мне что-то всему этому. Думаю, Столыпин крепок и не сдвинется, пока еще, с места. Увидим!

31 марта.

Этот шут-гороховый Столыпин должен завтра в Государственном Совете отвечать на пресловутый запрос, и... весь город снова волнуется. Что он скажет? Члены Государственного Совета сегодня весьма комичны. С одной стороны: беречь монарха, — это и дешево, и сердито, и безопасно, с другой стороны, — как будто сам государь не на стороне Столыпина и, может быть, помогая завтра свалить временщика — сыграешь в руку (бог ведает) и самому государю, наконец, — третье, есть и такие члены Государственного Совета, которые дышат настоящими, честными благородными чувствами. Им этот новый мелочный деспот противен, а его давление — претит. К тому же, с одной стороны,

Нейдгардты тошнят, а с другой — сам Петр IV ведь и не либерал, и не революционер, и не красный, и безусловно честный человек, и здравомыслящий патриот! Ну, как тут разобраться?

1 апреля.

Ну, говорил он в Государственном Совете. Зал спозаранку наполнился. На хорах дамы, журналисты. В нашей ложе: Дума, Сенат, дипломаты. Почти вся Государственная Дума налицо, в ущерб ее занятиям, которые, впрочем, сегодня прерваны (на Пасху) до 19 числа. Едва Акимов уместился и открыл заседание, как слово предоставляется Столыпину. Бледный и волнуясь, он говорит красиво и страстно, но абсолютно не убедительно. Слова, слова, и только. Националисты восторгаются, победил, дескать. Но на самом деле — жалкая фигура под покровом громких фраз, и только. После ряда возражений голосование дает против «премьера» 99 голосов, за — 53 (кажется). Нет двух третей, и запросу не дают дальнейшего хода. Однако говорят, что вчера Акимов был в Царском Селе и вернулся недовольным. Государь на стороне Столыпина. Суть его речи сводилась к тому, что Государственный Совет — мешающая пробка и что посему правительство должно было вмешаться, что «чрезвычайные обстоятельства», о которых говорит 87-я статья, были налицо — в том впечатлении, которое произвело бы на юго-западный край отвержение закона о куриях. Это было бы поражением «национализма», чего правительство допустить не может. Всю вину за применение 87-ой статьи Столыпин мужественно взял на себя.

Апрель 2.

Отголоски вчерашнего заседания Государственного Совета. Лакейское «Новое Время» пропитано гневом Столыпина и требует от правительства самых энергических мер и чуть ли не разгона Совета! В общем слова Столыпина признаются бездоказательными и слабыми, но его положение прочным благодаря поддержке государя.

Вокруг смерти Н. Г. Чернышевского.

1.

13 октября 1889 г. Чернышевский, за несколько месяцев до того переехавший из Астрахани в Саратов, простудился, слег, а в ночь с 16 на 17 октября великого писателя и революционера не стало. О смерти его в некоторых газетах появились краткие сообщения, и интеллигентная Россия заволновалась. Заволновался и департамент полиции.

Время тогда было самое глухое. Правительство Александра III ликвидировало последние остатки реформ, вырванных в свое время у царизма общественным оживлением 60-х годов. Реакция была в полном разгаре. Революционное движение замерло, и полиция спокойно добивала жалкие остатки некогда мощной партии «Народной Воли». Новое рабочее движение еще не родилось. В стране царила тогда тишь да гладь, и в лучшем случае раздавалась проповедь малых дел. Неожиданная смерть непримиримого врага самодержавия, с одной стороны, наполняла радостью сердца охранителей, но с другой — смущала их мыслью о возможных демонстрациях и проявлениях крамольного духа [1]). И вот жандармские и полицейские сферы зашевелились.

Во главе департамента полиции стоял тогда пресловутый П. Н. Дурново (впоследствии министр вн. дел после 17 октября 1905 г.). Узнав о смерти Чернышевского и получив первые тревожные известия о вызванном ею впечатлении, Дурново начал «действовать» и первым делом постановил завести особое дело о событиях, связанных со смертью великого писателя. Так возникло «Дело № 479 деп. полиции о похоронах Чернышевского», которое мы здесь и используем [2]).

Как ни была задавлена тогда русская интеллигенция, но такое из ряда вон выходящее событие, как смерть любимейшего писателя революционной молодежи, автора романа «Что делать?» и «Примечаний к Миллю», вождя шестидесятников, с именем которого связано было воспоминание об одной из лучших эпох русской истории, не могло пройти бесследно, не могло не всколыхнуть демократически настроенные элементы общества и в особенности наиболее чуткую молодежь. И действительно, несмотря на удушливый гнет торжествующей реакции, эта молодежь, услышав о смерти Чернышевского, зашевелилась и захотела выразить одушевлявшие ее чувства. В Москве, в Петербурге, в Вар-

---

[1]) В 1886 г. имела место так называемая «добролюбовская» демонстрация, а весною 1889 г. торжественные похороны Щедрина; здесь выступал с речью студент Военно-медицинской академии М. Иванов, участвовавший, как мы увидим, и на демонстрации в память Чернышевского.

[2]) Архив Революции и Внешней Политики. Фонд департамента полиции, 3 делопроизводство, 1889 г., дело № 479 «О похоронах Чернышевского».

шаве и Одессе студенчество, бывшее тогда передовым отрядом демократии, начало собираться, обсуждать случившееся событие, намечать делегатов в Саратов для участия в похоронах любимого писателя, посылать телеграммы семье покойного и венки на его гроб. Пришла в движение и жандармерия.

Осведомившись о кончине Чернышевского, Дурново первым делом постановляет запросить ген. Гусева, начальника саратовского жандармского управления, как обошлись похороны Чернышевского, и поместить сообщение о его смерти в «записку» (вероятно, служившую материалом для доклада царю). Но 19 октября он получает шифрованную телеграмму от московского обер-полицеймейстера ген.-м. Юрковского, приводящую его в беспокойство. Телеграмма гласила: «Сегодня студентами университета, Петровской академии и Технического училища отслужена панихида по Чернышевском; предположено послать в Саратов депутацию с венком». Дурново немедленно решает «выяснить, кто из студентов поедет в Саратов» (министру вн. дел он докладывает об этом 23 октября). 20 октября он посылает московскому обер-полицеймейстеру запрос: «Благоволите уведомить, кто из студентов поедут [в] Саратов депутатами» и в тот же день шлет запрос Гусеву: «Телеграфируйте, как обошлись похороны Чернышевского» (в этот день и постановлено завести «дело о похоронах»).

2.

Саратов.

Похороны Чернышевского состоялись 20 октября.

Подробно о похоронах Чернышевского сообщает сын его, Михаил Николаевич, в своей статье «Последние дни Н. Г. Чернышевского», напечатанной в «Былом», 1907 г., № 8, стр. 128—151. По его словам, всех венков было более сорока, в том числе от студентов университетов Казанского, Московского [1]), Петербургского, Новороссийского, от русских студентов дерптского университета и ветеринарного института (но не от немецких, конечно, буржуазных и дворянских сынков), от высших учебных заведений Харькова, от студентов Петровско-Разумовской академии, Технологического, Лесного и Горного институтов, двойной венок от русской и польской учащейся молодежи Варшавы, соединенный лентой с латинской надписью «Варшавские студенты»; далее венки от учительниц, земских и железнодорожных служащих, от интеллигенции из разных городов и от политических ссыльных. Сверх того много венков пришло уже после похорон. Некоторые венки были без всяких надписей, вероятно, страха ради полицейска.

С разных концов России получены были телеграммы и письма с выражением соболезнования о горькой утрате. Задавленная интеллигенция почувствовала, что со смертью Чернышевского она еще больше осиротела. Из этих писем особый интерес представляло письмо от русских и польских студентов из Варшавы на имя редактора «Саратовского Дневника», при котором и был прислан упомянутый выше двойной венок. В письме этом, между прочим, отмечена была радикальная постановка Чернышевским национального вопроса, который он, как известно, решал в смысле права каждой нации на полное самоопределение.

В статье М. Н. Чернышевского опубликованы извлечения из письма М. Н. Пыпина к родным в Петербург, посвященного описанию последних дней и похорон Николая Гав-

[1]) От московских студентов, как увидим ниже, депутат действительно был послан вместе с роскошным венком, но кто именно это был, неизвестно. Может быть, он откликнется, если жив.

риловича. По поводу венков там, между прочим, говорится: «Особый депутат от студентов московских... произнес перед Ольгою Сократовною (на квартире ее) речь соболезнования и привез великолепный и громадный фарфоровый венок. С их надписями вышла история — у полиции уже был список надписей, и она (кто? полиция или Ольга Сократовна? *Ю. С.*) заявила, чтобы сняли ленты с надписями: «Автору «Что делать» и «Сеятелю великих идей»; однако их оставили до Миши (т.-е. до приезда сына. *Ю. С.*). Венок с надписью «Страдальцу» принесен уже при Мише, и он сказал тем, кто его принес: «К прискорбию моему, должен заявить, что этот венок должен остаться здесь» (т. е. не может быть оставлен на катафалке)... Когда у могилы тело покрыли коленкором и собрались уже привинчивать крышку, внезапно появились те два металлические венка с надписями «Страдальцу» и «Мир праху твоему, страдалец», были возложены на грудь, и тотчас же наложили крышку и закрепили ее» [1]).

После похорон все венки были увезены с кладбища во избежание расхищения их. Но, повидимому, венки фигурировали на похоронах без надписей, предусмотрительно снятых родными покойного во избежание осложнений с полицией, потребовавшей, по словам М. Н. Пыпина, снятия лент только с двух венков. Так и только так можно понять следующие слова М. Н. Чернышевского: «Но крайне дорожа надписями на лентах и боясь, чтоб эти ленты как-нибудь не затерялись, я отвязал их от венков и, уезжая из Саратова, взял их с собою в Петербург. Слышал потом, что некоторые лица, приславшие венки, были недовольны этим и осуждали меня, но я сделал это (что? *Ю. С.*) исключительно в видах более бережного их сохранения» (цит. ст., стр. 150).

По неясному изложению М. Н. Чернышевского можно понять дело так, что он снял ленты с венков после похорон. Но если дело было бы так, то почему бы лица, приславшие венки, были недовольны его поведением и даже осуждали его? Очевидно, что ленты были сняты д о п о х о р о н родными Чернышевского, которые и вообще-то не разделяли его взглядов, а в данном случае не хотели еще иметь столкновений с полицией, сопровождавшей погребальную процессию в форме и без оной [2]).

По сообщению другого источника, инициатива снятия лент с венков принадлежала жене Н. Г. Чернышевского.

«До отпевания, — рассказывает П. Юдин («Н. Г. Чернышевский в Саратове», «Ист. Вестник», 1905, № 12, стр. 894), — по настоянию О. С. (жены Чернышевского) два раза в день служили в доме панихиды... Были присланы венки от редакций некоторых журналов, от общества московских и петербургских литераторов, саратовской губернской земской управы и, между прочим, от студентов, кажется, Варшавских университета и ветеринарного института с характерной надписью: «Автору «Что делать?», вызвавшею некоторое недоразумение [3]). Ольга Сократовна почему-то нашла неудобной эту надпись

---

[1]) Венок с надписью «Страдальцу» был от студентов Казанского университета; он действительно был погребен вместе с телом. О венке с надписью «Мир» и т. д. М. Н. Чернышевский не упоминает. По его словам, второй погребенный с телом венок был от местных ссыльных и имел надпись «От молодежи незабвенному и дорогому». Кто из них ошибается, не знаем.

[2]) Летом 1891 г. над могилой была сооружена часовня, и в ней были развешаны все венки с лентами. Подействовали ли тут протесты, неизвестно. Впоследствии серебряный венок, присланный учащимися высших учебных заведений Харькова, был украден.

[2]) К. Федоров в своей книжке о Чернышевском сообщает, что особенно выделялся венок или, вернее, два венка, соединенные между собою связью, от русских и польских студентов Варшавского университета и ветеринарного института.

и велела срезать у венка ленты. После этого один венок среди других с лентами казался «куцым». Чтобы не возбуждать подозрения, знакомые Н. Г. настояли срезать ленты и у всех прочих венков. Это незначительное обстоятельство повело к тому, что часть публики, незнакомая с делом, распустила по городу слух, будто ленты были срезаны по распоряжению прокурора окружного суда Сахарова... На случай могущей быть манифестации среди молящихся (как в доме на панихидах, так и в церкви на отпевании) были командированы переодетые агенты сыскного отделения...

«21 октября в девять часов утра гроб... был перенесен на руках из квартиры в Сергиевскую церковь [1]). Народу собралось столь много, что, как говорится, «негде было яблочку упасть»... Горожане до самого кладбища несли гроб на руках».

В беседе одесского архиепископа Никанора, посвященной Чернышевскому («Странник», 1890, май, стр. 63), сказано: «Повидимому, родные покойного намеревались устроить похороны поскромнее, потому что приглашен был только приходский священник; впрочем, был и хор архиерейских певчих... Очевидцы говорят, что похоронная процессия была вообще скромная и чинная, — но венков было много и... полицейских было немало».

Родные покойного и в первую голову его жена, с одной стороны, и общая политическая атмосфера того времени — с другой, позаботились о том, чтобы беспокойный покойник был убран без лишнего шума. А каково было тогда настроение на верхах, да и повсюду, видно из следующего мелкого, но знаменательного факта. Когда погребальное шествие намеревалось остановиться у здания саратовской гимназии, в которой в начале 50-х годов преподавал Чернышевский, чтобы отслужить там литию, директор гимназии выслал сказать священнику, что он этого не желает, и процессия, не останавливаясь, прошла мимо.

Так или иначе, по 20 октября Дурново имел удовольствие получить от Гусева шифрованную телеграмму: «Похороны Чернышевского прошли вполне спокойно. Доношу почтою».

С своей стороны, тогдашний саратовский губернатор Косич, в свое время пользовавшийся репутацией «либерала», счел нужным, правда, с некоторым запозданием, уведомить о том же, приписывая, разумеется, отсутствие какого-либо нарушения тишины и порядка во время похорон столь опасного человека своему административному усердию и распорядительности.

Вот разбор шифрованной телеграммы из Саратова от губернатора 22 октября 1889 г. за № 5069 на имя директора департамента полиции:

Похороны Чернышевского, за принятыми заблаговременно мерами, прошли совершенно спокойно. На похоронах, действительно, были несколько неизвестных лиц, приехавших утром и уехавших вечером. Телеграмма ваша мною получена на другой день похорон.

Губернатор *Косич.*

На полях пометы: «1) К свед[ению]. 2) Дол[ожить] г. товарищу министра». «Исполнено».

21 октября начальник саратовского губернского жандармского управления отправил в департамент полиции следующее обещанное им секретное донесение за № 1093:

В дополнение телеграммы моей от 20 сего октября имею честь донести, что в ночь с 16-го на 17-е текущего октября месяца скончался в Саратове состоявший под неглас-

[1]) По словам Юдина, похороны состоялись 21 октября. Между тем приводимая ниже телеграмма местного жандарма говорит о 20 октября.

ным надзором полиции [1]) Николай Гаврилович Чернышевский (от кровоизлияния в мозгу).

Покойный Чернышевский прибыл в Саратов 27 июня текущего года из Астрахани. Он вел здесь жизнь замкнутую, уединенную, будучи погружен исключительно в свои литературные занятия, трудясь над переводом истории Вебера.

На похоронах Чернышевского, состоявшихся вчерашнего числа, собралось много лиц, преобладающим был элемент женский; в числе интеллигентной публики, принявшей участие в похоронной процессии, было немало и поднадзорных. Благодаря своевременно принятым мерам и распорядительности полиции, находившейся неотлучно как на панихидах в квартире покойного, так и на отпевании в церкви и на кладбище, порядок и благочиние не были никем нарушены, равно никаких надгробных речей не произносилось.

В квартиру Чернышевского было прислано несколько венков и между ними, как слышно, два с надписями на лентах: «Сеятелю великих истин» и «Творцу романа «Что делать». Ленты эти по желанию вдовы покойного были сняты. От кого присланы были названные венки, узнать не представилось еще возможности.

Генерал-майор *Гусев.*

На полях пометы: 1) «В записку». 2) «Поместить в записку и донесение моск. ген.-губ.». «Исполнено».

Прошло еще пять недель. О похоронах Чернышевского публика уже забыла, но департамент полиции все еще продолжал интересоваться своей жертвой, которая даже из-за гроба попрежнему беспокоила нервное начальство. И вот 29 ноября тот же Гусев посылает в департамент полиции свое последнее отношение по делу Чернышевского за № 1241:

Секретно. В дополнение представления моего от 21 минувшего октября месяца за № 1093, имею честь донести, что панихиды по покойном Николае Гавриловиче Чернышевском, отслуженные в Саратове в 9-й, 20-й и 40-й дни по кончине его, носили вполне семейный характер; лица, состоящие здесь под негласным надзором полиции, присутствовали на панихиде лишь в 9-й день, на прочих же панихидах, кроме вдовы Чернышевского и родных, не было почти никого.

По собранным сведениям, присылка перед похоронами Чернышевского в его квартиру венка с надписью на ленте: «Творцу романа «Что делать» была сделана состоящей под негласным надзором полиции Антониной Петровой Харьковцевой, тогда как другой венок с надписью: «Сеятелю великих истин» — от родных покойного.

Генерал-майор *Гусев.*

Казалось бы, что с этого момента Чернышевский перестал занимать внимание царских слуг. Но прошло еще несколько лет, прежде чем правительство разрешило вновь начать печатать некоторые наиболее безобидные произведения опального мыслителя (литературно-критические), и только в 1906 г. могло, наконец, появиться в России первое полное собрание сочинений человека, сыгравшего такую роль в истории нашей общественной мысли.

3.

Москва.

Как мы видели, Москва первая откликнулась на известие о смерти Чернышевского. Не ограничиваясь сбором денег на венок и посылкой депутации, московское студенчество

[1]) Отсюда явствует, что негласный надзор не снимался с Чернышевского до смерти.

хотело устроить демонстрацию. По обстоятельствам дела и по старой российской традиции эта демонстрация задумана была в виде панихиды по покойном (способ этот имел то преимущество, что давал возможность сравнительно незаметно собираться и до некоторой степени обезоруживал полицию). И действительно, 19 октября полиция была застигнута врасплох, и учащейся молодежи удалось не только отслужить панихиду по Чернышевском в церкви Дмитрия Солунского, но и устроить маленькую демонстрацию в университете и отчасти на улице. Насколько велика была толпа, собравшаяся у церкви, видно из того, что обер-полицеймейстер счел за благо не препятствовать служению панихиды (по словам печатаемого ниже донесения его, собралось более тысячи человек).

Об этом московский губернатор, временно исполнявший тогда обязанности генерал-губернатора, на следующий же день сообщил министру (отношение от 20 октября 1889 г. № 4762):

Совершенно секретно.

Господину министру внутренних дел.

Имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что днем 19 сего октября получены были сведения о имеющей быть панихиде в 1 ч. дня в церкви Дмитрия Солунского, что у Страстного монастыря, заказанной студентами Московского университета по умершем Николае Чернышевском. К назначенному часу к этой церкви стала собираться учащаяся молодежь высших учебных заведений столицы, среди которой были и женщины. Так как затребованный к этой церкви полицейский резерв не успел еще прибыть, то обер-полицеймейстер ввиду значительности образовавшейся у церкви толпы учащейся молодежи приказал передать местному священнику о неимении им в данный момент препятствий к совершению панихиды, которая и была отслужена, причем на клиросе пели сами студенты.

После сего студенты и другие учащиеся, бывшие на панихиде, стали расходиться, не нарушая при этом общественной тишины и порядка, и только толпа в 150 человек из них направилась в здание старого университета и заявила, как видно из письма ко мне попечителя московского учебного округа, экзекутору университета о желании отслужить и в университетской церкви панихиду по Чернышевском. Когда же согласие ректора университета, объявленное означенной толпе инспектором университета, на это не последовало, то студенты, сняв шапки, запели «со святыми упокой» и прошли аркой, под актовой залой, в университетский сад и, выйдя через задние ворота на Никитскую улицу, разошлись без нарушения порядка. Вообще студенты все время вели себя чрезвычайно тихо и сдержанно. А посему и не было сделано никакого распоряжения о задержании кого-либо из них. В течение всего последующего дня, 19 октября, нарушения общественной тишины и порядка со стороны студентов замечено не было.

К вышеизложенному имею честь присовокупить, что для предупреждения каких-либо могущих возникнуть беспорядков по этому же поводу мною, по соглашению с обер-полицеймейстером, приняты надлежащие меры, причем сделано распоряжение, чтоб полицейский резерв был в сборе и мог бы явиться по первой встретившейся в нем надобности, а в конюшнях, при казармах московского жандармского дивизиона, стояли бы вполне оседланные лошади для немедленного, в случае требования, выезда жандармов на место беспорядка.

Но попытка студентов, ободренных первым успехом, повторить демонстрацию 20 октября не увенчалась успехом, так как предупрежденная полиция была уже настороже и мобилизовала все свои силы. Собиравшиеся скопища рассеивались, и на сей раз губернатор мог уже донести министру об одержанной им над крамольниками победе (отношение от 21 октября 1889 г. № 4774):

Секретно.

Господину министру внутренних дел.

В дополнение к отношению от 20 сего октября за № 4762 имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что предполагавшаяся 20 октября по заказу студентов Московского университета вторая панихида в той же церкви св. Дмитрия Солунского по Чернышевском, за принятыми по моему распоряжению мерами, не была отслужена, причем спокойствие и порядок на улицах столицы ничем со стороны учащейся молодежи нарушены не были, и собраться студентам в более или менее большом количестве нигде указанного числа не удалось.

К сему имею честь присовокупить, что до окончательного успокоения возникшего возбуждения среди учащейся молодежи имеется особенно тщательное полицейское наблюдение.

Но опростоволосившаяся в первый день администрация Белокаменной, прозевавшая демонстрацию 19 октября, хотела сорвать на ком-нибудь свою злобу. Козлом отпущения избрана была многострадальная русская печать и в частности газета либеральных профессоров «Русские Ведомости». Последняя, при всей своей умеренности и аккуратности, была все же бельмом на глазу столичной администрации, ибо выходила без предварительной цензуры и, следовательно, при случае могла разоблачить кой-какие делишки местных властей. И вот московская полиция, пытаясь связать студенческую демонстрацию с появлением в газете сообщения о смерти Чернышевского и его некролога, обратилась в департамент полиции с предложением лишить либеральную газету ее привилегии и подчинить ее предварительной цензуре. Но на такую радикальную меру, ровно ничем не вызываемую, не решился пойти и сам Дурново, поспешивший вылить на разгоряченную голову московского обер-полицианта ушат холодной воды.

Вот донесение обер-полицеймейстера Юрковского от 21 октября 1889 г. № 7932, а также резолюция Дурново и ответ департамента полиции.

Совершенно секретно.

В департамент полиции.

В «Русских Ведомостях» 18 сего октября № 288 появилась телеграмма о смерти Николая Чернышевского, и в том же номере был помещен его некролог.

Хотя после этого в сей газете вследствие последовавшего распоряжения и не упоминалось более о Чернышевском, но тон телеграммы и некролога успел уже взволновать учащуюся молодежь. На другой же день к 1 часу дня на панихиду по Чернышевском собралась громадная толпа студентов и курсисток, более 1 000 человек. Точно такая же роль уже была взята на себя «Русскими Ведомостями» по поводу смерти Щедрина.

И если в обоих этих случаях дело обошлось без серьезных беспорядков, то лишь благодаря принятым мерам.

При распространенности же «Русских Ведомостей» и при том авторитете научности, которым пользуются они в глазах учащейся молодежи благодаря участию в делах либеральных профессоров московского университета Чупрова, Янжула и других, появление в этой газете подобных сенсационных известий может всегда повести к серьезным нарушениям общественной тишины и порядка.

На основании изложенного и в интересах охранения общественной безопасности и порядка в г. Москве, я, с своей стороны, полагал бы, что подчинение «Русских Ведомостей» предварительной цензуре было бы солидною мерою против искусственного возбуждения незрелых еще умов учащейся молодежи посредством печатания в легальной прессе разных сенсационных известий и слухов.

Об изложенном имею честь сообщить департаменту полиции и покорнейше просить почтить меня сообщением своего мнения по сему поводу.

Генерал-майор *Юрковский.*
Начальник отделения ротмистр *Бердяев.*

Резолюция Дурново на полях: «Пока я не вижу оснований, тем более, что подчинение цензуре может последовать не иначе, как в случае нарушений газетой правил о печати».

На основании этой резолюции директора департамента в Москву послано было следующее отношение от 25 октября 1889 г. № 3658, которое мы приводим с вшитого в дело черновика:

Совершенно секретно.

Г. московскому обер-полицеймейстеру.

Вследствие отношения от 21 сего октября за № 7932 департамент полиции имеет честь уведомить ваше превосходительство, что департамент не находит [зачеркнуто: покуда] достаточных оснований к возбуждению вопроса о подчинении издающейся в Москве газеты «Русские Ведомости» предварительной цензуре, тем более, что принятие подобной меры могло бы последовать лишь [зачеркнуто: не иначе, как] в случае нарушения упомянутой газетой правил о печати.

Директор *П. Дурново.*
Делопроизводитель *Семякин.*

На этом дружеская переписка Москвы с Петербургом по данному вопросу закончилась.

4.

Петербург.

Хотя и с некоторым запозданием, но новая столица не отстала перед «порфироносною вдовою». 21 октября в высших учебных заведениях началась агитация, а 22 в церкви Владимирской божьей матери собрались воспитанники Военно-медицинской академии (всегда стоявшей во главе движения), Технологического и Лесного институтов и университета, Горного института, Высших женских курсов и пр., чтобы отслужить панихиду по Чернышевском. Надо полагать, что после московской истории питерское духовенство было уже предупреждено своей старшей сестрой — полицией. По крайней мере, священник, увидав студентов и услыхав имя покойника (Николай), не будь дураком, возьми да и улизни, говоря слогом А. Чехова. Вышло даже лучше: вместо лицемерной колдовской комедии «служителя христова» студенты сами пропели гражданскую панихиду по Чернышевском.

Обо всей этой печальной для полиции истории сообщает адресованный на имя самого Дурново доклад или донос, не знаем как назвать, за подписью Л. Антонов. Кто такой был этот Антонов, мы в точности не знаем. Но, вероятно, это был тайный агент, действовавший среди студентов, что видно по его словам, что студенты собирались у него на квартире. Во всяком случае донесение его взволновало Дурново, и тот поспешил доложить о происшествии министру внутренних дел, сообщить имена всех названных Антоновым лиц градоначальнику, дабы тот обратил на них свое благосклонное внимание как на людей, «подстрекающих товарищей к демонстрациям», и наконец собрать сведения о лицах, им на донесении подчеркнутых. Эти сведения были доставлены ему в особом списке, который мы также печатаем.

В доносе Антонова обращает на себя внимание то место, где он говорит о «неопределенных личностях, которых по наружному виду можно было бы причислить или к быв-

ним слушателям учебных заведений или к полуинтеллигентным рабочим». Это нужно понимать в том смысле, что эти лица были в статском платье. Замечательно, что доносчик угадал верно (если только он гадал). В демонстрации участвовали и некоторые рабочие, входившие в начавшие тогда организовываться рабочие кружки. Об этом рассказывает участник демонстрации В. С. Голубев, названный в доносе Антонова. Голубев вел тогда пропаганду среди рабочих Балтийского завода и за Невской заставой.

«Панихиду по Чернышевском устраивали студенты разных учебных заведений, — пишет Голубев («Страничка из истории рабочего движения», «Былое», 1906, № 12, стр. 110). — Время, однако, было настолько глухое, что руководители студенческих кружков сомневались, соберется ли достаточно студентов на эту панихиду. Уверенность была только за Военно-медицинскую академию, в которой все старосты (институт старост был только в академии) оповестили о панихиде по своим курсам и поручились, что придет во Владимирский собор, где устраивалась панихида, вся академия [1]). Медики действительно оправдали свое обещание. Поднят был вопрос и об участии на панихиде рабочих. Но из опасения повредить рабочим на этот счет решение было уклончивое и скорее отрицательное. Мне, однако, казалось, что рабочих постепенно нужно приобщать к общему движению. Поэтому я и на этот раз сообщил своим знакомым рабочим о панихиде по Чернышевском. Панихида состоялась во Владимирском соборе, но вышла она уж чересчур скромна, без всякой демонстрации: не было ни речей, ни шествия, ни венков — ничего. Церковь была переполнена студентами в форме. Священник долго колебался, да так и не решился отслужить панихиду. Студенты постояли, постояли и затем с пением «святый боже» и «вечная память» в самой церкви стали выходить на паперть и на площадь. На площади кроме одного околоточного полиции совсем не было. Она была спрятана. Студенты, потолкавшись на площади, постепенно разошлись по домам...

Между прочим среди студентов в церкви было и несколько моих знакомых рабочих. Они были одеты в обычный штатский костюм, что среди массы форменного студенчества обращало на себя невольное внимание. И вот молодежь приняла их за сыщиков, а по адресу одного из рабочих был даже пущен эпитет «гороховое пальто». Об этом с чувством обиды рабочие мне сами потом рассказывали. Настолько в то время было необычно участие рабочих в демонстрациях вместе с учащейся молодежью, что последняя как-то не могла себе даже представить, чтобы на панихиде по Чернышевском люди, по лицам и одежде похожие на рабочих, были действительно рабочие».

Итак, вот донос Антонова.

Ваше превосходительство.
Петр Николаевич.

О так называемой «гражданской панихиде» в память умершего политического ссыльного Н. Г. Чернышевского, имевшей место 22 сего октября в церкви Владимирской божьей матери, имею честь доложить вашему превосходительству следующее:

Еще накануне, в субботу, 21 октября, ко времени окончания лекций в университете смутно циркулировал слух, что некоторая группа студентов собирается на следующий день отслужить панихиду по скончавшемся Чернышевском; причем слух этот сообщался самым верным и избранным из товарищей и с величайшей осторожностью. Местом сбора для приглашенных называли церковь Владимирской божьей матери,

---

[1]) Е. В. Гешин в статье «Шелгуновская демонстрация» («Минувшие Годы», 1908, ноябрь, стр. 32) сообщает, что за участие в панихиде по Чернышевском эти курсовые старосты были из академии уволены.

время — после литургии, между 11 и 12 часами утра. В числе распространителей этих слухов замечены были студенты: Кравков Константин и Билинский-Билинкис Абрам; причем упомянутый Кравков собирал также между молодежью пожертвования на венок на гроб покойного. Венок этот, по его словам, по приобретении, имеет быть отправлен в г. Саратов почтою.

На другой день, в воскресенье 22-го октября, с утра верхняя церковь Владимирской божьей матери была необычно переполнена учащейся молодежью всех высших учебных заведений. Преобладающим большинством отличались на этот раз представители императорской Военно-медицинской академии, затем следовали Лесной и Технологический институты и относительно незначительная по численности группа университетской молодежи, множество курсисток и, наконец, некоторое количество неопределенных лиц в статском платье, по виду или принадлежавших к учащейся молодежи или имеющих с нею какое-либо общение. В группе молодежи императорского университета, между прочими, замечены были следующие, уже известные вашему превосходительству, студенты: Тимофеев Михаил, Бартенев Виктор, Теннер Иван, Голубев Василий, Аничков (деятель сходок 87-го года, недавно вновь принятый в университет), Гауэр Александр, Кравков Константин, Курганов Иван, Головачев Дмитрий, Гиршович Семен, Унковский Михаил и Жибер. Между студентами Военно-медицинской академии замечены были: Афанасьев Константин и Боровиков Иван.

Из числа названных мною выше студентов университета Тимофеев и Бартенев были оба переодеты в статское платье и до очевидности ясно занимали первенствующее положение в группах молодежи, как бы распоряжаясь и руководя всей демонстрацией, и вокруг них по преимуществу держались те неопределенные личности, которых по наружному виду можно было бы причислить или к бывшим слушателям учебных заведений или к полуинтеллигентным рабочим.

По окончании божественной литургии вся толпа, слишком громадная для такого храма, перешла из верхнего притвора в нижний этаж, где и заполнила собою всю нижнюю церковь. Еще до переполнения храма молодежью, некоторые из студентов обратились к очередному священнику с просьбой отслужить панихиду по их усопшем товарище «рабочем Николае», и священник изъявил было на это свое согласие, распорядившись приготовить у царских врат все необходимое для христианского обряда, как-то: аналой, образ, свечи и т. п. Но видя, что толпа молодежи все прибывает и принимает, наконец, угрожающие размеры, священник удалился из храма и более не показывался. Депутаты от толпы (по преимуществу студенты Военно-медицинской академии) неоднократно обращались к нескольким священникам с тем же предложением, но безуспешно. Между тем толпа относительно тихо продолжала стоять в церкви в ожидании священников, производя тем временем доброхотный сбор на покрытие расходов панихиды. Такое ожидание продолжалось от окончания литургии до часу дня, когда в толпе пронесся говор, что все священники наотрез отказались служить панихиду, и что следует взамен того, по крайней мере, самостоятельно пропеть «гражданскую панихиду». Несколько благоразумных голосов запротестовали было довольно громко против такого кощунственного нарушения обычаев и приличий христианского храма, предлагая взамен того отслужить эту «гражданскую» панихиду хотя бы на паперти, чтобы не оскорблять религиозного чувства искренно верующих; но, как всегда бывает, большинство увлекающихся взяло верх, и своды храма огласились звуками «со святыми упокой», пропетыми сотнями голосов, затем последовала троекратная «вечная память» и, наконец, распевая «святый боже», толпа вышла на паперть, где уже к этому времени явилось несколько офицеров наружной полиции, и беспрепятственно разошлась в 1 час 15 минут дня.

Остаюсь с истинным почтением и особенной преданностью вашего превосходительства всепокорнейший слуга

Л. Антонов.

С.-Петербург.
Октября 22 дня 1889 года.

Резолюции: «Доложено г. министру». «Сообщить имена всех этих лиц градоначальнику, прося его обратить на них внимание, как на людей, подстрекающих товарищей к демонстрациям».

«З. 1) Прошу собрать сведения о лицах подчеркнутых. 2) В записку. 3) Относительно неподчеркнутых — иметь эти свед[ения] в виду при последующ[их] справках».

К этому доносу приложена следующая справка, составленная чиновниками департамента полиции для Дурново:

Справка. Абрам Билинский-Билинкис (Маркус, еврей). При наблюдении в феврале сего года за Евгенией Григорьевой было установлено, что она заходила в дом № 20 по 3-й линии, где проживали ее знакомые Вера Дейша и Елизавета Новоселова, а также студент Билинский-Билинкис.

Василий Голубев (Семенов, мещанин). По сообщению Антонова, Голубев присутствовал, в числе других, на сходке, происходившей на его, Антонова, квартире.

Александр Гауэр (Константинов, мещанин). Гауэр, по сообщению Антонова, посещал сходки на квартире Бартенева (Мининский, Грибовский, Тимофеев и др.). По сообщению с.-петербургского градоначальника, Гауэр был знаком со студентами Бужиловичем, Висковатовым и Храновским.

Иван Кургенов (Федоров, сын колл. секретаря) [1]. В феврале сего года Кургенов, ввиду его сношений с Чешихиным и Якуцевичем и найденного его адреса в переписке, отобранной при обыске у Тютрюмова и Анны Карповой, по распоряжению департамента был подчинен негласному наблюдению. По сообщению Антонова, Кургенов принадлежит к кружку Тарасова и других.

Дмитрий Головачев (Михайлов, мещанин). По имеющимся в департаменте сведениям, Головачев состоял членом сибирского кружка и был близок с наиболее видными деятелями означенного кружка. По сообщению с.-петербургского градоначальника, в феврале 1888 года, Головачев был знаком со студентом Тарасовым.

Семен Гиршович (Ааронов, еврей). По сообщению в апреле сего года Константинова, Дворжицкий сообщил ему свое и его знакомых желание устроить типографию, шрифт для которой можно достать чрез студента (без имени) Гиршовича, который знаком с одним из наборщиков типографии Либермана.

Жибер. (В списках студентов С.-Петербургского университета за текущий учебный год значится Евгений Эрнестов Жибер, сын тайного советника.)

По сообщению Антонова, Жибер в феврале сего года присутствовал на сходке, устроенной студентом Грибовским в отдельном кабинете ресторана «Вена».

В 1886 году на имя Л. С. Когана было адресовано в Харьков без подписи письмо из Казани, в котором сообщалось, что скоро ожидается выражение протеста профессорам с приглашением их общими силами уменьшить влияние нового устава. По мнению начальника казанского губернского жандармского управления, автором означенного письма мог быть бывший студент Харьковского, а в то время Казанского университета Константин Афанасьев. В списках Военно-медицинской академии значится в числе студентов Константин Петров Афанасьев, сын чиновника, бывший студент Харьковского университета.

О Курeганове, Голубеве и Билинском-Билинкисе представляются при сем вашему превосходительству регистрационные листки. (О Гауэре, Курeганове и Головачеве имеются сведения в регистрационном листке Тарасова, изложенные в настоящей справке.)

Сведений о Константине Кравкове, Михаиле Унковском и Иване Боровикове в виду департамента не имеется.

---

[1]) Повидимому, настоящая фамилия его была Курeганов, как он и назван в доносе Антонова и ниже в той же справке.

Петербургскому градоначальнику (читай: питерской охранке) 27 октября было послано следующее отношение [1]) (приводим его с сохранившегося в деле черновика):

Ввиду департамента полиции имеются сведения, что при сборище 22 сего октября во Владимирской церкви учащейся молодежи, намеревавшейся отслужить панихиду по Чернышевском, особенно выделялись студенты университета Михаил Тимофеев, Виктор Бартенев, Иван Теннер, Василий Голубев, Аничков, Александр Гауэр, Константин Кравков, Иван Курганов, Дмитрий Головачев, Семен Гиршович, Михаил Унковский, Жибер, Абрам Биллинский-Билинкис и студенты Военно-медицинской академии Константин Афанасьев и Иван Боровиков.

Ввиду вышеизложенного, департамент долгом считает (зачеркнуто: имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство) обратить внимание вашего превосходительства на указанных студентов как на людей, подстрекающих товарищей к демонстрациям.

Директор *П. Дурново.*
Делопроизводитель *Семякин.*

Последовал ответ охранки, интересный в том отношении, что он дополняет сведения, сообщенные Антоновым, и перечисляет ряд таких участников демонстрации, как известные писатели и общественные деятели Г. И. Успенский, Н. К. Михайловский, С. Кривенко, А. Иванчин-Писарев, М. Цебрикова, и как Я. Юделевский и Н. Истомина, вскоре привлеченные к делу народовольческой группы (Фойницкого и др.). Вот это донесение охранного отделения (от 31 октября 1889 г. № 10684):

Секретно.

В департамент полиции.

Вследствие отношения от 27 сего октября за № 3698, имею честь сообщить департаменту полиции, что из числа принимавших участие в сборище 22 октября во Владимирской церкви, по сведениям вверенного мне управления, замечены сто два лица, из которых, кроме поименованных в отношении департамента за № 3698, находились еще следующие лица, известные или по своей политической неблагонадежности или как привлекавшиеся к дознаниям о государственных преступлениях, а именно: Глеб Иванов Успенский, Николай Константинов Михайловский, отставной подпоручик Сергей Николаев Кривенко, дворянин Александр Иванов Иванчин-Писарев, дочь отставного генерал-майора Мария Константиновна Цебрикова, студенты С.-Петербургского университета Янкель Лейзеров Юделевский, Лейба Ааронов Лурье, Мечислав Анзелемов Клечинский и Иван Константинов Климов; студенты Военно-медицинской академии: Михаил Иванов Иванов, Григорий Андреев Галковский; студенты Технологического института: Владимир Николаев Переверзев, Орест Александров Греков, Вацлав-Степан Фаддеев Цивинский, Дмитрий Иванов Озон, Николай Николаев Трубецкой, Исаак-Иосиф Антонов Квятковский, Николай Николаев Будаевский, Анатолий Алексеев Герасимов, Соломон Иосселев Тагер; студент института Гражданских Инженеров Михаил Григорьев Милованов; студент Горного института Валериан Васильев Мурзаков; студенты Лесного института: Соломон Менделев Великолюд, Леонтий Леонтьев Бенда; слушательница Высших женских курсов Неонилла Константиновна Истомина; бывшая слушательница тех же курсов Вера Константинова Фаддеева; слушательница Калинкинского родовспомогательного заведения Капитолина Михайлова Вершинина; фельдшерица при Ма-

---

[1]) Градоначальником был тогда знаменитый Грессер, а начальником охранки — тоже известный Секержинский.

ришнской больнице Александра Петрова Рождественская; воспитанница училища лекарских помощников и фельдшериц Екатерина Яковлева Еркович-Ерченко и повивальная бабка Мария Аркадьева Соколовская.

К сему имею честь присовокупить, что за сношениями лиц, которые выделялись по своему поведению во время упомянутого сборища, имеется особое наблюдение.

Генерал-лейтенант *Грессер*.
Начальник отделения полковник *Секержинский*.

Некоторые из названных в этих документах лиц принимали тогда деятельное участие в студенческом и революционном движении. По словам В. Б., автора статьи «Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х годов» («Минувшие Годы», 1908, октябрь, стр. 183), в центральных студенческих кружках участвовали студенты университета М. Тимофеев, В. Голубев, Й. Теннер; технолог Цивинский; медик Галковский; лесник Великолюд (я привожу только имена, указанные в жандармских донесениях, относящихся к делу о похоронах Чернышевского). Некоторые из них, как автор воспоминаний. Цивинский, Голубев, участвовали и в пропаганде среди рабочих (вместе с М. Брусневым и Л. Красиным). Из упомянутых выше В. Бартенев был впоследствии сослан в Восточную Сибирь. Цивинский уцелел и позже, оставив политику, инженерствовал, чуть ли не строил Амурскую дорогу.

5.

Одесса.

Отозвалась и далекая Одесса, где свирепствовал тогда в качестве градоначальника пресловутый контр-адмирал Зеленый, известный тем, что не стеснялся в публичных местах и, как рассказывали, даже в присутствии «высочайших» особ прибегать к крепким выражениям с упоминанием родителей. Можно представить себе, как должен был такой тип реагировать на столь дерзостное покушение, как попытка местных студентов устроить демонстрацию в память Чернышевского. А если прибавить сюда то обстоятельство, что в таком городе, как Одесса, процент инородцев и в частности евреев естественно был довольно велик, а Зеленый славился как злостный антисемит, то получится настоящий «истинно-русский» букет, который нашел, разумеется, самое слабое отражение в печатаемой ниже официальной переписке, но который, несомненно, дал себя почувствовать в личных объяснениях бравого контр-адмирала со студентами.

В первом же своем донесении Зеленый берет антисемитскую ноту, подчеркивая, что среди отмеченных полицией студентов находилось — о, ужас! — восемь евреев из 22 (причем включает в число евреев, кажется, пару караимов, например, №№ 3 и 15). Дурново превращает эту треть евреев уже в большинство («преимущественно евреев»). В высших сферах ко всяким проявлениям антисемитизма относились благосклонно: в этом отношении никакой администратор не рисковал переборщить.

В одесской истории интересна и другая сторона. Зеленый и местный жандарм, ген. Цугаловский, за отсутствием работы вознамерились создать из неосуществившейся панихиды по Чернышевском целое дело о государственном преступлении. Дурново пришлось и на этих ретивых слуг самодержавия пустить холодный душ. Похвалив их за антисемитскую выходку, он, вместе с тем, дал им понять, что раздувать этот пустяк в страшное политическое дело все же не стоит. И почтенная компания забила отбой: Цугаловский поспешил уведомить департамент полиции, что Зеленый сообщил о начатии жандармского дознания «по ошибке». При этом он невольно выдал секрет неожидан-

ного либерализма своего патрона Дурново: не стоит вызывать «усложнений»; пусть лучше царит всеобщая уверенность, что в российском царстве все обстоит благополучно. Ведь привлекать пришлось бы не маленькую группу крамольников, а сотни людей, по всей же России чуть ли не тысячи. Благоразумнее взять на примету вожаков и подстрекателей, а при случае расправиться с ними тихо, честно, благородно.

Так и было поступлено. По одесским делам вскоре расправились с М. Н. Дилетицкой («Маця»), стоявшей тогда во главе одесского народовольческого кружка. А почти все переписанные в соборе студенты были уволены, а некоторые и высланы в другие города.

Отмечать роль одесского архиерея Никанора, пожалуй, не стоит. Подобно другим своим собратьям, этот столп православной церкви был настоящим жандармом в рясе. Об этом свидетельствует и его беседа о Чернышевском, о которой мы выше упоминали.

Вот донесение Зеленого в департамент полиции от 23 октября 1889 г. за № 1180:

Совершенно секретно.

Господину товарищу министра внутренних дел, заведывающему полициею.

Получив от одесского полицеймейстера сведения относительно намерения студентов Новороссийского университета отслужить 21 октября в 4 часа пополудни панихиду в одесском кафедральном соборе по скончавшемся писателе Чернышевском, я отправился к указанному времени в собор. Застав на паперти собора несколько студентов, я спросил их о цели прихода в собор, на что студенты отвечали, что пришли служить панихиду по Чернышевском; на требование же предъявить матрикулы некоторые из них отдали таковые, те же, у которых их не оказалось, были записаны. Засим собравшимся было объявлено, что священник предупрежден о недозволении служить панихиду. В это время к собору подошла толпа до 150 студентов, которые, узнав о запрещении служить панихиду, обратились с просьбою записать и их, но на это полицеймейстер предложил им разойтись. Получив и от находившегося тут же участкового пристава отказ в просьбе записать фамилии всех собравшихся студентов, толпа направилась к университету, где заявила желание объясниться с инспектором. Из доставленных мне инспектором студентов сведений усматривается, что, узнав об означенном желании студентов, он предложил им избрать для этой цели 10 лиц из своей среды. На заявление этих избранных о том, чтобы полиция записала всех собравшихся в соборе студентов, так как желание отслужить по Чернышевском панихиду было общим, инспектор объяснил студентам, что действия полиции были совершенно правильны в данном случае, и потребовал, чтобы толпа разошлась, что и было исполнено.

Доводя об этом до сведения вашего превосходительства, имею честь препроводить при сем доставленный мне одесским полицеймейстером список 22 студентов, из коих 8 евреев, из числа находившихся в соборе 21 октября, а также извлеченную из газеты «Одесский Вестник» заметку о том, что студенты Новороссийского университета отправили в г. Саратов венок для возложения его на гроб Чернышевского, и доложить, что по этому поводу производится начальником жандармского управления г. Одессы дознание.

Градоначальник, контр-адмирал *Зеленый*.
Правитель канцелярии *Ив. Казаринов*.

Резолюция на полях: «К свед[ению] и написать генер. Цугаловскому, чтобы никакого дела по этому поводу не возбуждать — иметь лишь подстрекателей на замечании».

К донесению Зеленого был приложен следующий список переписанных полицией студентов.

СПИСОК

студентам Новороссийского университета, бывшим в соборе 21 октября 1889 года [1].

№№	Фамилии и имена	
1.	Радинский Идель.	
2.	Леви Мордко.	
3.	Файерштейн Семен Игнатьев.	
4.	Безредзь Шмерель.	
5.	Фиалковский Михаил.	
6.	Ляшевский Николай.	В алфавки.
7.	Разградский Григорий.	
8.	Архангельский Андрей.	
9.	Танов Дмитрий.	
10.	Беляев Платон.	
11.	Беляев Николай.	
12.	Ворт Владимир.	Занесены 3/XI 89. Черная.
13.	Потапов Владимир.	
14.	Яковлев Владимир.	
15.	Казас Азарий.	
16.	Мунблит Хаим.	
17.	Коган Вениамин.	
18.	Гельфонт Осип.	
19.	Сахновский Иван.	
20.	Ржевуцкий Степан.	
21.	Лещенко Михаил.	

О том же событии днем раньше донес начальник жандармского управления Одессы Цугаловский 22 октября 1889 г. № 3177:

Секретно.

Вчерашнего числа в 3 часа дня мною было получено, секретным путем, сведение, что в $4^1/_2$ часа в соборе будет отслужена студентами панихида по скончавшемся писателе Чернышевском, о чем я немедленно сообщил градоначальнику. Его превосходительство лично отправился в собор, где узнал, что два студента заказали священнику Петровскому панихиду, почему и было сделано предупреждение, чтобы панихиду не служить, о чем последовало распоряжение архиепископа Никанора.

Около 4 часов в собор начали входить студенты, которые на вопрос градоначальника, зачем они пришли, отвечали: «молиться за Чернышевского». Фамилии студентов, вначале пришедших в собор, переписаны, но затем это оказалось невозможным, так как студентов собралось более 200 человек, в том числе много евреев. Собравшимся было объявлено о запрещении служить панихиду, что, видимо, произвело возбуждение в студентах, разбившихся на кучки, которые, однако, по предложению полицеймейстера и в силу [!] прибывших на место городовых, разошлись.

[1]) Мы внесли в список нужные исправления: так, Казаса звали Азарий, а не Азирий; Мунблит, а не Мумблит; Ржевуцкий, а не Ржеутский. Как нам удалось установить, почти все названные в списке были уволены из университета, некоторые без права обратного поступления. Из них Файерштейн и Мунблит были с.-д., Ворт, Потапов (брат известного позже эсера Потапова-Рудина), Гельфонт и Ржевуцкий — народовольцы. В. Е. Коган заведует сейчас научным сектором Госиздата, а Е. Г. Мунблит работает в Наркомздраве (подотдел борьбы с туберкулезом).

Священник Петровский, по словам градоначальника, вначале сказал, что знает студентов, заказавших ему панихиду, но потом отозвался незнанием.

Градоначальник высказал намерение фамилии переписанных студентов сообщить мне.

О вышеизложенном имею честь доложить вашему превосходительству.

Генерал-майор *Цугаловский.*

Пометы на полях: «1) Представить г. товарищу министра». «Читал». 2) «В записку». «Исполнено».

Четыре дня спустя Цугаловский, видимо, успевший-таки начать дознание о государственном преступлении, послал в департамент полиции дополнительное донесение следующего содержания (от 26 октября 1889 г. № 3258):

Секретно.

В дополнение донесения моего от 22 октября за № 3177, имею честь доложить вашему превосходительству, что в 281 номере газеты «Одесский Вестник», с разрешения цензуры, была пропущена следующая заметка: «Студенты Новороссийского университета отправили в Саратов венок, для возложения его на гроб скончавшегося писателя Н. Г. Чернышевского». При разъяснении справедливости означенного обстоятельства, редактор-издатель Кирхнер заявил, что репортер газеты Гулак, поместивший заметку, слышал об этом от профессора университета В. А. Яковлева, последний же пояснил, что о посылке венка слышал от репортера «Одесского Листка» Кричевского, вследствие чего спрашивал о справедливости слуха ректора университета, некоторых профессоров и студентов, но, получив ответ, что им ничего неизвестно, о чем он и передал Кричевскому и Гулаку, предупреждая их не верить несправедливому слуху, но Гулак, несмотря на это, сообщил об этом слухе в газете.

При дальнейшем личном моем, негласном, выяснении [sic!] оказалось, что 21 октября из Одессы были посланы следующие телеграммы: 1) «Саратов, Константиновская улица, дом Софинского, Кулешу. Возложите венок в двадцать рублей на могилу Чернышевского, от почитателей и почитательниц Одессы. Сегодня высылаю деньги, займите пока. — Маня». 2) «Саратов, редакция газеты «Саратовский Вестник». С глубоким прискорбием прочли мы известие о безвременной смерти глубокоуважаемого Николая Григорьевича [sic!] Чернышевского. Он умер, но память о нем будет вечно среди всех честно мыслящих людей». Подпись от кружка русской молодежи.

Маня есть известная вашему превосходительству, из моих донесений, Мария Делятицкая, за которой имеется наблюдение, и, по всему вероятию, она будет привлечена к дознанию при общей ликвидации агентурных наблюдений. Кто послал вторую телеграмму, неизвестно.

23 октября, при отношении за № 1179, одесским градоначальником препровожден ко мне список студентов, бывших в соборе 21 октября, переписанных полицией. В числе их поименованы 8 студентов евреев и из них известный инспекции как неблагонадежный Мордко Леви, остальные не навлекали на себя никакого замечания и, видимо, попали в список только потому, что пришли раньше своих товарищей.

Генерал-майор *Цугаловский.*

На полях помета: «К свед.».

Предписание Дурново Цугаловскому не начинать дела о демонстрации мы приводим с сохранившегося в «деле» черновика отношения (от 31 октября 1889 г. № 3754):

Совершенно секретно.

Г-ну начальнику жандармского управления г. Одессы.

Одесский градоначальник, сообщая о попытках нескольких студентов Новороссийского университета, преимущественно [!] евреев, 21 сего октября отслужить (за-

черкнуто: скопом) в одесском кафедральном соборе панихиду по умершем в Саратове писателе Чернышевском и об отправлении (зачеркнуто: о намерении) некоторой частью местной учащейся молодежи в Саратов венка для возложения на гроб Чернышевского, уведомил департамент полиции, что вашим превосходительством производится по сему поводу дознание.

Ввиду сего, департамент имеет честь уведомить (зачеркнуто: просить) вас, м. г., что (зачеркнуто: надобности), в расследовании по поводу сего дела надобности не представляется (зачеркнуто: лиц), и всякое производство по сему поводу должно быть прекращено, лиц же, принимавших участие в подготовлениях к демонстрации, надлежит (зачеркнуто: иметь) не упускать из виду и подчинить наблюдению.

Получив эту вежливую нахлобучку от высшего начальства, смущенный жандарм поспешил благородно ретироваться, о чем свидетельствует следующий его рапорт от 6 ноября (№ 3384):

Секретно.

Вследствие отношения вашего превосходительства от 31 октября за № 3754 имею честь доложить, что одесский градоначальник ошибочно сообщил, будто бы мною производится дознание по поводу попытки студентов Новороссийского университета отслужить панихиду по умершем писателе Чернышевском. Напротив того, несмотря на то, что контр-адмирал Зеленый в разговоре со мною высказал мне свои соображения о необходимости произвести дознание, я остался внимательным наблюдателем совершившихся фактов, изложив все добытое мною в двух моих донесениях на имя вашего превосходительства, от 22 и 26 октября за №№ 3177 и 3258, и сознавая, что всякое гласное дознание могло бы только, без пользы для дела, повлечь за собою нежелательные усложнения, тем более находил это необходимым, что двое студентов явились к высокопреосвященному архиерею Никанору и просили его влияния, чтобы, переписанные полицией, их товарищи не подвергались взысканию, сознавая неуместность поступка [1]).

Генерал-майор *Цугаловский.*

* * *

Так закончилось дело о похоронах Чернышевского и связанных с ним выступлениях [2]). Правда, выступления были более чем скромными, но ведь время-то было тогда подлое. Удивляться можно не тому, что демонстрации оказались столь робкими, а тому, что они вообще имели место. Но они все же состоялись и охватили по тому времени довольно широкие круги интеллигенции, а отчасти, как мы видели, захватили и кучку передовых рабочих. Во всяком случае, они показали, что под сковавшим русскую жизнь льдом реакции продолжает тлеть огонек протеста, и что при всех усилиях правительству не удалось окончательно задавить революционное движение. Наиболее грозным для реакции признаком было — пусть слабое, но все же участие рабочих в общественном выступлении [3]). В свое время полиция не обратила на это обстоятельство внимания. Она,

---

[1]) Последние три слова дописаны самим генералом Цугаловским.

[2]) Кроме названных городов, в Дерпте также была отслужена панихида студентами, но число участников было невелико (20 человек), и она, видимо, не обратила на себя внимания администрации. Была отслужена панихида и харьковскими студентами, но и здесь дело, повидимому, обошлось без демонстрации и тоже не вызвало проявления административной ретивости.

[3]) М. Н. Пыпин в письме, цитируемом в указанной выше статье М. Н. Чернышевского, приводит несколько деталей, показывающих, что в некоторых группах простого народа имелось смутное понимание значения Чернышевского. Так, какой-то старичок кричал на улице: «За что замучили человека? За то, что правду говорил. А сами где?»

подобно тогдашней народнически настроенной в большинстве интеллигенции, не учитывала возможности близкого и широкого развития рабочего движения в стране. Но события вскоре показали, что на смену разбитой партии «Народной Воли» идет новая более грозная сила. Через несколько лет после похорон Чернышевского начались рабочие забастовки, а затем на сцену выступил мститель, который в конце концов заставил царизм ответить за все совершенные им преступления, из коих одним из самых тяжких было физическое и моральное убийство самого талантливого и оригинального русского мыслителя, впервые водрузившего в России знамя революционного коммунизма.

Ю. Стеклов.

И ужасно бранил начальство. А при прохождении погребальной процессии мимо какой-то кучки стоявших на углу чуек, не то мастеровых, не то приказчиков из лавки, на вопрос какого-то мужичка, кого хоронят, раздался ответ: «Чернышевского», причем, по словам М. Н. Пыпина, этот простой ответ был произнесен таким тоном, что видно было, что отвечавший парень сознает, к о г о хоронят, и относится к нему с полным сочувствием.

Впрочем, преувеличивать этих отдельных эпизодов не приходится. Масса, к сожалению, тогда спала глубоким сном и не знала, что она потеряла в лице покойного одного из лучших своих друзей и защитников.

Из записной книжки архивиста.

Заговор монархической организации В. М. Пуришкевича.

Помещенные ниже документы освещают один из мало известных эпизодов Октября — выступление в эти дни в Петрограде организации монархистов под руководством В. М. Пуришкевича, который так громко напомнил о себе в предреволюционные дни участием в убийстве Распутина.

Черносотенству нанесен был сильный удар уже Февралем. От громадного идеологического аппарата царской России остались только обломки. Но до тех пор, пока а фабрики, заводы, земля оставались попрежнему в руках их старых владельцев, можно было еще бороться за монархию.

Такую задачу и поставил себе Пуришкевич, старый «подпольщик» черносотенства, руководивший когда-то «Союзом Русского Народа» и «Союзом Михаила Архангела», прежняя деятельность которого граничила с необходимостью пользоваться фальшивым паспортом, револьвером и бомбой, конспирировать, устраивать заговоры. Политические условия предоктябрьских дней в значительной степени способствовали тому.

Цели и устремления монархистов представляются в следующем виде.

«Цель нашей организации, группировавшейся вокруг Владимира Пуришкевича,—говорит один из «ближайших» сотрудников В. Пуришкевича Н. О. Граф, — была первоначально: установление в стране твердой власти в целях победоносного окончания войны и, в дальнейшем, непременного восстановления в России монархии»...

«Владимир Пуришкевич, — показывает на следствии другой участник той же организации штабс-капитан А. Б. Душкин, — выступил с обстоятельной программой восстановления в России монархии. Он развивал ту мысль, что говорить в настоящее время о восстановлении монархии открыто не приходится. Слишком много еще противников монархии среди интеллигенции и широких слоев народа. Поэтому на время следует, не заикаясь пока о восстановлении монархии, мобилизовать все силы для сплочения государственных политических течений в одно русло, в целях борьбы с «анархией». Владимир Пуришкевич горячо отстаивал идею тесного сплочения и общности действий между всеми организациями, стремящимися к диктатуре, как то: монархисты, кадеты и организация Савинкова. Пуришкевич особенно настаивал на тесной связи с Савинковым и его единомышленниками и приверженцами, объясняя, что одни монархисты сами по себе слишком слабы, чтобы достичь успеха, и без правых социалистов-революционеров и савинковцев обречены на поражение»...

Октябрьская революция и установление Советской власти выбили почву из-под ног монархистов и расстроили их ряды. «Хорошо помню, что тотчас же после большевистского переворота 25 октября, — говорит в своем показании упомянутый уже штабс-капитан Душкин, — в организации Пуришкевича произошел сильный раскол. Часть организации, во главе с Шатиловым, куда примкнул и я, решила, что в Петро-

граде нам делать больше нечего и что деятельность надо перенести в другое место. Сам же Владимир Пуришкевич стоял за немедленное вооруженное выступление в самом Петрограде. Он убеждал всех, что именно в настоящий момент, когда власть Советов еще не окрепла, а власть Керенского и эсеров еще не сдалась окончательно, — необходимо немедленно выступить, чтобы захватить власть в свои руки и восстановить монархию. Для этого необходимо вмешаться в борьбу против большевиков, но при победе над ними не выпустить власть из своих рук в руки кого бы то ни было и дать после этого отпор всем претендентам на власть, будь то Керенский или кто-либо другой»...

На основании этой программы создается единый противобольшевистский фронт, начиная с черносотенцев и кончая «Комитетом Спасения Родины и Революции», руководимым А. Гоцем. 28 октября 1917 г. их объединенные силы выступили против Советской власти в Петрограде и захватили Инженерный замок, манеж и телефонную станцию. Это чрезвычайно важное обстоятельство — координацию действий и объединение сил черносотенцев и эсеров — пытался отрицать во время следствия В. М. Пуришкевич. Но оно установлено показаниями ряда лиц, участников выступления и вообще членов его организации. «Я знаю, что вследствие именно этих решений Пуришкевича, — показывает по этому поводу Душкин, — большая часть членов его организации принимала активное участие в захвате Комитетом Спасения Родины и Революции Михайловского манежа и телефонной станции», и что «всем распоряжался первоначально в училище Инженерного замка барон де Боде, но, когда туда въехал Комитет Спасения Родины и Революции, пришлось работать в согласии с ним и исполнять его распоряжения».

Выступление оказалось неудачным, но Пуришкевич, «при всей преступной неподвижности здешнего сознательного общества»... «...работает, не покладая рук, над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением»...

«Работе» этой, однако, скоро положен был конец арестом Пуришкевича и главарей его организации. Суду Петроградского Революционного Трибунала были преданы, кроме В. М. Пуришкевича, следующие лица: Н. Н. Боде, И. Д. Парфенов, Ф. В. Винберг, Н. О. Граф, П. Н. Попов, А. Б. Душкин, А. А. Кованько, Е. В. Зелинский, Н. И. Делль, Б. М. Муффель, Д. Г. Лейхтенбергский и С. А. Гескет. («Дело об участии Александра Арнольдовича Брудерера в юнкерском восстании постановлено выделить до привлечения к суду Революционного Трибунала остальных членов Комитета Спасения Родины и Революции, участников в юнкерском восстании...») Приговором Петроградского Революционного Трибунала от 3 января 1918 г. Пуришкевич присужден был к четырем годам принудительных общественных работ при тюрьме условно (после первого года работ, с зачетом предварительного заключения, Пуришкевичу предоставляется свобода и, если в течение первого года свободы не проявит активной контрреволюционной деятельности — он освобождается от дальнейшего наказания), остальные участники получили еще более мягкое наказание.

Документы заимствованы из хранящегося в Архиве Октябрьской Революции дела «О заговоре монархической организации Владимира Пуришкевича» (АОР, ф. 336, д. № 328, ч. I).

Ив. Тоболин.

1.

Генералу Каледину.

Петроград, 4 ноября 1917 года.

Положение Петрограда отчаянное, город отрезан от внешнего мира и весь во власти большевиков. Газет нет кроме большевистских, типографии захвачены, телеграф и телефон не работают, людей хватают на улицах, сбрасывают в Неву, топят и без суда заключают в тюрьмы. Даже Бурцев находится в Петропавловской крепости под суровым режимом.

Организация, во главе коей я стою, работает не покладая рук над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением. Спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков. Ударив ими и добившись первоначального успеха, можно будет затем получить и здешние воинские части, но сразу, без этого условия, ни на одного солдата здесь рассчитывать нельзя, ибо лучшие из них разрознены и терроризованы сволочью во всех решительно полках. Казаки же в значительной части распропагандированы благодаря странной политике Дутова, упустившего момент, когда решительными действиями можно было еще чего-нибудь добиться. Политика уговоров и увещаний дала свои плоды — все порядочное затравлено, загнано, и властвуют преступники и чернь, с которыми теперь нужно будет расправиться уже только публичными расстрелами и виселицей.

Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всеми наличными силами. Но для того нам нужно установить с вами связь и прежде всего узнать о следующем:

I. Известно ли вам, что от вашего имени всем офицерам, которые могли бы участвовать в предстоящей борьбе здесь, предлагается покинуть Петроград, с тем, якобы, чтобы к вам присоединиться.

II. Когда примерно можно будет рассчитывать на ваше приближение к Петрограду? Об этом было бы полезно нам знать заблаговременно, дабы сообразовать свои действия.

При всей преступной неподвижности здешнего сознательного общества, которое позволяет налагать себе на шею большевистское ярмо, при всей поразительной вялости значительной части офицерства, которое тяжело и трудно организовать, мы верим, что правда за нами, и мы одержим верх над порочными и темными силами, действуя во имя любви к родине и ради ее спасения; что бы ни случилось, мы не падем духом и останемся стойкими до конца.

Владимир Пуришкевич.
Барон *де Боде.*

2.

Владимир Митрофанович Пуришкевич, бывший член Государственной Думы, 47 лет, женат, имеет двоих сыновей, проживал на фронте, а в Петрограде по Шпалерной улице в д. 39, кв. 9, в настоящее время заключен в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

Письмо мое к генералу Каледину от 4 ноября я писал, имея в виду присоединиться к нему с несколькими моими единомышленниками в случае, если бы Каледин вступил со своим отрядом в Петроград. Я — по убеждениям монархист, но никакого заговора для восстановления монархии я не предпринимал, ибо не вижу в России в данный момент для этого никакой почвы. А подобного рода выступления повели бы теперь только к междоусобной войне. Цели же, преследовавшиеся мною и руководившие мною при попытке создать организацию из единомышленников, заключались единственно в том, чтобы добиться водворения в России твердой власти и порядка, чего не может быть при власти большевиков. Но власти Советов Раб. и Солд. Депутатов и Советских Комиссаров я не признаю, пока эта власть не будет утверждена Учредительным Собранием. Единомышленники мои, в части своей обезоруженные красногвардейцами, покупали оружие для себя в целях самоохраны. Автомобиль был куплен даже не на деньги организации, а для редакционных надобностей газеты «Народный Трибун». Куплен был через Боде за 8 500 рублей. Деньги были даны мною. Кроме того, мною было уплачено поручику [1]) Кожевникянцу за охрану типографии «Народного Трибуна» — Невский, 88 — четыре тысячи рублей. Но Кожевникянц меня надул, так как типография была самочинно захвачена неизвестными лицами. На покупку револьверов я выдал из средств нашей организации шесть тысяч пятьсот рублей барону Боде и пять тысяч рублей для той же цели ему же 3 ноября.

[1]) Ниже он назван штабс-капитаном (стр. 178).

Ротмистру Амброжанцеву я выдал десять тысяч рублей, кажется, для нужд контр-разведки, и выдал из средств организации. Из средств организации я передал прапорщику Деллю через капитана Кованько три тысячи рублей на покупку револьверов, но деньги эти были Деллем растрачены. За номера в гостинице «Россия», снятые для моих единомышленников, было заплачено из средств организации 1 350 рублей. Единомышленники мои вынуждены были жить по гостиницам в виду самочинных обысков у них на квартирах. Поэтому жили там и Гескет и юнкер герцог Лейхтенбергский, барон де Боде, О. Н. Граф, Михаил Пуришкевич с женою и Зелинский. Всего в организации было тысяч пятьдесят рублей. Где находятся эти деньги, я не скажу, тем более, что большая часть их израсходована. Кем были даны эти деньги, я тоже не могу сообщить. Пишущая машинка, множительный аппарат, ротатор, принадлежавшие ранее организации Михаила Архангела, укрывались мною, в виду постоянных обысков, и в последнее время хранились на квартире Ивана Дмитриевича Парфенова, причем работала только одна машинка, на которой и было написано письмо мое к Каледину. Шевченко старался втереться в нашу организацию, но на меня производил крайне неприятное впечатление. Я его видел всего два раза. Собиралось два раза собрание группы единомышленников. Первый раз человек шесть, а второй раз десять или одиннадцать. Единственною целью собраний было изыскание способов оградить себя от самочинных арестов и обысков. Собирались частным образом оба раза: раз за обедом у Ив. Дм. Парфенова, а другой раз в гостинице «Россия». Шатилов — приятель Василия Дми-триевича Парфенова, капитана л.-гв. Измайловского полка, — приходил вместе с ним на квартиру к Ивану Дмитриевичу, но на заседаниях наших участия не принимал. И сам Иван Дмитриевич, присутствуя на наших заседаниях, участия в них не принимал. Амброжанцев бывал у Шатилова, но 10 000 рублей он получил от меня не на заседании организации нашей, а на квартире Ивана Дмитриевича, в присутствии нескольких лиц. Был ли при этом Василий Дмитриевич Парфенов, не помню. Юнкера, которые были в нашей организации в распоряжении Боде, были двинуты для занятия телефонной станции, Михайловского манежа и Инженерного замка, вопреки распоряжению моему и Боде и подчиняясь только провокационным приказаниям полковника Полковникова и Комитета Спасения Родины и Революции, с коими я лично не имел никаких сношений. К Ивану Дмитриевичу Парфенову я заходил только как знакомый и кое-когда встречал там своих единомышленников. Каким образом достал я два паспорта для себя на фамилию Евреинова, я не скажу. Поручений убить Ленина и Троцкого я никому никогда не давал. Амброжанцев получил 10 000 рублей не в квартире Ивана Дмитриевича, а в другом месте, которое назвать не могу, но получил при свидетелях.

Показание своё я прочел и считаю, что все изложенное соответствует действительности.

Владимир Пуришкевич.

27/XI—17 г. Петроград.
Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

Показание снимал подпоручик

Тарасов-Родионов.

3.

Николай Николаевич барон де Боде, шт.-ротмистр л.-гв. Гродненского полка, служивший в драгунском Псковском полку и прикомандированный к управлению военно-воздушного флота в школьное отделение, 21 года, холост, проживавший на Надеждинской ул., д. 18, и в гост. «Россия» — Мойка, 60, содержащийся в Петропавловской крепости, в Трубецком бастионе.

Письмо, адресованное к генералу Каледину от 4 ноября 1917 года и подписанное Вл. Пуришкевичем и мною найденное на квартире И. Д. Парфенова (Николаевская, 7), служит единственною уликою по обвинению меня в соучастии в заговоре Пуришкевича.

Заявляю, что в заговоре я никакого участия не принимал, а лишь стремился к водворению порядка в стране. Письмо это я подписал, не читая. Я зашел к Парфенову и даже не раздевался, когда он просил меня подписать это письмо по просьбе Влад. Митр. Пуришкевича. Я взял и подписал его, не читая, и, вернув на стол Ивана Дмитриевича Парфенова, тотчас же ушел. Это было 4 ноября, за час-за полтора до моего ареста. На собрании одном я был, где оно было я не скажу. Там были Амброжанцев, Владимир Пуришкевич, капитан Кованько и я. Кто были другие, я не скажу, да притом многих из них я не знаю. Банка с цианистым калием, найденная в квартире моей при обыске, принадлежала мне, и я употреблять этот яд хотел для охоты, для мышей и пр. Прапорщика Зелинского никогда на квартире моей не было, и откуда он мог знать про эту банку, я понятия не имею. Но банку эту с ядом я никуда из квартиры своей не носил и не брал. Был у меня в ампулках и ... [1]) но, кажется, я его выкинул. Кроме того у меня был в ампулках морфий. Оружие, найденное у меня и товарищей моих при обыске в гостинице «Россия», было куплено на средства, полученные от Влад. Митр. Пуришкевича, и предназначалось это оружие для нашей организации на случай самозащиты. Пулемет был куплен мною тоже для этой цели на Александровском рынке за три тысячи рублей. Вообще я получил от Владимира Митрофановича Пуришкевича на оружие шесть с половиной тысяч рублей, на покупку автомобиля восемь с половиной тысяч рублей и еще на одно поручение (на покупку оружия) пять тысяч рублей. Последняя получка была 3 ноября. Куда и через кого еще производились расходы Владимиром Митрофановичем, я сказать не могу, да и не знаю. Где находится сейчас эта машина, которую я купил для себя за 8 500 рублей, я не знаю. Отвечать на вопросы, кто ездил со мной на машине, куда и зачем, я категорически отказываюсь. Прапорщика Деля я видел лишь раз и знаю его больше с чужих слов. О роли Кованько в организации я не знаю. К Василию Дмитриевичу Парфенову, капитану л.-гв. Измайловского полка, я часто ходил в гости. С Шатиловым я тоже вел только простое знакомство. С поручиком Хрисосколео я никогда не был знаком и совершенно его не знаю. У поручика Мрачковского я был один раз с визитом. И он был у меня один раз. Прапорщика Остроумова я знаю хорошо, но политических дел с ним не вел. В политической организации Пуришкевича я участвовал лишь не более как две недели до моего ареста и подробностей ее я не знаю. Корнет Казанский — мой личный знакомый, который у меня жил; ротмистра Стукалцева я совершенно не знаю. С Кожевникянцем я виделся несколько раз, но не хочу себя считать с ним знакомым, потому что считаю его темной личностью, который стремится только за деньгами. Познакомился я с ним у Парфенова на квартире и знаю, что он караулил типографию «Народный Трибун», за что ему было уплочено четыре тысячи рублей. Однажды Кожевникянц пришел ко мне и предложил мне сформировать в мое распоряжение отряд для контрреволюционных целей и просил дать ему поручения на получение денег с богачей или разгон и уничтожение какого-нибудь совета или комитета. Я от этого предложения отказался, считая Кожевникянца человеком непорядочным. Книжка, найденная на квартире И. Д. Парфенова с перечнем фамилий, принадлежит мне и писана моею рукою и представляет собою перечень моих знакомых. Тут есть юнкера, офицеры и штатские. Бланки незаполненных удостоверений от различных воинских частей были сфабрикованы при моем участии. Печать и подписи на них подложны и сделаны мною. Сделано это было, чтобы раздавать их юнкерам, желающим уехать. Юнкеров у меня было много знакомых, потому что я участвовал в событиях 29 октября. В Инженерном замке у меня очень много знакомых офицеров и юнкеров. Штаб-ротмистр Червинский — мой товарищ по училищу и мой

[1]) Одно слово неразобрано.

старый и хороший знакомый, был начальником штаба Керенского, когда тот шел из ставки в Петроград и занял Царское Село. Он тайно пробрался в Петроград, когда отряд Керенского был разбит под Пулковым, и посетил меня. Он передал мне подробности настроения в штабе Керенского. Растерянность царила полная. Строились фантастические планы о передвижении корпусов. Каждый распоряжался, как умел и как хотел. Узнав о том, что поддержки на самом деле никакой нет и ожидать нельзя, и возмущенный общей дезорганизацией, Червинский стал ругаться, и его прогнали, потому что сам Керенский и лица, его окружавшие, не желали прекратить гражданскую войну, ожидая подкреплений. В Инженерный замок я пошел накануне восстания юнкеров, чтобы узнать о настроении. Там решено было первоначально сидеть в замке спокойно и охранять замок, затем туда прибыл Комитет Спасения Родины и Революции, с полковником Полковниковым во главе, и открыл там заседание в Георгиевском зале. На заседании этом свободно присутствовали офицеры и юнкера. По крайней мере, туда свободно входили и выходили. Приказано было всем юнкерам быть в полной боевой готовности, даже спать в шинелях, были розданы патроны, но не всем. Часть патронов хранилась в караульном помещении. Утром 29-го я пришел в училище справиться, в каком положении дело, так как слышал стрельбу. Мне сказали, что утром заняты юнкерами, по приказанию полковника Полковникова, Михайловский манеж с броневыми автомобилями в 6 часов утра и телефонная станция в 8 часов утра. Броневики из манежа были переведены в Инженерный замок, который служил штаб-квартирой и главным опорным пунктом Полковникова и Комитета Спасения. При мне пришло телефонное сообщение с телефонной станции, что нужна там экстренная помощь и поддержка. После этого я немедленно отправился на телефонную станцию узнать положение вещей. Я увидел, что положение, действительно, было критическим. Советскими войсками была уже занята «Астория» и Мариинская площадь, и Красная Гвардия двигалась по Гоголевской в направлении к Невскому, окружая телефонную станцию. Внутри станции я нашел трех раненых и одного убитого юнкера и капитана Михальчука, который там [1]) командовал там юнкерами. Был и другой офицер, кажется, Горчаков, но наверняка я не знаю. Михальчук просил меня немедленно дать знать в замок и просить помощь. Я немедленно отправился обратно в замок, где подробно доложил о положении нашем на телефонной станции. Но Полковников ответил на это, что «нужно ликвидировать замок и расходиться, кто куда может». И, действительно, после этого полковник Полковников внезапно скрылся, бросив все училище на произвол судьбы, не дав никаких приказаний о сдаче или отступлении. В Комитете Спасения был еще какой-то штатский брюнет, в сером пальто и в серой мятой шляпе с опущенными полями. Был также там поручик или подпоручик с черными усами, среднего роста, плотный — пулеметчик в стрелковой форме. Эти лица энергично распоряжались именем Комитета Спасения. Еще в двадцатых числах октября, до переворота, одна фронтовая политическая организация приглашала меня работать в ее среде, и полковник Горчаков, как мне помнится (или вроде этого), предлагал мне выполнить взрывы или порчу трех телефонных будок в районе Семеновской, Бассейной и Смольного. Но я от этого поручения отказался.

Карточки особ царствующего в Германии дома Гогенцоллернов принадлежат моему отцу, получившему их в подарок во время пребывания в Германии с депутацией от л.-гв. Петроградского полка в день 25-летия шефства императора Вильгельма II.

Показание свое прочел и считаю, что все сказанное в нем вполне исчерпывает мое причастие к делу.

26 ноября 1917 года. Барон *де Боде.*

Показание снимал подпоручик *Тарасов-Родионов.*

---

[1]) Так в подлиннике.

4.

Николай Освальдович Граф, гусар из вольноопределяющихся 8-го маршевого эскадрона гв. полка, оф. кавалер. школы, 27 лет, холост, проживал в Петрограде на Невском пр., 102, кв. 32, а затем в гостинице «Россия» — Мойка, 60, содержится в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

Я был председателем академического союза студентов Петроградского университета с 1912 по 1914 год, а с Владимиром Митрофановичем Пуришкевичем я знаком близко с 1910 года. Я по убеждению — монархист. Сошелся я с Пуришкевичем, встречаясь с ним в обществе «Русское Собрание». Я виделся с ним на докладах его, и он раза 2—3 был на заседаниях нашего студенческого академического союза. В феврале 1917 года я был уволен с военной службы в отпуск по болезни. С Пуришкевичем я изредка встречался, ценя его хорошее к себе отношение. Летом 1916 года Владимир Пуришкевич организовал общество «Государственная Карта», в каковом обществе я состоял около одного месяца секретарем. В первых числах октября сего года я снова встретился с Пуришкевичем, и как монархист и единомышленник его я тотчас же вступил в его организацию, хотя фактически организация эта ничем не успела себя проявить, кроме разговоров. Я часто бывал на квартире Ивана Дмитриевича Парфенова (Николаевская, 7), где встречался, между прочим, с многими единомышленниками Владимира Пуришкевича, которые бывали у Ивана Дмитриевича как его гости и знакомые. Таким образом я познакомился там с бароном де Боде, капитаном Ковалько, поручиком Кожевникянцом, герцогом Лейхтенбергским, студентом Гескетом, которого видал у Парфенова раза два, видал там также Михаила Митрофановича, одного морского инженера, фамилию которого не знаю, и много других, фамилий которых не знаю. Видал там шт.-ротмистра Алдатова, с которым я познакомился еще в мае месяце сего года. Я знаю, что Алдатов наш единомышленник, но я всего ближе стоял к самому Владимиру Митрофановичу Пуришкевичу, так что многие называли меня его адъютантом. Кроме явно монархической организации В. М. Пуришкевича, по слухам, существовало еще много организаций тайного контрреволюционного характера, как, например, «Республиканский Центр», вступить в который мне предлагал один офицер 10 драгунского Новгородского полка, поручик или штаб-ротмистр, фамилии которого я не помню или, точнее, не знаю. Он говорил, что в организации «Республиканский Центр» принимают идейное участие Милюков и Родичев. Но я, как черносотенец, отказался от работы в этой организации, так как считаю кадетов самой вредной партией. Но входила ли наша организация в общение с другими контрреволюционными организациями, мне неизвестно. Цель нашей организации, группировавшейся вокруг Владимира Митрофановича Пуришкевича, была первоначально: установление в стране твердой власти в целях победоносного окончания войны и, в дальнейшем, непременного восстановления в России монархии. Претендента на престол пока не намечалось, но, во всяком случае, о возвращении на престол Николая II не могло быть и речи. В отдельных частных разговорах в качестве кандидатов на российский престол назывались имена великих князей, Михаила Александровича, Дмитрия Павловича и Николая Николаевича. Я слышал, что некоторые из московских монархистов кандидатом на престол намечали Александра Дмитриевича Самарина как председателя объединенного российского дворянства и популярного человека в Москве. Когда он был уволен из обер-прокуроров синода, ему были поднесены образ и адрес московской городской думой, состоящей, в подавляющем большинстве, из кадетов. Из лиц, бывавших у И. Д. Парфенова и в других местах и вполне разделяющих мои политические убеждения, я знаю капитана Шатилова, капитана Ковалько, ба-

рона де Боде, Михаила Пуришкевича, Владимира Пуришкевича. Все они — убежденнейшие монархисты и мои единомышленники. С герцогом Лейхтенбергским, Иваном Дмитриевичем Парфеновым и шт.-ротмистром Алдатовым я подробно о политических убеждениях не беседовал, как и с Михаилом Пуришкевичем, но полагаю, что они — наши единомышленники. Из старых деятелей черной сотни я знал: Маркова 2-го, Замысловского, Злотникова, Орлова и других, с которыми в своей деятельности я соприкасался. Полковника Николая Александровича Гончарова я встречал раза два в «Русском Собрании» в 1914 году и после этого с ним не встречался. Я слыхал, что генерал Гурко — убежденный монархист, но с ним не встречался. Монархии, которую желают провести в жизнь кадеты, я не сочувствую, потому что при этой монархии император будет только царствовать, но не управлять, к чему кадетская партия усиленно стремится, но что я считаю безусловно вредным для России. Прапорщика Остроумова я встречал как знакомого у И. Д. Парфенова. Фамилии Шевченко и Делля я слыхал; Шевченко — как знакомого Кованько, а про Делля, что он взял сумму из организации нашей на покупку револьверов и деньги эти все растратил. Револьверы скупались членами нашей организации на всякий случай. Откуда наша организация доставала денежные средства и кто был казначеем, мне неизвестно. Пуришкевич однажды дал мне 500 рублей на оборудование. Жил я на свои средства, которые получал от отца. При обыске в гостинице «Россия» я решил скрыться и спрятался под лестницей в подвале.

Показание свое я прочел и, что все сказанное мною здесь есть мое исчерпывающее по настоящему делу показание, подтверждаю своей подписью.

Николай Освальдович Граф.

Ноября 28 дня 1917 года.

Показание снимал подпоручик
Тарасов-Родионов.

5.

Дмитрий Георгиевич герцог Лейхтенбергский, 19 лет, юнкер Николаевского инженерного училища, холост, проживал в Петрограде по Английской набережной, № 22, затем проживал в «Северной гостинице» и в гостинице «Россия» — Мойка, 60, содержится в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

Я с бароном де Боде знаком давно, но близко познакомился с ним с весны текущего года. Осенью я раз пять бывал у него на квартире (Надеждинская, 18). Как юнкер Инженерного училища я находился в Инженерном замке и не выходил из училища домой в отпуск числа с 24—25 октября, 27 октября я был дневальным по кухне. В этот день или накануне, точно не помню, у нас в училище было общее собрание, на котором было объявлено, что Комитет Спасения Родины и Революции, находившийся в центральной городской думе, просит прислать к себе представителей от нашего училища для совместного обсуждения политического положения. На собрании нашем, кроме всех юнкеров, присутствовали все офицеры и все солдаты училища. Заявление о Комитете Спасения Родины и Революции сделал юнкер Лебедев, состоящий председателем училищного комитета. Собрание выбрало и послало в Комитет Спасения двух представителей, если не ошибаюсь — юнкера Смоленского, второго не помню кого, кажется — из чертежников. После этого собрания я отправился исполнять свои служебные обязанности дневального, а когда вечером поднялся из кухни в помещение роты, то от своих товарищей узнал, что Комитет Спасения в полном своем составе, во главе с полковником Полковниковым, переехал к нам в училище, в Инженерный замок. Заседание этого Комитета Спасения, как мне передавали тут же товарищи юнкера, происходило в продолжение всей ночи. Нам, юнкерам, было приказано лечь спать одетыми в шинели и винтовки поставить у постелей.

В 4 часа ночи нас внезапно разбудили и подняли. Нам выдали патроны, выстроили, и полковник Муффель от имени Комитета Спасения обратился к нам с речью. Возле Муффеля было два наших училищных офицера: капитан Комаров, другого не помню, кажется, поручик Кожевников, и еще третий офицер, которого я видел первый раз. Офицер этот, насколько я помню, — штабс-капитан, среднего роста или несколько выше среднего, коренастый, с довольно большими усами, кажется, в кожаной куртке, кажется, с автомобильными погонами. Муффель объявил, что войска Керенского ожидаются в городе к 11 часам утра и что юнкерам, в ожидании подхода этих войск Керенского, Комитетом Спасения Родины и Революции поручается поддержать в городе порядок, и для этой цели надлежит занять Михайловский манеж и телефонную станцию. Второй взвод первой роты, в котором я состою, пополненный несколькими рядами из первого взвода, получил предписание немедленно занять Михайловский манеж. И Муффель объявил, что юнкера, которые по политическим убеждениям считают для себя невозможным исполнить это поручение, могут остаться, но никого, кроме одного, желающего остаться, не нашлось. Наш отряд, к которому был добавлен взвод второй роты, был введен в помещение второй роты, где весь отряд был построен по общему ранжиру. После этого вышеупомянутый неизвестный офицер штабс-капитан произнес перед нами речь, в которой призывал нас от имени Комитета Спасения Родины и Революции взять Михайловский манеж. Он сказал, что он член Комитета Спасения. Затем в нашем отряде распоряжался офицер нашего училища капитан Чижиков, был, кажется, Комаров, других не помню. В нашем отряде были затем распределены роли, кому остаться у входа в манеж в карауле, кому производить аресты, кому конвоировать. Я был назначен в конвой. Нас вывели затем во двор. Здесь к нам присоединилось человек пять совершенно незнакомых офицеров и, кроме того, в приемной комнате я видел человек двадцать незнакомых офицеров и между ними немного штатских. Одного я запомнил. Он был среднего роста, с усами, без бороды, в сером пальто и серой кепке. Он громко о чем-то говорил, и его слушали. Со двора мы вышли в сопровождении своих и пяти посторонних офицеров. Караул солдат у Михайловского манежа моментально сдался без сопротивления, в виду нашего численного превосходства. Их было трое, а нас семьдесят человек, не считая офицеров. Затем вошли внутрь манежа, где наполовину спавший караул из 6—7 человек тоже сдался, и после этого я остался при арестованных солдатах, а остальные направились арестовывать караульное помещение, в канцелярию, помещение команд и т. д. Мне передавали, что один из солдат или матрос не хотел сразу сдаваться и не отдавал револьвера. Всего было арестовано человек 15—20, которых мы отвели в Инженерный замок. Затем я вернулся в манеж обратно. Арестованных я сдал у ворот дежурному офицеру, караулившему у ворот, поручику Кутыреву, и отвел их в помещение. В манеже в это время осматривали броневики, причем лишь пять машин было найдено в порядке, каковые и решено было немедленно отправить в Инженерный замок, что и было исполнено. Я был посажен на броневик «Ахтырец», в который, кроме меня, село двое шоферов, один юнкер, Топорков, и двое офицеров, совершенно незнакомых. Потом к нам присоединился еще один офицер, тоже неизвестный. Когда приехали в Инженерный замок, нас направили занять телефонную станцию. Был отправлен отряд, ходивший занимать Михайловский манеж, но несколько усиленный и с гораздо большим числом офицеров, мне неизвестных. Прикрытием этому отряду был дан броневик «Ахтырец», на котором я поехал. Тут же со мной был и юнкер Топорков. Как занимали станцию, я не видал, так как был в броневике, а когда станция была взята нами и броневик стал возле ее ворот, я вышел из броневика, но от него не отходил. Это было около 7 часов утра. Так продолжалось до часу дня. В это

время нами останавливались (не мною) проезжавшие мимо автомобили и некоторые лица арестовывались и отводились на телефонную станцию. Несколько красногвардейцев стреляли в юнкеров с Гороховой, но никого не ранили. Когда же выстрелили в них юнкера, то двое было ранено. Их отвезли в какой-то лазарет. Нашим броневиком дважды был сделан небольшой объезд. Вскоре нас сменил другой броневик, и мы вернулись на броневике «Ахтырец» в Инженерный замок. Вместе с нами в броневике приехал в Инженерный замок штабс-капитан Кожевникянц, черненький, маленький офицер, влезший к нам в броневик у телефонной станции. Фамилию его я узнал позже на Николаевской, 7, у И. Д. Парфенова. В Инженерном замке я тут же у броневика позавтракал. После этого наш броневик и еще другой были отправлены в Константиновское артиллерийское училище за орудиями. В нашем автомобиле поехал и Кожевникянц, но автомобиль испортился на полдороге, и мы вернулись в замок, где уже чувствовалось настроение переполоха. Я сильно устал и лег спать, но около 5 часов вечера был разбужен юнкерами, которые передали мне, что Комитет Спасения исчез, спасаясь бегством и оставив нас, юнкеров, на произвол судьбы. Тогда капитан Ульянов посоветовал нам, не теряя времени, уходить из училища. Я ушел, переночевал у одного юнкера. Когда я уходил из училища, то возле него на мосту какие-то неизвестные, видя, что мы юнкера, говорили нам, что Комитет Спасения помещается на Фонтанке, д. № 6. На следующий день я встретил Боде и сказал ему, что не хочу итти домой, опасаясь, что юнкеров ищут по квартирам. Он предложил мне остановиться у него. В эту ночь я ночевал у него в «Северной гостинице», а на следующий вечер пошел к И. Д. Парфенову, у которого был с Боде накануне, и у Парфенова переночевал. На следующий день я вместе с Боде переселился в гостиницу «Россия».

С Пуришкевичем я познакомился у Парфенова в первое мое посещение этой квартиры. Помню, что я был вместе с Боде в номере Владимира Пуришкевича в «Северной гостинице» два вечера под ряд, где мы пили чай. Первый раз я видел здесь только Михаила Митрофановича, а второй раз, кроме того, и его жену. На Николаевской ул., д. 7, у Ив. Дм. Парфенова я обедал ежедневно около 5 ч. вечера и просиживал у него вечера, после чего возвращался в гостиницу. Здесь я встречал: братьев Пуришкевичей, барона Боде, два раза прапорщика Остроумова, капитана Кованько, один раз капитана Кожевникянца, Зелинского, студента Гескета, жену М. М. Пуришкевича. Знаю, что по делам к Ивану Дмитриевичу приходили еще несколько человек и проходили к нему в кабинет, но я, оставаясь в столовой, их не видал. Видал еще там Графа. Фамилию Шатилова я слышал в разговоре на квартире Парфенова. Я видел, как к барону Боде в номер приносили револьверы, видел также у него пулемет и спросил его, для чего ему все это оружие, но он мне ответил, что «так мне нравится», и больше ничего не говорил. Никаких других сведений об организации Пуришкевича я не имею. Каким образом я оказался записанным в число участников организации Пуришкевича в книгу, которую вел барон Боде, я совершенно не знаю, так как вообще о существовании этой организации ничего не знал. Я состою в очень отдаленном родстве бывшему царствовавшему в России дому, так как бабушка моего отца — дочь Николая I. Кроме того, мы в очень отдаленном родстве с Баварским царствующим домом. У нас в Баварии есть замок, в котором до войны мы жили лет девять. Это верстах в 40 от Зальцбурга и называется замок «Сеон». Мой отец — полковник русской службы. В эту войну он был сначала в Красном Кресте, а затем при штабе Брусилова офицером для поручений, но в мае месяце по телеграмме Гучкова был уволен. Больших денежных средств мы не имеем.

Показание свое я прочел и действительность всего сказанного здесь подтверждаю своей подписью.

Дмитрий Георгиевич Лейхтенбергский.

29/XI 1917 г.

6.

Арсений Борисович Душкин, шт.-бкапитан лейб-гвардии Измайловского полка, прикомандированный ко 2-му гвард. авиационному отряду, 25 лет, женат, квартировавший в Петрограде, Измайловский пер., д. 2, кв. 29.

Я только что приехал из Пскова. 8 сего декабря, где живет моя жена. Меня арестовали на квартире капитана Шатилова, который мне знаком как сослуживец и товарищ по полку. Я жил у Шатилова с неделю, до 29 октября, а оттуда уехал к жене в Псков; до этого я жил у другого своего сослуживца, Василия Дмитриевича Парфенова, на Невском пр., д. 156, кв. 9, но скоро от него съехал, так как к нему приходило очень много народу. Я при этих свиданиях Парфенова с посетителями не присутствовал и их не знаю. Парфенов был очень конспиративен и говорил с посетителями с глазу на глаз. Кажется, однажды я видел у него Владимира Пуришкевича. У брата В. Д. Парфенова, Иван Дмитриевича Парфенова, на Николаевской ул., д. 7, я был всего раз, не раздеваясь. Ни на каком собрании не присутствовал. Бывал в этом же доме у матери Парфеновых, где часто встречал своего сослуживца, капитана Кованько. Со мной приходили кап. Шатилов и Вас. Дм. Парфенов. Беседы носили чисто семейный, частный характер и не были политическими заседаниями. Как-то в первых числах октября я присутствовал на большом политическом заседании или, вернее, собрании у полковника В. Ф. Винберга (Кузнечный пер., 2). На собрании этом были кроме меня сам Винберг, Шатилов, братья Парфеновы, Кованько, Владимир Пуришкевич. Кроме того, там было очень много народу, но знакомых не было. Собрание носило политический характер, так как многие из присутствующих выступали подчас с очень резкими или, вернее, экспансивными речами. Многие ораторы развивали свои программы спасения России. Как человек, плохо разбирающийся в политике, я не смогу точно передать содержание и характер этих речей. Помню только, что Владимир Пуришкевич выступил с обстоятельной программой восстановления в России монархии. Он развивал ту мысль, что говорить в настоящее время о восстановлении монархии открыто не приходится. Слишком много еще противников монархии среди интеллигенции и широких слоев народа. Поэтому на время следует, не заикаясь пока о восстановлении монархии, мобилизовать все силы для сплочения государственных политических течений в одно русло в целях борьбы с «анархией». Владимир Пуришкевич горячо отстаивал идею тесного сплочения и общности действий между всеми организациями, стремящимися к диктатуре, как то: монархисты, кадеты и организация Савинкова. Пуришкевич особенно настаивал на тесной связи с Савинковым и его единомышленниками и приверженцами, объясняя, что одни монархисты сами по себе слишком слабы, чтобы достичь успеха, и без правых социалистов-революционеров и савинковцев обречены на поражение. Я ушел с этого собрания довольно рано, но от других слышал, что собрание приняло предложение Пуришкевича и выбрало комиссию по объединению всех политических партий, борющихся за установление диктатуры. Когда я жил у Шатилова, то замечал, что к нему тоже очень много ходит разных посетителей, с которыми он конспиративно совещался. Посетители эти были мне незнакомы. Из знакомых, ходивших сюда, я могу назвать: В. Д. Парфенова, Н. Н. Боде, которого я видел раза два, и Владимира Пуришкевича, который ходил сюда очень часто, а одно время, кажется, даже жил на квартире Шатилова (Фурштадтская, 23, кв. 6). Мне приходилось оказывать барону Боде небольшие услуги. Так как я хорошо управляю автомобилем, то я ездил неоднократно в качестве шофера на автомобиле, бывшем в распоряжении Боде, возя по делам его, Боде, и его знакомых, мне неизвестных. Однажды, таким образом, я ездил в имение д-ра Всеволожского по Ириновской жел. дороге, где было какое-то совещание, на котором я не присутствовал, но ви-

дел одного офицера Гренадерского полка и несколько штатских. Возможно, что это был д-р Пассек. Раз, кажется, заходил к Шатилову ротмистр Амброжанцев. 28 октября я случайно зашел на квартиру Ивана Дмитриевича Парфенова и застал там барона Боде, Ивана Дм. Парфенова, неизвестного офицера 2-й гвард. дивизии и еще офицера, но без погон, в синем кителе с аксельбантами белыми. Этот последний рассказывал подробности, как участник событий, подробности взятия юнкерами Михайловского манежа и телефонной станции и подробности ликвидации юнкерского восстания и бегства полковника Полковникова из Инженерного замка совместно с Комитетом Спасения Родины и Революции. Я помню, что я еще заметил: «Охота вам поддерживать этот Комитет Спасения, стоящий за Керенского». На это мне ответили, что я в политике ничего не понимаю. Я обиделся и ушел. Я уехал на следующий день, 29 октября, из Петрограда на автомобиле Студебекер, принадлежащем В. Д. Парфенову. Поехал я через Гатчину. Там меня остановил один офицер ударного батальона с четырьмя солдатами, который несколько задержал меня и, указав вперед на видневшийся по дороге уезжавший автомобиль, сказал: «Это уехал бывший главнокомандующий и министр-председатель Керенский». Это было уже по выезде из Гатчины, в предместьи. В Гатчине в это время была слышна стрельба. По дороге из Гатчины я несколько раз догонял автомобиль Керенского, но оттуда при приближении моем выставлялась винтовка, что заставляло меня держаться более далекого расстояния. За Лугой мой автомобиль сломался, и я выпустил автомобиль Керенского из виду. Автомобиль я просил отправить в имение моих родителей «Залозы» в 12 верстах от ст. Плюсса и в 15 верстах от ст. «Струги Белые» Варшавской жел. дороги.

Я не скрываю, что я, равно как и товарищи мои, капитан Шатилов и В. Д. Парфенов, состоял членом монархической организации Владимира Пуришкевича. Но я был рядовым членом и исполнял мелкие услуги, что видно из настоящего показания моего. На собрании у Винберга были кроме вышеперечисленных лиц еще, кажется, ротмистр Амброжанцев и генералы Аничков и Иванов. До этого собрания было предварительное собрание на квартире Ивана Дмитриевича Парфенова, где было 5—6 человек, в том числе братья Парфеновы, Владимир Пуришкевич и еще кто-то. Я на этом заседании не был, но знаю от Шатилова, который там был, что решено было созвать более многочисленное собрание, для чего каждый должен был привести с собою 5—6 знакомых единомышленников.

Вот это второе собрание и состоялось у Винберга. На собрании этом был, помню, и генерал Сербинович, которого Шатилов характеризовал мне глупым человеком. После этого собрания было еще несколько собраний нашей организации, главным образом у Шатилова, но на собраниях этих я не присутствовал. Знаю только от участников этих заседаний, что соглашение налаживается и что организация Пуришкевича возглавляется теперь штабом, членами которого состояли, кроме самого Владимира Пуришкевича: барон де Боде, капитан Шатилов, Василий Дмитриевич Парфенов, какой-то генерал и еще кто-то, но кто, я не знаю. Ротмистр Амброжанцев, кажется, в состав штаба не входил, но я знаю, что ему были даны организацией 10 000 рублей для какой-то неизвестной цели перед его поездкой на юг, — кажется, в Киев. Помню, что Кожевникянца я встречал, кажется, у И. Д. Парфенова и один раз у Вас. Дмитр. Парфенова. Я слышал от Б. Б. Глинского, что Кожевникянц состоит начальником отряда телохранителей Керенского и обязан защищать Зимний дворец. Разговор этот был 23 октября на квартире покойного Глинского, у которого я был вместе с Шатиловым.

Хорошо помню, что тотчас же после большевистского переворота 25 октября в организации Пуришкевича произошел сильный раскол. Часть организации, во главе с Шатиловым, куда примкнул и я, решила, что в Петрограде нам делать больше нечего и что

деятельность надо перенести в другое место. Сам же Владимир Пуришкевич стоял за немедленное вооруженное выступление в самом Петрограде. Он убеждал всех, что именно в настоящий момент, когда власть Советов еще не окрепла, а власть Керенского и эсеров еще не сдалась окончательно, необходимо немедленно выступить, чтобы захватить власть в свои руки и восстановить монархию. Для этого необходимо вмешаться в борьбу против большевиков, но при победе над ними не выпустить власть из своих рук в руки кого бы то ни было и дать после этого отпор всем претендентам на власть, будь то Керенский или кто-либо другой. Я знаю, что вследствие именно этих решений Пуришкевича большая часть членов его организации принимала активное участие в захвате Комитетом Спасения Родины и Революции Михайловского манежа и телефонной станции. В организации Пуришкевича состояло очень много юнкеров, но схема организации была масонского образца, пятками, так что члены разных пятков не знали друг друга. Но в каждом юнкерском училище было лицо, которое объединяло все пятки. Весьма возможно, что члены этих пятков, слепо подчиняясь распоряжениям штаба нашей организации, сами и не предполагали об этом и не знали истинных целей нашей организации. Насколько мне известно, между членами штаба нашей организации роли были распределены так, что каждый заведывал отдельным отделом. Так, Василий Дмитриевич Парфенов заведывал доставкой оружия, Шатилов был кем-то вроде начальника штаба Пуришкевича, барон де Боде был ближайшим помощником Пуришкевича и заведывал связью, вроде автомобильной организации и т. п. Я помню, как Боде 28 октября вечером рассказывал в квартире И. Д. Парфенова все подробности восстания юнкеров и захвата ими Михайловского манежа и телефонной станции и говорил, что всем распоряжался первоначально в училище Инженерного замка он, барон де Боде, но, когда туда въехал Комитет Спасения Родины и Революции, пришлось работать в согласии с ним и исполнять его распоряжения, так как поступать иначе по условиям момента не представлялось возможным. Боде просил меня отправиться в Инженерный замок и вывести оттуда брошенный броневик «Ахтырец», но я от этого поручения отказалзался.

Показание свое прочел шт.-кап. *Душкин.*

10 декабря 1917 года.

7.

Федор Викторович Винберг, полковник, состоящий в резерве штаба Петроградского военного округа, 47 лет, женат, проживал в собств. доме по Кузнечному пер., д. 2, в Петрограде.

Я состоял членом обществ: «Русского Собрания», «Палаты Михаила Архангела» и «Филаретовского Общества», — я считаю, что и по сие время состою членом названных обществ, а кроме того, я состою членом совета и одним из учредителей «Центрального союза домовых комитетов», организовавшегося месяца два тому назад по инициативе Алексея Алексеевича Суворина, редактора газеты «Новая Русь». Кроме того, состою председателем офицерского союза «Воинского долга».

С Владимиром Митрофановичем Пуришкевичем я знаком давно и очень его уважаю. С Иваном Дмитриевичем Парфеновым познакомился в сентябре сего года через Пуришкевича, к которому однажды зашел на квартиру Парфенов. На квартире этой однажды нас собралось случайно знакомых Пуришкевича человек 6—7. Мы поговорили на политические темы и решили вторично собраться в большем числе у меня на квартире. Условились, что каждый приведет с собою человек 5—6 знакомых единомышленников. Это второе собрание происходило в квартире моей в первых числах октября месяца сего года. Присутствовали: Владимир Пуришкевич, генералы Аничков Дмитрий Иванович и Иванов Николай Иудович, братья Парфеновы, Иван и Василий Дмитриевичи, капитаны: Шатилов, Душкин и Ковалько, ротмистр

Амброжанцев, прапорщик Остроумов, шт.-ротмистр барон де Боде, доктор Василий Павлович Всеволожский и много других лиц, фамилий которых я не помню. Вообще в этот вечер у меня было много незнакомых, так как я отдал квартиру в распоряжение Владимира Пуришкевича. Помню, что был генерал Сербинович. Был ли ротмистр фон Руммель, я не помню. Что касается до моего старого друга и товарища по полку Павла Петровича Шкота, то ясно помню, что его не было.

Темой дебатов этого собрания было политическое положение родины. Возмущались политикой правительства, говорили о спасении страны. Пуришкевич сделал неопределенный и мало обоснованный доклад, где он проводил идею контакта между всеми партиями, стремящимися к установлению в России буржуазной диктатуры. Дебаты, начавшиеся после этого доклада, носили обычный для русских интеллигентов характер отвлеченных, красивых, но туманных по содержанию своему споров. В результате собрания была избрана комиссия, на обязанности которой было возложено собранием сплотить разрозненные силы воедино и создать организацию. Кто вошел в состав этой комиссии, я не знаю. Помню, что входили туда Владимир Пуришкевич, барон де Боде, генерал Аничков, капитан Шатилов и еще кто-то. После этого с организацией этой связь у меня порвалась, но раза два после этого я заезжал, в целях информации, к Шатилову на квартиру последнего на Фурштадтской ул., д. 23, где встречал Владимира Пуришкевича и Шатилова, но никого других не видел, так как они были со мной мало общительны. На собрании у меня ротмистр Амброжанцев развивал какой-то интересный план, — какой, я положительно не помню, и просил ассигновать в его распоряжение 10 000 рублей, на что Владимир Пуришкевич ответил согласием. Я знаю, что у Владимира Пуришкевича имелись порядочные средства, но откуда он брал эти средства, мне совершенно неизвестно. 29 октября я заехал в городскую думу и был назначен комендантом Московского района от «Комитета общественной безопасности», организовавшегося в городской думе.

Статья «На безвремении» была написана мною и помещена в «Вечернем Времени». Кроме того я часто писал статейки в газете Владимира Пуришкевича «Народный Трибун». Статью «Очередной вопрос близкого будущего» я написал еще в 1916 году, будучи на фронте. Я состою членом всероссийского союза земельных собственников, но активного участия, кроме союза домовых комитетов, я нигде теперь не проявлял и не проявляю. Зачеркнутому «мало», «на его организацию» и вписанному «теперь» верить. Показание мое мне прочитано, в чем и подписуюсь.

Федор Викторович Винберг.

14/XII 1917 г.

8.

Прапорщик Зелинский, Евгений Владимирович, 17 лет, дворянин, сын воинского начальника в Дербенте. Содержится в тюрьме «Кресты», бывший юнкер Кавказского ударного батальона, ныне расформированного.

В Петроград я приехал с позиций в августе месяце и был ген. Корниловым произведен в прапорщики, когда Корнилов был верховным главнокомандующим, но приказа о производстве еще пока нет. Я был арестован числа около 20 октября в одном из кафе, кажется, — «Би-Ба-Бо», прапорщиком Рудницким, комендантским адъютантом. Октябрьская революция меня освободила. Оставшись без средств, я отправился в зал армии и флота, где в общежитии офицеров обратился за помощью и с просьбой о ночлеге. Заведующий зданием комендант подполковник Скворцов дал записку в главное комендатское управление о выдаче мне жалования и, кроме того, предоставил мне ночлег.

Трафарет и корона на моих погонах способствовали тому, что один из офицеров, находящихся в общежитии, прапорщик, фамилии которого я не помню, отрекомендовавшийся мне ко-

мендантским адъютантом главного комендантского управления, предложил мне вступить в монархический союз, организующий офицерский заговор под руководством В. М. Пуришкевича. Я выразил согласие, и мы оба отправились на Николаевскую улицу, дом № 7, в квартиру Парфенова, где я встретил самого В. М. Пуришкевича, капитана Ковалько, барона де Боде, хозяина квартиры Парфенова и какого-то вольноопределяющегося в штатском, фамилии которого я не помню. Под конец подошла и жена Парфенова, но мы, т.-е. Пуришкевич и я, выходили на улицу. Во время собеседования на квартире Парфенова, которую они называли своим главным штабом, со мной разговаривал, главным образом, В. М. Пуришкевич. Он сообщил мне, что они организуются и готовятся к скорому выступлению для того, чтобы произвести контрреволюцию и восстановить монархию. Для этого он или, вернее, его организация имеет в своем распоряжении около двух тысяч преданных людей в Петрограде, около 7 тысяч на фронте и большое количество в Москве и других городах. Эти члены навербованы, главным образом, из офицеров, которые для этой цели приехали в Петроград с фронта; кроме офицеров, есть много вольноопределяющихся, юнкеров и студентов. Фронтовой отдел состоит исключительно из офицеров. Организуются они, по словам В. М. Пуришкевича, более двух месяцев и что для этой цели в его распоряжение пожертвованы громадные средства: кем пожертвованы, он не сказал и где находятся деньги, он тоже не сказал.

Пуришкевич сказал, что если можно было ждать с монархическим переворотом до Советской революции, то теперь уже ждать больше нельзя, иначе будет бесповоротно поздно. Необходимо-де большевистской сволочи ударить в тыл и уничтожать их беспощадно: вешать и расстреливать публично в пример другим. Надо начать со Смольного института и потом пройти по всем казармам и заводам, расстреливая солдат и рабочих массами. В этом отношении, по его словам, его организации обещана помощь Полковникова и Комитета Спасения Родины и Революции. Таким образом, по его словам, решено было в одну из ближайших ночей сделать заранее организованный переворот, распределив роли и запасясь оружием. Оружие у них уже закуплено, и ведет это дело барон де Боде с герцогом Лейхтенбергским. Одновременно необходимо было бы, по их словам, отравить пищу красногвардейцев и солдат. Выполнение этого плана они приурочивали к подходу к Петрограду ген. Каледина. По отравление хотели сделать и раньше. Все, что изложено здесь, говорил мне В. М. Пуришкевич, а Боде ему поддакивал. Парфенов числился в организации секретарем и заведывал перепиской. С квартиры Парфенова Пуришкевич предложил мне ехать вместе в ним в гостиницу «Россия» — Мойка, № 60, так как я выразил притворное согласие участвовать в его организации. Я ему понравился своими вымышленными рассказами о том, что убил 17 человек красногвардейцев, и он решил дать мне ответственные поручения. Первое поручение: пойти в штаб округа и взять бланки, второе поручение: достать автомобиль с оружием, отбив его у красногвардейцев, для чего с шофером Пуришкевича, Людвигом, остановить автомобиль, на котором красногвардейцы везут оружие, попросить подвезти за 100 рублей и отравить стражу и шоферов конфетами с цианистым кали, которые должен был дать барон Боде, затем сбросить трупы в реку, а автомобиль с оружием угнать и выгрузить оружие на одну из барок с дровами. Затем Пуришкевич предлагал еще взять на себя миссию убить Ленина и Троцкого, за что обещал деньги, 10 тысяч рублей. Я взялся исполнить первое поручение, так как, добыв бланки, я знал бы, для каких офицеров хочет Пуришкевич приготовить документы, так как, по его словам, у него есть много таких бежавших с фронта офицеров, не имеющих документов.

Разговор на квартире Парфенова, продолжавшийся затем в гостинице «Россия», куда вслед за нами пришел и Боде, происходил в ночь с 3 на

4 ноября. Пуришкевич снял для меня отдельный номер — № 5. Я убедился, что Пуришкевич живет по подложному паспорту Евреинова, о чем знают все его сообщники. Кроме этого, в этой же гостинице жил брат Пуришкевича с женой, тоже по подложному паспорту — Пурин, а также жили соучастники Пуришкевича — барон Боде, герцог Лейхтенбергский, вольноопределяющийся Дешовой. Кроме того, ночевали тут же вольноопределяющийся Граф, студент Гескет и другие. Я видел, как они все вместе совещались частью при мне, частью без меня. Видно было, что непосредственным помощником Пуришкевича был барон Боде, а затем уже шли брат Пуришкевича с женой и другие. Из разговоров я узнал, что у них есть склад оружия, но где — они мне не сообщили. Я узнал, что все они скупают оружие, и при мне барон Боде принес к себе в номер под полою пулемет и связку револьверов. Тут же в его номере я видел банку с ядом, по его словам, цианистым кали. Была и монета, служившая печатью. Я узнал, что к ним один офицер обещал доставить полсотни разрывных бомб по 15 руб. штука.

На следующий день в штабе округа меня арестовали, когда я пришел туда за бланками. Меня хотели отправить в комендантское, но отправили в Смольный, по моей о том просьбе, где я передал все мне известное прапорщику Крыленко и подпоручику Тарасову-Родионову.

Я знаю, что у комендантского адъютанта, который познакомил меня с Пуришкевичем, и у его товарища имеется письмо ген. Каледина к Пуришкевичу, на которое Пуришкевич хотел ответить. Я прошу по ликвидации настоящего дела отправить меня в отдаленную местность, так как я опасаюсь мести со стороны членов организации Пуришкевича. Настоящее показание мне прочитано.

Тюрьма «Кресты».

Прапорщик *Зелинский*.

Петроград. 10 ноября 1917 года.

Показание снимал подпоручик *Тарасов-Родионов*.

Дополнительное показание прапорщика Зелинского 15 декабря 1917 г.

Относительно Михаила Митрофановича Пуришкевича и его жены могу сообщить, что реального участия в организации Владимира Пуришкевича они не принимали. Они жили только по подложному паспорту в тех номерах, где квартировал и Владимир Пуришкевич. Я помню, как однажды вечером Владимир Пуришкевич попросил студента Гескета захватить автомобиль. Гескет пригласил меня. Я не решился отказаться, и мы пошли на Невский. Остановили один автомобиль и сели, обещав шоферу заплатить деньги. Гескет предлагал мне выбросить шофера с автомобиля и уехать самим, но я, опасаясь скандала, не пошел на это и отказался. Кончилось тем, что мы вышли из автомобиля, и Гескет заплатил шоферу деньги. На меня этот эпизод произвел впечатление детского озорства, кончившегося благополучно. На квартире у барона Боде я не бывал, а банку с ядом цианистым кали я видел у него в номере в гостинице «Россия». Когда я спросил его, зачем этот яд, Боде ответил: «На всякий случай. Может быть кого-нибудь лишнего придется убрать».

Показание свое прочел. *Евгений Владимирович Зелинский*.

9.

Борис Михайлович Муффель, полковник Николаевского инженерного училища, батальонный командир, 40 лет, проживал в собственной квартире в Инженерном замке, содержится в Екатерининской куртине Петропавловской крепости.

Я был арестован 29 октября сего года у себя на квартире. Причин своего ареста я не знаю. На моем аресте настаивал председатель солдатского комитета инженерного училища, солдат Моторин. Еще с сентября месяца в училищном комитете, где половина членов была несоциалисты, а половина, во главе с председателем комитета, юнкером Лебедевым, социалисты, происхо-

дили постоянные трения между этими сторонами. Перевес был на стороне социалистов ввиду того, что голос председателя при равенстве остальных голосов давал им преимущество. Это вызывало сильное недовольство в рядах юнкеров не-социалистов. После известий о разоружении Павловского училища 27 октября и других вестей о наступлении отряда Краснова — Керенского на Петроград настроение в среде юнкеров резко изменилось. Часть не-социалистическая требовала перевыборов комитета, но за технической трудностью этого и недостатком времени это не состоялось, но комитет видоизменился. Туда вошли представители от офицерского состава училища, в том числе я, причем этим видоизмененным комитетом мне поручено было руководить жизнью училища на правах батальонного командира, но под контролем комитета, причем последним решено было никаких выступлений не предпринимать, но держаться вооруженными наготове и дать отпор в случае нападения на училище.

Так происходило до 28 числа, когда в училище сначала прибыл офицер, делегированный от Комитета Спасения Родины и Революции, а затем и сам Комитет Спасения, расположившийся в училище. Возможно, что это был, скорее, военный штаб этого Комитета под начальством полковника Полковникова, который всем распоряжался, получая сам инструкции от Гоца по телефону. Так как Комитет училища постановил отдать себя в распоряжение названного Комитета Спасения, мне пришлось подчиниться общему решению и отдавать приказания во исполнение различных распоряжений Комитета Спасения. Таким образом мною были даны наряды и отряжены юнкера с офицерами для занятия Михайловского манежа, а затем и телефонной станции. Первой операцией командовал училищный офицер капитан Чижиков, а второй капитан Михальчук и Комаров. Дежурным офицером по училищу был в этот день поручик Кутырев. Я помню, что отрядам юнкеров, отправляющимся с вышеупомянутыми поручениями, я говорил напутственное слово, объясняя им их боевую задачу и ставя их в известность, что в этот день ожидается вступление отряда Керенского в Петроград и что, таким образом, им гарантирована поддержка в случае противодействия Советских войск. Когда вся история юнкерского выступления окончилась неудачно, Комитет Спасения Родины и Революции скрылся во главе с Полковниковым, бросив юнкеров на произвол судьбы. Я был арестован у себя на квартире в здании училища. Кто состоял в Комитете Спасения, я не знаю. Я слышал только фамилию Гоца. Каким образом посторонние училищу лица, главным образом, офицеры, принимали участие в занятии юнкерами Михайловского манежа и телефонной станции, я объясняю только тем, что очень много неизвестных офицеров пришло в училище после перехода сюда Комитета Спасения и работало в полном подчинении полковнику Полковникову вместе с юнкерами училища.

Исправленному: «произошло», «28» и «манежа» и зачеркнутому «и общее собрание юнкеров» — верить.

Показание свое прочел.

Полковник *Муффель*.

15 декабря 1917 года.

Из дневника А. В. Романова за 1916—1917 гг.

Наряду с дневником Николая Романова и перепиской последнего с женой за 1916—1917 гг. дневник б. великого князя Андрея Владимировича Романова за этот же период времени дает немало интересного материала для характеристики самодержавия в России накануне революции. Андрей Владимирович Романов, двоюродный брат Николая Романова, по своему положению — довольно влиятельного члена семьи Романовых — естественно был в курсе дворцовых настроений, интриг, слухов и сплетен. Не все записанное им заслуживает внимания. Но ряд записей дневника: об убийстве

Распутина, расправе Николая Романова с неугодными членами своей семьи перед Февральской революцией, Февральских днях и подробный рассказ ген. Рузского об «отречении» последнего царя представляют значительный интерес. Рассказ ген. Рузского был частично в свое время воспроизведен на страницах периодической печати, но тогда в интервью с представителями прессы ген. Рузский, повидимому, не был так откровенен. Теперь эти «показания» ген. Рузского могут служить ценным дополнением к опубликованным «Красным Архивом» документам о Февральских днях в ставке [1]. Из дневника мы опустили обильные газетные выдержки, содержащие общеизвестные факты о событиях, связанных с убийством Распутина, переменах в составе правительства, официальные документы о Февральской революции, газетные известия о революционных событиях 1917 г., о приезде В. И. Ленина (которым, кстати сказать, автор дневника, повидимому, чрезвычайно интересовался, судя по количеству всякого рода газетных вырезок, прямо или косвенно относящихся к В. И. Ленину).

Дневник обнаружен в Пятигорске в 1926 г. и передан в настоящее время в Отдел падения старого режима Центрального Архива Октябрьской Революции. *Ред.*

1916 г.

«Сегодня, в шестом часу утра, в одном из аристократических особняков центра столицы, после раута, внезапно окончил жизнь Григорий Распутин-Новых».

В вечернем выпуске «Биржю. Вед.» 17 декабря, в субботу, была помещена вот эта заметка. Слух быстро облетел город и принял форму настоящего заговора, обставленного таинственностью. Утверждали одно несомненно, что Гр. Распутин был завлечен в дом Юсуповых, где с ним покончили по жребию. Называют, кроме Ф. Юсупова, еще Дмитрия Павловича, Пуришкевича, Андрея и Федора Александровичей.

[1] См. «Красный Архив», т. т. 21, 22.

18 декабря. Днем Дмитрий Павлович телефонировал нам, что он арестован. Ген.-ад. Максимович ему передал приказ Аликс, хотя и сознавал, что не имел права без разрешения государя это делать. Итак, Дмитрий сидит под домашним арестом.

Кроме этих слухов, мама доставили протокол полицейского дознания по этому делу со всеми подробностями. Трудно их перечесть, но дело в том, что Гр. Распутин ужинал у Ф. Юсупова, где ему учинили допрос, что он делал, и об его отношениях к Аликс и Штюрмеру, после чего предложили выпить яд или застрелиться. Но яд он не выпил, а револьвер взял и выстрелил в Дмитрия, после чего с ним кончили и труп увезли неведомо куда. В 6 ч. утра полиция осмотрела квартиру Ф. Юсупова и нашла следы крови и пуль в потолке. Никаких данных, уличающих кого бы то ни было, не найдено.

Дмитрий отрицает соучастие, хотя и ужинал 16—17 декабря у Феликса, уверяя, что ничего не было.

Факт убийства установлен.

19 декабря 1916 г. Кирилл, Гавриил и я — мы заехали к Дмитрию заявить ему, что, не вникая вовсе в вопрос, виновен ли он или нет в убийстве Распутина, мы все стоим за него и он может вполне на нас рассчитывать. Что бы ни случилось, мы будем за него. Дмитрий был очень растроган и благодарен за моральную поддержку, причем торжественно поклялся, что в эту знаменитую ночь он Распутина не видал и рук своих в его кровь не марал. Дабы ясно доказать свое несоучастие в этом деле, он рассказал следующее: 16 декабря он ужинал у Феликса Юсупова в его доме, в квартире, имеющей выход в сад прилегающего дома «Скоропечатни». Около 3-х утра он вышел из дома с двумя дамами, и на дворе на него бросилась собака, которую он пристрелил из браунинга. Дам отвез на Караванную, а затем вернулся домой, — это было до 4 утра. Больше он об этом деле ничего не знает.

Феликс Юсупов рассказал про свое знакомство с Распутиным, которое носило характер интереса с точки зрения изучения его психологии, но после

одной беседы, которая происходила недавно, — он так непочтительно и грязно отозвался о папа́ [1]) и Аликс,— что он перестал у него бывать.

Переходя к знаменитой ночи 16—17 декабря, Феликс говорил, что Дмитрий пожелал поужинать у него в его новой квартире, и было решено ужин назначить на 16 декабря, т.-е. накануне отъезда Феликса в Крым. Кто был на ужине, ни Феликс, ни Дмитрий не говорили и назвали одного Пуришкевича. Во время разгара ужина Феликс был позван к телефону, его вызвал Распутин и уговаривал ехать к цыганам. Феликс ответил, что у него гости и ехать не может. Распутин настаивал бросить гостей и что у цыган будет веселее. Феликс слышал в аппарат шум голосов и веселья и спросил Распутина, откуда он говорит; он громко ответил: «Ты слишком много знать хочешь» и прекратил разговор. Ужин шел своим чередом. После ухода Дмитрия с двумя дамами, Феликс слышал выстрел во дворе и послал лакея узнать в чем дело, но тот сообщил, что ничего нет и что ему, вероятно, послышался выстрел. Тогда Феликс вышел на двор и застал городового, который прибежал на выстрел и нашел убитую собаку. Успокоив представителя порядка и приказав зарыть собаку, Феликс позвонил к Дмитрию узнать, он ли убил собаку, и, получив утвердительный ответ, пошел провожать гостей, которые около 5 утра уже все разъехались. Затем Феликс вернулся во дворец Сандро, где он жил. На следующее утро у него был полицеймейстер по поводу ночного выстрела, и, не желая раздувать такой пустяк, в котором замешан Дмитрий, Феликс поехал к градоначальнику, а затем к министру юстиции Макарову. Вечером он поехал на вокзал, чтобы ехать в Крым, но на вокзале полицеймейстер просил его вернуться домой с обязательством о невыезде из столицы.

После этого Дмитрий рассказал, как было с его арестом.

18 декабря утром к нему звонит ген.-ад. Максимович и говорит следующее: «В. и. в., для вас будет большим ударом то, что я должен вам сообщить, прошу пока не выезжать из дому и ждать меня». Затем он прибыл и передал Дмитрию, что получил по телефону от Аликс приказание арестовать его домашним арестом. Хотя, сознался Максимович, без высочайшего приказа он не имеет права это делать, но, принимая во внимание его личную безопасность, он просит его сидеть дома. Таким образом фактически Дмитрий арестован по приказанию Аликс.

Затем я уехал.

21 декабря. В 5 ч. у меня собрались: мама́, дядя Павел, Кирилл и Борис, а позже и Сандро. Собрались по инициативе дяди Павла, который хотел нам сообщить следующее: 19 декабря он был у Ники в 11 ч. вечера и спросил, по какому праву Аликс приказала арестовать Дмитрия. На это Ники ответил, что это был его приказ (тут надо отметить несоответствие в показаниях. Ежели бы этот приказ исходил от Ники, он передал бы его прямо Максимовичу. Ежели Аликс получила от Ники телеграмму, она бы так и сказала Максимовичу, а не просила сделать ей лично одолжение, что показал Максимович сегодня кн. Васильчикову. Таким образом Ники прикрыл Аликс). На просьбу освободить Дмитрия он сказал, что не может ему сейчас дать ответ, но пришлет завтра утром. И действительно дядя Павел получил от Ники письмо примерно следующего содержания, которое дядя Павел нам прочел:

«Отменить домашний арест Дмитрия не могу до окончания следствия. Молю бога, чтобы Дмитрий вышел из этой истории, куда его завлекла его горячность, чист».

Затем дядя Павел передал про свидание с Дмитрием и как он на образе и портрете матери поклялся ему, что в крови этого человека рук не марал. Цель совещания заключалась в том, посылать ли Ники или нет заготовленный ответ, и прочел [1]) письмо, которое мы все одобрили.

С приходом Сандро, мы обсуждали, что же будем делать дальше, ежели

---

[1]) Очевидно, Николай II.

[1]) Так в подлиннике.

Ники все же не освободит Дмитрия и поведет следствие до конца. Тогда решили, что дядя Павел снова поедет к Ники и покажет всю опасность создавшегося положения...

Протопопов утвержден в должности министра вн. дел. Макаров уволен и его заместил Н. А. Добровольский в министерстве юстиции. Трепов подал в отставку. Трепов и Макаров настаивали в Ц. Селе на прекращении дела, а Протопопов, наоборот, на продолжении следствия. Между прочим Трепов просил у Дмитрия разрешения поставить военный караул в его доме, для охраны его от агентов Протопопова, которые хотят Дмитрия убить. Хорошо правительство, где министр-президент принимает меры против министра вн. дел!

При таком составе правительства и взаимоотношении министров между собой (Трепов не видал Протопопова с 19 ноября) вряд ли можно ожидать, что Ники поймет всю опасность создавшегося положения. Протопопов же с своей стороны хочет доказать в Царском Селе, что шайка, убившая Распутина, не кончила своего дела и хочет убить и других лиц повыше. Ежели эта точка зрения восторжествует, то можно ожидать суда над Дмитрием, а это значит бунт открытый. И подымать в такое время! Война, враг грозит, а мы такой бранью заняты. Как не стыдно было подымать шум из-за убийства такого грязного негодяя!

Срам на всю Россию.

Сандро сообщил, что Григ. Распутина повезли в Царское. Чорт знает что такое!

22 декабря 1916 г. Сандро был в Царском Селе, но ровно ничего не добился. Ни освобождения Феликса, ни Дмитрия, хотя высказал все, что мы решили вчера.

По слухам, Распутина похоронили вчера ночью в 3 ч. утра в Царском Селе в присутствии Ники, Аликс, дочерей (кроме Ольги), Протопопова, Питирима и Ани Вырубовой, около приюта, где собираются воздвигнуть церковь на его могиле.

Это так мило, что комментарии излишни.

23 декабря. Я лежал в постели весь день и чувствовал себя очень плохо. Около 10 ч. вечера, когда я уже засыпал, ко мне по телефону звонит Гавриил и сообщает, что в 2 ч. утра Дмитрия высылают в Персию в отряд ген. Баратова. Он едет с экстренным поездом, в сопровождении ген. Лайминга и фл.-ад. гр. Кутайсова, который получил личную инструкцию от государя везти Дмитрия и не давать ему возможности сообщаться с внешним миром ни телеграфом, ни письменно. Я немедленно позвонил к Кириллу и хотел ехать к нему, но он сказал, что мама, Ducky и он сами приедут ко мне сейчас. Я просил и Гавриила приехать, и сам стал быстро одеваться. Скоро все приехали, и надо было решить, что предпринять. Попытаться ли спасти Дмитрия и помешать его отъезду или предоставить событиям итти своей чредой. Решили последнее, но все же мы хотели иметь мнение председателя Госуд. Думы М. В. Родзянко, но он отказался приехать из-за позднего часа, — было уже 12 ч., боясь вызвать излишние толки. Затем приехал ко мне и Сандро. Он тоже находил, что в данную минуту ничего нельзя делать. Феликс тоже сослан под охраной в Курскую губернию в свое имение. Затем он передавал нам весь свой разговор с Ники и Треповым и Протопоповым.

Разговор с Ники он вел в духе, как мы решили на совещании с дядей Павлом, что все дело надо прекратить и никого не трогать, в противном случае могут быть крайне нежелательные осложнения. По словам Сандро, он ярко охарактеризовал современное положение и всю опасность, но ничего не вышло. Сандро просил Ники сразу кончить дело при нем же по телефону, но Ники отказался, ссылаясь, что он не знает, что ответить Аликс, ежели она спросит, о чем они говорили. Сандро предложил сказать, что говорили об авиации, но Ники сказал, что она не поверит, и решил обождать доклада Протопопова, обещав дело все же прекратить. На этом Сандро должен был уехать, не добившись освобождения Феликса. Трепов ничего не мог тоже сделать и был, по словам Сандро, со-

вершенно беспомощный. После этого мы решили ехать немедленно к Дмитрию проститься с ним, что немедленно и выполнили, оставив мама̀ и Деки у меня. Дмитрия мы застали спокойным, но бледным, как полотно. Вот как он нам передал, как сам узнал о своей ссылке.

Ген.-ад. Максимович просил Дмитрия приехать к нему, что, надо сознаться, крайне некорректно. Дмитрий поехал в сопровождении ген. Лайминга, и ген.-ад. Максимович передал ему высочайшее повеление, которое заключалось в том, что в 2 ч. утра экстренный поезд отвезет его через Кавказ в наш отряд ген. Баратова в Персию, где он будет иметь пребывание. Ген. Баратов получил специальные инструкции. Сопровождать же Дмитрия будет фл.-ад. гр. Кутайсов, в виде тюремщика. Когда Дмитрий вернулся, к нему приехал градоначальник Балк и сообщил о времени ухода поезда.

В $1^1/_2$ ч. мы простились с Дмитрием. Тут были Сандро и Мари. Его адъютанта не пустили с ним, и он, бедный, был в отчаянии.

Вернулись мы ко мне, Кирилл завтракал. Мама̀ и Деки пили чай. Около 3 часов разъехались.

24 декабря. В $2^1/_2$ ч. у мама́ был Родзянко. Кирилл и я, мы приехали к этому времени. Наша беседа была очень интересная. Родзянко стоял на той точке зрения, что непосредственно он нам в этом деле помочь не может, не имея власти, но морально он безусловно на нашей стороне. 12 января будет созвана Дума. Он предвидит, что заседание будет бурное, и во что выльется,—он предусмотреть не может, но, во всяком случае, ему необходимо сперва видеть Ники, который до сих пор его еще не принял, и он просил нас оказать ему содействие в скорейшем приеме, без чего открытие Думы может быть катастрофой.

Назначение Протопопова и Добровольского вызвало ужас, и в Думе будут реагировать очень серьезно на все это. В заключение он обещал моральную нам поддержку.

25 декабря. В $3^1/_2$ ч. у меня был отец Дернов, ужасно взволнованный. Вот что с ним вчера произошло. После всенощной, около 9 ч. вечера, вернувшись домой, он застал у себя еп. Исидора, который, по поручению митроп. Питирима, привез ему заготовленный журнал синода по делу, еще не заслушанному в общем собрании, и просил подписать. Отец Дернов отказался это сделать, такой журнал может быть подписан членами синода только после заслушания дела на общем присутствии. Подписывать же журнал таким порядком — дело незаконное. Кроме того, дело, изложенное в журнале, касалось помилования монаха, обвиняемого в изнасиловании и тому подобных пороках. Такого помилования он не заслуживает ни под каким видом. Еп. Исидор, видя, что успеха он не имеет, стал валяться на полу, умоляя подписать журнал, и в виде последнего аргумента выставил свою заслугу, что он ночью, в Чесменской богадельне, отслужил обедню и отпевание Гр. Распутина. Когда отец Дернов ему с укоризной заметил, как он мог ночью совершать обедню, что против всех правил церкви, то еп. Исидор сознался, что был вынужден это сделать. После отпевания он вернулся в Петроград, а тело Распутина было увезено в Царское Село. И так до 1 ч. ночи еп. Исидор умолял отца Дернова, но тот остался непреклонен. Передавая мне эту сцену, отец Дернов был глубоко возмущен и оскорблен за св. церковь, которой он столько лет служит. Он указал, что ему придется покинуть синод, ибо при таких условиях работать невозможно.

Вчера ночью была арестована домашним арестом Марианна Дерфельден. У ней произвели обыск и отобрали все бумаги. По какому поводу это было сделано, до сих пор неизвестно. Телефон у нее на квартире снят.

Общее негодование растет каждый день.

Тяжелое переживаем время!

29 декабря 1916 г. Сегодня я завтракал у мама́. Был французский посол Палеолог и Chambrun. Только что мы кончили завтракать, мама́ доложили о приходе Николая Михайловича, который вот что нам рассказал:

«Вчера я обедал в ресторане, а потом зашел в яхт-клуб поиграть в «quinze». Мне очень везло, и только что я устроил хороший удар, меня вызвал гр. Фредерикс к телефону. Я бросил игру,— а это, вы знаете, для меня, игрока, крайне неприятно, — и пошел к телефону. Гр. Фредерикс просил меня приехать к нему. Я сейчас же поехал. Гр. Фредерикс был бодр, но по его лицу видно, что он имел сообщить мне что-то неприятное, что я ему и сказал. Он ответил, что неприятное — нет, но нечто удивительное. Затем предложил мне сигару. После этого он прочел мне недавно полученное им письмо от государя, примерно, следующего содержания:

«До меня со всех сторон доходят сведения, что Николай Михайлович в яхт-клубе позволяет себе говорить неподобающие вещи. Передайте ему, чтоб он прекратил эти разговоры, а в противном случае я приму соответствующие меры».

«Прочитав письмо, гр. Фредерикс спросил меня, что надо ответить, но боясь забыть, что я скажу, он дал мне телеграфный бланк и карандаш, и я написал. Написал я следующее: «Как раз последнее время я редко посещаю яхт-клуб. Редко обедаю там, иногда захожу играть в карты и позже $11^1/_2$ вечера там не остаюсь. Пороков у меня много, язык без костей. Единственная может быть моя вина, что еженедельно я пишу имп. Марии Федоровне подробное письмо о текущих событиях, по силе своего разумения и совести. В этих письмах я пишу все, не стесняясь ничем, и говорю свое мнение, не стесняясь ни лицами, ни другими соображениями. Ежели, тем не менее, мое присутствие в столице будет признано нежелательным, то я уеду в свое имение. В заключение должен еще раз повторить, что возведенное на меня обвинение несправедливо и считаю себя невиновным».

«Гр. Фредерикс обещал послать это в тот же вечер; было видно, что ему крайне неприятно было выполнять данное ему поручение, но он это сделал с большим достоинством».

Затем Николай Михайлович перешел к своим личным взглядам на текущие события, которые он, громко говоря, выразил, как движение к неминуемой катастрофе, и о необходимости в грядущих тяжелых событиях забыть семейные распри и быть всем солидарными. Последние назначения министров еще более подлили масла в огонь, и при этих условиях открытие Думы будет невозможным. Но он знает, что Думу не соберут, что повлечет за собой лишь более поспешную неминуемую катастрофу.

12 января — срок созыва Госуд. Думы, и к этому времени можно ожидать всего. В этом духе он развивал свои мысли, но все написать считаю пока неудобным. Когда он уехал, мы с мамá вернулись в салон, и Палеолог сказал мамá, что положение в России до того серьезное, все так расстроилось, что даже его правительство не знает, с кем оно имеет дело, что тормозит нормальный ход дел.

К $2^1/_2$ ч. у мамá собралось семейство подписать коллективное письмо к Ники с просьбой разрешить Дмитрию жить в Усове или Ильинском вместо Персии, где по климатическим условиям пребывание для его здоровья может быть роковым. Приехали Мари, Иоанчик, Ellen, Гавриил, Костя, Игорь, Сергей Михайлович, Кирилл и Деки. Пока шли толки и разговоры, Ellen меня отозвала в сторону и просила передать мамá, чтобы она была крайне осторожна с тетей Маврой, которая передает все, что происходит в семействе, Аликс и уже не раз этим жестоко подводила членов семьи. Между прочим по ее вине Николаша был сослан на Кавказ. Потом Деки передала часть своего разговора с Аликс, именно что касалось Николаши. Аликс уверяла Деки, что у нее в руках были документы, доказывающие, что Николаша хотел сесть сам на престол, вот почему его надо было удалить.

Кирилл говорил, что Саблин, который провел несколько дней в Царском Селе и говорил с Ники и Аликс, уверял, что они оба очень просто отнеслись к убийству Распутина, говорят об этом как о печальном факте, но не

больше. Что же касается последних назначений министров, то Ники сказал Саблину, что он пойдет против общественного мнения во что бы то ни стало и докажет этим твердую власть. Таким образом он нарочно выбирает лиц, которых общественное мнение не любит и ненавидит, считая, что Россия одобрит эти назначения, а все неудовольствие идет исключительно из Петрограда. Странная точка зрения. Об этом же общественном мнении говорила и Аликс Деки. Она тоже уверяла Деки, что та ошибается, что все эти неудовольствия, о которых говорят последнее время, есть просто сплетня Петрограда, что Россия совершенно спокойна, и в виде доказательства привела свое недавнее посещение Новгорода, где народ оказал ей горячий прием.

В общем, Деки вынесла впечатление, что Аликс ее очень жалела, что она могла так заблуждаться в настоящем состоянии России.

Когда письмо было подписано, все семейство стало разъезжаться.

После отъезда Дмитрия ген. Лайминг прислал с пути два письма. На следующий день после отъезда у Дмитрия было вроде нервного припадка. Он плакал почти весь день. В суматохе отъезда они забыли взять с собой деньги и провизию. Второе оказалось драматичным. Они два дня ничего не могли получить есть. Вчера из Баку гр. Кутайсов телеграфировал о проезде. Вот все, что мы знаем. Роль гр. Кутайсова в этом деле крайне несимпатичная. Николай Михайлович уверяет, что он в флигель-адъютанты попал благодаря Ане Вырубовой. Ежели это так, то этим объясняется, почему именно его выбрали для этой грязной роли.

Все семейство крайне возбуждено, в особенности молодежь, их надо сдерживать, чтобы не сорвались. Во время сегодняшнего сбора обсуждали возможное приглашение на 1 января в Царское Село и что делать. Николай Михайлович заявил нам сегодня, что не поедет ни за что в Царское Село, так как не желает целовать руки... Но все же все решили ехать. Нехорошие назревают события, но сами идут в пасть, — страшно, но судьба да руководит нашей св. Русью!

Когда я лежал уже в постели, звонит мне Кирилл и говорит, что у кн. Васильчиковой, где он провел вечер, распространился слух, что я арестован за то, что удалил (спрашивается, откуда?) гр. Кутайсова (спрашивается, за что?). Он хотел проверить, верно ли. Я успокоил Кирилла, что пока... не арестован, но ручаться нельзя.

31 декабря. История с нашим коллективным письмом окончилась чрезвычайно неожиданно. Сегодня оно вернулось назад с высочайшей резолюцией. Для точности привожу точную копию письма.

> «Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне.
>
> *Николай*».

«Ваше императорское величество.

«Мы все, чьи подписи вы прочтете в конце этого письма, горячо и усиленно просим вас смягчить ваше суровое решение относительно судьбы в. кн. Дмитрия Павловича! Мы знаем, что он болен физически и глубоко потрясен, угнетен нравственно. Вы — бывший его опекун и верховный попечитель — знаете, какой горячей любовью было всегда полно его сердце к вам, государь, и к нашей родине. Мы умоляем ваше императорское величество, ввиду молодости и действительно слабого здоровья в. кн. Дмитрия Павловича, разрешить ему пребывание в Усове или Ильинском. Вашему императорскому величеству должно быть известно, в каких тяжелых условиях находятся наши войска в Персии, ввиду отсутствия жилищ, и эпидемий, и других бичей человечества. Пребывание там для в. кн. Дмитрия Павловича будет равносильно его полной гибели, и в сердце вашего императорского величества, верно, проснется жалость к юноше, которого вы любили, который с детства имел счастье быть

часто и много возле вас и для которого вы были добры, как отец! Да внушит господь бог вашему императорскому величеству переменить свое решение и положить гнев на милость.

«Вашего императорского величества горячо преданные и сердечно любящие

Ольга (королева эллинов).
Мария (вел. княгиня).
Кирилл.
Виктория.
Борис.
Андрей.
Павел.
Мария (в. кн. Мария Павловна младшая).
Елисавета (в. кн. Елисавета Маврикиевна).
Иоанн.
Елена.
Гавриил.
Константин.
Игорь.
Николай Михайлович.
Сергей Михайлович».

31 декабря 1916 г. Встречали мы у мама́ Новый год и сидели за ужином (мама́, Кирилл, Деки, Борис, Митя и я), когда Николай Михайлович вызвал меня к телефону и передал, что Ники его высылает из Петрограда. Я его попросил приехать к мама́, и он нам рассказал, что, после разговора с гр. Фредериксом, он сегодня утром послал Ники письмо следующего содержания:

«В виду преклонного возраста графа Фредерикса, опасаюсь, чтобы в передачах твоих приказаний не вкралось недоразумение. Если на показанном тебе телеграфном бланке я упомянул об отпуске в январе, то только потому, что понял, что это т в о е ж е л а н и е. Собственно говоря, я собирался по личным делам выехать лишь в начале февраля. Теперь здесь много работы как по разным вопросам юбилейной комиссии, так и по другим отраслям. Может быть я уже утратил твое доверие, что меня крайне огорчило бы, так как я льстил себя надеждой, что пользуюсь твоим расположением, несмотря на всегда возможные промахи моего языка. Это предположение делаю по причине, что ты меня не вызывал к себе и не писал лично, а все через министра двора. Если я ошибся — тем лучше, и тогда я напрасно тебя тревожу в данную минуту. Должен ли я продолжать интересоваться о будущей комиссии для выработки мирных переговоров или бросить это дело? У тебя остались разные бумаги по юбилейной комиссии, по которым еще не последовало решения по разным министерствам.

«Шлю тебе на наступающий год самые сердечные пожелания во всех отношениях и прошу верить в мои наилучшие к тебе чувства.

«Весь твой *Николай Михайлович.*

«31 декабря 1916 г. Петроград».

На это письмо последовал следующий ответ государя (без обращения):

«Очевидно, гр. Фредерикс перепутал — он должен был передать тебе мое повеление об отъезде из столицы на два месяца в Грушевку. Прошу это исполнить и завтра не являться на прием. Комиссией для выработки мирных переговоров заниматься больше не надо. Возвращаю бумаги разных министерств по юбилейной комиссии.

Ники.

«31 декабря 1916 г».

1917 г.

1 января 1917 г. В. кн. Николай Михайлович выехал из Петрограда сегодня вечером во исполнение высочайшего повеления. Весь город, говорят, перебывал у него.

2 января 1917 г. Панчулидзев, большой друг Николая Михайловича, мне говорил, что идея создания комиссии для выработки мирных переговоров принадлежит Николаю Михайловичу, который три раза писал об этом государю, но Ники отмалчивался, и вопрос этот дальше этого не пошел.

3 января 1917 г. Николай Михайлович прислал из Москвы мама́ поздравление и благодарил ее и нас всех за

доброе к нему отношение в последние дни. Дмитрий Павлович прибыл к ген. Баратову — там он будет в безопасности.

Сегодня Борис ехал из Царского Села с новым министром юстиции Н. А. Добровольским. Вот что он ему рассказал про дело Распутина. Экспертиза крови будто бы убитой собаки в доме кн. Юсуповых показала, что это — кровь человека. Когда городовой услышал выстрел и пошел в дом Юсуповых, то Пуришкевич, который ужинал там, велел позвать городового и спросил его, знает ли он, с кем говорит. Тот ответил, что — нет. Тогда Пуришкевич назвал себя, но городовой ответил, что такой фамилии он не знает. После этого Пуришкевич спросил: «А Распутина знаешь?» — «Знать не знаю, — ответил городовой, — а фамилию такую слышал».

Борис спросил Добровольского, правда ли, что он вызывает дух Р. и говорит с ним. Добровольский был крайне возмущен этим слухом и ответил, что даже времени у него нет заниматься спиритизмом. Относительно Протопопова он сказал, что видел его впервые теперь после назначения министром и что он произвел не только на него, но и на весь кабинет наилучшее впечатление своим сжатым изложением своей программы внутренней политики.

Потом он говорил, как радовался со всей Россией убийству Распутина, и что это естественно разрешило весьма сложное и запутанное положение.

Из верного источника я узнал, что Аликс действительно ночью приезжала в Чесменскую богадельню посмотреть на труп Распутина, одетая сестрой милосердия. Следствие еще продолжается.

4 января 1917 г. Вчера фл.-ад. полк. А. Н. Линевич дежурил у государя. Вечером, после обеда, около 11 ч., он был позван к государю, который его спросил, правда ли, — до меня дошли сведения что л.-гв. конная артиллерия устроила бойкот гр. Кутайсову и что было постановление об его исключении из собрания, — Линевич заверил, что ничего подобного не было, и он как один из старшин, конечно, знал бы, ежели что-либо подобное было, но ничего подобного, именно, не было. Никаких постановлений об исключении гр. Кутайсова из собрания не делали. На это государь ответил: «Я очень рад, что вы сняли тяжкое обвинение с в. кн. Андрея Владимировича». Потом пригласил Линевича сесть и, видимо, довольный продолжал: «Этот слух был передан Стамским (по моим сведениям, Танеев), и он меня удивил. Я видел в. князя в ставке, и он произвел на меня самое благоприятное впечатление». На это Линевич ответил, что знает меня давно и хорошо и может удостоверить, что я лично ни в каких делах текущих событий замешан не был и что столько распространяется слухов, что верить всему нельзя. Затем государь спросил Линевича, знает ли он Бориса хорошо, и, получив ответ, что — да, сказал: «Вот жаль, что он так там много говорит и осуждает меня. Я был так доволен им, назначил его походным атаманом, послал в Персию к шаху, что он исполнил отлично. Что же он м о ж е т и м е т ь против меня? Я, кажется, выказал ему много внимания». Государь упомянул еще, что мы часто собираемся у Кирилла и обсуждаем нескромно текущие события, что тоже его огорчает. Упомянул про Дмитрия и по этому поводу сказал: «Не понимаю, почему семейство так взбудоражилось, — конечно, это их семейное дело, но я не могу потакать убийствам в семействе, и дал же я им ответ».

В тот же вечер, после обеда Аликс говорила с Линевичем и сказала ему: «Я слышала вы критиковали многое (?)». — «Да, ваше величество, критиковал, но вам известно, что не с посторонними, а только в разговоре с известным вам лицом». — «Да, знаю, — улыбаясь, ответила Аликс, — я это только так сказала».

Передавая мне отдельные фразы этих разговоров, Линевич говорил, что, когда он вошел в кабинет государя, у него был очень озабоченный и строгий вид, и тон, с которым он обратился к нему, ясно показывал, что он, действительно,

мог задумать меня выслать, а потом успокоился и был доволен. Вообще же видно было, что он накален против семейства разными слухами, которые передаются ему сейчас же, и решил строгими мерами искоренить зло.

Про Николая Михайловича он сказал: «Но этот, бог знает, что себе позволял».

Линевич был убежден, что он мне оказал большую услугу, успокоив государя на мой счет. Он так чистосердечно верил этому, что я не разубеждал его, но дело в том, что вся эта история гр. Кутайсова была выдумана, а потому с моей стороны вины тут не было никакой. Гр. Кутайсов исполнял приказания, и нас это не касается. Почему государь решил, на основании слухов, что я во всем замешан и бойкотировал Кутайсова, неизвестно. Но, может быть, что он решил меня выслать на основании слухов, о чем весь город говорил. Возможно, что теперь этого не сделает, после разговора с Линевичем, но грустно, что меня никто не спрашивал, и говорят с Линевичем. Хорошо, что государь попал на порядочного человека, а то бог весть что могло произойти, а я был бы выслан и погиб бы навсегда, вся моя служба, несмотря на мою глубокую преданность своему государю, в которой никто не имел до сих пор права сомневаться. Да, год простоять под немецкими чемоданами чего-нибудь да стоит! Ох, эти сплетни! Никуда от них не денешься. Всюду они за тобой и бьют из-за угла и в спину, как подлые трусы.

Вообще мы переживаем странное время. Самые обыкновенные вещи истолковываются наизнанку. Написали мы Ники о смягчении участи Дмитрия Павловича, а истолковали что-то вроде семейного бунта. Как это произошло, совершенно непонятно. Сидим у себя смирно дома, а говорят, что бойкотируем Кутайсова. Почему все это, кому это нужно? Не без цели хотят всю семью перессорить, а, главное, поссорить с государем — это очень серьезно, и нам надо принять меры, чтобы государь знал нас и как мы ему преданы.

6 января 1917 г. Вчера вечером Кирилл получил от Ники телеграмму, в которой пишет, что давно хотел послать его на Мурман благодарить моряков от его имени за службу. Таким образом и он удален из Петрограда, правда, временно и с почетом, но все же удален.

16 января 1917 г. Сегодня я был принят в Царском Селе Ники по случаю моего отъезда в Кисловодск. Прием самый обыкновенный, даже любезный, — но без каких бы то ни было намеков на прошлое. Длилось это минут 5, и я уехал.

22 января. Вчера вечером я приехал в Кисловодск лечиться. Я рад был уехать из Петрограда. Во-первых, я чувствовал себя очень нехорошо, во-вторых, такая клоака, что тошно прямо стало за последнее время. Так все заврались, изолгались, что мочи нет. Кажется, что больше нет честных людей, и все на зло гадят друг другу, а главное — России. В Думе лгут, министры лгут, газеты и подавно, — одним словом, все лжет без удержи и совести. И в этой вакханалии лжи жить слишком тяжело и обидно за родину. Лучше ей от этого, конечно, не будет. Но где Ники разбираться в этой лжи, прямо не понимаю. Трудно ему, должно быть, в эти времена.

4 февраля. Теперь запишу то, что мне говорил ген. Бернов, Евгений Иванович, со слов бакинского градоначальника. Когда Дмитрий прибыл в Баку, он должен был в тот же день на пароходе итти в Энзели, но, увидев бурное море, отказался продолжать путешествие, сказав, что «не могу», и заплакал. Он уехал только через два дня, и в это время из Петрограда сыпались шифрованные депеши одна за другой. О роли фл.-ад. Кутайсова во всем этом деле пока никто ничего не говорит.

18 февраля 1917 г. Сегодня мне рассказывала...[1]) гр. Р-й, что ей говорил один из офицеров собств. его вел. полка, который присутствовал на похоронах Гр. Распутина, что первоначально думали его похоронить в Федо-

[1]) Не разобрано.

ровском соборе, и офицеры решили в этом случае ночью тело убрать вон. Потом было решено похоронить его на участке земли, принадлежащей Ане Вырубовой.

1 марта 1917 г. По последним телеграммам, полученным мама́ от Кирилла и Бориса, видно, что в Петрограде творится что-то неладное. Кирилл пишет: «Положение серьезное». Борис: «Все идет плохо». В газетах за последние дни ни одной телеграммы из Петрограда. 25 февраля Госуд. Совет и Дума распущены до апреля. Почему это произошло, сведений нет. В одной местной газете была заметка, достоверность которой определить трудно, где сказано о каких-то уличных беспорядках в Петрограде и о ранении агентов полиции. Этим исчерпывается все, что мы знаем. Повидимому, действительно, что-то произошло и, вероятно, в связи с неожиданным закрытием Думы. Мама́ мне говорила, что еще перед отъездом в Царском Селе во дворце была корь. Теперь от Ратьковых получена телеграмма с известием, что Аня Вырубова при смерти и тоже от кори. Государь уехал в армию, и, сопоставляя все вместе, народная молва утверждает, что корь не нечаянно попала во дворец, и государь недаром уехал как раз перед закрытием Думы. Что там было и чем руководствовались при принятии такого крупного решения, не знаем, но знаем, что это произвело весьма тягостное впечатление на всех. Хотя от самой Думы решительно никто не ожидал и не ожидает реальной пользы, но это тот клапан, который дает выход всякому темпераменту. Пусть болтают. Все равно значения мало. Страна не может прислушиваться к таким ничтожным речам ничтожных людей. Ни одной яркой личности среди Думы. Все партийные ораторы, ни одного патриота. Вместо дела, слова — и слова ничтожные, лживые, с потугами на эффект, но пустые, бессодержательные и глубоко непатриотичные, — но несмотря на все это, по-моему, Думу не следовало бы закрывать, как нельзя безнаказанно зашить ж... у человека в виду ее смрадности. Организмы должны иметь свои выходы, как физиологические, так и государственные. В истории хорошо известно, что ни один парламент реальной пользы никогда не приносил. Его можно назвать сдерживающим началом от произвола министров, но не более. Говорить, что это есть истинное выражение мнения всего народа, — явный абсурд. Кто знаком с выборной техникой и статистикой, тот ясно видит, кто выбирает и кого. Но, — повторяю, — раз Дума учреждена, — она должна существовать и лучше, чтоб она существовала. Когда она закрыта, все ждут от нее «чуда», а когда открыта, никто ничего не ждет. Это — психологический закон. Запертый ларец вызывает любопытство, что в нем содержится, но открытый, пустой ларец — ровно никого не интересует. Надо бы так мыслить, перед тем, чтоб закрывать Думу, — и лучше было бы — д л я в с е х.

3 марта 1917 г. Кисловодск. Уже с 27 февраля тут стали ходить слухи, что в Петрограде творится неладное. Говорили о народных волнениях, о стрельбе по улицам, о жертвах и т. д. Но объявление ген. Флейшера явилось совершенно неожиданным. Днем тут стали распространять полученную здесь телеграмму от Родзянки. Текст мало понятен и совершенно не объясняет, что же, наконец, произошло в Петрограде. Днем стали распространять слухи, что все министры арестованы, Царское Село изолировано от всего мира, что всюду спокойно, но как будто власть перешла в другие руки.

Около 4 часов я получил из Тифлиса от дяди Николаши следующую телеграмму:

«В в и д у т о г о, ч т о я н а з н а ч е н в е р х о в н ы м г л а в н о к о м а н д у ю щ и м, т ы м е н я в Т и ф л и с е н е з а с т а н е ш ь». Телеграмма подана в 14 ч., а получена в 14 ч. 45 м. На запечатанном конверте написано, что для доставления отправлено в 15 ч. 40 м., т.-е. почти через час после получения. Тоже мало понятно.

Около $10^1/_2$ ч. вечера из Пятигорска прибыли ко мне — жанд. офицер под-

полковник (нач. железнодорожного участка) и капитан (помощн. нач. обл. губерн. жанд. упр.) с докладом по текущим событиям. Часть сведений, о которых они говорили, уже напечатана в газетах, другая же часть не напечатана.

* * *

С арестом всего правительства и захватом центральных учреждений, почты и телеграфа, получилось сразу впечатление по всей России. Посылаются телеграммы, угодные Временному Правительству, и ничего больше. Однако жандармы знают, что Родзянко, не получая ответа из ставки, обратился к в. кн. Николаю Николаевичу, и завязалась переписка, из которой можно понять, что государь предлагал подавить бунт в Петрограде военной силой, но будто бы Николай Николаевич нашел, что эта мера опоздала.

Дума предложила государю отречься от престола в пользу Алексея Николаевича, а регентом — Михаил Александрович, но государь, соглашаясь на отречение, хотел установить регенство в четырех лицах, но опять, по слухам, Николай Николаевич не нашел это возможным.

4 марта 1917 г. Кисловодск: Сегодня, как громом, нас обдало известие об отречении государя за себя и Алексея от престола в пользу Михаила Александровича. Второе отречение — в. кн. Михаила Александровича — от престола еще того ужаснее. Писать эти строки, при переживании таких тяжелых моментов, слишком тяжело и трудно. В один день все прошлое величие России рухнуло. И рухнуло бесповоротно, но куда мы пойдем! Призыв Михаила Александровича к всеобщим выборам ужаснее всего. Что может быть создано да еще в такое время!

9 марта 1917 г. Кисловодск. 5 марта я выехал в Тифлис повидать дядю Николашу. Поезд пришел в Тифлис в ночь с 6 на 7 марта (было 2 ч. утра). На вокзале узнал, что дядя Николаша уезжает из Тифлиса 7 марта в 10 ч. утра, в виду чего я остался в вагоне ночевать. В 8 ч. утра мне передали, чтоб я перешел в вагон дяди, а мой вагон отправят вперед со свитским поездом № 2. Много раньше 10 ч. собрались на вокзале все власти и много народу. Порядок поддерживался юнкерами. Ровно в 10 ч. дядя вошел в вагон и со ступенек еще раз благодарил всех за горячие проводы и высказанное ему доверие в победоносное окончание войны. Почти на всех остановках его встречал народ, рабочие, и все говорили ему патриотические речи. Его простые, но сильные ответы вызывали громкое несмолкаемое «ура». Скоро после отхода поезда он позвал меня к себе и вот что сказал:

«Я рад тебя видеть, но перехожу прежде к делу. Тебе повелеваю оставаться при мама́ в Кисловодске, до новых указаний, и никуда не уезжать. Ручаться за вашу безопасность, конечно, я не могу, и меня могут арестовать каждую минуту, но все же в Кисловодске спокойнее.

«Что делается в Петрограде, я не знаю, но, по всем данным, все меняется, и очень быстро. Утром, днем и вечером все разное, но все идет хуже, хуже и хуже! (Эти слова были произнесены с расстановкой и ударением.) Никаких сведений от Врем. Правительства я не получаю, даже нет утверждения меня в должности. Последние акты, подписанные государем, были — мое назначение и кн. Львова председателем Совета Министров. Таким образом я назначен государем, но указ сенату не опубликован. Единственное, что может служить намеком о том, что новое правительство меня признает, это телеграмма кн. Львова, где он спрашивает, когда может приехать в ставку переговорить. Больше я ничего не знаю и не знаю, пропустят ли мой поезд, но надо полагать, что я доеду.

«Прежде чем говорить дальше о делах, должен тебе сказать два слова [1]). Ты знаешь, я всегда был откровенен и в этом случае буду, как всегда. Ты выслушай, тебе это будет полезно на будущее, — бог весть, что еще может быть...[2]) глубоко возмутило всех. Еще

---

[1]) Зачеркнуто несколько слов.

[2]) Зачеркнуто и заклеено две строки.

после опубликования отречения это было бы допустимо, но до этого долг присяги и чести не допускали таких действий...[1]), т.-е. переходить на сторону в то время врагов государя, где кровь наших предков, честь и сознание своего достоинства. Господь с ним, тяжело мне об этом говорить...[2]) возбудило столько негодований, что...[3]) в квадрате хуже — именно в квадрате. Это имя стало среди всего казачества ругательным. Сам по себе милый и симпатичный мальчик, его ли это вина или окружающих, но его имя стало «ругательным», проклятым для всего казачества. Где бы он ни проехал, всюду оставляет смрадный след. Мне представили счет парохода «Куропаткин» за его проезд из Энзели в Баку, переход в 12 ч. и стоит 10 тысяч руб. Масса вина и т. д. Запомни все это, эти имена окончательно скомпрометированы. По приезде в ставку...[4]) я наведу еще справки об его поведении и, ежели и там я услышу то, что слышал здесь, то мне придется сказать ему, что оставаться походным атаманом он не может. Конечно, это будет сделано деликатно. Он мне подаст рапорт, что здоровье мешает продолжать нести службу, и его уход будет красив, но терпеть дальше такую славу я не могу. Насчет Кирилла я еще ничего не решил, но повелеваю, чтоб никто из братьев к мама не ездил ни в коем случае. Ты отлично сумеешь это устроить, никого не обижая и передать это мама в достаточно деликатной форме. Теперь мы должны быть очень осторожны. Ничего не говорить, быть сдержанным и спокойным.

«О событиях, случившихся в Петрограде, я узнал 1 марта в Батуме. Туда ездил переговорить с адм. Колчаком, — он прямо невозможен. Получив первые сведения, я выехал в Тифлис, где получил телеграмму от Алексеева, что, по мнению всех командующих армий, государь должен отречься от престола, и просил меня лично телеграфировать об этом государю, что мне и пришлось сделать. Я написал приблизительно так: впервые дерзаю как верноподданный коленопреклоненно умолять ваше императорское величество для пользы и т. д. отречься от престола.

«Ответа, конечно, не получил, получил лишь текст манифеста.

«Еще 6 ноября 1916 года, когда я был в ставке, я имел длинный разговор с Ники, и в очень резкой форме. Я хотел вызвать его на дерзость. Но он все молчал и пожимал плечами. Я ему прямо сказал: «Мне было бы приятнее, чтоб ты меня обругал, ударил, выгнал вон, нежели твое молчание. Неужели ты не видишь, что ты теряешь корону? Опомнись, пока не поздно. Дай ответственное министерство. Еще в июне с. г. я тебе говорил об этом. Ты все медлишь. Смотри, чтобы не поздно было потом. Пока еще время есть, потом уже поздно будет.

«Как тебе не стыдно было поверить, что я хотел свергнуть тебя с престола! Ты меня всю жизнь знаешь, знаешь, как я всегда был предан тебе, я это воспринял от отца и предков, и ты меня мог заподозрить! Стыдно, Ники, мне за тебя». В таком духе я говорил — он все молчал. Еще накануне, 5 ноября, Шавельский с ним долго говорил на эту же тему, и тоже ничего. После этого я понял, что все кончено, и потерял надежду на его спасение. Ясно было, что мы катимся быстро по наклонной плоскости, и рано или поздно он корону потеряет. Ведь странно, что все, даже социалисты, его лично любят. Они мне сами говорили, что у него чудное сердце, прекрасная душа, он умный, симпатичный, но! ее терпеть больше не могли. Она его погубила окончательно. Боюсь, чтоб с ней плохо не обошлись. В газетах уже распространили слухи, что будто бы у Аликс нашли проект сепаратного мира. Единственное спасение я вижу в лозунге нового правительства — бескровная революция, но ручаться, конечно, нельзя. Народная ненависть слишком накипела и сильна.

«Перед моим отъездом из Тифлиса у меня были два социалиста из самых

---

[1]) Зачеркнуто две строки.

[2]) Зачеркнуто несколько слов.

[3]) Зачеркнуто несколько слов.

[4]) Одно слово не разобрано, другое зачеркнуто.

крайних левых. Когда они вошли, оба извинились за свой костюм и называли меня «ваше императорское высочество». Они оба откровенно говорили, что всю жизнь мечтали о социальном перевороте, но их мечта была — конституционная монархия, но не теперешняя анархия. Этого они не хотели и не хотят и не допустят до республиканского строя правления. «Мы не доросли до этого, — говорили они, — рано для России».

«На следующий день они устроили митинг вне города, и, когда пришли военные, они им сказали: «Что вы тут делаете? Идите в окопы защищать родину и оставьте нам заниматься политикой». Конечно, газеты ничего об этом не написали. Что будет на Кавказе, предвидеть нетрудно. Армяне взяли все места в местных комитетах, и ни один мусульманин, ни один грузин ими не допущен до власти. Но армян налицо мало, почти все в армии. Мусульмане же и грузины не в армии, а дома, и количеством они больше армян. Историческая рознь между армянами всегда существовала, и, конечно, теперь это обострится еще больше. Мусульмане и грузины тоже захотят принять участие в правлении, и, ежели армяне им не уступят, будет ужасная армянская резня на всем Кавказе. Я говорил мусульманам, призывал их к порядку, но рассчитывать на порядок нельзя. Через неделю начнется резня безусловно».

Потом дядя Николаша упомянул, что единства в нашей семье нет, что дядя Саша разбил семью, и теперь хотели бы, но уже не могут объединиться. Мы вспоминали наши семейные совещания, и дядя выразил, что проектируемый семейный совет помог бы сплотить семью, но ничего тогда из этого не вышло. Мы все сделали, что было в наших силах; не наша вина, что ничего нам не удалось, а идея была хорошая. Говорили о Дмитрии Павловиче. Он будет переведен в Тифлис — распоряжение Баратова, который назначен главным начальником Тифлисского округа.

Дядя решил, чтобы семейство оставалось там, где каждый в данное время находится.

Днем я еще два раза был у дяди. Я выяснял мелочи и детали того, что он мне говорил. Между прочим он получил телеграмму о разгроме его имения «Беззаботное», главным образом разгромлен погреб. Но видно, что власти сконфузились, ибо поставили 12 юнкеров потом охранять имение. Говорил я с тетей Станой. Очень мило и душевно беседовали. У всех полная вера в победу, единственная мысль всех в поезде и вера, что дядя Николаша приведет к победе — его войска прямо обожают.

Вечером в поезде Влади вспоминал далекое прошлое, события, предшествовавшие 17 октября. В то время Витте составил уже знаменитый акт. Вопрос шел в то время — уговорить государя подписать. За — были Фредерикс и Витте. Влади был против и говорил об этом государю, доказывая, что лучше дать тогда, когда не вынуждают, через полгода, но не теперь. 16 октября Витте прислал государю в Петергоф уже набело переписанный проект через кн. Енгалычева, который один не хотел нести эту бумагу, и просил Влади итти с ним. Государь принял Енгалычева, а затем, отпустив его, позвал Влади, который умолял не подписывать. Подождали немного. Государь долго слушал, а потом сказал: «Я пошлю Трепову, пусть он скажет свое мнение». На это Влади сказал, что Трепов посоветует подписать, потому что он — трус. «Но, это вы слишком, он не трус, — я все же хочу знать его мнение». Влади еще раз просил не делать... Все же было решено послать. Влади написал Трепову письмо: «Дорогой Митя, я с тобой служил в одном полку. Мы вместе прожили много лет, и я знаю твою честность и прямоту — в этом нет у меня сомнений. Но я не уверен в твоем гражданском мужестве. Посылаю тебе эту бумагу — государь просит прочесть и сказать твое мнение. Ежели ты ответишь утвердительно, бумага будет подписана, отрицательно — нет. Заклинаю тебя всем, твоей честью и преданностью, не соглашайся. Ежели ты все же посоветуешь подписать, то предупреждаю тебя — нашей дружбе

настанет конец». Письмо и бумага были посланы на миноносце. На следующее утро было последнее совещание, и были вызваны разные лица: Рихтер, вел. кн. Николай Николаевич, Горемыкин. Но еще накануне вечером у государя был Фредерикс. Влади ждал в приемной. Государь вышел с Фредериксом, и Фредерикс обратился к Влади с просьбой уговорить государя подписать. Влади отказался, доказывая несвоевременность. Фредерикс очень рассердился и пошел к Аликс уговаривать ее. На следующий день, после совещания, когда акт был уже подписан, и все разъехались, Ники позвал Влади и просил его подождать, он хотел прогуляться. Потом позвал его в кабинет. Влади говорил, что Ники сидел с поникнутой головой, и крупные слезы капали на стол. Когда Влади вошел, он сказал ему: «Не покидайте меня сегодня, мне слишком тяжело. Я чувствую, что, подписав этот акт, я потерял корону. Теперь все кончено». «Нет, — ответил Влади,— еще не все потеряно. Нужно только сплотить всех здравомыслящих, и дело можно спасти». В этот же день Влади написал Рачковскому, и этим было положено начало «союза русского народа», который в то время сыграл известную роль, но потом выродился.

Потом Влади рассказывал, что раз он говорил Ники о Распутине и какой вред он наносит престижу.

— Вы неправы, он носитель чистой веры.

— Нет, ваше величество, ежели все иерархи церкви это не находят, то это не может быть — чистой веры, он просто хлыст. До него был человек, прошлое которого было чисто, у этого грязь, и она марает вас.

— Никто не вправе вмешиваться в мою частную жизнь.

— Ваша частная жизнь принадлежит всей России, она всех интересует, и все вправе ей интересоваться.

— Вы — вы меня любите?

— Ваше величество, вы хорошо это знаете, — сколько лет мы были близки и делили горе и радости!

— Я это помню и верю вам и, ежели вы меня любите, то прошу больше никогда об этом со мной не говорить, мне это слишком больно и тяжело.

С этого времени у него испортились отношения с Аликс, с которой был до того в самых лучших. Он говорил, что стал это чувствовать все больше и больше.

После болезни Алексея, осенью 1912 г., когда он стал уже поправляться, Влади отправился в отпуск полечиться и при этом сказал: «В моей любви и преданности вам, вы, конечно, не сомневаетесь, и я всегда буду таким, но обстоятельства меняются, теперь удобный случай, я уеду, а потом вы можете мне дать другое назначение, где я могу быть еще полезнее».

— Вы на это намекаете? — ответил Ники, указывая на дверь комнаты Аликс.

— Да, ваше величество.

— Нет. Вы ошибаетесь. Я вам верю, и никогда, слышите, не говорите это мне, никогда я с вами не расстанусь.

Прошло четыре года, и он был удален.

Бедный Влади, видно было, как тяжело ему все это вспоминать. Напоследок я его спросил: «Croyez vous qu'il puisse un jour revenir?»—«Oui, je pense mais sans elle» [1]).

Я пропустил самое важное. Трепов ответил так: «По долгу совести должен умолять ваше величество подписать». В доказательство того, что Трепов был трус, Влади рассказывал, что однажды, в Красном Селе, он получил тревожные сведения, что его, Трепова, хотят убить. Это так на него подействовало, что он слег в постель и не мог вернуться в Петергоф. Когда же осенью государь ушел в шхеры, он, прощаясь с Влади, сказал: «Возьмите побольше револьверов и патронов, все равно живыми не вернетесь». Вскоре Трепов скончался от сердечного припадка. Теперь это все прошлое, но такое живое воспоминание для нас всех, переживших эти события. Еще четыре года тому назад Влади предупреждал Ники, что надо прислушаться к народным требованиям и итти им навстречу, как Наполеон говорил: «Il faut pre-

---

[1]) «Думаете ли вы, что он когда-нибудь вернется?» — «Да, я думаю, но без нее».

voir les evenements et aller au devant et non les suivre» [1]).

Но ничего не помогало. Влади закончил словами, что после войны он вернется к нему и будет ему служить до гроба. Вся вина на ее стороне. Она его отрезала от мира. Он ничего не видел, ни с кем не был знаком, ничего не знал. Она не допускала до него никого. И все это Влади говорил мне и дяде Николаше. Не в бровь, а в глаз!

13 марта 1917 г. Кисловодск. Сего числа мною была послана министру-председателю князю Львову следующая телеграмма:

«Петроград.

Признавая вполне законным Временное Правительство России, я считаю своим долгом вас об этом поставить в известность».

16 марта 1917 г. Кисловодск. После принятия присяги мною была послана министру-председателю князю Львову следующая телеграмма:

«Петроград.

Сего числа принял присягу на верность отечеству и Временному Правительству. Долг свой перед отечеством выполню до конца».

31 марта 1917 г. Кисловодск. Сегодня сюда прибыл Караулов. Сопоставляя все, что он говорил здесь и в других местах, отречение Миши произошло так. Рано утром 3 марта из Пскова была получена телеграмма об отречении государя. В 5 ч. утра Керенский телефонировал Мише, который ночевал на Миллионной. Он спал. К телефону подошла кн. Путятина, потом адъютант Миши и, наконец, Миша. Керенский объявил ему об отречении и спросил, знает ли он что-либо по этому поводу. Миша ответил, что ничего не знает. Тогда Керенский спросил, может ли Миша принять его и других членов Думы и, получив согласие, обещал быть через час, но приехал через три, так как Родзянко и кн. Львов задержались на прямом проводе в разговорах с Алексеевым. Когда все собрались у Миши, каждый изложил свою точку зрения на текущие события, и все, кроме Милюкова, уговаривали Мишу отречься. Керенский наиболее ярко характеризовал момент. Он заявил, что поступился всеми своими партийными принципами ради блага отечества и лично явился сюда. Его могли бы партийные товарищи растерзать, но вчера ему удалось «творить волю партии», и ему доверяют. Вчера еще он согласился бы на конституционную монархию, но сегодня, после того, что пулеметы с церквей расстреливали народ, негодование слишком сильное, и Миша, беря корону, становится под удар народного негодования, из-под которого вышел Ники. Успокоить умы теперь нельзя, и Миша может погибнуть, с ним и они все. Милюков же настаивал на принятии, ссылаясь на исторические примеры, что от самодержавия до республики — скачок слишком большой, и опыты в этом направлении даром не проходили.

Выслушав всех, Миша заявил, что ему крайне трудно принять решение, раз между членами Думы нет единства во взглядах, и просил разрешения переговорить с Родзянко и кн. Львовым наедине. Родзянко отказался, ссылаясь на то, что все должны присутствовать, но Караулов и Керенский заявили, что надо дать Мише полную возможность принять свободное решение и против разговора с двумя лицами они ничего не имеют, при условии, что Миша ни с кем посторонним разговаривать не будет даже по телефону, потом Миша удалился с Родзянко и кн. Львовым и через полчаса вышел обратно и заявил, что, памятуя пользу родины, он отрекается от своих прав до изъявления народной воли Учредительным Собранием. Тогда выступил вперед Керенский и заявил в сильном волнении: «Ваше императорское высочество, я вижу вы — честный человек».

После этого было приступлено к составлению акта, причем Миша настоял, чтоб акт был редактирован не в виде манифеста от имени императора, а в виде акта, исходящего от него, как не императора, и все выражения «мы»

---

[1]) «Нужно заранее предвидеть события и предупреждать их, а не следовать за ними».

заменил «я». Обмен мнений длился около 3—4 часов. Волнение всех было большое. Один из членов совещания все пил холодную воду, другой нервно обтирал пот со лба. Даже Караулов, который уверяет, что всегда отличался крепкими нервами, и тот был взволнован. Насколько момент был тревожен, видно со слов Караулова. Акт об отречении Ники они не опубликовали до окончательного решения вопроса с Мишей, чтоб избежать междувластия. Во время совещания все время посматривали в окно, не идет ли толпа, ибо боялись, что их могут всех прикончить, хотя поездка к Мише держалась втайне. Боязнь контрреволюции у всех была большая, и первые дни не знали, кто возьмет верх.

29 апреля 1917 г. Мамà и я, мы отправили телеграмму министру юстиции Керенскому и, в копии, министру-председателю кн. Львову.

Телеграмма мамà: «С 14 марта я нахожусь под домашним арестом, но по настоящее время мне не было предъявлено никаких обвинений, и потому настоятельно прошу вас о предъявлении мне таковых или освободить меня от чрезвычайно тяжелого для меня ареста».

Телеграмма моя: «В продолжение полутора месяца мать моя великая княгиня Мария Павловна находится под домашним арестом, крайне тяжело отражающимся на ее сильно пошатнувшемся здоровьи. Между тем до сих пор ей не было предъявлено никаких обвинений и не сообщены поводы к аресту, а потому прошу вас, господин министр, не найдете ли вы возможным, если у вас имеются хотя бы малейшие к тому основания, назначить следствие, которое выяснило бы причины ареста, а в противном случае настоятельно прошу вас освободить мою мать от домашнего ареста.

«По поручению моей матери и от себя лично, прошу вас, господин министр, о таковом расследовании, которое дало бы возможность искать перед судом защиты против появившихся в печати гнусных и оскорбительных статей, позорящих имя моей матери».

Обе телеграммы были переданы до отправления в Пятигорский Гражданский Исполнительный Комитет для ознакомления.

6 июня арест был фактически снят. В 5 ч. 50 м. вечера караул покинул дачу Семенова на Померанцевской ул., № 1, где жила мамà. Всего арест длился с 15 марта по 6 июня включительно, 84 дня.

Копия.

7 дня июня месяца 1917 г.

Кисловодский
Гражданский Исполнительный
Комитет
№ 520.
Гор. Кисловодск
Терской обл.

Бывшей великой княгине Марии Павловне.

Комитет доводит до вашего сведения, что министр юстиции разрешил вам переехать из Кисловодска в другой, менее многолюдный курорт.

Председатель Комитета [1])
Товарищ председателя *Тюленев.*
Секретарь *Анциферов.*

14 июня 1917 г. Кисловодск. В 3 ч. я зашел к Н. В. Рузскому, который жил у Галешина в № 33. Видел его в последний раз в Волковыске в первых числах августа 1915 г., перед его вступлением в командование тогда новым, северным фронтом. Меня интересовало услышать от него как единственного свидетеля псковской трагедии 1—2 марта с. г. всю правду об этих событиях. Но прежде чем переходить к изложению самих событий, изложу все, что Н. В. мне передал о предшествовавших событиях, что немного поможет понять ход дальнейших событий.

«Город Петроград, — начал Н. В., — был мне подчинен как главнокомандующему северным фронтом. Благодаря этому все, что там происходило, проходило через мои руки, и я был вполне в курсе всего, что там делается. Петроград был тяжелой обузой, главным образом, в вопросе продовольствия. Не имея своих достаточных запасов и терпя большой недостаток, главным образом, в муке и сахаре, ко мне постоянно обращались за помощью. Имея сам на фронте крайне ограниченный

[1]) Подписи нет.

запас, мне нельзя было снабжать Петроград, не лишая фронт. Лишь в крайних случаях я мог приходить на помощь. Дал на заводы 100 тысяч пудов сахару (но потом мне это вернули). Обращались за помощью и учебные заведения, министерства и даже двор. Сперва Максимович просил дать конвою фураж. Два раза я отказывал и только на третий хотел дать по дачам, существующим на фронте. Но Максимович уже требовал полную дачу, ссылаясь на трудную службу конвоя. Какая же у них трудная служба, шагом двигаться кругом парка, да, кроме того, я не хотел возбуждать излишних разговоров, что в тылу конвой получает больше, нежели лошади на фронте. В конце концов пришлось дать полную дачу. Потом двор просил прислать мясо первого сорта. Вы сами знаете, что из туши только часть составляет первый сорт; когда спросили, сколько нужно пудов, оказалось 46, значит все остальное мясо надо дать солдатам. Ну куда же им 46 пудов, ведь не царская семья могла съесть такое количество, — ясно, что это идея всех служащих, лакеев и конюхов.

«И так это шло постоянно. Но кроме продовольственного вопроса был еще один, и более неприятный, — это вопрос цензуры. В Петрограде сосредоточена вся военная цензура, главная цель которой не пропускать военные тайны. Но Протопопов все время старался использовать эту цензуру для внутренних, политических целей и, не предупреждая меня, отдавал цензуре распоряжения, которые часто возбуждали довольно справедливые нарекания печати. На их жалобы Протопопов обыкновенно отвечал — это меня не касается, это дело военной цензуры. Выходило, что я отвечал за его распоряжения. Тогда я ему написал, что у военной цензуры свои цели, у гражданской — свои, и, конечно, военная цензура должна итти рука об руку с гражданской и помогать общей цели, но просил его прислать мне перечень тех вопросов, которые он не желает допустить к огласке в печати, но не отдавать распоряжения цензуре помимо меня. На это он ответил, что перечня прислать не может и впредь будет отдавать свои распоряжения военной цензуре. После этого Протопопов мне сообщил, что, по всеподданнейшему докладу, его величеству благоугодно было согласиться с его мнением. Это было мое первое столкновение с Протопоповым.

«В ноябре прошлого года (1916) в Петрограде возникли забастовки. Я объехал заводы. Сперва ген. Хабалов дал мне офицера, который должен был знать все заводы и их настроение, но он решительно ничего не знал. Тогда я обратился к Маниковскому, который назначил действительно знающего офицера — не только где какой завод, но и настроение каждого завода. На Путиловском заводе рабочие заявили жалобу, что у них нет муки и сахару, хотя и получают большое жалованье, но купить негде, и семьи их голодают. Сахар я им выдал из фронтового запаса, а насчет муки обещал помочь, напомнив, что все переживают тяжелое время, все терпят нужду, и надо быть терпеливым и справедливым. Рабочие внимательно слушали, и забастовка быстро ликвидировалась. После этого я был на совещании у гр. Бобринского по продовольственному вопросу, и тут впервые встретил Протопопова, который заявил нам всем, что нужно открыть полную свободу торговли продовольственными продуктами. Я ему возразил, что опыт был однажды уже сделан и привел к тому, что по всей России продукты вздорожали по той причине, что торговцы начали прятать продукты и искусственно подымать цены. У меня было много сведений по этому поводу о тех безобразиях, которые творились в тылу. Я настаивал на том, чтоб продовольственный вопрос был введен в строгую систему. Протопопов возражал, что никакой системы не надо, а надо делать так, как в Англии. Я довольно резко ему возразил, что, к сожалению, мы не Англия, а Россия, и мы — не англичане, а русские. На этом он замолчал. В результате всего этого, за три недели до переворота, Петроград был изъят из моего ведения, и Хабалов назначен главнокомандую-

щим. Это развязывало Протопопову и Хабалову руки, и кроме того, что последний стал самостоятелен, и материальное его положение улучшилось. Ясно было, что Хабалов этого, главным образом, хотел достичь. Когда мне впервые сообщили об этом, я просил определить границы Петроградского округа, во избежание недоразумений. По старой терминологии, в Петроградский округ входили и Луга и Псков. Я определил в свою сторону линию ближайших окрестностей Петрограда. Против идеи о выделении Петрограда в самостоятельный округ я не возражал, — как раньше говорил, он служил лишь страшной обузой. Указал лишь на то, что Финляндия мне подчинена, а потому нужно устроить для нее специальную базу в Петрограде (инженерную, артиллерийскую, интендантскую и т. д.). Но границы Петроградского округа были определены лишь в конце апреля, а за это время что за путаницы происходили!

«Когда я объезжал заводы, то настроение было уже явно распропагандированное. Хотя рабочие выставляли экономические требования, но из разговоров с вожаками было видно, что они проникнуты политикой. Петроградские войска, — вы сами знаете, что это такое. Запасные батальоны со слабыми кадрами. Рассчитывать на них для подавлений беспорядков я не мог и по опыту это видел во время ноябрьских забастовок. Войска не то что неохотно шли против рабочих, но вызывали столкновения сами вместо водворения порядка. Пропаганда в войсках шла страшная, о чем я предупредил ген. Хабалова и сказал ему, что применение силы оружия при беспорядках отнюдь не следует [допускать], что это вызовет лишь ужасные последствия, учесть кои вперед даже нельзя.

«Когда я был у Трепова, он меня спросил, правда ли, что я приказал Хабалову беспорядки не усмирять силой оружия. Я ему повторил свое мнение, на что Трепов уверял, со слов Хабалова, что у него 50 тысяч верных солдат. Откуда мог ген. Хабалов взять такую цифру? Он мог еще рассчитывать на учебные команды, где подбор людей лучше, но ведь это капля в море. К сожалению, последующие события показали, что я не ошибся.

«Итак, Петроград был изъят из моего ведения, и с тех пор, до конца февраля, я решительно не знал, что там делается. С 24 февраля стали поступать отдельные слухи, что в Петрограде неспокойно, но в чем дело и во что это выливалось, мы не знали. 27 февраля я получил от Родзянки телеграмму, где он вкратце излагал беспокойное настроение столицы и считает единственным выходом из создавшегося тяжелого положения просить государя даровать ответственное министерство. Эту телеграмму я передал государю в ставку и прибавил от себя, как о том просил Родзянко, и свое ходатайство, считая это выходом из тяжелого положения. В тот же день я получил от Алексеева приказ экстренно отправить в Петроград бригаду кавалерии, а потом еще дивизион артиллерии для подавления беспорядков. Подобные эшелоны были посланы со всех фронтов, под общим начальством ген. Иванова, которому были подчинены все министры. Ген. Иванов ехал с Георгиевским батальоном. Но что делалось в столице, мы все-таки не знали. Ходили слухи, но не больше. Лишь 1 марта утром стала приниматься длинная телеграмма из ставки с изложением, в хронологическом порядке, хода событий, начиная с 24 февраля. Тут стало яснее, что на улицах была стрельба, часть министров арестована и кто-то заседает в Мариинском дворце. Но кто владеет окончательно столицей, мы понять не могли. Ген. Хабалов писал, что не в силах подавить восстание, что у него всего из 50 тысяч солдат лишь 600 остались верными.

«В 12 ч. дня 1 марта, со станции Дно, я получил от Воейкова телеграмму, что литерные поезда следуют на Псков и чтоб были приняты меры к их беспрепятственному пропуску в Царское Село. На сделанное мною по этому поводу распоряжение я получил ответ по всей линии до Царского, что путь свободен, и литерные поезда могут следовать беспрепятственно. Это обстоятельство надо отметить при разговоре моем с Родзянко.

«Государь прибыл в Псков 1 марта в 7 ч. 30 м. вечера. Я встретил государя на вокзале и был принят. На мой вопрос, получил ли государь мою телеграмму об ответственном министерстве, государь ответил, что получил и ждет сюда Родзянко, что меня очень обрадовало — мы могли бы знать, что делается в столице, — после чего был приглашен к обеду. После обеда я остался с государем вдвоем и снова спросил, какой же будет ответ Родзянко на его просьбу о даровании ответственного министерства. Государь на это ответил, что не знает, как решить, что скажет юг России, казачество. Тогда я стал доказывать государю необходимость даровать ответственное министерство, что уже, по слухам, собственный его величества конвой перешел на сторону революционеров, что самодержавие есть фикция при существовании Государственного Совета и Думы и что лучше этой фикцией пожертвовать для общего блага. В это время была получена телеграмма от Алексеева, где он просил о даровании ответственного министерства. Эта телеграмма решила [1]) государя, и он мне ответил, что согласен, и сказал, что напишет сейчас телеграмму. Не знаю, удалось ли бы мне уговорить государя, не будь телеграммы Алексеева; сомневаюсь. Я ушел к себе в вагон, куда мне принесли телеграмму государя. Не успел я ее прочесть, как меня позвал гр. Фредерикс. У него я застал Воейкова. Он стал мне предлагать сигары, которых не курю, а начальник штаба Данилов задымил огромной сигарой. Мы не успели поговорить, как гр. Фредерикс был позван к государю. Данилов ушел в штаб, и я остался вдвоем с Воейковым в купе гр. Фредерикса. Тогда Воейков спросил меня, доволен ли я телеграммой.

«Прочитав ее, я увидел, что там ни слова об ответственном министерстве. Телеграмма была редактирована так. После слов: «признав за благо» и т. д. стояло: поручаю вам (Родзянко) сформировать новый кабинет и выбрать министров, за исключением военного, морского и иностранных дел. Тогда я обратился к Воейкову с просьбой доложить государю, что мне он говорил о даровании ответственного министерства, а в телеграмме сказано лишь о сформировании нового кабинета, без указания, перед кем он ответствен. Воейков вытаращил на меня глаза, заерзал на диване и очень нехотя пошел к государю. Я остался один ждать. Ждал час, пошел второй — и ничего. Тогда я попросил одного из адъютантов сходить и доложить государю, ждать ли мне или можно ехать в штаб. Я чувствовал себя не совсем хорошо, да еще безумно устал и еле держался на ногах. Пока адъютант ходил и докладывал, остальные лица свиты стали обсуждать положение, и, когда узнали, что государь согласен даровать ответственное министерство, все обрадовались, уверяя, что давно говорили, что это необходимо было сделать. Кому они об этом говорили, я так и не узнал.

«Прождал я всего около двух часов, был уже первый час ночи, когда меня позвали к государю. Там был гр. Фредерикс, и государь передал мне вновь составленную телеграмму, где уже было прямо сказано о даровании ответственного министерства без ограничения военного, морского и ин. дел и поручается Родзянко сформировать кабинет.

«Сперва государь хотел телеграмму направить в ставку, а оттуда в Петроград для распубликования, но потом было решено, для ускорения, передать ее лично Родзянко, который был вызван мной к аппарату в главный штаб, и Родзянко обещал быть на аппарате в 3 ч. утра, — оставалось два с небольшим часа до разговора, — и было решено ему передать лично для распубликования. Кроме того телеграмма была послана в ставку Алексееву и прошла по всем фронтам.

«В 3 ч. я был на аппарате. Но долго он не налаживался — выходила масса знаков и путаница, и только около 4 часов разговор начался и кончился около 7 ч. утра. Пока поступала лента, она переходила на другой аппарат и передавалась Алексееву в ставку.

[1]) Так в подлиннике.

«Вот суть моего разговора с Родзянко (в будущем я постараюсь снять копию не только с этого разговора, но и всех других документов, относящихся к делу. Н. В. мне сперва передал по памяти, а затем уже читал по подлинникам, но запомнить детали огромной массы читанных документов я, понятно, не мог. Ежели сниму документы, то сделаю всюду ссылки на них, и тогда изложение будет яснее). (Родзянко был вызван к аппарату после того, что была получена телеграмма, что он не приедет в Псков).

«Когда аппарат наладился, — продолжал Рузский, — я первым долгом спросил Родзянко, почему он не приехал, что государь его ждал и что в личной беседе легче было бы выяснить все обстоятельства. Родзянко ответил, что он не мог покинуть Петроград, что революционеры держат город в своей власти, и, дабы избежать анархии, он взял власть в свои руки, только им одним держится город, только его слушают, и все ему повинуются. Для успокоения умов он арестовал часть министров и стал во главе Временного Правительства.

«Обратите внимание, — прибавил тут Н. В., — что он уверяет, что вся власть в его руках, и что он будет говорить дальше, в конце разговора.

«Родзянко продолжал развивать свой взгляд на события и указал, что единственно, что могло бы предотвратить революцию, это дарование ответственного министерства.

«Я ему ответил, что государь согласился и передал ему текст манифеста, подписанного государем, и просил немедленно распубликовать, чтоб к утру столица знала.

«Родзянко на это возразил, что теперь уже поздно, что ответственное министерство не удовлетворит больше народ, что раздаются уже требования улицы об отречении.

«На мой категорический вопрос, будет ли он публиковать манифест, он ответил: право, не знаю, как потекут события, что его никто не слушается (а что он говорил вначале?!), что власть ускользает из его рук, что кругом царит полная анархия.

«На это я ему ответил: «Михаил Владимирович, помните, что судьба России в ваших руках, что от принятых вами решений зависит исход войны, которую нужно довести до конца, достойного родины. Вспомните все жертвы, павшие на поле брани, вспомните наших доблестных союзников, которые кровью истекают за общую цель, главное, что все хотели, это — ответственное министерство, которое теперь даровано, а форма правления является второстепенным вопросом.

«Важно, чтоб министры были ответственны перед палатами, чтоб народ контролировал их. Это достигнуто. Михаил Владимирович, остановите дальнейшую анархию, которая может переброситься в армию и вконец ее разложить. Ведь анархия распространится на всю Россию и надолго остановит ее боевое развитие. Теперь наступает весна, надо думать о наступлении, вспомните все это. Ответственность ваша велика перед родиной».

Родзянко: «Николай Владимирович, вы вконец истерзали мое и без того растерзанное сердце, но я не властен остановить анархию и жду своего ареста с минуты на минуту, но ручаюсь вам, что все партии объединились кругом одной цели — разбить проклятого немца, всем способствовать нашей доблестной армии. Продовольствия она получит больше, и провозоспособность железных дорог усилится. Прошу вас только, — продолжал Родзянко, — приостановить посылку эшелонов, которые присоединяются к революционерам и увеличивают опасность кровопролития. Уже в Луге эшелон присоединился к восставшим». (Это он соврал. Эшелон в Луге не взбунтовался, я об этом имел уже точные сведения — заметил Рузский.)

«Посылка эшелонов была, действительно, приостановлена раньше этого разговора, по приказанию государя. Надежных войск, с кадрами старыми, у нас не было. Полки переменили свой состав от 5 до 10 раз. Офицеров старых, при лучшем случае, в полку 2—3. При таком составе нет настоящей дисциплины.

«На этом наш разговор закончился; было около 7 ч. утра, и я пошел при-

лечь. К 9 ч. был назначен доклад у государя, но я получил приказание явиться на $^{1}/_{2}$ часа позже.

«К этому времени от ген. Эверта получен был ответ, в котором он ходатайствовал перед государем об отречении.

«Государь внимательно прочел мой разговор с Родзянко, телеграмму Эверта; в это время пришла телеграмма от Сахарова, примерно, такого же содержания. Государь внимательно читал, но ничего не отвечал. Подошло время завтрака, и государь пригласил меня к столу, но я отпросился в штаб принять утренний доклад и просмотреть накопившиеся за ночь телеграммы. К 2 часам приказано мне было вернуться. За это время пришла телеграмма от Сахарова, тоже с ходатайством об отречении. Кроме того, получены были известия о событиях в Петрограде, из коих ясно было, что на восстановление порядка рассчитывать уже невозможно. Весь гарнизон перешел во власть Временного Правительства. Со всеми этими сведениями я прибыл к государю. Он их внимательно читал. Тут прибыли телеграммы от Брусилова, Алексеева и вел. кн. Николая Николаевича. Последнюю телеграмму государь прочел внимательно два раза и в третий раз пробежал. Потом обратился к нам и сказал: «Я согласен на отречение, пойду и напишу телеграмму». Это было в 2 ч. 45 м. дня.

«Я должен добавить, — продолжал Рузский, — что я прибыл к государю не один, а в сопровождении начальника штаба ген. Данилова и начальника снабжения ген. Саввича. Обоих я вызвал утром к себе и передал им ход событий и переговоров, не высказывая своего мнения. Я просил их ехать к государю со мной, потому что мне было ясно, за эти оба дня, да и раньше я это чувствовал, что государь мне не доверяет. Когда я прибыл в 2 ч. к государю, я ему прямо сказал: «Ваше величество, я чувствую, что вы мне не доверяете, позвольте привести сюда ген. Данилова и Саввича, и пусть они оба изложат свое личное мнение». Государь согласился, и ген. Данилов в длинной речи изложил свое мнение, которое сводилось к тому, что для общего блага России государю необходимо отречься от престола. Примерно то же, но короче, сказал ген. Саввич. Таким образом весь вопрос об отречении был решен от 2 до 2 ч. 45 м. дня, т.-е. в $^{3}/_{4}$ часа времени, тогда как вопрос об ответственном министерстве накануне решался от 9 ч. вечера до $12^{1}/_{2}$ ночи.

«Пока государь писал телеграмму, комендант станции передал мне, что только что получена телеграмма из Петрограда с известием, что в Псков, с экстренным поездом, едут Гучков и Шульгин. В 3 ч. ровно государь вернулся в вагон и передал мне телеграмму об отречении в пользу наследника.

Узнав, что едут в Псков Гучков и Шульгин, было решено телеграммы сейчас не посылать, а выждать их прибытия. Я предложил государю лично сперва с ними переговорить, дабы выяснить, почему они едут, с какими намерениями и полномочиями. Государь с этим согласился, с чем меня и отпустил. Было очень важно знать настроение столицы и соответствует ли решение государя действительно мнению Думы и Врем. Правительства.

«После этого я пошел в свой вагон и предупредил, что в случае необходимости я буду недалеко. Не прошло и $^{1}/_{2}$ часа после моего ухода, как ко мне пришел один из фл.-адъютантов и попросил вернуть государю телеграмму. Я ответил, что принесу лично и пошел в царский поезд и застал государя и гр. Фредерикса.

«Я чувствовал, что государь мне не доверяет и хочет вернуть телеграмму обратно, почему прямо заявил: «Ваше величество, я чувствую, вы мне не доверяете, но позвольте последнюю службу все же сослужить и переговорить до вас с Гучковым и Шульгиным и выяснить общее положение». На это государь сказал: «Хорошо, пусть останется, как было решено». Я вернулся к себе в вагон с телеграммой в кармане и еще раз предупредил коменданта, чтоб, как только приедут Гучков и Шульгин, вести их прямо ко мне в вагон.

«Возвращаясь к себе в вагон, я зашел к Воейкову, где у меня произошел довольно крупный разговор, даже не

разговор, а я ему просто наговорил кучу истин, примерно такого содержания: я почти ничем не обязан государю, но вы ему обязаны во всем, и только ему, и вы должны были знать, а это ваша обязанность была знать, что творилось в России, и теперь на вас ляжет тяжелая ответственность перед родиной, что вы допустили события притти к такому роковому концу. Он так на меня и вытаращил глаза, но ничего не ответил, и я ушел к себе в вагон немного отдохнуть, предупредив коменданта, чтоб Гучкова и Шульгина, по приезде, провести прямо ко мне. Мне хотелось узнать от них, в чем дело, и если они, вправду, приехали с целью просить государя об отречении, то сказать им, что это уже сделано. Хотелось мне спасти, насколько возможно, престиж государя, чтоб не показалось им, что под давлением с их стороны государь согласился на отречение, а [не] принял его добровольно и до их приезда. Я это сказал и государю и просил разрешения сперва их повидать, на что получил согласие. Не помню, в котором часу это было, — кажется, около 7 вечера, ко мне снова пришли от государя просить назад телеграмму. Я ответил, что принесу лично и стал одеваться. Когда послышался шум приближающегося поезда, тут же прибежал комендант и сообщил, что Гучков и Шульгин прибыли и уже направляются ко мне в вагон, когда их по дороге перехватили и потребовали к государю. Я оделся и пошел в поезд государя и застал тот момент, когда Гучков излагал ход событий в Петрограде. Все сидели в закусочном отделении вагона-столовой; у стола против государя — Гучков, опустивши глаза на стол, рядом Шульгин, около которого я и сел, между ним и государем, а по ту сторону сидел гр. Фредерикс. В углу, как я потом заметил, кто-то сидел и писал.

«Речь Гучкова длилась довольно долго. Он подробно все изложил и в заключение сказал, что единственным выходом из положения он считает отречение государя в пользу наследника.

«Здесь я сказал своему соседу Шульгину, что государь уже решил этот вопрос, и с этими словами передал его величеству телеграмму об отречении, думая, что государь развернет телеграмму (она была сложена пополам) и прочтет ее Гучкову и Шульгину. Каково было мое удивление, когда государь, взяв телеграмму, спокойно сложил ее еще раз и спрятал в карман. После этого государь обратился к членам Думы с следующими словами: принимая во внимание благо родины и желая ей процветания и силы для доведения войны до победного конца, он решил отречься от престола за себя и за Алексея.

«Вы знаете, — сказал государь, — что он нуждается в серьезном уходе. Все так и были огорошены совершенно неожиданным решением государя. Гучков и Шульгин переглянулись удивленно между собой, и Гучков ответил, что такого решения они не ожидали, и просили разрешения обсудить вдвоем вопрос и перешли в соседнее столовое отделение. Государь удалился писать телеграмму. Вскоре я пошел к Гучкову и Шульгину и спросил их, к какому они пришли решению. Шульгин ответил, что они решительно не знают, как поступить. На мой вопрос, как, по основным законам, может ли государь отрекаться за сына, они оба не знали. Я им заметил, как это они едут по такому важному государственному вопросу и не захватили с собой ни тома основных законов ни даже юриста. Шульгин ответил, что они вовсе не ожидали такого решения государя. Потолковав немного, Гучков решил, что формула государя приемлема, что теперь безразлично, имел ли государь право или нет. С этим они вернулись к государю, выразили согласие и получили от государя уже подписанный манифест об отречении в пользу Михаила Александровича.

«Разговоры затянулись почти до 12 ч. ночи, а когда все стали расходиться, Гучков обратился к толпе у вагона со следующими словами: «Господа, успокойтесь, государь дал больше, нежели мы желали».

«Вот эти слова Гучкова остались для меня совершенно непонятными. Что он

хотел сказать: «больше, нежели мы желали»?

«Ехали ли они с целью просить об ответственном министерстве или отречении, я так и не знаю. Никаких документов они с собой не привезли. Ни удостоверения, что они действуют по поручению Государственной Думы, ни проекта об отречении. Решительно никаких документов я в их руках не видел. Если они ехали просить об отречении и получили его, то незачем Гучкову было говорить, что они получили больше, нежели ожидали. «Я думаю, — заключил Рузский, — что они оба на отречение не рассчитывали».

Закончив свой рассказ, который длился от 3 до 7 ч., Н. В. спросил меня, не знаю ли я, с чем ехали Гучков и Шульгин в Псков. Я всегда думал, что они везли проект манифеста об отречении, — так, по крайней мере, я помню, говорил Караулов.

«Меня тоже все так уверяли, но положительно подтверждаю, что оба никаких документов с собой не привезли. Между прочим как Гучков, так и Шульгин приехали в замечательно грязном, нечесаном состоянии, и Шульгин извинился за это неряшливое состояние перед государем, но три дня провели в Думе, не спавши [1]). Я потом им говорил: что вы грязные приехали, это полбеды, но беда в том, что вы приехали, не зная законов...

«После моего первого назначения главнокомандующим северного фронта я заболел и был уволен. Проездом через Петроград я был принят государем, который спросил, как на фронте, а потом спросил: а вы где собираетесь жить в России? Этот вопрос я не понял и до сих пор не понимаю. Ведь не за границу же я мог ехать! На прощанье государь мне сказал, что через месяц или полтора я ему понадоблюсь. Тогда я уехал в Финляндию лечиться и на обратном пути хотел явиться к государю, но он был в Могилеве. Я пошел в главный штаб и вызвал военного министра Шуваева к аппарату и передал ему, что при прощании государь сказал, что я ему понадоблюсь. Через несколько дней я получил от Шуваева телеграмму, где было сказано, что государь разрешает мне устраиваться, где хочу. Я поселился в Павловске. Потом я видел Шуваева и спрашивал, почему я получил такой странный ответ. Шуваев сказал, что показал ленту юза государю, и таков был ответ. Через месяц я был вызван в ставку и вторично назначен, вместо Куропаткина, главнокомандующим северного фронта, и это было 20 июля 1916 года».

Вот главное, что мне из фактов передал Рузский. В дальнейшем разговоре у него была такая фраза: «Я никогда особенно правым не был, но не был и левым, но всегда считал, что государь править такой огромной страной, как Россией, не мог. У него характер очень неустойчивый».

Рузский неоднократно повторял, что государь ему не доверял; я спросил, почему он это знает.

«Это было видно во многом, ну, хоть телеграмма, что я могу устраиваться, где хочу, да, кроме того, до меня доходили слухи, будто я императрицу ненавижу и действую против государя. Это, конечно, ложь. Я со многим, что делалось, не согласен был, но и только».

Я еще спросил, откуда могла императрица Мария Федоровна рассказывать знакомым, со слов государя, что во время разговоров в Пскове, он, Рузский, стукнул кулаком по столу и сказал: «Ну, решайтесь же, наконец», — разговор шел об отречении. Рузский мне ответил: «Я не знаю, кто мог это выдумать, ибо ничего подобного никогда не было. Вероятнее всего это Воейков наврал, после того, что я с ним резко говорил в вагоне».

Надеюсь еще поговорить с Рузским и записать еще интересные вещи — как для истории, так и для памяти.

---

[1]) Так в подлиннике.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Диспозиция «Комитета народного спасения».

Появление на свет публикуемого ниже документа (сентябрь 1915 г.) относится к моменту самых обостренных отношений буржуазии с самодержавием.

Поражение на фронтах, разгон Государственной Думы и вообще неумелая внутренная и внешная политика царского правительства все больше отталкивали в оппозицию почти все политические группировки русской буржуазии.

Буржуазия — особенно московская — стала сильно «леветь», и вновь, как в 1905 году, в Москве (отсюда исходила инициатива) устраивала банкеты, кружки, собрания в закрытых ресторанных кабинетах и съезды, на которых ее лидеры произносили громкие речи, постоянно указывая на бездарность, на полную «бездеятельность правящих классов», на «царящую в стране анархию» и на неспособность «правительственного элемента сорганизовать страну для победы».

Оппозиция старалась доказать, что все возможности к победе были налицо,

и стоило лишь «суметь» сорганизовать страну, как Россия вышла бы с честью из войны, еще более сильной и мощной, с новыми приобретениями, с новыми рынками, т.-е. более широкой базой для сбыта товаров.

Однако оппозиция, учитывая создавшуюся обстановку во время войны, в своей критике не очень стремилась выйти за рамки дозволенного. Оппозиции лишь хотелось «открыть верховной власти глаза». Она вместе с грозными криками о захвате власти неизменно повторяла: «спасай страну от революции». Буржуазия боялась надвигавшейся на нее катастрофы.

«Недалеко то время, — говорил на экстренном съезде Союза земств и городов, открывшемся 7 сентября 1915 г. М. М. Федоров, гласный петроградской городской думы, — когда штыки с фронта повернутся на Петроград, ибо имеются налицо все признаки, что мы накануне вооруженного восстания; поэтому, — продолжал он дальше, — мы должны спасать Россию» [1]). Еще более определенно высказывался будущий министр Временного Правительства октябрист Гучков, заявивший, что «не для революции мы призываем власть итти на соглашение с требованиями общества, а именно для укрепления власти и в целях защиты родины от революции и анархии нам необходимо сделать последнюю попытку — через наших представителей открыть верховной власти глаза на то, что происходит в России, и на возможные ужасные последствия» [2]).

Но бюрократия была до дерзости самоуверенна и советами друзей слева пренебрегала. Самодержавие на уступки не шло. «Мы не конституционная страна и не смеем ею быть», — писала 7 сентября 1915 г. Александра Федоровна Николаю; не надо также «министра, ответственного перед Думой», — продолжала она [3]). Этих же взглядов, как известно, еще больше держался и сам Николай.

Пренебрежение к интересам буржуазии заставило даже таких трезвых политиков, как П. Рябушинский, звать так называемые «общественные элементы стать на путь полного захвата в руки исполнительной и законодательной власти» [1]).

Первой, хотя и робкой, попыткой к «захвату власти» был открыто опубликованный в газете Рябушинского «Утро России» [2]) список кандидатов для сформирования так называемого «кабинета обороны» в составе: Гучкова, Милюкова, Некрасова, Шингарева и пр. с Родзянко во главе. При таком кабинете произошло бы, так сказать, полное «единение правительства с народом». С таким кабинетом столковаться было бы гораздо легче, да и столковываться было бы не о чем.

Однако маневр с «кабинетом обороны» не удался. Это был мыльный пузырь. Тем не менее буржуазия продолжала готовиться. Она считала, что наступил исторический момент, когда ей необходимо стать в роли «спасителя» гибнущей России, поэтому оппозиция усиленным темпом продолжала мобилизовывать «общественные элементы первопрестольной столицы», ибо голос ее должен был прозвучать твердо, непоколебимо, не только «от края до края» в самой России, но и далеко за ее рубежом, т.-е. для иностранных капиталистов. Для этого «нужно всем скорее, — говорил А. И. Гучков, — объединиться и организоваться, и эта организация нужна не только для борьбы с врагом внешним, но еще больше для борьбы с врагом внутренним — той анархией, которая вызвана деятельностью настоящего правительства» [3]).

Весьма характерно, что эта мысль, высказанная А. И. Гучковым на съезде земского и городского Союзов, открывшемся 7 сентября 1915 г., почти в таких же выражениях повторяется и публикуемой «диспозицией» «Комитета народного спасения», которая

---

[1]) «Буржуазия накануне Февральской революции». Гиз, 1927, стр. 49, 50.

[2]) Там же, стр. 50.

[3]) «Переписка Романовых». Гиз, 1923, т. III, стр. 314.

[1]) «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 21.

[2]) От 13 августа 1915 г., № 222.

[3]) «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 50.

датирована днем позже, т.-е. 8 сентября.

Это совпадение, повидимому, не случайно, так как донесениями охранки подтверждается, что буржуазия, готовясь к будущей своей роли, организовывалась легально и конспиративно. В недрах «подполья» при активном, повидимому, содействии Гучкова и был создан «Комитет народного спасения», диспозиция которого, найденная среди бумаг Гучкова (Ленингр. Центр. Ист. Архив), есть не что иное, как предварительная программа блока крупной и мелкой буржуазии, делившего задолго до падения самодержавия плоды грядущей Февральской революции.

Б. Кругляков.

ДИСПОЗИЦИЯ № 1.

Необходимо:

1) Признать, что война ведется на два фронта: против упорного и искусного врага во вне и против не менее упорного и искусного врага внутри.

2) Отделить определенно и открыто людей, понимающих и признающих [1]) наличность внутренней войны, столь же важной, как и внешняя, от людей, не понимающих или не желающих признать наличность двух войн.

3) Признать, что достигнуть полной победы над внешним врагом немыслимо без предварительной полной победы над врагом внутренним.

4) Признать, что полная победа внутри означает публичное и окончательно связующее преклонение всех без исключения лиц в империи перед утверждением: «русский народ есть единственный державный хозяин [2]) земли русской», с соответственными из сего практическими выводами, а именно: право хозяина иметь [3]) свое мнение, открыто его высказывать и требовать беспрекословного подчинения его организованной воле.

5) Для успешности борьбы по внутреннему фронту отстаивать идеи всяких блоков и объединений с элементами зыбкими и сомнительными, немедленно назначить штаб верховного командования из десяти лиц, предоставив сие основной ячейке: кн. Львов, А. И. Гучков и А. Ф. Керенский, и, отказавшись при выборе кандидата от назначения по признаку личного уважения и прошлых заслуг, а назначать [1]) исключительно по признакам: а) ясности мышления, б) честности слова и в) твердости воли.

6) Признать, что организация борьбы за народные права должна вестись по установленным практикой правилам военной централизации и дисциплины, совместной с широкой инициативой отдельных частных начальников. Лозунг объединения и борьбы: возвращенье в руки хозяина — русского народа в лице его организованного представительства — прав, узурпированных за время его несовершеннолетнего приказчика.

7) Верховное командование организованным народом в борьбе за свои права принять на себя А. И. Гучкову, как объединяющему в себе доверие армии и Москвы, отныне не только сердца, но и волевого центра России.

8) Методы борьбы за права народа должны быть мирными, но твердыми и искусными. Памятуя, что лиц с именами, на которые с упованием взирают армия и народ, никто тронуть не посмеет, эти лица должны дерзать произносить своевременно слова и действия, другим недоступные [2]). Коронованные народным доверием и надеждой, они должны принять на себя не только лавры венков, но и их терпии.

9) Мирная борьба разумеет, прежде всего, открытое и всенародное отделение козлищ [3]) от овец. Кто за народ, должен быть отделен и сорганизован, дабы тверды и дисциплинированы были его кадры. Кто против народа, тот должен быть занесен в особый список с занесением его проступков и ответственности за задержку дела обновления России.

---

[1]) В подлиннике: «признававших».
[2]) В подлиннике: «хозяйственный».
[3]) В подлиннике: «имеет».

[1]) В подлиннике: «назначая».
[2]) В подлиннике: «недоступным».
[3]) В подлиннике: «козлиц».

10) Сия работа, не касающаяся обыкновенных граждан, а исключительно лиц, участвовавших в государственной машине и общественной деятельности, даст возможность определить силы обоих лагерей и в зависимости от этого укажет и способы мирной борьбы.

11) Мирная борьба должна оперировать не методами забастовок, вредных для войны внешней и для интересов населения и государства, а методом отказа войск, борцов за народное дело, от какого бы то ни было общения с лицом, удаление которого от государственных и общественных функций декретировано верховным командованием. В связи с этим все отрицательные поступки лиц у власти должны быть открыто и всенародно «записаны на книжку», с предупреждением, что по окончании войны будет отдан приказ «к расчету стройся», и никакие торжества по случаю мира и естественные утомления [1]) не [могут] сломать решимости расчет этот произвести по заслугам перед народом и армией. Должно быть твердо установлено, что врагам народа в эту поворотную минуту амнистии не будет в течение 10 лет после заключения мира.

12) Признать, что внешним фактором успеха или проигрыша внутренней войны представляется пресса и ее повышающее, — правдиво [1]) патриотическое — или понижающее — лживо-пошлое — воздействие на массы. Посему: а) перестать сантиментальничать с прессой, руководители которой цинично набивают себе карманы, покупая свои доходы прислуживанием к врагам народа; б) подчинить прессу верховному командованию и требовать ее согласованных действий, несогласных же заставить молчать путем снятия с работы рабочего персонала и объявления бойкота неподчинившихся органов печати.

Пока не представляется желательным развивать далее сии основные решения. Сочувствующие приглашаются заявлять о том вышеуказанным лицам. Из числа этих заявлений будет видно, созрели ли обыватели до сознания неотложной необходимости по-военному организованной, не боящейся [2]) света армии для открытой мирной, но неослабной борьбы за победу, порядок и права народа. В зависимости от развития событий на внутреннем фронте диспозиция подлежит переменам и дополнениям, о которых будет сообщено.

Комитет народного спасения.

Дана в Москве
8 сентября 1915 года.

[1]) Так в подлиннике.

[1]) В подлиннике: «правдимо».

[2]) В подлиннике: «не боявшейся».

Спиридович и его «История революционного движения в России».

Известный охранник А. И. Спиридович помимо своих прямых служебных обязанностей занимался также изучением истории русского революционного движения. Его перу принадлежат две книги под общим заглавием «История революционного движения в России»: I выпуск — «Российская социал-демократическая партия», и II выпуск «Партия социалистов-революционеров и их предшественники». Работа эта, впрочем, была не плодом научных интересов автора, а выполнением заданий той же охранной службы генерала. Она представляет собой лекции по истории революционного движения в России на специальных курсах для офицеров особого корпуса жандармов в Петрограде, читанные Спиридовичем в 1910—1911 гг.

Спиридович разослал свою книгу многим «высокопоставленным» лицам и некоторым известным политическим деятелям, мнением или вниманием которых он почему-либо интересовался. Получившие книгу прислали автору благодарственные письма, которые сохранились в бумагах генерала.

Из этих писем, оказавшихся в особой папке среди материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства, здесь отобраны наиболее интересные по содер-

жанию или по именам корреспондентов. Кроме того, мы печатаем запись Спиридовича от 16 января 1916 г. с изложением беседы его с царем при поднесении последнему II выпуска «Истории революционного движения». В числе благодарственных писем есть письмо известного охранника С. В. Зубатова, которое мы, однако, опускаем, так как оно уже напечатано в «Красном Архиве» (т. II, стр. 281—283).

Публикуемые документы извлечены из «дела» Чрезвычайной следственной комиссии о гр. Фредериксе и генералах Воейкове и Спиридовиче, т. XXI, хранящемся в Московском Архиве Революции и Внешней Политики.

В. Алексеев.

1.

Вечером 3 числа [1]), когда я сидел в театре в ложе, мне передали распоряжение дворцового коменданта, чтобы завтра, 4-го, я явился во дворец с книгой к 10 часам утра, и даже немного раньше. Я взволновался и все время в театре был сам не свой. После театра у меня пили чай Федорова, Суслова, Ежов [2]). Мне было не по себе. Когда ушли, я стал, было, просматривать книгу, а затем лег. Сон не был спокойным. Проснулся рано. В 8 ч. утра уже был на ногах. Одевшись и захватив на всякий случай ордена и папаху, в 9 ч. 30 м. я был уже у дворцового коменданта. Он осмотрел, как был я одет, дал мне книгу и велел ждать в комнате Сергея Петровича [3]). Попав туда, поздоровался. Федоров ушел, я стал дожидаться. Готовился, что сказать; примерял, как буду держать книгу. Волновался. Наверху у его величества пили чай.

Пришел в переднюю. Часы показывали уже одиннадцать часов. Около $10^1/_2$ задвигали наверху стульями. Расходились из столовой. Спускались вниз. Поздоровался с Поповым, Граббе [1]). Сбежал скороход и пригласил наверх. Там в зале уже стоял Воейков [2]) и Нарышкин [3]). Нарышкин поблагодарил за присылку ему книги, Воейков указал, где стать, велел коробку из-под книги снять.

Через несколько минут из противоположной двери в зал вошел государь император.

Его величество был в пальто и фуражке. Я кажется, поклонился издали, а затем, когда увидел, что государь направился ко мне, сделал к его величеству несколько шагов и сказал: «Вашему императорскому величеству имею счастье поднести мою книгу «Партия социалистов-революционеров и их предшественники». Его величество стоял вплотную, смотрел прямо в глаза и ласково улыбался. Отрапортовав, я подал книгу. Государь взял, поблагодарил и стал перелистывать.

— Ведь это вторая часть книги? Правда? Ведь первую вы мне дали года два тому назад?

— Так точно, ваше величество. Вам передал дворцовый комендант.

— Про эту книгу вы мне говорили, помните в шхерах, на одном из островов?

— Так точно, ваше величество.

— Уже тогда вы начинали ее?

— Так точно, ваше величество.

— Сколько времени вы ее писали?

— Полтора года, ваше императорское величество, при условии, что материалы и документы были собраны, приготовлены. Я пользовался официальными документами и партийными документами, копиями.

— Ну да, конечно. И по личному опыту. — При этих словах е. в. ласково улыбался. — А, какое число вы издали?

— 3 000, у меня их все купит товарищ министра Белецкий.

---

[1]) 16 января н. ст. 1916 г.

[2]) Ежов, д. ст. сов., инспектор царских поездов.

[3]) Сергей Петрович Федоров, лейб-хирург.

[1]) Граббе, Мих. Никол., гр., ген.-м. свиты, впоследствии наказный атаман Донского войска.

[2]) Воейков, Вл. Ник., ген.-м. свиты, дворцовый комендант.

[3]) Нарышкин, Кирилл Анат., полк., флиг.-ад., пом. нач. военно-походной канцелярии Николая II.

— Ах, ну, конечно, это им нужно.

Затем государь стал опять перелистывать книгу и заметил указатель годов.

— Здесь по годам, это интересно проследить, — и, остановившись на каком-то документе, сказал: — Тут документы!

Я сказал, что приложены ценные документы, так, например, «проект основного закона о земле».

— Это первая Дума?

— Вторая Дума, в. в.; внесли трудовики, поддержала оппозиция, а выработано было центральным комитетом социалистов-революционеров.

— Вот как! У них! Это интересно! Благодарю вас еще раз. Буду читать. Это будет моей настольной книгой.

2.

Письмо Спиридовича Белецкому.

26 декабря 1915 года.
Гор. Петроград.
№ 1005.

Ваше превосходительство,

милостивый государь
Степан Петрович.

Чтение лекций на жандармских курсах по истории революционного движения в России показало мне, сколь велика жажда у поступающих в корпус жандармов офицеров к познанию тех элементов, на борьбу с которыми они себя обрекают.

Своя же личная служба в корпусе, особенно в первые годы, показала мне, сколь беспомощны офицеры в отношении изучения революционного движения, благодаря отсутствию соответствующих пособий.

Указанные обстоятельства побудили меня начать составлять очерки о деятельности главнейших революционных организаций под общим заглавием: «Революционное движение в России».

В 1914 году я издал I выпуск — «Российская социал-демократическая рабочая партия», теперь же — II — «Партия социалистов-революционеров и ее предшественники».

Прося ныне ваше превосходительство принять от меня том второй моей работы, я вместе с тем покорнейше прошу о следующем.

Не признаете ли, ваше превосходительство, возможным приобрести у меня за счет департамента полиции: а) 2 600 экземпляров выпуска II по расчету 4 рубля за экземпляр, всего на сумму 11 700 рублей, и

б) 1 800 экземпляров выпуска I по цене 2 рубля за том, на сумму 3 600 рублей, с правом продажи по таковой же цене.

Просимой покупкой, ваше превосходительство, меня крайне обяжете, ущерба же казне таковой покупкой не будет принесено, потому что, если вы только пожелаете, книги быстро разойдутся.

Склад издания находится в типографии штаба корпуса жандармов, куда и могут быть мною даны соответствующие указания по получении ответа от вашего превосходительства.

Пользуюсь случаем просить, ваше превосходительство, принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Ваш покорный слуга

А. Спиридович.

3.

Письмо Бурцева Спиридовичу.

[Петроград.]
4. 1. 916 г.

С большим вниманием я прочитал обе ваши, генерал, книги — особенно вторую. Они требуют подробного публицистического разбора, и, конечно, не я один, а очень многие из русских публицистов долго будут обращаться в печати к разбору этих двух ваших книг, если, разумеется, это для них окажется возможным по внешним условиям.

Признаюсь, прежде всего, меня поразил тон ваших книг, способ изучать события: то и другое таково, что между нами возможен с п о р. Это уже много! Очень жалею, что при издании «Будущего», когда я был за границей, я не имел под рукой таких книг, как эти два ваших тома.

Разумеется, спорить и горячо спорить есть о чем по поводу ваших книг. Не в случайном письме это можно сделать, но позвольте теперь же мне, ва-

шему внимательному читателю, сказать несколько слов по поводу того, что я прочитал в ваших книгах.

Прежде всего несколько слов pro domo suo.

В самоубийстве Лапиной, на что вы намекаете на стр. 473, я ровно неприччем. В «Будущем» за 1912 г. (осенью) было помещено категорическое заявление Ц. К. с.-р. на этот счет. Она была мой политический враг (из-за Азефа), но в то же самое время и мой личный друг. В ее смерти виновны даже не с.-р., а исключительно одна история с Азефом.

Вы ссылаетесь в данном случае на «интересную» характеристику Бурцева г. Липина (стр. 473). Чем она интересна? Для кого? Неужели мой ответ на эту брошюру в № 7 «Будущего» («Г-н Менщиков [1]) под маской г-на Липина») не доказал вам, что брошюра Липина не только не интересна, а... позорна [2])?

Но вы правы, когда говорите о «ненависти глубокой и искренней» ко мне со стороны революционеров, но вы просмотрели, что партийная ненависть не заглушала в моих обвинителях чувства долга признать, что по существу я прав. И они это признали, а это для меня важнее и дороже их отношения лично ко мне.

А правительственные публицисты как ответили мне на мои разоблачения? Как отнесся ко мне Столыпин [1]). Злобы с их стороны я видел более чем достаточно, и в то же самое время ни малейшего признака того, чтобы они отдали мне должное в деле разоблачения Азефа. Как Герасимов [2]), они до сих пор не могут простить, что это я сорвал маску с них Азефа. Генерал Герасимов прикидывался каким-то другом революционеров, когда в «Вечернем Времени» уверял, что я своими разоблачениями принес соц.-рев. более зла, чем десять Азефов. Он как будто не понимает, что я боролся с Азефом и К-о прежде всего не потому, что это полезно или вредно для революционного дела, а потому, что их дело — дело предателей. Наше дело чистое, мы работаем по совести, и в нашей борьбе мы всегда должны отдавать отчет и народу и истории, а потому Азефов мы должны вырывать из своей среды прежде всего, потому что они — Азефы.

Это поняли все революционеры, — но это оказалось не по плечу генералу Герасимову.

Хотелось бы сказать вам несколько слов и в защиту Лопухина [3]).

Вот человек, которого я всегда горячо обвинял и до сих пор обвиняю с моей точки зрения. Но он чист, как новорожденный младенец, перед правительством. Он абсолютно ничего мне не сказал нового. Он умолчал о Гартинге [4]), Жученко [5]), Серебряковой [6])

---

[1]) Менщиков, Леон. Петр., известный агент-провокатор, а потом разоблачитель провокации. Между прочим он первый сообщил с.-р. о провокаторстве Азефа, через «даму под вуалью», посланную в Ц. К. партии (в 1906 г.).

[2]) Липин-Юделевский, с.-р., автор брошюры «Суд над азефщиною» (изд. парижской группы с.-р. в 1911 г.), которая вышла в связи с судом партии над Азефом, как протест против приемов следственной комиссии и тактики руководителей партии, клонившейся к сокрытию виновников предательства в партии. Попутно автор вскрывает внутреннее состояние партии — ее вырождение, деморализацию, полное разложение и жестоко обрушивается на ее руководителей, приведших партию к такому состоянию (см. изложение брошюры в кн. Спиридовича, стр. 503—508, изд. 1918 г.).

---

[1]) Столыпин, Петр Аркад., мин. вн. дел в кабинете Горемыкина, затем председатель Совета Министров (с 7 июля 1905 г.). Убит в Киеве 4 сент. 1911 г. провокатором Богровым.

[2]) Герасимов, генерал, нач. петербургского охранного отделения в 1905 г.

[3]) Лопухин, А. А., директор деп. полиц.

[4]) Гартинг (Ландезен, Геккельман), известный агент-провокатор, начавший свою деятельность в 1884 г.; позднее получил заведывание заграничной агентурой при деп. полиции.

[5]) Жученко-Гернгрос, агент-провокатор, с.-р.

[6]) Серебрякова, агент-провокатор. В течение 25 лет имела у себя в Москве

и 101 других очень для меня любопытных вещах (см. мой фельетон в «Будущем»: «Правда о деле Лопухина»).

Ваша фраза — «Бурцев сумел узнать от него (Лопухина), что Азеф сообщил департаменту полиции сведения про партию социалистов-революционеров», могла еще быть сказана Варвариным [1]) и Корсаком в 1909 г. (и то с большим трудом), а не вами в 1915 году. Между Кельном и Берлином я ничего нового для себя от Лопухина не узнал. Он, русский обыватель, находясь за границей, героически отбивался от рассказов другого обывателя, редактора «Былого», который ему рассказывал от А до Z все об Азефе и просил у него только одного: чтобы он его слушал. Правда, Лопухин не бежал от меня на другой конец вагона и сам не соскочил с поезда... В этом (и исключительно только в этом) и заключается вся вина Лопухина. Но его молчание, выражение его лица при нашем разговоре и без его слов дали мне ответы на все мои вопросы об Азефе. Но и в этом случае виновным был деп. полиции, не умевший хранить своих тайн от любопытного Бурцева, а не Лопухин, таким образом невольно благодаря самому деп. полиции подтвердивший мои сведения. Лопухин мог промолчать на мои вопросы, но это не менее красноречиво говорило бы мне об Азефе, но зато я выполнил бы то, что обещал Лопухину: рассказал бы впоследствии на страницах «Былого» об этом его молчании, в такое время... Это учел тогда Лопухин.

Если хотите, Лопухин виноват в том, что он, приехавши в Петроград, открыто не начал кампанию против Азефа, хотя бы официальным путем, опираясь на мои слова. Но в этом не только один Лопухин был виноват в 1908 г., — в этом виноваты очень и очень многие в ваших сферах — почти все — и потом в 1909—1916 гг. Как видите, в вашей книге вы и близко не подошли к верному взгляду на Лопухинскую трагедию. С точки зрения, на которой вы стоите, вы должны отдать ему справедливость и защищать его. Вы должны быть его горячим защитником, а я в то же самое время должен быть таким же его горячим прокурором.

Но самое главное, что меня поразило в вашей книге, так это — ваше отношение к Азефу, которого вы почему-то руссифицируете и называете «Азев».

На стр. 424 вы говорите про меня, что я рассказывал Лопухину о том, что «якобы Азев (ваш «Азев», а мой «Азеф») организовал покушения на Плеве, на в. к. Сергея и даже занимался организацией покушения на государя императора»...

Это ваше отныне знаменитое «якобы» я несколько дней подряд вижу во сне... Оно мне рисуется «чудищем обло, озорно, стозевно и лаяй»... Нет, лучше с укоризной говорите про меня, что доказываю такие нелепые «якобы» истины, что $2 \times 2 = 4$, чем к моим рассказам об Азефе добавлять это уничтожающее «якобы». Это меня не так заденет, как заденет ваше «якобы», когда вы приставляете его к тому, что я говорил об Азефе. Дело обвинения Азефа для меня — дело моей жизни, дело моей совести, это самые страшные и самые дорогие страницы моей жизни... Сорвавши маску с Азефа, я не только покончил с одной из продажных шкур и вырвал из рядов политических деятелей одного из главных предателей, — я тем самым разоблачил одну из важнейших сторон жизни моей родины, указал на такие явления, о которых, когда в России не будет ни цензурного комитета, ни деп. полиции, будут много говорить, очень много, как о чем-то кошмарном, о чем-то безмерно позорном...

Тогда имена Рачковского [1]), Гартинга, Герасимова будут произносить-

---

«политический салон», помогала и укрывала революционеров, участвовала в Красном Кресте и в то же время находилась в сношениях с охранниками Зубатовым и Бердяевым. Разоблачена Меншиковым.

[1]) Варварин, сенатор, председатель суда над Лопухиным.

---

[1]) Рачковский, Петр Иван., завед. секретной полицией в Париже; при Плеве и Дурново был прикоманд. к деп. полиции.

ся с бо́льшим ужасом, чем имя Азефа.

Но и теперь никто в России не имеет уже права говорить, что Азеф «якобы» принимал участие в убийствах и цареубийствах... С 1909 г. прошло много времени, и пора положить конец всем колебаниям, всем этим «якобы» на счет истинной роли Азефа и его укрывателей. Без колебаний надо сказать, что каждый из нас думает об этом.

Если не ошибаюсь, вы читали мою беседу в «Вечерн. Вр.», где я сделал намек на ваше отношение к делу Азефа в вашей книге... Я назвал это отношение «робостью мысли...» Сколько я ни думал, более мягкого выражения я не мог тогда придумать. Не придумал более мягкого выражения и до сих пор... Уверен и не придумаю...

Дело, впрочем, не в мягкости или резкости выражения, дело — в сущности того, о чем мы говорим, а по существу ваше «якобы» для меня, — говоря словами Третьяковского — «чудище обло» и т. д.

Соц.-рев. защищали Азефа как своего бога, но когда им было доказано, что их бог — провокатор, им не нужно было даже 24 часов, чтобы сделать все выводы из новой для них истины.

А правительство, а его защитники, а вы, генерал, — как вы все отнеслись к правде об Азефе? Вы до сих пор говорите: «якобы»...

Не «якобы», а вне всякого сомнения, Азеф — один из главных участников нескольких десятков террористических актов и нескольких цареубийств (см. мое письмо к Щегловитову [1]) в «Будущем»). Не его вина, что многое в этой области не было доведено до конца. Пусть Гартинги, Рачковские (или его преемники), Герасимовы объяснят нам и всему русскому обществу, что они — соучастники Азефа, его попустители, укрыватели! Сколько бы они ни старались нас уверить, что они только добросовестные «бедняги» (хотел было сказать что-то очень резкое), мы им не поверим. Соц.-рев., кому и в голову не могла притти мысль, что Азеф работает на д в е стороны, могли еще ошибаться в нем, но Герасимовы хорошо знали, что Азеф был в одно и то же время и № 1-й в деп. полиции и № 1-й в Боевой Организации, — и поэтому мы никогда не поверим им, как бы они нам ни клялись, что они только добросовестные «бедняги» (читайте это слово иначе)... Нет!.. Они — преступники! Под суд их! Пусть оправдываются!..

Этого должны требовать и м ы и вы, генерал, если только вас страшит суд истории за одно молчание, за одно ваше «якобы»...

Характеризуя Азефа, вы называете его «истым революционером», служившим одновременно и революции по убеждению (?!?) и чинам полиции — корысти ради...

Неужели, генерал, перо у вас не переломилось пополам, когда вы написали эти строки?!.

Для Азефа важен был Азеф, один только Азеф... Царя он готов был ежеминутно убить с таким же легким сердцем, как выдать на смерть ненужную ему и даже лично ему вредную «бабушку» Брешковскую [1]). Если бы Азеф осмелился бы мне во Франкфурте-на-Майне хоть полслова сказать о своих «убеждениях», я бы на месте умер от смеха...

Это была продажная шкура и... ничего более!.. Для Азефа кроме Азефа ничего не существовало.

Хотел бы я коснуться еще одной очень любопытной темы. Это вопрос всех вопросов русской жизни. Но этот вопрос вами, генерал, разбирается так, что невольно снова и снова я возвращаюсь к моему выражению — «робость мысли»... Да, в этом вопросе у вас сказывается робость мысли и отсутствие желания беспристрастно отнестись к противнику.

Скажу по этому поводу только несколько слов, и то лишь по отношению лично к себе.

---

1) Щегловитов, Ив. Гр., мин. юстиции с 1906 г. по июнь 1916 г.

1) Брешковская, Е. К., с.-р., «бабушка революции».

Мои статьи в «Народовольце» — по вашим словам — сплошной призыв к террору (67 стр). Неужели в них вы не увидели ничего другого? Не видели в них любви к правде, смелости мысли, любви к родине, политической дальнозоркости, наконец, решимости за свои слова и мысли поплатиться какой угодной дорогой ценой?

«Народоволец» я издавал в 1897 г., сегодня у нас 1916 г. Неужели и теперь можно писать о моих тогдашних взглядах так, как будто после 1897 г. ни я, ни вообще люди моих взглядов не дали достаточных данных для правильного широкого взгляда на их тогдашнюю деятельность?

Все то, что я говорю и теперь, это то же самое, что я говорил в письме к Витте в 1905 г. (Витте умер, и я не скрываю, что я ему писал, и не раз. Да и он сам, кажется, этого не скрывал) и что ранее, в 1897 г., я говорил в «Народовольце» и в 1899 г. в «Свободной России».

Нужно перестать смотреть на нас, как на каких-то вспышкопускателей. Посмотрите на нас как на политических деятелей, которые любят свою родину, ей честно, по сущей совести, служат и верят, что для ее развития нет другой дороги, кроме той, которой идут все цивилизованные народы. Россия не выродок в общечеловеческой семье, — и мы пойдем той же дорогой, по которой идут Франция, Англия, Италия, Бельгия...

Мы — я в том числе их — как в «Народовольце» (1897), так и в «Своб. России» (1899), жили в XIX столетии идеями XX столетия, а вы, генерал, в своей книге, изданной в 1916 г., в начале XX века — живете идеями XVII—XVIII веков!..

Вот центр наших возражений на вашу книгу. Вы разбираете нашу широкую европейскую точку зрения на русскую историю с очень узкой точки зрения.

В настоящем моем письме я не коснулся многого, что поднято вашей книгой, но я как журналист со временем ко многому вернусь и в общей литературе постараюсь ответить на вопросы, поднятые вашей книгой, и выяснить, чем мы живем, во что верим, к чему стремимся и чего — мы в этом не сомневаемся — и достигнем.

Примите, генерал, искреннее мое уверение в том, что я с огромным интересом прочитал оба тома вашего сочинения и впредь буду с таким же интересом следить за всем, что будет вами издано, тем более, что ваше отношение к вопросам освободительного движения таково, что спор возможен, а где возможен спор, там есть надежда на отыскивание истины.

Влад. Бурцев.

4.

Письмо В. А. Маклакова[1]) Спиридовичу.

13 февраля 1916 г.

Милостивый государь,
Александр Иванович.

Приношу вам искреннюю благодарность за присланную вами мне книгу; с большим удовольствием почту своим долгом по прочтении ее высказать вам мои мнения, но вы очень одолжили бы меня, если бы сказали, где можно достать также и первый выпуск (я вижу по обложке, что присланный вами мне том составляет второй выпуск), или приказали бы мне прислать и его наложенным платежом. У Вольфа мне отозвались незнанием про этот том.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

В. Маклаков.

5.

Письмо Н. А. Маклакова[2]) Спиридовичу.

7 июня 1916 г.

Многоуважаемый
Александр Иванович.

Приношу вам свою искреннюю признательность за присылку мне вашего труда «Революционное движение в Рос-

---

[1]) Маклаков, В. А., брат мин. внутр. дел, член Гос. Думы, к.-д.

[2]) Маклаков, Николай Алексеевич, бывш. мин. вн. дел (1912—1915 гг.).

сии», который я прочел с величайшим интересом. Развивающиеся события готовят вам, повидимому, большой новый материал, и не дай бог, чтобы он послужил предметом для изучения только историографов революции.

Очень извиняюсь, что не поблагодарил вас до сих пор. Я уезжал в имение, возвратился, уехал опять надолго, и теперь здесь, в Петрограде, оторванный от личных дел, углубился в вашу книгу и очень благодарю вас за нее.

Примите уверение в моем уважении и преданности. *Ник. Маклаков.*

Ответственная редакция: **В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский. В. Фриче.**

ОГЛАВЛЕНИЕ.